

"Ясная Наташа"

Осип Мандельштам
и Наталья Штемпель

"Ясная
Наталья"

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ
И НАТАЛЬЯ ШТЕМПЕЛЬ

МАНДЕЛЬШТАМОВСКОЕ ОБЩЕСТВО

*"Ясная
Наталья"*

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ И НАТАЛЬЯ ШТЕМПЕЛЬ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. Е. ШТЕМПЕЛЬ

**МОСКВА - ВОРОНЕЖ
КВАРТА 2008**

УДК 621.161.1(092)
ББК 83.3(2РОС=РУС)6Д
Я82

Записки Мандельштамовского общества. Том 15.

Составители Павел Нерлер и Нелли Гордина
Предисловие Павла Нерлера
Научный редактор Сергей Василенко

Я82 «Ясная Наташа». Осип Мандельштам и Наталья Штемпель.
К 100-летию со дня рождения Н.Е.Штемпель / составители П. Нерлер и Н. Гордина ; предисловие П. Нерлера ; науч. ред. С. Василенко. — М. ; Воронеж : Кварта, 2008. — 368 с. ; ил. — (Серия: Записки Мандельштамовского общества. Т. 15).

ISBN 978-5-89609-112-7

Эта книга посвящена Наталье Евгеньевне Штемпель (1908-1987) — другу О. Мандельштама и адресату нескольких его замечательных стихотворений. В нее вошли произведения О. Мандельштама (стихи, шуточные стихи, письма), так или иначе связанные с Н.Е. Штемпель, ее собственные воспоминания об О.Э. и Н.Я. Мандельштам, фрагменты из ее переписки (с Н.Я. Мандельштам, В.Т. Шаламовым, Э.Г. Герштейн, Н.И. Харджиевым и др.), а также воспоминания современников о самой Н.Е. Штемпель и посвященные ей стихи. Небольшое приложение посвящено памяти Виктора Гордина — одного из ближайших друзей Н.Е. Штемпель и ее соавтора по работе над альбомом и слайд-фильмом «Осип Эмильевич Мандельштам в Воронеже». Книга проиллюстрирована фотографиями и рисунками. Многие материалы публикуются впервые.

УДК 621.161.1(092)
ББК 83.3(2РОС=РУС)6Д

© Мандельштамовское общество, 2008
© П. Нерлер, Н. Гордина (составление), 2008
© Издательский дом «Кварта»
(оригинал-макет), 2008

ISBN 978-5-89609-112-7

Содержание

От составителей	8
П. Нерлер. Воронежская Беатриче	12
НАТАЛЬЯ ШТЕМПЕЛЬ. ВОСПОМИНАНИЯ	
Мандельштам в Воронеже	21
Воронежские адреса Мандельштамов	74
Памяти Надежды Яковлевны Мандельштам	80
Автобиография	88
Исцеление	101
ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ О НАТАЛЬЕ ШТЕМПЕЛЬ	

Стихотворения

«Клейкой клятвой липнут почки...»	105
«На меня нацелилась груша да черемуха...»	106
«К пустой земле невольно припадаю...»	106

Шуточные стихи

«Источник слез замерз, и весят пуд оковы...»	107
Подражание новогреческому	107
«Пришла Наташа. Где была?...»	107
«Если бы проведал бог...»	107
«– Наташа, как писать: “балда”?...»	108
«Наташа, ах, как мне неловко...»	108
«Наташа, ах, как мне неловко!...»	108
«Наташа спит. Зефир летает...»	108
«Эта книга украдена...»	108

Письма

Н.Я. Мандельштам, 19 апреля 1937 г.	109
Н.Я. Мандельштам, 22 апреля 1937 г.	109
Н.Я. Мандельштам, 28 апреля 1937 г.	110
Н.Я. Мандельштам, 2 мая 1937 г.	111
Н.Я. Мандельштам, 4 мая 1937 г.	111
Н.Я. Мандельштам, 4 мая 1937 г.	112
Н.Я. Мандельштам, 7 мая 1937 г.	113

НАТАЛЬЯ ШТЕМПЕЛЬ. ИЗ ПЕРЕПИСКИ

Письма Н.Е. Штемпель

Н.И. Харджиеву	115
В.М. Борисову	116
Н.Я. Мандельштам	116
Д.П. Заславскому	118
В.Н. Гыдову	120
П.М. Нерлеру	129
Э.Г. Герштейн	136

Письма к Н.Е. Штемпель

Б.М. Козо-Полянского	139
Н.Я. Мандельштам	140
В.Т. Шаламова	202
К.Брауна	202
Б.Е. Молчанова	203
А.И. Немировского	203
П.М. Нерлера	210

О НАТАЛЬЕ ШТЕМПЕЛЬ: ВОСПОМИНАНИЯ И СТИХИ

Воспоминания

М. Ярцева. Наташа	213
Е. Стародубцева. Воронежские страницы	221
Н. Самохина. О Наталье Евгеньевне Штемпель: штрихи из 2001 года	225
А. Немировский. К письмам Надежды Яковлевны Наталье Евгеньевне	227

Д. Штейнман. Рукописи не горят.	236
Т. Гурина. «Дорогая Наталья Евгеньевна!»	240
А. Ботникова. Единственный в Воронеже дом	253
Д. Заславский. Гений дружбы	255
Н. Гордина. Воспоминания. К столетию со дня рождения Н.Е. Штемпель	272
Анн Фэвр-Дюпэгр. Встреча в 1984 году	278
Р. Бородин-Герцог. «Улица Мандельштама»: воспоминания о Н. Е. Штемпель	279
Н. Митракова. Наталья Евгеньевна Штемпель	281
В. Сажин. Третья плакальщица	292
В. Силин. «Ангел мой»	294
О. Ласунский. Осип и Наталья	301

Стихи

Б. Молчанов	307
П. Загоровский	307
Д. Заславский	325
А. Слуцкий	327
Г. Умывакина	328

ПАМЯТИ ВИКТОРА ГОРДИНА

А. Крюков. «Он между нами жил...»	331
Э.Г. Герштейн. Письма Н.В. и А.В. Гординым	332
В. Микушевич. Благодное собрание	333
Г. Умывакина. «Речи толкали, рядом сидели.»	334
Г. Умывакина. Из поэмы «Песня без конца»	335
Л. Коськов. «И снова мы в далеком воскресенье...»	336

Библиография	337
--------------	-----

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

7 сентября 2008 года исполнилось бы 100 лет со дня рождения Натальи Евгеньевны Штемпель.

Посвященные ей стихи Осипа Манделъштама относятся к вершинам его творчества. А воспоминания о поэте Натальи Евгеньевны — одни из лучших среди написанного о нем мемуаристами.

С просьбами написать воспоминания к ней обращались и Надежда Манделъштам, и Александр Немировский, и Эмма Герштейн. В 1970-1980-е годы Наталья Евгеньевна много, хотя и урывками, работала над ними.

Их появление в 1987 году¹ принесло ей заслуженную известность. В 1992 году в издательстве «Обновление» (правда, тиражом всего 300 экземпляров²) вышел сборник воспоминаний Н. Е. Штемпель «Манделъштам в Воронеже», составленный П. Нерлером и В. Пыдовым и положивший начало серии «Записки Манделъштамовского общества». Открывало сборник предисловие Даниила Заславского. Кроме самих воспоминаний «Манделъштам в Воронеже» в него вошли другие мемуарные тексты Натальи Евгеньевны и выдержки из ее писем составителям.

Книга 1992 года практически полностью вошла в настоящее издание, названное нами, ее составителями, словами самого Манделъштама: «Ясная Наташа». Замысел, композиция и авторский круг обеих книг существенно отличаются друг от друга.

«Авторский коллектив» книги, которую ты, читатель, держишь сейчас в руках, составили люди, так или иначе влюбленные в Наталью Евгеньевну Штемпель, не исключая и Осипа Манделъштама.

Ему составители отделили отдельный раздел, открывающий книгу. В раздел вошло все из написанного Манделъштамом, что так или иначе связано с «ясной Наташей» — стихотворения, шуточные стихи, письма³.

¹ Новый мир. 1987. № 10. С. 207–234 (журнальный вариант).

² Указан на обороте обложки. Указание на с. 2 на тираж в 500 экземпляров ошибочно. Экземпляры пронумерованы.

³ Печатаются (с небольшими уточнениями) по изданию: О. Манделъштам. Собрание сочинений в 4-х тт. М.: Арт-Бизнес-Центр. Т. 3 (1994) и т. 4 (1997).

Второй раздел — как бы дань этой же дружбе, но с другой стороны, со стороны Натальи Евгеньевны: воспоминания об Осипе Эмильевиче, о Надежде Яковлевне, статья об адресах их проживания в Воронеже и, в завершение, автобиографические наброски.⁴

В третий раздел вошла избранная переписка Натальи Евгеньевны — как ее собственные письма (Н. Харджиеву, В. Борисову, Н. Мандельштам, Д. Заславскому, В. Ёдovu, П. Нерлеру и Э. Герштейн), так и письма, адресованные ей (от Б. Козо-Полянского, Б. Молчанова, Н. Мандельштам, А. Немировского, В. Шаламова, К. Брауна и П. Нерлера).⁵

Наконец, в четвертый раздел вошли воспоминания современников о Н. Е. Штемпель: двое из мемуаристов — М. Ярцева и Е. Стародубцева — знали ее еще в пору знакомства и дружбы с Мандельштамом, остальных — Н. Самохину, А. Немировского, Т. Гурину, Д. Штейнман, А. Ботникову, Д. Заславского, Н. Гордину, Р. Бородин-Герцог, А. Фэвр-Дюпэгр, В. Сажина, В. Силина и О. Ласунского — судьба свела с ней позднее, в 1960-е, 1970-е или даже 1980-е годы.⁶

Своеобразной разновидностью воспоминаний о Наталье Евгеньевне являются и посвященные ей стихи: иным из молодых ее друзей-поэтов именно этот жанр, как в свое время и Мандельштаму, показался наиболее подходящим для попытки запечатлеть ее образ. На поэтическом небосводе Наталья Евгеньевна ценила и любила звезды вне зависимости от их величины. Просто она и головой понимала, и сердцем чувствовала, что люди, пишущие стихи, как и люди, читающие их, — это совершенно особенные люди, и только с ними ей по-настоящему было интересно общаться. Стихотворение Б. Молчанова — человека, за которым Н. Штемпель, пусть и недолго, была замужем, — строго говоря, не обращено именно к ней, но мы включили его в эту антологию: ведь без стихов и вне стихов их общение, наверное, и вовсе не состоялось бы. П. Загоровского Наталья Евгеньевна вдохновляла на стихи разных жанров — от поэмы (пусть

⁴ Их тексты подготовлены П. М. Нерлером и В. Н. Ёдовым, отвечавшим за антологию в ходе совместной с П. М. Нерлером работы над книгой Н. Е. Штемпель «Мандельштам в Воронеже» (М.: [Обновление], 1992). Примечания составителей не обособляются, но, в отличие от авторских, печатаются курсивом. Этот же принцип соблюдается во всех разделах книги, кроме писем.

⁵ Письма даются в условно-хронологической последовательности начала переписки с корреспондентом и, если писем несколько, в хронологической последовательности внутри самой переписки. Сведения о местонахождении писем и предыдущей их публикации, если таковая была, а также выборочные примечания к ним даются под каждым письмом.

⁶ Некоторые мемуары (в частности, Т. Гуриной, А. Ботниковой, Н. Гординой, Р. Бородин-Герцог, А. Фэвр-Дюпэгр и О. Ласунского) написаны специально для настоящего издания.

и недописанной) до шуточных. Она очень ценила и любила слушать стихи своих более молодых современников и земляков: трое из них — Д. Заславский, А. Слуцкий и Г. Умывакина — отозвались на ее смерть, как и на ее жизнь, стихами.

Своего рода приложением к книге явилась небольшая подборка откликов на смерть Виктора Гордина — одного из ближайших друзей Натальи Евгеньевны, ее преданного соратника по краеведческо-мандельштамоведческим штудиям и, в конечном счете, соавтора по многолетней работе над альбомом и слайд-фильмом «Осип Эмильевич Мандельштам в Воронеже». Сюда вошли письмо-некролог А. Крюкова, два письма Э. Герштейн и стихи В. Микушевича, Г. Умывакиной и Л. Коськова.

Именно гординские снимки, вместе с фотографиями из семейного архива Т.В. Ледовской (племянницы Н.Е. Штемпель) составили костяк иллюстративного ряда настоящего издания. Кроме того, в него вошли иллюстрации из семейного архива О.Э. Мандельштама в собрании Файерстоунской библиотеки Принстонского университета (коллекция О.Э. Мандельштама), Амстердамского городского музея (коллекция Н.И. Харджиева и Л.В. Чаги), архивов Мандельштамовского общества и издательского дома «Кварта», собраний В.М. Абакумова, А.С. Плаубермана, и П.М. Нерлера и Ю.Л. Полевого. Две вкладки с фотографиями посвящены, первая, Мандельштаму в Воронеже⁷ и, вторая, Наталье Евгеньевне, ее семье и круту ее друзей.

В оформлении обложки использованы фотография О. Э. и Н.Я. Мандельштам вместе с Н. Е. Штемпель и М. В. Ярцевой (Воронеж, весна 1937 г.) и автограф стихотворения О.Э. Мандельштама «К пустой земле невольно припадаю...», посвященного Н.Е. Штемпель (Архив Принстонского университета), а в оформлении шмуцтитолов - фотография мемориальной доски О.Э. Мандельштама в Воронеже (архив Ю. Полевого), дом М.И. Левченко-Штемпель по ул. Каляева (реконструкция М.В. Перфильевой по описанию Н.Е. Штемпель; архив Н.В. Гординой), профиль О.Э. Мандельштама и вид из окна Воронежской больницы (рисунки С.Б. Рудакова, 1935 и 1936; Амстердамский городской музей, коллекция Н.И. Харджиева и Л.В. Чаги), виды Воронежа - дом на Линейной улице, где жил О.Э. Мандельштам и каменный мост в Старом Воронеже (рисунки О. Алексеевской, 2002 г.; архив издательского дома «Кварта»).

Значительное число текстов публикуется в настоящем издании впервые, в частности, мемуарный набросок Н. Е. Штемпель «Исце-

---

⁷ Среди них немало открыток, предоставленных Н. Штемпель и В. Гордину для их работы коллекционером В.Н. Заркевичем (1910–1994) из Владикавказа.

ление», ряд ее писем, как и ряд писем, обращенных к ней, а также некоторые воспоминания и стихи.

В книге встречаются следующие сокращения: АГМ — Амстердамский городской музей; АМ — Семейный архив О.Э. Мандельштама, Принстон; МА — Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, Санкт-Петербург; Н. Е. — Н. Е. Штемпель; Н. М. и Н. Я. — Н. Я. Мандельштам; О. М. и О. Э. — О. Э. Мандельштам; РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства, Москва.

Благодаря всех авторов и владельцев архивов, материалы которых использованы в издании, составители считают своим приятным долгом отметить и тех, чье участие в подготовке книги, хотя и не выплеснулось на ее страницы, но было весьма драгоценным. Особенно ощутимой и разносторонней была постоянная помощь и поддержка со стороны Ольги Шамфаровой, ученого секретаря Мандельштамовского общества. Ей, а также Александру Глауберману (Воронеж), Евгению Голубовскому (Одесса), Александру и Евгению Гординым (Тель-Авив), Василию Ёдову (Москва), Даниилу Заславскому, Олегу Ласунскому и Татьяне Ледовской (Воронеж), Николаю Поболу (Москва), Галине Умывакиной (Воронеж) и Ларисе Эрман (Иерусалим), составители адресуют свою искреннюю признательность. Отдельная благодарность — издательскому дому «Кварта» (директор Ю.Л. Полевой), взявшему на себя все затраты по подготовке оригинал-макета настоящего издания.

Эта книга собиралась и готовилась в необычайно сжатые сроки, и, несмотря на усилия составителей и ее научного редактора, Сергея Василенко, наверное, не всё задуманное в ней удалось осуществить и подготовить с равной степенью необходимой тщательности. За все неточности и несовершенства, которые, возможно, обнаружат себя уже после выхода книги в свет, ответственность несем только мы, ее составители.

Павел Нерлер и Нелли Гордина

ВОРОНЕЖСКАЯ БЕАТРИЧЕ

К пустой земле невольню припадая...

О. Мандельштам

Из людей, близких нам, надо назвать Наташу Штемпель, женщину чудной духовной красоты. Она поздно вошла в нашу жизнь, но навсегда осталась в ней.

Н. Мандельштам

1

Наталья Евгеньевна Штемпель родилась в Воронеже 7 сентября 1908 года. В 1915–1922 гг. она тяжело болела туберкулезом тазобедренного сустава, месяцами была прикована к постели. Последствиями болезни и стали ее хромота (впрочем, не ощущавшаяся ею как физический недостаток) и воспетая Мандельштамом «неравномерная сладкая походка». Во время болезни она страстно и бескорыстно увлеклась русской поэзией, выделяя среди прочих и своего «земляка» Ивана Никитина, стихи которого первыми выучила наизусть. Страстно — потому что способность человека слышать стихи, воспринимать поэзию стала для нее своеобразным минимальным критерием собеседничества. Бескорыстно — потому что сама Наташа стихов никогда не писала.

Ее отец — дворянин и непререкаемый член Губернского собрания, при советской власти работал юрисконсультом. После того, как родители в 1925 году развелись, она жила с матерью, Марией Ивановной Левченко, учительницей, и младшим братом Виктором в двух комнатах в собственном доме¹.

В 1926–1930 гг. Наталья Евгеньевна училась на литературно-лингвистическом отделении Воронежского государственного университета и одновременно работала в педологическом кабинете у профессора П. Л. Загоровского. Опубликовала две так и не разысканные статьи в журналах «Культурный фронт ЦЧО» и «Практическая педология» (Орёл), написала большую (около трехсот пятидесяти страниц) работу «Школа, семья и собственная личность в оценке школьников старшего возраста», основанную на анализе семи ты-

¹ По ул. Каляева, д. 21: в послевоенные годы жила в Купянском пер. (2-м Буденновском), д. 3, кв. 7 и, начиная с 1961 г., по ул. Никитинской, д. 38а, кв. 29.

сяч сочинений воронежских старшеклассников. Хотела поступать в аспирантуру, но туда ее не взяли — из-за дворянского происхождения. В 1930 году она устроилась на работу на политико-педагогической станции при Воронежском областном отделе народного образования в качестве научного сотрудника (изучала киноинтересы воронежских школьников).

В 1931-1932 гг. учась на годичных курсах психотехников-профконсультантов, Наталья Евгеньевна год прожила в Ленинграде. По возвращении в Воронеж заведовала психотехнической лабораторией в Институте организации и охраны труда, а затем в Институте гигиены и санитарии, где изучалась специфика профессий, характерных для сельского хозяйства Воронежской области. После того как в 1935 году педология и психотехника были развенчаны как «лженауки» и лаборатория П. Л. Загоровского закрыта, она вернулась к своей «первой» профессии и начала преподавать литературу и русский язык в Воронежском авиатехникуме им. В. П. Чкалова, где и проработала до самого выхода на пенсию в 1971 году. Как поэзия и литература являлись ее любовью, так и преподавательская работа оказалась ее призванием: по свидетельству учеников, она обладала даром прививать свою любовь к поэзии другим.

В феврале 1936 года Наталья Евгеньевна познакомилась с Сергеем Борисовичем Рудаковым, от него она впервые и услышала о том, что в Воронеже находится Осип Мандельштам. Рудаков не торопился знакомить ее с ссыльным поэтом и его женой — их первая встреча состоялась только в сентябре, уже после того, как Рудаков покинул Воронеж, причем О. М. напустился на нее за то, что она прочитала наизусть стихотворение «Я потеряла нежную камею...» — самое его слабое, как он тогда полагал. Но очень скоро знакомство перешло в дружбу, и встречи стали почти ежедневными. О. М. и Наталья Штемпель часто гуляли вместе, посещали воронежские музеи и ходили на концерты.

Предупредив дочь об опасности встреч с опальным и ссыльным поэтом, мать Наташи не только не запретила ей встречаться с ним, но и, единственная в это время в Воронеже, принимала его и Н. Я. у себя. Штемпель познакомила О. М. с П. Л. Загоровским, также после этого встречавшимся с поэтом и помогавшим ему материально (последние полтора года Мандельштамы жили в Воронеже без зарплаток и практически в полной изоляции). О. М. так говорил о Наталье Евгеньевне: «Наташа владеет искусством дружбы».

Постепенно у О. М. выработалась привычка читать ей каждое новое стихотворение, а несколько его стихотворений, написанных в начале мая 1937 года, посвящены или обращены непосредствен-

но к ней — «Клейкой клятвой липнут почки...»², «На меня нацелились груша да черемуха...» и «К пустой земле невольно припадая...». А о стихах «К пустой земле невольно припадая...» О. М. сказал ей: «Когда умру, отправьте их как завещание в Пушкинский Дом». В мае 1937 года, незадолго до отъезда из Воронежа, О. М. попросил Н. Я. переписать для Наташи все воронежские стихи, а также другие ненапечатанные стихи 1930-х гг. Получилось три больших блокнота.

После отъезда Мандельштамов из Воронежа Наталья Евгеньевна несколько раз ездила повидаться с О. М. и Н. Я. в Савёлово, Москву и Калинин. Получив от Н. Я. известие о гибели О. М., она поехала к ней в Калинин, а оттуда, по ее просьбе, и дальше на север — в Ленинград, к Ахматовой, чтобы рассказать ей о смерти поэта, сообщить о которой в письме Н. Я. тогда побоялась.

2

После смерти О. М. отношения Натальи Евгеньевны с Н. М., жившей в различных городах, не прервались. Они постоянно переписывались или перезванивались, несколько раз Н. М. приезжала в Воронеж, но чаще всего они — обе филологи-педагоги — встречались в каникулярное время в Москве или на подмосковных дачах (в Тарусе, Верее, Кратово, Переделкино), куда к Н. Я. приезжала уже Штемпель.

Кроме подаренных О. М. трех блокнотов (получивших название «Наташина книга»), у Натальи Евгеньевны отложился довольно большой архив поэта: автографы стихов и эпиграмм, стихи, записанные Н. М. на узких полосках ватмана, которые ей отдавал О. М. по мере написания, а также «Ода Сталину» (О. М. просил уничтожить ее, но та ее все-таки сохранила). После смерти Мандельштама Н. М. передала Наташе на хранение подлинники всех писем О. М. к ней, а также второй список всех ненапечатанных стихов, включая воронежские. Всё это она сберегла, унеся из Воронежа накануне занятия города немцами — погибли только письма к самой Штемпель — от О. М., от Н. Я., от С. Б. Рудакова.

После войны Наталья Евгеньевна продолжала хранить этот архив (за исключением 1948–1951 гг., когда он находился в Киеве у Маруси Ярцевой — близкой подруги Натальи Евгеньевны, которую она в свое время познакомила и с О. М. и Н. Я.). Не позднее се-

² В конце мая 1936 г. Н.Е. Штемпель вышла замуж за инженера-строителя, Бориса Евгеньевича Молчанова, но уже в конце того же года они разошлись. Это замужество нашло отражение и в стихотворении О.М. «Клейкой клятвой липнут почки...».

редины 1950-х гг. Наталья Евгеньевна возвратила Н. Я. не только всё доверенное ей на хранение, но и то, что О. М. подарил лично ей (оставив себе только книги, надписанные О. М.³).

В Воронеже вокруг Штемпель образовался круг друзей и любителей русской поэзии, в который входили З. Я. Анчиполовский, А. Б. Ботникова, Р. Герцог-Бородина, Н. С. и А. А. Буяновы, П. Л. Загоровский, Д. П. Заславский, В. Л. и Н. В. Гордины, Т. Л. Гурина, В. И. Исаянц, Р. С. Иткина, Л. К. Коськов, Ш. Кола, А. С. Крюков, А. И. Немировский, Е. Н. Перкон, В. А. Свительский и и Н. М. Митракова, А. И. Слуцкий, Л. А. Сохненко и др. Из разных городов к ней часто приезжали С. Н. Лукьянченков (двоюродный брат), близкие друзья (М. В. Ярцева), а также те, кто был неравнодушен к творчеству Мандельштама или занимался им (С. В. Василенко, В. Н. Гыдов, А. Г. Мец, Л. А. Мнухин, П. М. Нерлер, Ю. Л. Фрейдин и др.). Кроме того, Наталья Евгеньевна была очень популярна и любима в московском кругу друзей Н. Я.: там расходились в копиях ее воспоминания, там демонстрировались и обсуждались сделанные ею вместе с В. Л. Гординым альбом и слайд-фильм — сокращенные версии ее воспоминаний, любовно скомпонованные и проиллюстрированные фотографиями и слайдами В. Л. Гордина.

Наталья Евгеньевна, вместе с Василисой Шкловской, была, наверное, единственной, о ком Н. Я. в своей «Второй книге» отзывалась хорошо и только хорошо! Когда Н. Я. умерла, то именно ее попросили сказать первое поминальное слово о покойной.

Известность Наталье Евгеньевне принес выход в 1987 году ее воспоминаний об О. М., над которыми, по просьбам Н. Я., А. И. Немировского и Э. Г. Герштейн, она работала долгие годы. Тем не менее, зимой 1988 года она отказалась приехать в Москву на первый в СССР вечер памяти О. М. в Центральном Доме литератора, потому что заболела ее соседка и некому, кроме Н. Е., было за ней ухаживать; кроме того, не на кого было оставить и дворовых кошек, коих ежедневно, в любую погоду и независимо от состояния здоровья, она кормила. Через несколько месяцев саму Наталью Евгеньевну сразил инсульт, и она умерла 28 июля 1988 года. Похоронили ее на городском кладбище в Воронеже⁴.

---

³ В настоящее время находятся в РГАЛИ.

⁴ На ее могиле установлен памятник работы скульптора В. И. Циммерлинга (средства на его установку были собраны Мандельштамовским обществом, основным спонсором явился московский коллекционер В. С. Михайлович).

Наталья Евгеньевна сохранила стихи Мандельштама (важнейший источник воронежских стихов, ныне хранящийся в Принстоне, так и называется: «Наташина книга»), она же сохранила его письма (правда, не к себе, а к Надежде Яковлевне).

И последнее, что она могла еще для него и для других сделать, — это сохранить свою память о нем: в 1970-е годы она приступила к своим воспоминаниям «Мандельштам в Воронеже», а в 1980-е — вместе с Виктором Гординым — начала нелегкую работу над фотоальбомом «Осип Эмильевич Мандельштам в Воронеже» (далее сокращенно «Альбом»).

И то, и другое она успела завершить, и то, и другое, как и мандельштамовские стихи, она берегла и сберегла для нас, так что не будет ошибкой назвать эту книгу подарком от Натальи Евгеньевны Штемпель.

Об «Альбоме» следует сказать особо. Автором самой идеи была Наталья Евгеньевна. В лице Виктора Гордина и его жены Нелли она обрела не только верных друзей, но и надежных помощников в реализации этого проекта. Виктор, профессиональный химик и доцент университета, по ходу работы из фотолюбителя переквалифицировался в настоящего профессионала и практически всю техническую часть оформления «Альбома» взял на себя.

Надо ли говорить, что вся эта гигантская работа выполнялась на голом энтузиазме, безо всякого «гранта»? Другое дело, что имя Натальи Штемпель открывало многие двери, и недостатка в добровольных помощниках не было: в ее присутствии у большинства имевших с нею дело людей индивидуальные стремления и амбиции сходили на нет. Тем не менее работа над «Альбомом», начавшись в 1980-х гг., шла медленно и растянулась на годы.

Сам по себе «Альбом» представлял собой папку, в которую было вложено около 60 листов плотного ватмана размером 42 на 29 см, каждый из которых имел свой тематический сюжет. На листе в определенной последовательности сочетались наклеенные на ватман машинописные фрагменты и фотографии. Текстовые вставки — это, как правило, краткие тематические описания, принадлежащие Наталье Евгеньевне, а также фрагменты из стихов Мандельштама или из других произведений. Фотографическая часть представляла почти что 230 репродукциями: среди них 49 портретов, 48 видов городов, 45 фото со стихами и другими текстами, 4 кинокадра, 5 музейных экспонатов, 7 рисунков и 70 современных снимков. Все фотографии на листах были пронумерованы, и соответствующие

подписи были вынесены на оборот предыдущего листа таким образом, чтобы их можно было видеть в едином пространстве с просматриваемым листом. Иными словами, «Альбом» предназначался для медленного и вдумчивого рассматривания.

«Альбом» существовал в трех экземплярах. Из них первый был передан составителями в дар Центральному (ныне Российскому) государственному архиву литературы и искусства: официальный акт датирует это событие 16 июня 1985 года. Этот дар был частью небольшого, но цельного собрания различных материалов и документов, в основном, о Мандельштаме (и среди них — два мандельштамовских инскрипта!).

Это собрание естественным образом отложилось у Натальи Евгеньевны и рассматривалось ею и ее окружением (в том числе и пишущим эти строки, исполнившим роль посредника между Натальей Евгеньевной и архивом) как ее личный архив и персональный фонд в необъятном собрании госархива. На протяжении более чем двадцати лет будущий фонд Н. Е. Штемпель лежал в ЦГАЛИ – РГАЛИ мертвым грузом, не разобранным, не описанным и потому недоступным исследователям.

В 2006 году, в связи с работой над проектом воссоединенного виртуального архива Осипа Мандельштама, архив Н. Е. Штемпель, наконец, «заметили» и учли, а в 2007–2008 гг. даже разобрали и описали. Однако ставшее нам известным намерение РГАЛИ раскисировать фонд Н. Е. Штемпель и присоединить лучшие материалы из него, в том числе и «Альбом», к некоей новой, третьей по номеру, описи мандельштамовского фонда № 1893 вызывает последовательно несогласие, возмущение и протест. Если это случится, то произойдет следующее: во-первых, будет проявлено демонстративное неуважение к воле фондообразователя, уважаемого и почитаемого во всем мире человека; во-вторых, архив распишется в странной приверженности принципу «кто главнее» в своей политике формирования личных фондов: Мандельштам, в глазах сегодняшнего руководства РГАЛИ, явно «главнее» Штемпель.

Но именно по этому критерию — степени важности персоны для советской литературы — Мандельштаму в свое время было предложено продать свой архив государству по цене папиросной бумаги, от какой чести он с гневом и возмущением отказался, забрав архив и «объяснившись» с В. Д. Бонч-Бруевичем, инициатором приобретения архива, в переписке и в знаменитых шуточных стихах. В-третьих, архив создаст для читателя серьезные дополнительные трудности в работе с остальными (читай: «второсортными») материалами из фонда Штемпель, которые неизбежно улягутся в братскую

могилу сводных коллекций и будут находимы только через генеральный каталог.

Второй экземпляр «Альбома» — он и буквально второй (первая подкопирная копия!) — экземпляр самой Н. Е. Штемпель. После ее смерти он был подарен Т. О. Муштавинской и Т. В. Ледовской пишущему эти строки; последний передал его в архив Мандельштамовского общества вскоре после его образования в январе 1991 года.

Наконец, третий экземпляр принадлежал второму соавтору — Виктору Гордину — и до сих пор хранится в его семье⁵. Его особенностью является наличие нескольких вставок в текст альбома, сделанных соавторами, видимо, уже после передачи экземпляра «Альбома» в ЦГАЛИ, а также предисловия В. В. Иванова, написанного в 1989 году, то есть уже после смерти Н. Е. Штемпель.

Изначально «Альбом» Н. Е. Штемпель и В. Л. Гордина был попыткой переложения воспоминаний Натальи Евгеньевны о Мандельштаме на иной жанровый лад и в другой образный язык — альбомно-фотографический. Этот «жанр», однако, потребовал дополнительных разысканий, а иногда и некоторого дистанцирования от воспоминаний: в итоге в «Альбоме» возникает немало сведений и трактовок, отсутствующих в воспоминаниях.

Надо сказать, что одновременно с работой над альбомной версией «Осипа Мандельштама в Воронеже» «Альбомом» соавторы, Н. Е. Штемпель и В. Л. Гордин, вели работу над несколько иной его версией — слайдовой. В итоге, в 1986–1987 гг. была создан, хотя и постоянно модифицировался, еще и слайд-фильм «Осип Мандельштам в Воронеже» (со звуковым сопровождением). Впоследствии он неоднократно демонстрировался в различных аудиториях в Воронеже, Москве, Ленинграде и других городах, в том числе и на Первых Мандельштамовских чтениях в Москве в 1988 году.

Наталья Штемпель и Виктор Гордин по праву гордились своим «Альбомом» и считали его одним из главных свершений своей жизни; оба, конечно же, мечтали увидеть его напечатанным.

4

...Однажды Аверинцев рассказал мне, как поразил его звонок Н. Я., как-то буднично обронившей: «А завтра ко мне приезжает воронежская Наташа»⁶. Для Сергея Сергеевича это прозвучало так, как если бы было сообщено о приезде Лауры или Беатриче.

⁵ Копия этого экземпляра была передана Н. Л. Гординой О. Г. Ласунскому, который, в свою очередь, передал ее в Государственный архив Воронежской области.

⁶ Другой вариант: он сидел в гостях у Н. Я., и в это время позвонила Наталья Евгеньевна.

Интересно, но почти таким же было отношение к ней и... самого Мандельштама!⁷ Она не была Прекрасной Дамой, не была Музой и уж тем более не была «европейкой нежной» — она была в точности такой, какой он ее обессмертил:

Есть женщины, сырой земле родные,
И каждый шаг их — гулкое рыданье,
Сопровождают воскресших и впервые
Приветствовать умерших — их призванье.
И ласки требовать у них преступно,
И расставаться с ними непосильно...

В 1970-е годы, когда судьба свела и меня с Натальей Евгеньевой, она обладала всё той же аурой. Из всех знакомых мне людей, кого жизнь лично сталкивала с Осипом Эмильевичем, она была буквально единственной, чье отношение к поэту было и осталось беспримесно чистым, что вызывало у большинства других ее современников недоумение и неприятие. Они просто не понимали, как это можно рассказывать или писать о Мандельштаме вне силовых линий различных мнений и партий. Та же Эмма Григорьевна Герштейн за глаза называла ее наивной дурочкой, а прочитав воспоминания, даже отчитала за какие-то ошибки и неточности, — за что Наталья Евгеньевна от души ее поблагодарила, сослалась на то, что она не литературовед, и так пояснила свои отношения к Мандельштаму: «Просто было безумно жалко человека, стремилась помочь ему, облегчить это изгнание, скрасить хоть чем-нибудь».

Да, ей было безумно жаль живого страдающего человека, но еще она беззаветно любила русскую поэзию, и встреча с тем, кто в ее глазах и являлся олицетворением поэзии, была для нее, неверующего человека, поистине божественным подарком и источником радости и силы.

П. Нерлер

---

⁷ По словам А.И. Немировского, Наталья Евгеньевна доверительно рассказывала ему, что в несохранившихся письмах Мандельштама к ней она представляла «как новая Лаура» (сообщено Ю.Л. Фрейдиным).

НАТАЛЬЯ ШТЕМПЕЛЬ

ВОСПОМИНАНИЯ

МАНДЕЛЬШТАМ В ВОРОНЕЖЕ¹

Осенью 1974 года я оказалась в Малеевке², куда попала случайно, как говорится, волею судеб. Там встретила Эмму Григорьевну Герштейн, с которой познакомилась много лет тому назад, летом 1937 года...

Хорошо помню это лето, белый высокий дом в тенистом саду, где жила тогда Эмма Григорьевна Герштейн (ее отец был врачом, и квартира находилась при больнице), удлиненную комнату, направо от двери обеденный стол, в глубине письменный.

Меня привел сюда Осип Эмильевич Мандельштам. Мы стояли у стола и почему-то стоя пили сухое вино, закусывая сыром. Осип Эмильевич был оживлен. Это были первые месяцы его «свободы».

В мае 1937 года Мандельштаму разрешили покинуть Воронеж. В Москве жить было негде, да и прописки уже не было.

Осип Эмильевич и Надежда Яковлевна на лето поселились в Савёлове. Во время летних каникул я поехала к ним.

Оставив мужа³ в Москве у своей тетки⁴, я отправилась одна в Савёлово. Нашла нужную улицу и дом; в окне увидела Осипа Эмильевича. Он таинственно поднес палец к губам, молча вышел ко мне, поцеловал и ввел в дом. Надежда Яковлевна тоже мне обрадовалась.

В бревенчатом доме они снимали полупустую комнату, но в этом была какая-то дачная прелесть, казалось, больше воздуха.

День промелькнул необыкновенно быстро, вечером я обещаю мужу вернуться в Москву. Мандельштамы запротестовали. Мне и самой не хотелось уезжать, но обещала — Борис будет ждать. «Дадим ему телеграмму, что приедете утром», — весело сказал Осип Эмильевич. Так и сделали.

Полночи мы с Осипом Эмильевичем бродили по лесу вдоль берега Волги. Надежда Яковлевна с нами не пошла. Осип Эмильевич рассказывал мне, как они жили эти два месяца после отъезда из Во-

---

¹ Впервые: Новый мир. 1987. № 10. С. 207–234 (сокращенная журнальная версия). Впервые полностью: Н. Штемпель. Мандельштам в Воронеже. М., 1992. С. 15–70 (подготовка текста В. Н. Гыдова). В настоящем издании текст сборника 1992 года заново подготовлен П. Нерлером. При этом за основу была взята наиболее полная первоначальная редакция воспоминаний. Некоторые фрагменты, заключенные в скобки, интерпретируются как примечания. Примечания составителя не обособляются, но печатаются курсивом. Это же распространяется на примечания к остальным воспоминаниям Н. Е. Штемпель, но не касается примечаний к другим разделам (например, переписке).

² Дом творчества писателей им. Серафимовича.

³ Б.Е. Молчанова.

⁴ Елизаветы Николаевны Кульс.

ронеза, прочитал все новые стихи. Мне кажется, их было десять или одиннадцать⁵. Стихи пропали при последнем обыске и аресте. Надежда Яковлевна не знала их наизусть, как знала воронежские. Списков ни у кого не было. Можно надеяться только на чудо, на то, что они сохранились где-нибудь в архиве НКВД, — но бывает ли такое?

Когда мы вернулись среди ночи домой, Надежда Яковлевна уже постелила на полу постель, отдельно каждому стлать было нечего, и мы все легли, как говорится, вповалку. Было жестко, неудобно, но это никого не огорчало.

Утром Мандельштамы проводили меня на вокзал, а затем более поздним поездом тоже приехали в Москву.

Мы условились встретиться вечером на концерте Яхонтова. Я была страстной его поклонницей. Яхонтов не раз приезжал в Воронеж. Я не пропускала ни одного концерта. Помню прекрасную композицию «Чиновники» («Медный всадник» Пушкина, «Шинель» Гоголя, «Белые ночи» Достоевского); огромное впечатление произвела на меня и вторая композиция «Поэты путешествуют» — Пушкин и Маяковский: стихи, письма, документы, факты из биографий. И третий концерт: Владимир Николаевич читал отдельные произведения, среди них был отрывок из «Идиота», когда Рогожин приезжает за Настасьей Филипповной и она бросает деньги в камин; рассказы Зоценко, Есенин: «Собаке Качалова», «Черный человек», — тут же «Моцарт и Сальери» Пушкина и восхитительный «Граф Нулин».

Прекрасный голос, исключительное внешнее обаяние, предельно скупые и выразительные жесты — всё это слагалось в неповторимый облик актера. Мы много раз говорили с Осипом Эмильевичем о Яхонтове. Мандельштам хорошо его знал и любил, вернее, они взаимно любили друг друга.

Владимир Николаевич считал Осипа Эмильевича своим учителем. Мне это было непонятно. Манера чтения была у них совершенно разная. Осип Эмильевич читал стихи превосходно. У него был очень красивый тембр голоса. Читал он энергично, без тени слащавости или подвывания, подчеркивая ритмическую сторону стихотворения. И все-таки Яхонтов читал по-другому, оставляя огромное впечатление.

---

⁵ Насколько я помню, это были небольшие (по количеству строк) стихи, лирические, любовные — и, конечно, прекрасные. Но одно из них резко отличалось от остальных. В нем шла речь о смертной казни, которую Осип Эмильевич не принимал и не оправдывал ни при каких обстоятельствах. Кажется, хотя я в этом не уверена, у Мандельштама на эту тему был спор в Союзе писателей, как будто с Лупполом. Осип Эмильевич всегда забывал о своем положении. Осторожность не была ему свойственна.

Концерт был посвящен столетию со дня гибели Пушкина⁶. Мы с мужем немного опоздали. Нас всё же впустили в зал, мы сели на свои места. Мандельштамов не было. И вдруг, когда кончилось первое отделение, Осип Эмильевич, увидев нас, спрыгнул со сцены прямо в партер. Он был за кулисами. После концерта мы вчетвером, зайдя в гастроном и купив, кажется, ветчину и сухое вино, отправились на квартиру Наппельбаума, где остановились Мандельштамы (хозяйева, очевидно, были на даче).

Осипу Эмильевичу хотелось познакомить меня со своими друзьями, ведь в Воронеже он был лишен этой возможности.

Прежде всего Мандельштамы повели меня к Шкловским. По словам Надежды Яковлевны, это была едва ли не единственная семья, которая не боялась принимать ее во время воронежской ссылки Осипа Эмильевича. Шкловские жили в Лаврушинском переулке, в доме № 17, одном из первых писательских домов. Квартира огромная, да и семья состояла из шести человек. Виктор Шкловский встретил нас в трусах, что меня несколько шокировало. Но действительно жара стояла невыносимая.

Первое впечатление от Виктора Борисовича: веселый круглый человечек, круглая, очень круглая голова, круглые глаза, а веселость так и брызжет, искрится. Он всё время острит.

Я почувствовала себя у них сразу хорошо. Мне очень понравилась Василиса Георгиевна, жена Шкловского. От нее веяло мудростью, спокойствием, грустные большие серые глаза смотрели на вас с сочувственным вниманием, а главное, меня поразила какая-то высокая простота и естественность. И — сияющая Варя⁷, дочь Шкловских; таких сияющих глаз, кажется, я ни у кого не видела, они освещали всё лицо. Так бы и смотрел на нее и невольно улыбался сам.

Это первое впечатление сохранилось навсегда. Шкловские были в лучшем смысле слова интеллигентные люди. Впоследствии, после смерти Осипа Эмильевича, я часто бывала у них. Там всегда, как в своей родной семье, останавливалась Надежда Яковлевна.

В то далекое и счастливое лето я зашла как-то к Шкловским за Осипом Эмильевичем, и мы пошли в Третьяковскую галерею, она была напротив дома. Но осмотр оказался, к моему удивлению, очень

---

⁶ Два отделения Яхонтов читал «Евгения Онегина». Трудно передать, какое огромное впечатление оставил этот концерт. «Онегин», которого я знаю почти наизусть, открылся для меня совершенно новой неожиданной стороной. Даже те строфы, которые любила меньше, произвели огромное впечатление, удивили, именно удивили, как будто впервые их слышу. Как грустно, что записи на пластинках совершенно не передают живого Яхонтова!

⁷ В 1937 году Варя Шкловской было 8–10 лет, и при описании ее у меня наслоились позднейшие послевоенные воспоминания на первоначальные.

коротким. Осип Эмильевич, не останавливаясь, пробежал через ряд залов, пока не разыскал Рублёва, около икон которого остановился. За этим он и шел.

Зная мое восхищение стихами Пастернака⁸, Осип Эмильевич решил повести меня к Борису Леонидовичу (которого очень любил). Но Пастернака в Москве не оказалось. Тогда пошли к Николаю Ивановичу Харджиеву. Он жил в деревянном двухэтажном доме барачного типа, не помню, на какой улице (кажется, в Марьиной Роще). У него была одна комната на первом этаже⁹. Целую стену от пола до потолка занимал огромный стеллаж. Это было замечательное собрание поэтов начала XX века. Кого тут только не было: и символисты, и акмеисты, и футуристы, и имажинисты. Кроме того, было много журналов: «Аполлон», «Весы», «Золотое руно» и еще какие-то, не помню. Я оторваться не могла от книг. Обращал внимание комод, набитый рукописями, фотографиями, письмами Хлебникова. Николай Иванович в это время готовил к изданию его стихи и огорченно сравнивал некоторые из них с напечатанными ранее и искаженными редакторами почти до неузнаваемости, так как, по словам Харджиева, читать рукописи Хлебникова невероятно трудно. Во время нашего разговора и чтения Осип Эмильевич, казалось, был занят своими мыслями.

Николай Иванович произвел на меня несколько странное впечатление, прежде всего заядлого холостяка¹⁰. Насколько я могла заметить, к Осипу Эмильевичу он относился с большой теплотой.

Познакомил меня Осип Эмильевич и с известной пианисткой Марией Вениаминовной Юдиной¹¹, об этой встрече у меня осталось смутное воспоминание, помню только, что Осип Эмильевич очень любил ее исполнение классической музыки. Восторженно говорил он о Михозлсе. Мы собирались к нему в еврейский театр, но театр в это время, как оказалось, не работал, и Михозлса тоже не было в Москве.

Мне было очень интересно посещать с Осипом Эмильевичем и Надеждой Яковлевной их друзей и знакомых или просто бродить по Москве, но отсутствие у них здесь своей крыши над головой,

---

⁸ Наталья Евгеньевна говорила В.Н. Гыдову (июль 1982 г.), что стихи Пастернака любит больше, чем стихи Мандельштама.

⁹ Она не производила впечатления опрятной.

¹⁰ Он был полноват, среднего роста, брюнет с длинными волосами (тогда это не было модой), тип лица не русский.

¹¹ До этого Мария Вениаминовна специально добивалась гастролей в Воронеже, чтобы увидеться с Мандельштамом. Она не побоялась прийти к нему в гости и играла для него в свободное от концертов время.

постоянного пристанища создавало ощущение неприкаянности, какой-то ненастоящей, временной жизни. В Воронеже хоть было жильё, а тут ни жилья, ни работы. И все-таки радостная, с ворохом впечатлений я вернулась домой, в Воронеж.

На зимние каникулы я снова на несколько дней поехала к Мандельштамам. Они жили в Калинине на окраине города.

Вспоминаю занесенные снегом улицы, большие сугробы, опять почти пустую холодноватую комнату без намека на уют. У обитателей этой комнаты, очевидно, не было ощущения оседлости. Жильё и местожительство воспринимались как временные, случайные. Не было и денег — ни на что, кроме еды. А главное — равнодушие к вещам, одежде, отсутствие которых, мне кажется, не портило настроения.

Помню, в этот мой приезд на Осипе Эмильевиче был серый костюм совершенно не по росту, кто-то ему его подарил, вернее, отдал, кажется, Катаев. Беспокойство доставляли брюки: они оказались очень длинные. Осип Эмильевич вынужден был их несколько раз подвернуть, они всё время разворачивались, так что приходилось время от времени останавливаться и снова их подвертывать. Но это не раздражало и делалось автоматически. Почему-то никому и в голову не приходило, что можно их подрезать и подшить.

Мой приезд, как мне казалось, радовал Мандельштамов. Здесь они жили так же уединенно, как и в Воронеже.

Надежда Яковлевна послала нас на рынок купить мяса. Идея эта была довольно фантастической. В те времена я совершенно не занималась хозяйством, мяса никогда не покупала, сырое мясо вызывало у меня отвращение. Осип Эмильевич в этом вопросе был умудрен не более.

Мы довольно долго ходили по рынку вдоль прилавков, на которых кусками лежало мясо, в полной растерянности, не зная, что купить. Осипу Эмильевичу, по-видимому, это занятие надоело, я не заметила, как он исчез. Оглядываясь по сторонам. «Наташа, Наташа, идите скорее сюда!» — закричал он. Подхожу, он стоит сияющий около какой-то женщины, которая продает восковых утят: красных, зеленых, желтых. «Давайте купим всех утят». Проблема с мясом решена. Денег больше нет, и мы, счастливые, веселые и гордые своей покупкой, отправились домой.

Надежда Яковлевна нас не ругала и не омрачила нашей радости. Понравилась ли ей утята, не помню.

К вечеру захотелось есть. Тут уж нам не доверили денег, и мы втроем пошли в ближайший гастроном или просто лавку. Что-то купили на ужин и сварили кофе.

Из Калинина поехали на день в Москву. И, вероятно, желая доставить мне удовольствие, Осип Эмильевич повел меня к Яхонтову.

Он снимал меблированную комнату на втором этаже в старинном красивом особняке в центре Москвы (кажется, в Столешниковом переулке). Когда мы вошли, Владимир Николаевич стоял между двух больших зеркал, на нем был голубой джемпер, который так шел к его золотым волосам, светло-серые брюки и лакированные черные туфли. Очевидно, он репетировал. Яхонтов кинулся к Осипу Эмильевичу, не дав ему раздеться, обхватил его и начал с ним кружиться. Так смешно было на них смотреть. Один изящный, эlegantный, а другой в нелепой, с чужого плеча меховой куртке мехом наружу, высокой шапке и галосах.

Комната, очень светлая, была обставлена старинной красивой мебелью, но в то же время не было ощущения обжитости, и она, конечно, не отражала индивидуальности своего хозяина. На маленьком столике стоял какой-то комнатный цветок почти без листьев. Он, очевидно, изображал елку, потому что был обвешан бумажными лентами и игрушками. По комнате летали два попугая: голубой и зеленый. Клетки не было, и они сидели, где им хотелось.

Владимир Николаевич был очень любезен, расспрашивал меня о Воронеже, показывал нам, как он работает над своими композициями. Мне запомнились очень длинные, в несколько метров, ленты, состоящие из склеенных листов бумаги разной величины. Мы пробыли у Владимира Николаевича почти целый день, что-то ели. Стол накрывала Лиля, жена Яхонтова. Очень красивая женщина, строго одетая, тихая, молчаливая, совершенно лишенная кокетства. Она даже не включилась в общую беседу. Ее поведение чем-то удивляло меня, и в то же время я любовалась ею.

Несмотря на оживленный разговор, у меня было ощущение, что все мы здесь случайные люди, как в гостинице, и от этого становилось грустно.

Я сообщила Осипу Эмильевичу, что разошлась с Борисом, он очень расстроился. Упрекал меня, что я не сказала об этом сразу, изъявил желание поговорить с ним (непонятно, о чем в таких случаях можно говорить?!), потом успокоился и сказал, что ему ясно, почему мы разошлись: «Борис не способен на праздник, который вы несете».

Но, очевидно, Осип Эмильевич успокоился не совсем. Позже, оказавшись дома, я начала получать почти каждый день телеграммы; содержания их не помню, кажется, Мандельштамы предлагали приехать в Воронеж. Какая-то телеграмма была подписана, помимо Мандельштамов, Ахматовой и Рудаковым.

Продолжалось это до тех пор, пока не взмолилась мама и не просила меня прекратить всё это: ведь телеграммы приносили чуть ли не в пять утра (тогда телеграммы носили и ночью). Осип Эмильевич отправлял их, наверное, в одно и то же время, поздно вечером.

...Из Москвы мы вернулись опять в Калинин. Не думала я, что это моя последняя встреча с Осипом Эмильевичем. Мы много гуляли, несмотря на большие морозы. Осип Эмильевич сказал мне: знайте, если вам будет плохо, достаточно телеграммы, и где бы мы ни были, мы сейчас же приедем.

Так на всю жизнь запомнилась зима 1938 года, занесенный снегом Калинин, совершенно необыкновенный поэт и человек и верная его подруга Надежда Яковлевна. В мой калининский приезд она была особенно грустна — такой она не была и в Воронеже, как будто чувствовала близость трагической развязки.

Первого мая 1938 года в Саматихе, в доме отдыха, куда получили путевки Осип Эмильевич и Надежда Яковлевна, Мандельштам был вторично арестован. Надо сказать, что по Советскому Союзу в это время не один Осип Эмильевич был взят повторно.

Как выяснилось позднее, 9 сентября (то есть через четыре месяца) Осип Эмильевич был отправлен в лагерь. На этот раз Надежде Яковлевне уже не предлагали его сопровождать. Через Шуру, брата Мандельштама, она получила письмо от Осипа Эмильевича из пересыльного лагеря под Владивостоком с просьбой выслать посылку.

Она сделала это сейчас же, но Осип Эмильевич ничего получить не успел. Деньги и посылка вернулись с пометкой: «За смертью адресата». Надежда Яковлевна сообщила мне об этом в письме. Боже мой, как я плакала! Я никогда не плакала так горько. Тогда я оплакивала его как человека. Я не думала о нем как о поэте, жизнь которого насильственно оборвали в тот период, когда он так много писал, и многое еще было не завершено...

Я не могла вообще представить себе Осипа Эмильевича без Надежды Яковлевны. Он был так беспомощен в жизни. Сердце у меня сжималось от горя и жалости. Я поняла, что потеряла друга, бесконечно преданного, — даже независимо от того, стали бы мы встречаться или нет, и как бы долго не виделись.

Во мне неосознанно жило ощущение, что он есть. Достаточно было знать лишь это: он есть и живет. А вот теперь его нет и никогда, никогда не будет, и некого позвать...

В письме, где Надежда Яковлевна сообщала мне о смерти Осипа Эмильевича, некоторые слова как-то бессмысленно были подчеркнуты красными чернилами, это делалось и в последующих письмах.

Я поехала к Надежде Яковлевне в Калинин. Она жила уже в крошечной комнате, в которой умещались только кровать и небольшой стол. В углу была гора выточенных из дерева небольших круглых коробочек. Надежда Яковлевна их расписывала в русском стиле (она работала надомницей на какой-то фабрике); в комнате сильно пахло красками. Времени в моем распоряжении было очень немного: я отпросилась в середине учебного года. Я пришла к директору техникума и сказала, что должна на несколько дней уехать: у моей близкой приятельницы большое несчастье, если вы не отпустите, я всё равно уеду, — и он отпустил.

Всю ночь напролет мы проговорили, подкрепляя силы черным кофе. Надежда Яковлевна попросила меня съездить в Ленинград к Анне Андреевне Ахматовой (писать ей она боялась¹²) и рассказать всё, а на обратном пути опять заехать в Калинин, что я и сделала.

С Анной Андреевной я не была знакома и никогда раньше ее не видела. Стихи Ахматовой я знала и очень любила, у меня были «Четки», «Белая стая», «Аппо Domini». Я пришла в «Фонтанный Дом», каменный, длинный, четырехэтажный, он стоял в глубине сада, мне запомнились старые липы, но дом мне показался мрачным. С волнением поднялась на четвертый этаж, позвонила. Мне открыла дверь немолодая некрасивая женщина, напоминавшая классную даму из романов Чарской. Позднее я узнала, что это была бывшая жена Пунина, в то время мужа Ахматовой. Я спросила Анну Андреевну. Не сказав в ответ ни единого слова, женщина удалилась. Я стояла в коридоре довольно растерянно, не зная, что мне делать.

Но через несколько минут появилась Анна Андреевна. Я не могла оторвать от нее глаз. Высокая, стройная, длинноногая, с небольшой гордой головой, с русалочьими грустными глазами, а челка и заложенные сзади косы придавали ей девичий вид. Черный атласный халат с огромным серебряным драконом плотно облегал ее прекрасную фигуру.

Она провела меня в какую-то узкую, загроможденную старой мягкой мебелью комнату. Комната казалась нежилой, и сама она как будто тоже была здесь случайной гостьей. Мы просидели несколько часов¹³. О стихах не было речи, слишком трагические были

¹² Рассказывая об этом В.Н. Гыдову, Наталья Евгеньевна уточняла, что Надежда Яковлевна боялась писать, так как у Анны Андреевны в это время был арестован муж Н.Н. Пунин и в заключении находился сын.

¹³ В февраль 1982 г. Наталья Евгеньевна рассказывала В.Н. Гыдову, что, пройдя в комнату, она сказала Ахматовой, что приехала к ней от Надежды Яковлевны с печальными вестями об Осипе Эмильевиче. Она, по словам Натальи Евгеньевны, конечно, всё поняла, расспрашивала, потом рассказала о Лёве. Наталья Евгеньевна считала эту встречу самой лучшей из встреч с Ахматовой.

обстоятельства и у нее и у меня как вестницы Надежды Яковлевны. Ахматова просила меня прийти на другой день, но вечером я должна была уехать.

И опять Воронеж, мой родной город, привычный и неощутимый, как воздух. Но так больно теперь его прикосновение; без Мандельштама он стал для меня мертвым. Давать уроки невыносимо трудно, и не только уроки, трудно обычно жить. Единственное утешение — вечером встретиться с милым, чудным Павлом Леонидовичем¹⁴, бродить по темным пустынным улицам и без конца говорить об Осипе Эмильевиче, вспоминая всё до мелочей.

Павел Леонидович, мне кажется, всё понимает и сам чувствует потребность в том же, поэтому с ним легко.

Как же, как всё началось? В начале февраля 1936 года моя давнишняя приятельница Люся¹⁵ попросила меня как-нибудь вечером зайти к ней. Она хотела познакомить меня «с очень интересным молодым человеком»¹⁶. Это был Сергей Борисович Рудаков, вместе с которым Люся лежала в инфекционной больнице, — ленинградец, высланный в Воронеж (ссыльных в то время в Воронеже было много). Выслали его за социальное происхождение: его отец, генерал царской армии, близкий друг К. Р¹⁷., и его старший брат были расстреляны во время революции¹⁸.

Сергей Борисович, филолог по образованию, превосходно знал и самозабвенно любил поэзию, помнил наизусть сотни стихов, даже поэтов XVIII века. Писал и сам стихи.

Высокий, с огромными темными глазами, несколько крупными чертами лица: резко очерченный рот, черные брови с изломом,

---

¹⁴ У меня был замечательный учитель, ему я безгранично обязана своим литературным вкусом и симпатиями. — Павел Леонидович Загоровский, профессор Воронежского университета.

¹⁵ Людмила Ивановна Мордашева.

¹⁶ Люся была моя ровесница, но очень рано, едва окончив девятилетку, вышла замуж и уже имела ребенка. Мальчик заболел скарлатиной, и Люся лежала с ним в инфекционной больнице. Там она познакомилась с Сергеем Борисовичем Рудаковым (он тоже болел скарлатиной).

¹⁷ К. Р. — великий князь Константин Константинович, русский поэт, взявший эти инициалы в качестве псевдонима.

¹⁸ С.Б. Рудаков был сыном пехотного офицера и правнуком адмирала А.И. Бутаква. Два года учился на Высших государственных курсах при Ленинградском институте истории искусств. После закрытия в 1930 г. института помогал Ю.Н. Тынянову готовить собрание стихотворений В.К. Кюхельбекера. В Воронеже жил с апреля 1935 по июль 1936 г. Близко познакомившись с Мандельштамом, начал работу над комментариями к его стихам и над книгой о поэте. Эти материалы вместе с частью мандельштамовского архива, переданного поэтом Рудакову на хранение, пропали после его гибели на фронте.

длинные ресницы и какие-то особенные тени у глаз — он был очень красив. Недаром Ахматова говорила о «рудаковских глазах». Человек он был эмоциональный, горящий. Сразу, с первого вечера нашего знакомства, мы подружились, захлебываясь, говорили о любимых поэтах и композиторах.

Вкусы сходились. От Сергея Борисовича я впервые услышала воронежские стихи Мандельштама. Он читал мне их очень часто¹⁹.

Об Осипе Эмильевиче Рудаков говорил с восторгом. Когда я как-то спросила, какой он, Сергей Борисович воскликнул: «Ну чудный!» Встречались мы почти каждый день, каждый день Рудаков бывал и у Мандельштамов. Жил Сергей Борисович на улице Достоевского, там он снимал в полуподвальном этаже комнату вместе со случайным сожителем пекарем Трошей. Работы не было, жилось нелегко. Только однажды мне удалось передать ему предложенную мне работу по оформлению пушкинской выставки, и то случайно. Директор областной библиотеки Трофимова (по ее заказу нужно было оформить выставку) оказалась матерью моего ученика.

В июле 1936 года Сергей Борисович получил разрешение вернуться в Ленинград. Он уехал и взял с меня слово, что я не пойду к Мандельштамам. До сих пор мне это непонятно. Дала я ему слово или нет, не помню, но к Мандельштамам решила идти.

И вот в осенний яркий день (это было в начале сентября 1936 года), страшно волнуясь, я поднялась по лестнице большого каменного дома на углу улицы Фридриха Энгельса²⁰ и Итээровского переулка (ныне улицы Чайковского) и позвонила. Мне открыла дверь хозяйка квартиры и сказала, что Мандельштамы в Задонске, но на днях возвратятся.

Не знаю, как хватило у меня смелости пойти второй раз. Надежда Яковлевна встретила меня несколько удивленно, — очевидно, к посетителям Мандельштамы не привыкли, — и ввела в комнату. Осип Эмильевич стоял посреди комнаты и с любопытством смотрел на меня. Очень смущаясь, я пролепетала что-то невнятное о Сергее

¹⁹ Стихи Мандельштама я знала давно, пожалуй, с первого курса университета. Он был в числе любимых поэтов, наряду с Пастернаком, Ахматовой, Гумилевым и Цветаевой, которую я представляла тогда по «Верстам». Помню, мы, молодежь, небольшая группа по сравнению с остальной студенческой массой, жестоко спорили, кому отдать пальму первенства: Мандельштаму или Пастернаку. Я и мои сторонники считали стихи Мандельштама глубже по мысли, не говоря уж о совершенно невиданной стройности, чеканности формы, классической скульптурности стиха. «Молодой Державин», по определению Марины Цветаевой! В то время я знала «Камень», «Tristia», прекрасную подборку в антологии «Русская поэзия XX века» под редакцией Ежова и Шамурина, позднее — сборник «Стихотворения» 1928 года. И вдруг этот замечательный поэт в Воронеже, просто невероятно!

²⁰ По современной нумерации: ул. Ф. Энгельса, д. 13, подъезд 5, кв. 39.

Борисовиче. «Ах, вот кого он прятал!» — лукаво и весело воскликнул Мандельштам. И сразу стало легко и непринужденно. Помню, я с увлечением рассказала о своих летних впечатлениях, о Хреновском конесовхозе, где гостила у знакомых, о чудных орловских рысаках и былинных белых першеронах, которые жили на воле в степи, о потомственных конюхах, ведущих свою родословную от крепостных графа Орлова, о своеобразных традициях и легендах, об очень симпатичном москвиче директоре совхоза, который каждый год собирается возвратиться в Москву, но с грустью говорит, что от лошадей уйти невозможно. Осип Эмильевич слушал меня с большим интересом. Потом рассматривали осенние акварели Надежды Яковлевны, разложив их в два ряда вдоль всей комнаты прямо по полу. Запомнилось золото деревьев и синева Дона. Осип Эмильевич спросил меня, знаю ли я наизусть какие-нибудь его стихи. Я ответила утвердительно. «Прочитайте, пожалуйста, я так давно не слышал своих стихов», — сказал он с грустью и сразу стал серьезным. Не знаю, почему, я прочитала из «Камня»: «Я потеряла нежную камею, не знаю где, на берегу Невы...». Боже мой, что началось! Осип Эмильевич негодовал. Он весь был воплощение гнева. Меня поразила такая бурная реакция, такая неожиданная перемена настроения. Я растерялась. Единственное, что мне запомнилось из этого крика: «Вы прочитали самое плохое мое стихотворение!» Сквозь слезы я сказала в свое оправдание: «Не виновата же я, что вы его написали». Это как-то сразу его успокоило, мне даже показалось, что он пожалел о своей вспышке. Тут вмешалась Надежда Яковлевна и сказала: «Ося, не смей обижать Наташу».

Она усадила меня на свою кровать, стала гладить, как маленькую, по голове и подарила альбом французских импрессионистов. Перед этим мы разговаривали о них, и оказалось, что и я, и она их очень любим.

Мандельштамы настойчиво приглашали меня приходить к ним. Но, как ни странно, на второй визит у меня не хватило смелости. Я думала, что меня зовут из вежливости. Тогда я еще не знала Осипа Эмильевича и не понимала, что он никогда не станет что-то делать или говорить из вежливости. Это был человек предельной искренности, и он мог быть очень резким, если это соответствовало его внутреннему состоянию. Мандельштам часто забывал о своем положении ссыльного и поднадзорного. Помню, в пушкинские дни мы с Осипом Эмильевичем пришли на выставку в университетскую фундаментальную библиотеку. И Осип Эмильевич заметил, что из стихотворения Лермонтова «Смерть поэта» выброшены организаторами выставки строчки: «Но есть и божий суд, наперсни-

ки разврата! Есть грозный суд: он ждет; он недоступен звону злата, и мысли и дела он знает наперед». Осип Эмильевич устроил настоящий скандал и успокоился только тогда, когда директор библиотеки обещала восстановить пропущенный текст.

И еще случай. Осип Эмильевич написал новые стихи, состояние у него было возбужденное. Он кинулся через дорогу от дома к городскому автомату, набрал какой-то номер и начал читать стихи, затем кому-то гневно закричал: «Нет, слушайте, мне больше некому читать!» Я стояла рядом, ничего не понимая. Оказывается, он читал следователю НКВД, к которому был прикреплен.

Осип Эмильевич всегда оставался самим собой, его бескомпромиссность была абсолютной. Об этом пишет и Анна Андреевна: «В Воронеже его не с очень чистыми побуждениями заставили прочесть доклад об акмеизме. Не должно быть забыто, что он сказал в 1937 году²¹: «Я не отрекаюсь ни от живых, ни от мертвых»²². На вопрос, что такое акмеизм, Мандельштам ответил: «Тоска по мировой культуре». Так вот, недели через две после первого свидания с Мандельштамами я случайно встретила их в Первомайском саду во время антракта на гастролях московского театра, кажется, имени Немировича-Данченко. Осип Эмильевич и Надежда Яковлевна подошли ко мне, и мы тут же условились, когда мне прийти. Я начала бывать у Мандельштамов очень часто, и вскоре мы стали видаться почти ежедневно. Дома я восторженно говорила об Осипе Эмильевиче и его стихах.

И вот однажды мама сказала: «Наташа, ты очень часто бываешь у Мандельштамов. Ты хорошо представляешь, какие могут быть последствия?» Я промолчала. Всё это было очень грустно. Аресты действительно принимали массовый характер, и мы с мамой не раз прислушивались ночью, где остановилась машина²³. На душе было

---

²¹ Доклад Мандельштама об акмеизме в редакции областной газеты «Коммуна» состоялся в феврале 1935 г.: «...» На широком собрании воронежского ССП был поставлен доклад об акмеизме, с целью выявления отношения Мандельштама к своему прошлому. В своем выступлении Мандельштам показал, что он ничему не научился, что он кем был, тем и остался» (С.А. Стойчев — В.П. Ставскому, 28 ноября 1936 г. — Литературное обозрение. 1991. № 1. С. 93).

²² Говоря о мертвых, Осип Эмильевич имел в виду Гумилёва.

²³ События захватывали и близких мне людей, не общественных деятелей, не политиков, а самых обыкновенных. Ту Люсю, которая познакомила меня с Рудаковым, тоже постигла общая беда: арестовали ее мужа, агронома Сахаротреста, человека, интересовавшегося только своей специальностью и работой, через несколько дней взяли ее брата и невестку, а маленького ребенка отправили в детский дом, отказавшись отдать родственникам. Люсю со старушкой матерью и сынишкой в январе в страшные морозы выгнали из квартиры, выкинули во двор все вещи. Я видела, как они валялись в снегу. Люся была безучастна, больше волновалась я, деваться ей было некуда, она пришла к нам.

смутно, я очень любила мать, она всегда была для меня другом, — нет, она была для меня всем, а главное — мысль о брате, не подведу ли его?!

Но не бывать у Мандельштамов я не могла, мне даже стыдно было об этом подумать. Испугаться!?

И я продолжала ходить к ним, но дома ничего не говорила. Меня не спрашивали, лгать не приходилось. Через некоторое время мама говорит: «Девочка, я знаю, что ты бываешь у Мандельштамов, ты напрасно молчишь и мучаешься, я поступила бы точно так же на твоём месте. Я просто считала своим долгом тебя предупредить, зови их к нам²⁴».

С этого времени Осип Эмильевич и Надежда Яковлевна начали бывать у нас. Больше этот вопрос никогда не возникал и никогда не волновал. Маме всегда хотелось угостить их, она вообще была необыкновенно гостеприимна, любила людей. В доме у нас бывало всегда много народу. Помимо моих старых друзей, товарищей и просто знакомых, к нам как-то случайно попадали и ссыльные: Андрей Азанчевский из Киева, Евгений Оттович Пиотровский, Хаим Соломонович Лифшиц из Москвы²⁵ и другие. Все они были люди незаурядные, интересные. Они получали минус шесть, девять или двенадцать²⁶ и выбирали Воронеж.

Осип Эмильевич неоднократно говорил: «Наташа владеет искусством дружбы». Я же думаю, дело было не во мне, а в маме: трудно

И вот второй случай. У моей сослуживицы Маруси, преподавательницы, активной комсомолки, из пролетарской семьи, в течение недели произошло сразу три несчастья. Муж ее старшей сестры Николай Иванович был начальником политотдела в Хреновском конесовхозе. Он отправил под каким-то предлогом жену и маленькую дочку в Воронеж к бабушке и повесился, написав письмо на имя Сталина. Через несколько дней приехал брат Маруси Виктор (он был секретарем райкома, кажется, в Борисоглебске), остановился у своего друга, секретаря парткома завода имени Дзержинского. А на другое утро, когда хозяйева ушли, застрелился, оставив записку: «Извините за беспокойство». А еще через несколько дней арестовали ее старшего брата Андрея. Во время империалистической войны он был в плену у немцев. Я была единственным человеком, кому Маруся всё рассказала. Боясь лишиться работы, она вынуждена была скрывать свое горе. От этих трех разбитых семей остались дети примерно одного возраста, они ходили в детский сад, жили у бабушки.

Однажды со слезами на глазах Маруся рассказала мне, как они хором повторяли: «Спасибо товарищу Сталину за счастливое детство».

²⁴ Н.Я. Мандельштам писала: «Скромница, умница, веселая и легкая Марья Ивановна — единственный человек в Воронеже, открывший нам свой дом» (Мандельштам Н.Я. Воспоминания. М., 1999. С. 213).

²⁵ См. письмо Н.Е. Штемпель к П.М. Нерлеру от 3 ноября 1987 г.

²⁶ Выссылаемому разрешалось выбрать место жительства по своему усмотрению за исключением шести, девяти или двенадцати городов, таких, как Москва, Ленинград, Киев, Харьков, Минск, Одесса, Севастополь и другие.

сказать, к кому приходили люди, даже мои сверстники, и с кем они больше дружили, со мной или с мамой.

Мандельштамам мама очень сочувствовала, понимая хорошо их положение. Но накормить Осипа Эмильевича было трудно, он был равнодушен к еде, точно так же, как и к вещам. Отсутствие их, скудость не портили ему настроения. Ел он очень мало, я не помню, чтобы Осип Эмильевич спокойно сидел за обеденным столом. Что-то схватит на ходу, как мне казалось, автоматически, не замечая что, или со стаканом чая бегаёт вокруг стола, читает стихи и спрашивает маму: «Вам нравится, Мария Ивановна?»

Так же он ел и дома. Обязательно одновременно чем-то занимался. Но любил, когда появлялись деньги, пойти в лучший магазин, конечно, вместе с Надеждой Яковлевной и купить всяких вкусных вещей, а потом мы устраивали «пир».

Вскоре Мандельштамы перешли на другую квартиру. В маленьком одноэтажном каменном домике они снимали комнату у театральной портнихи, которая жила вместе со старушкой матерью и сыном Вадей, учеником второго класса. Удобств никаких не было, отопление печное. Но расположен дом был очень живописно. Он находился в тупике на улице 27 февраля, в трех минутах ходьбы от проспекта Революции²⁷. Перед домом была большая площадка с огромным тополем, разбросавшим во все стороны свои могучие ветви, а за домом был спуск (начиналась Неёловская улица), открывался вид на речную даль. И вблизи никаких домов не было. Даже не верилось, что это центр города²⁸. Через площадку и дорогу в угловом здании бывшей женской гимназии в то время находились междугородная телефонная станция и городской автомат. Тогда их в Воронеже было очень мало. Мы не раз часами, чаще всего поздно вечером, просиживали на станции в ожидании Москвы. Утешало то, что мы почти всегда были единственными посетителями: можно разговаривать, читать стихи, думать — никто не мешал.

Теперь на месте домика, где жили Мандельштамы, большой дом и сад работников обкома партии. Всё заасфальтировано, тополь, конечно, уничтожен: слишком он привольно жил²⁹.

В комнату Мандельштамов можно было попасть через маленькую покосившуюся переднюю. Налево вела дверь к ним, а прямо — к хозяевам. Комната была темноватая, два небольших окна в глу-

---

²⁷ Главная улица в Воронеже.

²⁸ Мне иногда казалось, что эта хижина где-то на краю света, и путники в бурю нашли в ней временное пристанище.

²⁹ В воротах высокой чугунной ограды стоит милиционер, охраняющий неприкосновенность обитателей этого дома.

боких нишах освещали ее плохо, а тут еще затенял тополь. Одно окно выходило на площадку, другое во двор, и Осипа Эмильевича по утрам изводил петух, который с ранней зари начинал кукарекать прямо в окно (окна были на полметра от земли). Петух настолько надоедал Осипу Эмильевичу, что он даже об этом писал Надежде Яковлевне, уехавшей по делам в Москву: «Я тебе петуха-красавца покажу, который восклицает 300 раз от 4 — до 6 утра. И котенок Пушок всюду бегает. И вербочки зеленые...»

Во втором письме, написанном через несколько дней, — опять петух: «Дней 10 назад я поссорился с хозяйкой из-за петуха [я кричал о петухе в пространство: она приняла пафос на свой счет] (очень деликатно, но всё же она говорила кислые слова). Всё это забыто. Деликатность удивительная. Денег не брала. Терпенье сверх меры. По поводу же нападения курицы на маму. Никакой царапины серьезной нет. Шрам заживает. Черт знает какой вздор пишу. Гоголь такого не выдумает». Убранством комната мало отличалась от прежней: две кровати, стол, какой-то нелепый длинный черный шкаф, очевидно, книжный, и старая, обитая дерматином кушетка, которая стояла почему-то почти посередине комнаты. На ней всегда было холодно и неудобно. Так как стол был единственный, то на нем лежали и книги, и бумаги, стояли дымковские игрушки (их любила Надежда Яковлевна) и кое-какая посуда. В шкафу действительно хранились те немногие книги, с которыми Осип Эмильевич не расставался. Помню старинное издание на итальянском языке его любимой «Божественной комедии» Данте в кожаном переплете с застёжками, сонеты Петрарки, тоже в подлиннике; на немецком языке Клейст, о котором написано замечательное стихотворение «К немецкой речи»³⁰, стихи Новалиса, альбомы живописи и архитектуры и еще какие-то книги.

Мы рассматривали с Осипом Эмильевичем эти альбомы, и как-то под впечатлением готических соборов Реймса и Лаона Мандельштам написал стихотворение:

Я видел озеро, стоявшее отвесно, —
С разрезанною розой в колесе
Играли рыбы, дом построив пресный.
Лиса и лев боролись в челноке...

---

³⁰ Поэзия, тебе полезны грозы!
Я вспоминаю немца-офицера:
И за эфес его цеплялись розы,
И на губах его была Церера. ..

Осип Эмильевич и Надежда Яковлевна пришли ко мне в лабораторию, где я работала, и Мандельштам прочитал его мне. Читать мне (больше и некому было) только что написанное стихотворение стало для Осипа Эмильевича привычкой. Если не приходила я, они приходили сами ко мне домой или на работу. Помимо своих стихов, Осип Эмильевич часто читал мне стихи любимых поэтов: Данте, Петрарку, Клейста. Я не знала языка, но впечатление было непередаваемое: изумительный голос поэта, его манера чтения и музыка стихов создавали иллюзию полного понимания текста.

Одним из любимых русских поэтов Осипа Эмильевича был Батюшков. Нередко он читал мне его стихи. В чудном стихотворении «Батюшков», написанном Мандельштамом еще в 1932 году, он говорит о нем как о своем современнике, ощущая его присутствие:

Словно гуляка с волшебною тростью,
Батюшков нежный со мною живет.
Он тополями шагает в Замостье,
Нюхает розу и Дафну поет.

Ни на минуту не веря в разлуку,
Кажется, я поклонился ему:
В светлой перчатке холодную руку
Я с лихорадочной завистью жму.

Это и понятно, учителями Батюшкова были Торквато Тассо, Петрарка. Пластика, скульптурность и в особенности неслыханное у нас до него благозвучие, «итальянская гармония» стиха, — всё это, конечно, было очень близко Осипу Эмильевичу.

В этом же стихотворении он так характеризует «русского Тассо»:

Ни у кого — этих звуков изгибы...
И никогда — этот говор валов...

Наше мученье и наше богатство,
Косноязычный, с собой он принес
Шум стихотворства и колокол братства
И гармонический проливень слез.

Как-то попался Осипу Эмильевичу томик Никитина в серии «Библиотека поэта». Он с удовольствием читал его лирические пейзажные стихи и восторгался отдельными строфами.

Из своих современников Мандельштам больше всех ценил Пастернака, которого постоянно вспоминал. Надежде Яковлевне он говорил, что так много о нем думает, что даже устал.

В новогоднем письме Осип Эмильевич писал Пастернаку:

Дорогой Борис Леонидович.

Когда вспоминаешь весь великий объем вашей жизненной работы, весь ее несравненный жизненный охват — для благодарности не найдешь слов.

Я хочу, чтобы ваша поэзия, которой мы все избалованы и незаслуженно задарены, — рвалась дальше к миру, к народу, к детям...

Хоть раз в жизни позвольте сказать вам: спасибо за всё и за то, что это «всё» — еще не «всё». Простите, что я пишу вам, как будто юбилей. Я сам знаю, что совсем не юбилей: просто вы нянчите жизнь и в ней меня, недостойного вас, бесконечно вас любящего.³¹

В одну из поездок в Москву Надежда Яковлевна показала Пастернаку вторую «Воронежскую тетрадь» Мандельштама. Новые стихи понравились Борису Леонидовичу. Он подробно говорил о них Надежде Яковлевне и написал записку Осипу Эмильевичу:

Дорогой Осип Эмильевич! Ваша новая книга замечательна. Горячо Вас с ней поздравляю. Мы с Надеждой Яковлевной отметили и выделили то, что меня больше всего поразило. Она расскажет Вам о принципе разбора. Я рад за Вас и страшно Вам завидую. В самых счастливых вещах (а их немало) внутренняя мелодия предельно материализована в словаре и метафорике и редкой чистоты и благородства. «Где я, что со мной дурного...» в этом смысле головокружительно по подлинности и выражению.

Пусть Надежда Яковлевна расскажет Вам всё, что говорилось нами о теме и традиции. Пусть временная судьба этих вещей Вас не смущает. Тем поразительнее будет их скорое торжество. Как это будет, никто предсказать не может...

Но говорить только хочется об «Осах», «Ягненке гневном» и других Ваших перлах, и на словах (с Надеждой Яковлевной) это вышло лучше и проще, на бумаге же ложится таким Саводником, что лучше бросить³².

Я хорошо помню первое впечатление, которое произвел на меня Осип Эмильевич. Лицо нервное, выражение часто самоутраченное, внутренне сосредоточенное, голова несколько закинута назад, очень прямой, почти с военной выправкой, и это настолько бросалось в глаза, что как-то мальчишки крикнули: «Генерал идет!» Среднего роста, в руках неизменная палка, на которую он никогда не опирал-

³¹ Письмо опубликовано в журнале «Литературное обозрение» (1986, № 9).

³² Из семейного архива Б.Л. Пастернака. Саводник Владимир Фёдорович (1874–1940) — историк литературы, автор учебников для средней школы.

ся, она просто висела на руке и почему-то шла ему, и старый, редко глаженный костюм, выглядевший на нем элегантно. Вид независимый и непринужденный. Он, безусловно, останавливал на себе внимание — он был рожден поэтом, другого о нем ничего нельзя было сказать. Казался он значительно старше своих лет. У меня всегда было ощущение, точнее, убеждение, что таких людей, как он, нет. Он и сам писал: «Не сравнивай: живущий несравним...» Я смотрела на него всегда с удивлением, и острота новизны не исчезала. Осип Эмильевич никогда не жаловался на обстоятельства, условия жизни. Прекрасно он сказал об этом:

Еще не умер ты. Еще ты не один,
Покуда с нищенкой-подругой
Ты наслаждаешься величием равнин
И мглой, и холодом, и вьюгой.

В роскошной бедности, в богатой нищете
Живи спокоен и утешен —
Благословенны дни и ночи те,
И сладкогласный труд безгрешен.
.....

15–16 января 1937

Как-то сочувственно я рассказала о жалобах Сергея Борисовича на то, что так неудачно сложилась у него жизнь, что при других условиях он много мог бы написать. Неожиданно для меня Осип Эмильевич взорвался. «Ерунда, — резко сказал он, — если вам есть что сказать, скажете при всех обстоятельствах и вместо десяти нудных томов напишете один».

У него не было мелких повседневных желаний, какие бывают у всех. Манделъштам и, допустим, машина, дача или полированный гарнитур — совершенно неправдоподобно, несовместимо.

Но он был богат, богат, как сказочный король: и «равнины дышащее чудо», и чернозем «в апрельском провороте», и земля, «мать подснежников, кленов, дубков», — всё принадлежало ему.

Где больше неба мне — там я бродить готов,
И ясная тоска меня не отпускает
От молодых еще воронежских холмов
К всечеловеческим, яснеющим в Тоскане.

Он мог остановиться зачарованный перед корзиной весенних лиловых ирисов и с мольбой в голосе попросить: «Надюша, купи!» А когда Надежда Яковлевна начинала отбирать отдельные цветы, с горечью воскликнуть: «Все или ничего!» — «Но у нас ведь нет денег. Ося», — напоминала она.

Так и не были куплены ирисы. Что-то детски-трогательное и грустное было в этом эпизоде.

Мне так хотелось подарить Осипу Эмильевичу все цветы, но у меня тоже не было денег.

Жили Мандельштамы в абсолютной изоляции, кроме меня у них никто не бывал, так же как и они бывали только у нас. Позднее я привела к ним Павла Леонидовича Загоровского, профессора Воронежского пединститута³³, по специальности психолога, человека широко образованного, страстно любящего и превосходно знающего поэзию. Он был кумиром воронежской поэтической молодежи и всегда был окружен ею. Павел Леонидович был человек необыкновенный и по внешнему облику, и по манерам, и по характеру. Его движения, походка отличались изяществом. Очень быстрый взгляд и вдруг — опущенные ресницы, какая-то удивительная живость, внезапный смех, как бы вызванный своими мыслями, высокий звук голоса, а главное, удивительная деликатность, безукоризненная воспитанность, столь редкая сейчас, — всё это поражало, приковывало к нему людей. Недаром Осип Эмильевич называл его «бархатный профессор». Тонкий, остроумный и в то же время очень мягкий, удивительно скромный, он никогда не подчеркивал своей буквально энциклопедической образованности. Память у него была феноменальная.

Это был безупречно порядочный человек, по-настоящему мужественный, не побоявшийся поставить под удар и себя, и семью, и свое положение (он был не только профессором и завкафедрой, но и проректором).

Как-то я предложила Павлу Леонидовичу познакомиться с Осипом Эмильевичем. Он согласился.

В условленный час мы пошли к Мандельштамам и уже почти дошли до дома, как вдруг Павел Леонидович говорит, что сегодня не пойдет. Я возмутилась: «Бойтесь?» — «Нет, просто я не в форме», — ответил он. Я не поверила и пошла одна, решив, что больше, конечно, навязывать ему это знакомство не буду.

Через несколько дней Павел Леонидович сам попросил меня пойти с ним к Осипу Эмильевичу. Симпатия между ними возникла

---

³³ К этому времени педфак университета выделился в самостоятельный институт.

сразу, как будто они были давно знакомы. Наконец-то Осип Эмильевич обрел равного себе собеседника. Я сидела на кушетке, вжавшись в угол, и тихо радовалась, молча слушая их оживленный разговор, — они буквально дорвались друг до друга и, казалось, забыли обо всем на свете.

С этого времени Павел Леонидович не очень часто, но систематически бывал у Мандельштамов. Заходили и они к нему на несколько минут, обычно днем, чтобы не бросалось в глаза. Павел Леонидович по возможности помогал опальному поэту: страшно смущаясь, он совал в руку Надежде Яковлевне деньги.

Решив расширить круг знакомых Осипа Эмильевича, я хотела привести к нему профессора Бернадинера (философа, или, как он сам себя тогда называл, диаматчика). Он был еще молодым человеком, интересовался литературой, стихами, часто бывал у нас. Но мое предложение резко отверг. На тот же вопрос: «Бойтесь?» — «Да, боюсь», — ответил он прямо.

Была еще неудачная попытка, но уже неудачная по-другому. Вместе со мной работал мой ровесник, очень милый, хороший юноша Вадим Покровский. По образованию врач-токсиколог. Он имел несчастье писать стихи и даже иногда печатался в воронежском литературном альманахе. На мое предложение привести Вадима Осип Эмильевич ответил злой эпиграммой:

Искусств приличных хоровода
Вадим Покровский не спугнет:
Под руководством куровода, —
За Стоичевым³⁴ год от года
Настойчивей кроликовод.

Как-то ранней весной, в самых первых числах марта, когда везде еще лежал снег (в том году его было очень много), Осип Эмильевич зашел к нам, и мы пошли гулять. Были уже сумерки. Мы дошли до конца улицы Каляева, на которой я жила, и остановились на крутой горе; улица спускалась вниз, на Степана Разина, а напротив поднималась тоже крутая и высокая гора, так начиналась Логовая.

В синих сумерках на горе и внизу загорались огоньки окон.

---

³⁴ Стоичев — ректор Воронежского пединститута, филолог, был председателем Воронежского отделения Союза писателей. Злые языки говорили, что он увлекается куроводством. В 1937 году Стоичев был арестован, погиб в лагере, посмертно реабилитирован.

На доске малиновой, червонной,
На кону горы крутопоклонной —
Втридорога снегом напоенный,
Высоко занесся санный, сонный

Полугород, полуберег конный,
В сбрую красных углей запряженный...
.....
Не ищи в нем зимних масел рая,
Конькобежного фламандского уклона...

Так запечатлел Осип Эмильевич кусочек моего города в стихотворении, которое он прочитал на другой день.

Я приходила к Мандельштамам чаще всего из техникума, днем или вечером, и почти всегда заставляла их обоих на кроватях.

Надежда Яковлевна лежа читала или писала. Она превосходно знала английский язык и переводила, конечно, под чужим именем, чтобы хоть сколько-нибудь заработать. Ведь жить было совсем не на что. Осип Эмильевич сидел в обычной для него позе около спинки своей кровати, часто с потухшей папиросой. Мой приход вносил оживление. Я рассказывала техникумовские новости, а однажды пришла в полном смятении, надеясь получить от Осипа Эмильевича совет.

На уроке русского языка во время диктанта на вопрос учащихся, как пишется «в полдень», я ответила: «Вместе», имея в виду существительное «полдень». Все тридцать человек написали «полдень» слитно с предлогом «в». Что делать? Эта ошибка меняла оценку, я в отчаянии (был первый год моей педагогической работы). Осип Эмильевич рассмеялся и вместо совета взял карандаш и написал две эпиграммы:

Если бы проведаль Бог,
Что Наташа педагог,
Он сказал бы: ради Бога,
Уберите педагога!

И вторая:

— Наташа, как писать: «балда»?
— Когда идут на бал, — то: «да!»
— А «в полдень»? — Если день — то вместе,
А если ночь — то не скажу, по чести...

Иногда я укладывалась рядом с Надеждой Яковлевной, и мы тихонько разговаривали, чтобы не мешать своей болтовней Осипу Эмильевичу, ведь комната была одна. Мне всегда было у них хорошо, все мои тревоги, заботы куда-то уходили. Иногда втроем мы шли гулять, но были случаи, когда с порога вынуждены были возвратиться домой. Первые месяцы моего знакомства с Мандельштамами Осип Эмильевич не мог выйти из дома один, без Надежды Яковлевны, а часто и ее присутствие не помогало. У него начиналось удушье, рука инстинктивно тянулась к воротнику рубашки, ему хотелось его разорвать, расстегнуть, он задышался; не знаю, возникало ли у него ощущение страха, но видеть это было очень тяжело.

Несколько позднее Осип Эмильевич мог ходить уже со мной и однажды, когда я была в техникуме, пришел один, я даже глазам своим не поверила, он сиял.

Мы много гуляли, особенно когда ненадолго уезжала в Москву Надежда Яковлевна³⁵. Осип Эмильевич очень тосковал без нее и писал ей замечательные письма. Вот одно из них:

Надик, дитенок мой!

Что письмо это тебе скажет? Его утром принесут или вечером найдешь? Так доброго утра, ангел мой, и покойной ночи, и целую тебя сонную, уставшую или вымытую, свеженькую, деловитую, вдохновенно убегающую по таким хитрым, умным, хорошим делам. Я завидую всем, кто тебя видит. Ты моя Москва и Рим и маленький Давид. Я тебя наилучше знаю, и ты всегда новая, и всегда слышу тебя, радость. Ау? Надинька!»

(28 апреля 1937 года)

Как-то на время ее отъезда приехала мать Надежды Яковлевны Вера Яковлевна. Об этом в письме просил сам Мандельштам:

Дорогая Вера Яковлевна!

Обращаюсь к вам с большой просьбой: приезжайте, поживите со мной. Дайте возможность Наденьке спокойно съездить по неотложным делам. Ехать ей придется на этот раз надолго. Почему я вас об этом прошу? Сейчас объясню.

Как только уезжает Надя, у меня начинается мучительное нервно-физическое заболевание. Оно сводится к следующему: за последние годы у меня развилось астматическое состояние. Дыхание всегда затруднено. Но при Наде это протекает мирно. Стоит ей уехать — я начинаю буквально задышаться. Субъективно это невыносимо: ощущение конца. Каждая минута тянется вечностью. Один не могу сделать шага. Привыкнуть нельзя...

³⁵ Во время прогулок Осип Эмильевич много рассказывал о себе, часто читал стихи, порой шутил, смеялся.

Бытовые условия будут хорошие. Уютнейшая комната. Славная хозяйка. Лестницы нет. Всё близко. Телефон рядом. Центр. Весна в Воронеже чудесная. Мы даже за город с Вами поедem.

Вера Яковлевна — маленькая, худенькая старушка, очень живая и остроумная. Мне казалось, что она относилась к Осипу Эмильевичу, как к большому ребенку. Он тоже платил ей хорошим отношением. И когда в ресторане мы ели испанские апельсины, один из них он принес своей теще и положил тихонько под подушку. Она уже, конечно, спала.

В письме из Воронежа Вера Яковлевна писала дочери, как она живет со своим зятем:

Дорогая Наденька!

Особенных событий за день не было. Мы гуляем, делаем покупки — у нас вооруженный нейтралитет. В хозяйственных взглядах мы не сходимся. А Ося уверен, что он такой же хороший хозяйственник, как и поэт. Он любит всё более дорогое, я тоже, но я заглядываю в кошелек и даю обет воздержания... Он не сдастся, но бывает покорен, когда увидит дно кошелька.

В конце апреля мы пошли в парк культуры, который воронежцы по старой привычке называли Ботаническим садом. Было пустынно, ни одного человека, только в прудах радостное кваканье лягушек, и весеннее небо, и деревья почти без листьев, и чуть зеленеющие бугры. Так возникло замечательное стихотворение:

Я к губам подношу эту зелень —
Эту клейкую клятву листов —
Эту клятвopеступную землю:
Мать подснежников, кленов, дубков.

Погляди, как я крепну и слепну,
Подчиняясь смиренным корням,
И не слишком ли великолепно
От гремучего парка глазам?

А квакуши, как шарики ртути,
Голосами сцепляются в шар,
И становятся ветками прутья
И молочною выдумкой пар.

30 апреля 1937

А еще позднее, в середине мая, мы гуляли по проспекту Революции, Осип Эмильевич читал стихи, небо было высоким и синим, всё благоухало. Мы сели на мраморные ступеньки нового, помпезного здания обкома партии, потом пошли вдоль Кольцовского сквера. У меня было непередаваемое ощущение какой-то внутренней свободы: все повседневные обязанности, заботы, огорчения и радости отступили, их не существовало. Мне казалось, что мы в Италии, и ослепительный весенний день усиливал это ощущение. Да, так можно себя чувствовать только в совсем чужом, но прекрасном городе, где ты ни с кем и ни с чем не связан.

Я робко сказала об этом Осипу Эмильевичу. К моему удивлению, он ответил, что у него такое же ощущение.

На другой день он прочитал мне прекрасное стихотворение, которое сразу уничтожил. «Оно слишком автобиографично», — сказал он. Я до сих пор жалею, что не решилась защищать это стихотворение.

Не раз мы втроем посещали наш Музей изобразительных искусств. Приятно было бродить по чуть холодноватым пустынным залам, хотя вряд ли что-нибудь особенно пленяло Осипа Эмильевича. Помню, он остановился перед маленькой картиной Дюрера (она и сейчас там висит); вообще зал западноевропейской живописи его интересовал больше. И всегда с удовольствием рассматривал превосходную коллекцию греческих ваз. Может быть, под этим впечатлением написаны стихи:

Длинной жажды должник виноватый,
Мудрый сводник вина и воды:
На боках твоих пляшут козлята
И под музыку зреют плоды.

Флейты свищут, клянутся и злятся,
Что беда на твоём ободу
Черно-красном — и некому взяться
За тебя, чтоб поправить беду.

И второе: «Гончарами велик остров синий...» и, наконец, чудное третье стихотворение — «Флейты греческой мята и йота...». Последнее стихотворение было связано не только с вазами, а и с арестом замечательного музыканта Карла Карловича Шваба, с которым Мандельштам был лично знаком. Карл Карлович играл на нескольких инструментах. В музыкальном училище он преподавал по клас-

су фортепиано, а в воронежском симфоническом оркестре играл на флейте. Не раз он играл специально для Осипа Эмильевича.

Очень любил Осип Эмильевич и живопись, об этом говорят его стихи — «Импрессионизм» (1932) и воронежское: «Улыбнись, ягненок гневный, с Рафаэлева холста...» или «Как светотени мученик Рембрандт...». Надежда Яковлевна считала, что в «Рембрандте» Мандельштам говорит о себе («резкость моего горящего ребра») и о своей голгофе, лишенной всякого величия.

Стихотворение «Улыбнись, ягненок гневный...» Пастернак назвал перлом. Что послужило поводом к его созданию, какие именно реалии, сказать трудно. В воронежском музее картин Рафаэля нет. Быть может, по какой-то ассоциации Осип Эмильевич вспомнил репродукцию с картины Рафаэля «Мадонна с ягненком»³⁶. Там есть и ягненок, и «складки бурного покоя» на коленях преклоненной мадонны, и пейзаж, и какой-то удивительной голубизны общий фон картины. Как правило, Мандельштам в своих стихах был точен.

Восторгался Осип Эмильевич иллюстрациями Делакруа к гётевскому «Фаусту» (как-то, будучи у меня, он внимательно их рассматривал).

Бывали мы также и на симфонических концертах нашего воронежского оркестра и особенно на сольных, когда кто-нибудь из известных скрипачей или пианистов приезжал из Москвы и Ленинграда. Музыку Мандельштам, пожалуй, любил больше всего. Не случайно после концерта скрипачки Галины Бариновой он написал и послал ей стихотворение «За Паганини длиннопалым...»³⁷. Во второй строфе Осип Эмильевич непосредственно обращается к ней:

Девчонка, выскочка, гордячка,
Чей звук широк, как Енисей, —
Утешь меня игрой своей:
На голове твоей, полячка,
Марины Мнишек холм кудрей,
Смычок твой мнителен, скрипачка...

Помимо концертов Осип Эмильевич с удовольствием бывал и в кино. Оно привлекало его и раньше. Он написал несколько интересных кинокритических рецензий. В одной из них («Шпитун»,³⁸ 1929) Ман-

³⁶ Музей Прадо. «Святое семейство с ягненком».

³⁷ Это стихотворение было отправлено Осипом Эмильевичем и в редакцию одного из журналов, но напечатано оно не было. И Мандельштам не получил никакого ответа.

³⁸ Это была рецензия на фильм режиссера Шпиковского «Шкурник» (ныне опубликована в журнале «Памир», 1986, № 10). Шпитун — фамилия главного лица фильма.

дельштам писал: «Чем совершеннее киноязык, чем ближе он к тому еще никем не осуществленному мышлению будущего, которое мы называем кинопрозой с ее могучим синтаксисом, — тем большее значение получает в фильме работа оператора».

Сильное впечатление, которое произвела на Осипа Эмильевича одна из первых звуковых картин — «Чапаев», отразилось в стихотворении «От сырой простыни говорящая...». С большим интересом мы смотрели картину Чарли Чаплина «Огни большого города». Мандельштам очень любил и высоко ценил Чаплина и созданные им кинофильмы. Так появилось стихотворение:

Я молю, как жалости и милости.
Франция, твоей земли и жимолости...

И дальше о Чаплине:

А теперь в Париже, в Шартре, в Арле
Государит добрый Чаплин Чарли —

В океанском котелке с растерянною точностью
На шарнирах он куражится с цветочницей...

Очень высокую оценку этому стихотворению дал И. Г. Эренбург. «Я много лет прожил во Франции, — пишет он, — лучше, точнее этого не скажешь...» («Люди, годы, жизнь»).

Писал Осип Эмильевич много, и никакие превратности его личной судьбы не являлись препятствием для напряженной творческой работы, он буквально горел и, как это ни парадоксально, был по-настоящему счастлив. Мне тогда казалось, что Осип Эмильевич создавал свои стихи легко, они шли потоком, появлялись варианты, а отдельные строчки, образы неожиданно возникали совсем в другом стихотворении, даже в эпиграмме.³⁹

Но над «Неизвестным солдатом» Осип Эмильевич работал долго и мучительно. Он не давал ему покоя, напряжение было страшное. Я не любила это стихотворение, пожалуй, боялась его, толком не понимая, но интуитивно чувствуя его страшный пророческий смысл.

---

³⁹ Например: «Мне на плечи кидается век-волкодав. / Но не волк я по крови своей: / Запихай меня лучше, как шапку в рукав / Жаркой шубы сибирских степей...». И позднее в другом стихотворении те же образы: «Бал-маскарад. Век-волкодав. / Так затверди ж зубок: / Шапку в рукав, шапкой в рукав, / И да хранит тебя Бог!» Подобных примеров привести можно много.

Теперь, когда мы пережили Вторую мировую войну, становятся понятными, реальными и приводят в ужас следующие строки стихотворения:

Шевелящимися виноградинами
Угрожают нам эти миры
И висят городами украденными,
Золотыми обмолвками, ябедами,
Ядовитого холода ягодами
Растяжимых созвездий шатры...

Когда читаешь эти строчки, разве не возникает в сознании картина возможной ядерной войны. Дальше идет детализация этого противочеловеческого ужаса:

Сквозь эфир десятично-означенный
Свет размолотых в луч скоростей
Начинает число, опрозраченный
Светлой болью и молюю полей...

И дальше:

Весть летит светопыльной обнувою:
— Я не Лейпциг, я не Ватерлоо,
Я не Битва народов, я новое,
От меня будет свету светло...

Мандельштам хорошо понимал, видел, что будущая война — это:

Аравийское месиво, крошево,
Свет размолотых в луч скоростей...

Это:

Миллионы убитых задешево...
Небо крупных оптовых смертей...

И далее:

Нам союзно лишь то, что избыточно,
Впереди не провал, а промер,
И бороться за воздух прожиточный —
Эта слава другим не в пример.

И какой же беспомощный в этом ужасе мировой, цивилизованной бойни — человек:

Будут люди холодные, хилые
Убивать, холодать, голодать, —
И в своей знаменитой могиле
Неизвестный положен солдат.

Научи меня, ласточка хилая,
Разучившаяся летать,
Как мне с этой воздушной могилою
Без руля и крыла совладать...

Эти трогательные и простые стихи вырываются из всего произведения своей сердечностью и состраданием к человеку. Заканчивает произведение Мандельштам строками о себе, где утверждает и чувствует неразрывную, кровную связь со своим поколением, разделяя с ним общую судьбу:

Напрягаются кровью аорты,
И звучит по рядам шепотком:
— Я рожден в девяносто четвертом...
— Я рожден в девяносто втором...
И, в кулак зажимая истертый
Год рожденья — с гурьбой и гуртом —
Я шепчу обескровленным ртом:
Я рожден в ночь с второго на третье
Января — в девяносто одном
Ненадежном году — и столетья
Окружают меня огнем.

Конечно, стихотворение очень сложное, поэтому трудно сказать, что имел в виду Осип Эмильевич в последней строфе. Быть может, здесь речь идет о массовой гибели людей «гурьбой и гуртом» в лагерях, а не на войне. Так или иначе эти последние строчки стихотворения стали пророческими для самого поэта.

Не он один предсказал свою судьбу, вспомним хотя бы Гумилёва:

И умру я не на постели,
При нотариусе и враче,

А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюще...

(«Я и вы»)

И в другом стихотворении «Рабочий» Гумилёв пишет:

Пуля, им отлитая, просвищет
Над седою, вспененной Двиной,
Пуля, им отлитая, отыщет
Грудь мою, она пришла за мной.

Отношение к «Неизвестному солдату» у меня, к стыду моему, осталось юношеское, хотя я прекрасно понимаю его значение, глубину и то, что, очевидно, это одно из сильнейших произведений Мандельштама. По крайней мере, несомненно, что Осип Эмильевич придавал ему большое значение. Мне кажется, в какой-то степени оно явилось итогом целого периода — воронежского — творчества поэта.

Мы (Надежда Яковлевна и я) были захвачены в орбиту внутренней напряженной жизни Осипа Эмильевича и жили им, его стихами. Новые стихи были праздником, победой, радостью.

Наверное, нечасто выпадает такое счастье — быть свидетелем (нет, это не то слово) такого торжества духа надо всем. Воронежский период — это новое слово, сказанное Мандельштамом в русской поэзии XX века, подобного еще не было. Об этом же говорила и Анна Андреевна Ахматова:

«Поразительно, что простор, широта, глубокое дыхание появились в стихах Мандельштама именно в Воронеже, когда он был совсем не свободен:

И в голосе моем после удушья
Звучит земля — последнее оружие...»

Да он и сам прекрасно понимал это и прямо выразил в письме, написанном из воронежской ссылки Юрию Тынянову, на которое, кстати, не получил ответа. С этого письма я тогда сняла копию по просьбе Осипа Эмильевича. Она сохранилась в бумагах Надежды Яковлевны. Вот это письмо:

*Дорогой Юрий Николаевич!
Хочу Вас видеть. Что делать? Желание законное.*

Пожалуйста, не считайте меня тенью. Я еще отбрасываю тень. Но последнее время я становлюсь понятен решительно всем. Это грозно. Вот уже четверть века, как я, мешая важное с пустяками, наплываю на русскую поэзию; но вскоре стихи мои с ней сольются и растворятся в ней, кое-что изменив в ее строении и составе.

Не отвечать — мне легко.

Обосновать воздержание от письма или записки — невозможно. Вы поступите как захотите.

21/1— 37 г.

Это письмо интересно и как самооценка.

Очень много Осип Эмильевич читал. Он брал книги в университетской фундаментальной библиотеке, доступ к которой получил еще до нашего знакомства. Мандельштам высоко ценил эту библиотеку и не раз говорил, что в ней можно найти редчайшие книги, которые не всегда увидишь в библиотеках столичных. Вот и еще была радость в его жизни — общение с книгами.

Несмотря на изоляцию, подневольное положение и полное неведение, чем обернется будущее, Осип Эмильевич жил в духовном отношении активной, деятельной жизнью, его интересовало всё. Помню, как волновали его испанские события. Он начал даже изучать испанский язык и очень быстро на моих глазах в какой-то мере овладел им.

Может быть, под впечатлением этих событий одно из стихотворений Мандельштама («Когда щегол в воздушной сдобе...») заканчивалось строками:

И есть лесная Саламанка
Для непослушных умных птиц!

Апатия была не свойственна характеру Осипа Эмильевича, чуждо было ему и желчное раздражение, но в гнев он впадал не раз. Он мог быть озабочен, сосредоточен, самоуглублен, но даже в тех условиях умел быть и беззаботно веселым, лукавым, умел шутить.

Как-то Мандельштамы пришли к нам. Осип Эмильевич подошел к письменному столу, выдвинул ящик (там лежали особенно любимые книги) и увидел листки розовой бумаги со стихами, написанными тушью. Почерк ему показался знакомым. Осип Эмильевич без разрешения прочитал их. Сергей Борисович, уезжая, написал для меня свои стихи, среди них было одно, посвященное мне. Не знаю, по каким признакам Осип Эмильевич об этом догадался. Называлось оно «Баллада о движении» (в разлив, ранней весной мы

сидели с Сергеем Борисовичем на плоту). В стихотворении были слова «источник слез». Осип Эмильевич ничего не сказал, лукаво улыбнулся и написал эпиграмму:

Источник слез замерз, и весят пуд оковы
Обдуманых баллад Сергея Рудакова.

Бедный Сергей Борисович, наверное, и не узнал этой эпиграммы, так как погиб на фронте во время Великой Отечественной войны.

В этот период воронежской жизни Осип Эмильевич писал много эпиграмм, в которых доставалось мне и моим знакомым.

У меня была сослуживица по Институту гигиены и санитарии, немоложавая женщина Нора Яковлевна Эпштейн. Очень важная и томная дама. Она ярко красила губы, хорошо одевалась, работала лаборанткой, но ее муж был главный врач клинической больницы, он относился к ИТР⁴⁰, жили они в новом только что выстроенном доме в Итээровском переулке, что придавало Норе Яковлевне еще больше важности. Тут же в институте работала и ее сестра Елена Яковлевна, она была попроще, поскромнее, ее мужа Федю, агронома (в прошлом скрипача), очень тихого симпатичного человека, Осип Эмильевич знал еще по Киеву и хорошо к нему относился. Изредка днем, на несколько минут Мандельштамы даже заходили к нему. Вот этих Нору и Лену Осип Эмильевич увековечил в своей эпиграмме:

О, эта Лена, эта Нора,
О, эта Этна — И. Т. Р.
Эфир, Эсфирь, Элеонора —
Дух кисло-сладкий двух мегер.

Часто по вечерам от Мандельштамов я спешила к своему дяде, который болел и которого я очень любила. Так возникла шуточная надпись, приложенная к книжке «Стихотворения» издания 1928 года, подаренной мне Осипом Эмильевичем:

Эта книга украдена
Трошею в СХИ⁴¹
И резинкою Вадиной
Для Наташи она омоложена

---

⁴⁰ ИТР — инженерно-технические работники. Эта категория людей пользовалась рядом привилегий, например, дополнительным пайком.

⁴¹ СХИ — Сельскохозяйственный институт.

И ей дадена
В день посещения дядина.

Надпись была сделана на маленьком дамском конвертике с лиловым обрезаем (эти конвертики лежали в коробке, стоявшей у Надежды Яковлевны на столе).

На книге была совсем другая надпись: «Милой Наташе, — не знаю, что и надписать. Так мне приятно, что нашлась книжка подарить, хоть и плохая. Обещаю никогда больше таких книг не писать и во всем слушаться, — при условии, что и меня будет слушаться: О. М. В. 1/III/37 г.»

История подаренной книги такова. Троша, соквартирант Сергея Борисовича, получил путевку в местный дом отдыха имени Максима Горького, и там в библиотеке ему попала книга стихов Мандельштама, о котором он постоянно слышал от Рудакова. Недолго думая, Троша украл книжку и передал Осипу Эмильевичу для получения автографа. Между тем пока Осип Эмильевич собирался это сделать, Трошу направили на постоянную работу в район. О книжке все забыли. Как-то случайно она попала на глаза, Осип Эмильевич очень обрадовался: действительно, Вадиной резинкой (это был мальчик хозяйки) по возможности стер надписи и просто грязь, просмотрел все стихи, помню, одно вычеркнул, два дописал, что-то исправил. Везде поставил букву «В» (Воронеж), дату и инициалы О. М. и подарил мне. После войны я отдала ее Надежде Яковлевне. У меня остался только «Шум времени» с короткой надписью: «Милой, хорошей Наташе от автора. В. 16/V — 37 г.»

Возвращаюсь к конвертикам; на них были написаны и другие эпиграммы. Писал их Осип Эмильевич весело, часто за чаем, когда я собиралась уходить.

Пришла Наташа. Где была?
Небось не ела, не пила.
И чует мать, черна как ночь:
Вином и луком пахнет дочь.

Особенно потешала Осипа Эмильевича последняя строчка, так как лук я терпеть не могла да и к вину была совершенно равнодушна. Он читал ее с особым ударением. Были и другие экспромты, тоже за вечерним чаем, на конвертиках с лиловым обрезаем:

Наташа, ах, как мне неловко!
На Загоровского, на маму —

То бишь на божию коровку
Заказывает эпиграмму!

И еще шутка, записанная Осипом Эмильевичем на двух отдельных листках, с заголовком «Подражание новогреческому»:

Девочку в деве щадя, с объяснениями юноша медлил
И через семьдесят лет молвил старухе: люблю.

А на втором листке:

Мальчика в муже щадя, негодуя, медлила дева
И через семьдесят лет плюнула старцу в лицо.

Осип Эмильевич даже вычислил и на каждом листке написал, сколько лет было «деве» и «старцу». Шутка была связана со мной и Павлом Леонидовичем.

Была еще эпиграмма. Я всегда делала горячую завивку, Осип Эмильевич постоянно говорил, что мне лучше с гладкими волосами, но я оставалась верна своей привычке, тогда он написал эпиграмму:

Наташа спит. Зефир летает
Вкруг гофрированных волос.
Для девушки, как всякий знает,
Сон утренний источник слез...

Продолжение, к сожалению, забыла, помню только отдельные слова: «головомойку означает»... и дальше — «осушает (речь идет о волосах) какой-то мощный пылесос». Всё это было написано рукой Осипа Эмильевича опять-таки на конвертиках.

Часто бывали мы и в книжных магазинах. Это доставляло мне и Осипу Эмильевичу большое удовольствие. Привычка заходить почти ежедневно в книжный магазин возникла у меня давно, до знакомства с Мандельштамом. Я собирала книги, главным образом стихи, и у меня была уже порядочная библиотека. Книги я покупала везде, где бывала: и в Москве, и в Ленинграде, и в других городах. Помню еще букинистов у Китайской стены — книги были разложены на подстилках прямо на земле или на раскладных матерчатых столиках. Чего тут только не было, и цены были нормальные, тогда книги не являлись еще предметом спекуляции. Да и на старичков букинистов было приятно и интересно посмотреть.

В Воронеже на проспекте Революции находилось четыре книжных магазина (теперь и в одном продавать нечего). Особенно мы любили заходить в два из них. Один размещался в доме рядом со строительно-монтажным техникумом (теперь там булочная), второй — на первом этаже здания кинотеатра «Пролетарий» (сейчас там бар). Эти магазины казались нам необычными, и делали их необычными люди, работавшие в них. Первый назывался «Магазин индивидуальной книги». Доступ к книжным стеллажам был свободный, вместо прилавков стояли небольшие столики и стулья. Заведовал магазином Яков Романович Милой, чудный человек, влюбленный в книги, хорошо знавший вкусы своих покупателей. Кроме него была только одна продавщица, Мария Александровна, милая, красивая, обаятельная женщина. Магазин являлся своеобразным клубом, где встречались любители книг, делились впечатлениями по поводу прочитанного, спорили, радовались новой хорошей книге. Иногда Яков Романович даже звонил по телефону своим постоянным посетителям: приходите, есть такая-то книга. Прибегаешь, еще помучает: «У меня только одна книга, а вы пришли вдвоем»⁴².

Стоим и думаем: кто же окажется счастливым? А Яков Романович с заговорщическим видом идет за перегородку в так называемый свой кабинет и торжественно выносит вторую книгу.

Яков Романович уцелел на фронте, но совершенно потерял здоровье. Грустно и больно было на него смотреть. Он умер в первый суровый и голодный послевоенный год в растерзанном немцами Воронеже, где даже кров над головой найти было трудно.

Второй магазин — букинистический, заведовал им Яков Андреевич Чернышов, он же был и продавцом. Яков Андреевич, человек немолодой, когда-то работал у Сытина; это был прекрасный знаток книги и вообще очень хороший человек. У него можно было купить самые редкие книги. Я купила там «Снежную маску» А. Блока издания 1907 года, первое издание «Вечерних огней» Фета 1883 года, «Форель разбивает лед» М. Кузмина, «Четки» Ахматовой, «Кипарисовый ларец» Анненского 1923 года издания и многое другое. Ведь Воронеж до революции был дворянским городом, крутом было много имений с богатыми личными библиотеками, так что источник существовал. Если Яков Романович звонил своим покупателям, когда появлялась интересная книга, то Яков Андреевич, хитро улыбаясь, говорил: «Платите столько-то». Значит, сюрприз. Так были куплены мной «Камень» Мандельштама, его «Стихотворения» 1928 года, роскошный «Фауст» Гёте 1848 года издания. Осип Эмильевич книг

⁴² Обычно я приходила с Вадимом Покровским, тогда мы вместе работали в Институте гигиены и санитарии.

не покупал, но особенно часто заходил в этот магазин, с большим интересом рассматривал книги и очень любил поговорить с Яковом Андреевичем. Как я могла заметить, это доставляло большое удовольствие и тому и другому. А когда возникало критическое положение с деньгами, Осип Эмильевич и Надежда Яковлевна несли в магазин к Якову Андреевичу продавать свои драгоценные книги. И, конечно, не случайно книги эти всегда оказывались непроданными; получив откуда-нибудь деньги, Осип Эмильевич, к своей великой радости, выручал их.

В конце декабря 1936 года я заболела и слегла надолго. Надежда Яковлевна и Осип Эмильевич приходили каждый день. Мандельштамы старались развлечь меня, но у самого Осипа Эмильевича, я чувствовала, настроение было плохое.

Мы разговаривали, читали, иногда Осип Эмильевич грустно играл с моим котом, хотя играть с ним было мудрено. Кот был злой, дикий, и характер у него, надо сказать, был дьявольский. Он царапался, кусался, даже преследовал осмелившегося его погладить, чтобы вцепиться. Любил он, пожалуй, только меня, остальных, кто бывал у нас, кое-как терпел. Внешность его вполне соответствовала повадкам. Кот был совершенно черный, без единого пятнышка, с огромными изумрудными глазами. Смотрел он на человека всегда пристально, и в глазах был вопрос с оттенком презрения. Мне казалось, что он всё понимает, и я не удивилась бы, если бы он заговорил. Было в нем нечто зловещее, ведьмовское, таинственное. Кот очень занимал Осипа Эмильевича, и однажды, придя к нам, Мандельштам прочитал мне стихотворение:

Оттого все неудачи,
Что я вижу пред собой
Ростовщичий глаз кошачий —
Внук он зелени стоячей
И купец воды морской.

Там, где огненными щами
Угощается Кашей,
С говорящими камнями
Он на счастье ждет гостей,
Камни трогает клешщами,
Щиплет золото гвоздей.

У него в покоях спящих
Кот живет не для игры

У того в зрачках горящих
Клад зажмуренной горы —
И в зрачках тех леденящих,
Умоляющих, просящих —
Шароватых искр пиры.

Видя настроение Осипа Эмильевича, я не восприняла это стихотворение как шуточное, было в нем какое-то тоскливое предчувствие беды, беспокойство.

В письме Н. С. Тихонову от 31 декабря 1936 года Мандельштам сам дает оценку «Кашееву коту»: «В этой вещи я очень скромными средствами, при помощи буквы «ца» и еще кое-чего, сделал материально кусок золота. Язык русский на чудеса способен: лишь бы стих ему повиновался, учился у него и смело с ним боролся. Как любой язык чтит борьбу с ним поэта, и каким холодом платит он за равнодушие и ничтожное ему подчинение! Стишок мой в числе других когда-нибудь напечатают, и он будет принадлежать народу советской страны, перед которым я в бесконечном долгу»⁴³.

В январе 1937 года Осип Эмильевич чувствовал себя особенно тревожно, он задыхался... И все-таки в эти январские дни им было написано много замечательных стихотворений. Как узнавала я в них нашу зиму, морозную, солнечную, яркую:

В лицо морозу я гляжу один —
Он — никуда, я — ниоткуда —
И всё утожится, плоится без морщин
Равнины дышащее чудо.

А солнце щурится в крахмальной нищете —
Его прищур спокоен и утешен.
Десятизначные леса — почти что те...
И снег хрустит в глазах, как чистый хлеб, безгрешен.

16 января 1937

Но тревога нарастала, и уже в следующем стихотворении Мандельштам пишет:

О, этот медленный, одышливый простор!
Я им пресыщен до отказа —

---

⁴³ «Глагол», 1983, № 1.

И отдышавшийся распахнут кругозор —
Повязку бы на оба глаза!

И всё разрешается замечательным и страшным стихотворением:

Куда мне деться в этом январе?
Открытый город сумасбродно цепок...
От замкнутых я, что ли, пьян дверей? —
И хочется мычать от всех замков и скрепок...

Если Осипа Эмильевича не особенно угнетало отсутствие средств к существованию, то та изоляция, в которой он оказался в Воронеже, при его деятельной, активной натуре порой для него была непереносима, он метался, не находил себе места. Вот в один из таких острых приступов тоски Осип Эмильевич и написал это трагическое стихотворение.

Как-то утром пришли Осип Эмильевич и Надежда Яковлевна, и Мандельштам прочитал его, меня оно потрясло. Как ужасно чувство бессилия! Вот, на твоих глазах задыхается человек, ему не хватает воздуха, а ты только смотришь и страдаешь за него и вместе с ним, не имея права подать даже виду. В этом стихотворении я узнавала внешние приметы моего города. Мандельштамы иногда шли к нам не по проспекту Революции, а низом, по Поднабережной, и там на стыке нескольких улиц — Мясной Горы, Дубницкой и Семинарской Горы — действительно стояла водокачка (маленький кирпичный домик с одним окошком и дверью), был и деревянный короб для стока воды, и всё равно люди расплескивали ее, кругом всё обледенело.

И в яму, в бородавчатую темь
Скольжу к обледенелой водокачке
И, спотыкаясь, мертвый воздух ем,
И разлетаются грачи в горячке —

А я за ними ахаю, крича
В какой-то мерзлый деревянный короб...

Всё это правда. Да, да, и «переулков лающих чулки, и улиц пе-рекошенных чуланы» — Суконовки (Левая и Правая, узкие, кривые), Венецкая, Мало-Чернавская... как много их в этом узле! Запутаешься, закружат... Как не замечала раньше!

В эти дни я как-то пришла к Мандельштамам. Мой приход не вызвал обычного оживления. Не помню кто, Надежда Яковлев-

на или Осип Эмильевич, сказал: «Мы решили объявить голодовку». Мне стало страшно. Возможно, видя мое отчаяние, Осип Эмильевич начал читать стихи. Сначала свои, потом Данте. И через полчаса уже не существовало ничего в мире, кроме всесильной гармонии стихов. Кажется, никогда не было так хорошо! Я запомнила это на всю жизнь, очевидно, по резкому контрасту двух противоположных чувств.

Только такой чародей, как Осип Эмильевич, умел увести в другой мир. Нет ни ссылки, ни Воронежа, ни этой убогой комнаты с низким потолком, ни судьбы отдельного человека.

Необъятный мир чувства, мысли, божественной, всесильной музыки слов захватывал тебя целиком, и кроме этого ничего не существовало. Читал стихи Осип Эмильевич, как я уже говорила, неповторимо, у него был очень красивый голос, грудной, волнующий, с поразительным богатством интонаций и удивительным чувством ритма. Читал он часто с какой-то нарастающей интонацией. И, кажется, это непереносимо, невозможно выдержать этого подъема, взлета, ты задыхаешься, у тебя перехватывает дыхание, и вдруг на самом предельном подъеме голос разливается широкой, свободной волной.

Трудно представить человека, который умел бы так уходить от своей судьбы, становясь духовно свободным. Эта свобода духа поднимала его над всеми обстоятельствами жизни, и это чувство передавалось другим.

Голодовка не была объявлена, и больше никогда на эту тему разговора не возникло. Может, меня пожалели, не знаю, я, кажется, этого не пережила бы.

И, несмотря ни на что, было хорошо! Я обрадовалась, узнав, что не только я так чувствовала. Когда через сорок лет вышла книга Осипа Эмильевича «Разговор о Данте», Надежда Яковлевна, подписывая ее мне, назвала зиму 1936/37 года страшной и счастливой.⁴⁴ Анна Андреевна Ахматова, которая навестила поэта в изгнании в феврале 1936 года⁴⁵, так передала свое впечатление от его жизни в известном стихотворении «Воронеж», посвященном Осипу Эмильевичу:

А в комнате опального поэта

Дежурят страх и Муза в свой черед.

---

⁴⁴ На книге «Разговор о Данте» (М., Искусство, 1967) Н.Я. Мандельштам написала: «Наташе Штемпель, другу, той, которая была единственным светом и радостью в страшную и счастливую зиму 36/37 года в Воронеже — эту первую за сорок лет книгу, Надежда Мандельштам. 31 июля 67 г.»

⁴⁵ Анна Ахматова была в Воронеже с 5 по 11 февраля.

И ночь идет.

Которая не ведает рассвета.

А ведь она побывала здесь тогда, когда еще существовали какие-то связи с писательскими организациями, когда была какая-то работа или видимость ее — в театре, радиоцентре, даже командировки в совхоз.

Осип Эмильевич, рассказывая мне о приезде Анны Андреевны, смеясь, говорил: «Анна Андреевна обиделась, что я не умер». Он, оказывается, дал ей телеграмму, что при смерти.

И она приехала, осталась верна старой дружбе, не побоялась приехать, несмотря на свое тоже неблагоприятное положение⁴⁶.

Позднее, уже в период моей дружбы с Мандельштамами, всё было обрублено — ни людей, ни связей, ни работы.

«Наше благополучие кончилось осенью 1936 года, когда мы вернулись из Задонска. Радиокомитет упразднили, централизовав все передачи, не оказалось работы и в театре, газетная работа тоже отпала. Рухнуло всё сразу», — писала Надежда Яковлевна.

Мандельштамы оказались в полной изоляции.

В апреле 1937 года Осип Эмильевич писал Корнею Ивановичу Чуковскому: «Я поставлен в положение собаки, пса... Я — тень. Меня нет. У меня есть одно только право — умереть. Меня и жену толкают на самоубийство... Нового приговора к ссылке я не выполню. Не могу».

Такое настроение, очевидно, усугублялось приближением конца высылки и полным неведением будущего, а также выпадами против поэта в местной печати. В апреле в областной газете «Коммуна» появилась статья, направленная против Мандельштама⁴⁷. Несколько позднее, в том же 1937 году, в первом номере аль-

⁴⁶ С.Б. Рудаков в письме жене от 5 февраля 1936 г. так описывал этот приезд: «Осипа» оставили дома (и ходить ему утомительно, и, главное — он «тяжело» болен, судя по телеграмме, вчерашне посланной. — неловко же жить), а мы с Н<адин> поехали на вокзал. Перрон. Толпа. Анна Андреевна — в старом, старом пальто и сама старая. Вид кошмарный. Сажу их на извозчика, сам трамваем. Приезжаем почти одновременно. Вхожу: она еще не разделась. Осип> полупомешался от переживаний. Она снимает шляпу и преобразается. <...> Когда она оживлена, лицо прекрасно и лишено возраста. Чудные волосы. Очень похудела, что дает стройность(?)» (О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936) / Публ. и подготовка текста Л.Н. Ивановой и А.Г. Меца // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год. СПб.: Акад. проект, 1997. С. 136–137).

⁴⁷ Статья воронежской писательницы О.К. Кретовой «За литературу, созвучную эпохе!» (Коммуна. 1937. 23 апреля. С. 3). Мандельштам в ней упоминается в ряду «троцкистов и других классово-враждебных людей». В примечаниях к «Альбому» Наталья Евгеньевна писала: «К опубликованию статьи <...> О.К. Кретовой вынудили следующие обстоятельства. Был арестован ее муж (редактор одной из районных газет). На руках у Кретовой остался маленький ребенок. М. Булавин и М. Подобедов обратились

манаха «Литературный Воронеж», выпад против Мандельштама был еще более резким. В обзорной статье «Воронежские писатели за 20 лет» Н. Романовский и М. Булавин писали: «Пользовавшиеся поддержкой врагов народа, прибывшие в 1934 году в Воронеж троцкисты Стефен, Айч, Мандельштам, Калецкий пытались создать сильное оцепление писательского коллектива, внося дух ма-разма и аполитичности. Попытка эта была разбита. Эта группа была разоблачена и отсечена, несмотря на явно либеральное отношение к ней работников Обкома (Генкин и др.), которые предлагали «перевоспитать» эту банду»⁴⁸.

Там же местный поэт Григорий Рыжманов⁴⁹ опубликовал памфлет на Мандельштама «Лицом к лицу»:

Пышной поступью поэта,
Недоступный, словно жрец,
Он проходит без привета
И... без отклика сердец.

к В. Ставскому с вопросом: как быть с Кретовой? И он предложил считать ее мужа лишь отцом ребенка. Это и спасло Кретову. Интересно отметить, что первая строфа стихотворения Мандельштама «Рождение улыбки»: «Когда заулыбается дитя / С развилкой и горечи, и сласти, / Концы его улыбки, не шутя, / Уходят в океанское безвластье» — написана в связи с сыном Кретовой, которого поэт неоднократно видел. Она всюду водила сына за собой».

⁴⁸ Названные вместе с Мандельштамом три человека — его знакомые из числа высланных в Воронеж интеллигентов. М.Я. Булавин рассказывал В.Н. Гыдову в феврале 1982 г. о возмущившем его и коллег случае в перерыве какого-то собрания в писательской организации, когда Мандельштам и его знакомые Калецкий, Айч, Стефен заговорили между собой по-немецки: «Я подошел к ним и сказал: «Прекратите говорить по-немецки...» Далее М.Я. Булавин уточнил: «Разговор по-немецки посеял дух неприязни... Генкин — член обкома. Видимо, духовный вождь «Подъема», как Хомейни. Айч — циркач, снайпер, выступал со стрельбой в цель. Они — Калецкий, Айч, Стефен, Мандельштам кружковались, их объединяла общая беда». Эти же самые лица были названы вместе с Мандельштамом и в вышеприведенной статье О.К. Кретовой.

⁴⁹ Рыжманов Григорий Никандрович (1907–1985), воронежский поэт. В 1928 г. окончил педагогический техникум в городе Богучаре, в 1931 г. — Воронежский университет. До войны работал литсотрудником в воронежских газетах, журнале «Подъем», в Центрально-Черноземном книжном издательстве. На фронте был журналистом. С Мандельштамом встречался несколько раз, но эпизодически. Запомнил лишь, что однажды подсел к поэту, сидевшему на скамейке у редакции «Коммуны», — «поговорили по-товарищески, вежливо», но в конце разговора Рыжманов, невольно оговорившись, произнес фамилию поэта искаженно — Мандельштамп, и как ему показалось, Мандельштама задела эта обмолвка. Причины написания стихотворения «Лицом к лицу» Рыжманов вспомнить не мог: «Были же и другие репрессированы, но о них же я не писал. Может, дух соперничества, демон зависти... Внешнего вида было недостаточно: ходит, ни на кого не смотрит. Может, он как-то оценил мои стихи...» (записано В.Н. Гыдовым в августе 1981 г.).

Подняв голову надменно,
Свысока глядит на люд, —
Не его проходит смена,
Не его стихи поют.

Буржуазен, он не признан,
Нелюдимый, он — чужак,
И побед социализма
Не воспеть ему никак.

И глядит он вдохновенно:
Неземной — пророк на вид.
Но какую в сердце тленном
К нам он ненависть таит!

И когда увижу мэтра
Замолчавших вражьих лир,
Напрягаюсь, как от ветра,
Четче, глубже вижу мир.

Презирай, гляди надменно —
Не согнусь под взглядом я,
Не тебе иду на смену,
И не ты мой судия!

Декабрь 1936⁵⁰

В ответ на всё это Мандельштам написал письмо в секретариат Союза советских писателей:

Уважаемый тов. Ставский,

Прошу Союз Советских Писателей расследовать и проверить позорящие меня высказывания воронежского областного отделения Союза. Вопреки утверждениям Обл«астного» Отд«еления» Союза, моя воронежская деятельность никогда не была разоблачена Обл«астным» Отд«елением», но лишь голословно опорочена задним числом... Называя три фамилии (Стефен, Айч, Мандельштам), автор статьи от имени Союза предоставляет читателю и заинтересованным организациям самим разбираться: кто из трех троцкист. Три человека не дифференцированы, но названы: «троцкисты и другие классово-враждебные элементы».

---

⁵⁰ Эти материалы собраны Василием Гыдовым.

Я считаю такой метод разоблачения недопустимым⁵¹.

Я сказала Осипу Эмильевичу, что выхожу замуж. На другой день Осип Эмильевич прочитал мне стихотворение «Наташа», свадебное стихотворение. Собственно говоря, оно не имело названия. Мы его назвали «Наташа» условно, начиналось оно так:

Клейкой клятвой липнут почки,
Вот звезда скатилась, —
Это мать сказала дочке,
Чтоб не торопилась...⁵²

Был и первый вариант, который мне нравился больше, но Осип Эмильевич изменил его, «потому что он автобиографичен». Так он сказал мне. К сожалению, я его совсем не помню.

Осип Эмильевич просил меня привести и показать Бориса. Борис почему-то оттягивал эту встречу, хотя очень любил стихи, был страстным поклонником Пастернака. Наконец, я обещала Осипу Эмильевичу вечером прийти с Борисом. Борис заупрямился, ему понадобилось непременно идти в кино. После споров решили этот вопрос компромиссно: отправиться к Мандельштамам из кино. Был одиннадцатый час, когда мы подошли к окну комнаты Осипа Эмильевича. Свет был погашен, и Осип Эмильевич стоял у открытой форточки, ожидая нас. Я окликнула его, он сейчас же вышел. «Так вот вы какой!» — произнес он, внимательно разглядывая Бориса. Мы вышли на проспект, почему-то мужчины решили выпить вина (ни тот, ни другой к нему пристрастия не имели) и начали водить меня по погребкам. Их на проспекте было много. Не успевали мы туда спуститься, как я бежала назад: нет стульев, неудобно, мрачно. Тогда они повели меня в погребок, где были столы и стулья. Это была какая-то преисподняя. Темно от табачного дыма, дышать нечем, и в этом табачном тумане пьяные физиономии. Наконец сообразили пойти в лучший воронежский рес-

---

⁵¹ Письмо, приводимое Натальей Евгеньевной, написано 30 апреля 1937 г. и является ответом лишь на статью О.К. Кретовой в газете «Коммуна». Альманах «Литературный Воронеж» был сдан в печать 22 октября 1937 г., уже после отъезда Мандельштамов из Воронежа, и выпады, содержащиеся в нем, поэту остались, по всей видимости, неизвестны.

⁵² В письме Н.Я. Мандельштам от 2 мая 1937 г. поэт говорит об этом стихотворении: «Для общезначимости пришлось приписать Наташе старшего брата и сестру и постулировать характер будущего мужа. Но, что я ее уговариваю выйти замуж, это вполне реально». Наталья Евгеньевна по поводу последнего утверждения сказала В.Н. Гидову (июнь 1984 г.): «Да ничего он не уговаривал!» На вопрос: это он для жены писал? — ответила, засмеявшись: «Да, для Надежды Яковлевны».

торан «Бристоль»⁵³. Отдельных кабинетов не существовало, а в общем зале были отгорожены желтым шелком кабины. Одну из них мы заняли. Создавалась иллюзия, что мы одни. Ели испанские апельсины. Осип Эмильевич много читал стихов, был очень оживлен. Борису он сказал, что завидует Пастернаку, что у него такие почитатели. Мы проводили Осипа Эмильевича домой. Я шла впереди, они сзади, увлеченно о чем-то разговаривая⁵⁴. Я вспоминаю этот эпизод, чтобы рассказать, как возникло стихотворение «К пустой земле невольно припадая...». Но этому предшествовал еще один разговор.

Незадолго до нашего «путешествия» по кабачкам я зашла к Осипу Эмильевичу и сказала, что мне по делу надо побывать у Туси, моей приятельницы и сослуживицы⁵⁵. Осип Эмильевич пошел со мной. На обратном пути он меня спросил: «Туся не видит одним глазом?»

Я ответила, что не знаю, что никогда на эту тему с ней не говорила, очевидно, не видит. «Да, — сказал Осип Эмильевич, — люди, имеющие физический недостаток, не любят об этом говорить». Я возразила, сказав, что не замечала этого и легко говорю о своей хромоте. «Что вы, у вас прекрасная походка, я не представляю вас иначе!» — горячо воскликнул Осип Эмильевич.

На другой день после ночной прогулки я зашла из техникума к Мандельштаму. Надежда Яковлевна была в Москве. Осип Эмильевич сидел на кровати в своей обычной позе, поджав под себя ноги по-турецки и опираясь локтем на спинку. Я села на кушетку. Он был серьезен и сосредоточен. «Я написал вчера стихи», — сказал он. И прочитал их. Я молчала. «Что это?» Я не поняла вопроса и продолжала молчать. «Это любовная лирика, — ответил он за меня. — Это лучшее, что я написал». И протянул мне листок.

1

К пустой земле невольно припадая,
Неравномерной сладкою походкой
Она идет, чуть-чуть опережая
Подругу быстрюю и юношу-погодка.

⁵³ Ныне ресторан «Москва».

⁵⁴ В письме жене от 4 мая 1937 г. Мандельштам писал: «Вчера ночью я сбежал от мамы, как испанка от старой дуэньи. В 12 ч. в окно постучали Наташа и ее Борис. Мама спала. Я тайком выкрался, и пошли в "Бристоль". Борис поставил на троих одну свиную котлету, три апельсина и бутылку Бордо. Я купил маме апельсин и положил под подушку. Она проснулась и сказала: "Я не маленькая". Она не заметила, что я уходил». Этот эпизод Наталья Евгеньевна прокомментировала В.Н. Гыдову так (июнь 1984 г.): «Свиную котлету Мандельштам есть отказался. "Я голоден", — сказал Борис».

⁵⁵ См. письмо Н.Е. Штемпель П.М. Нерлеру от 3 ноября 1987 г.

Ее влечет стесненная свобода
Одушевляющего недостатка,
И, может статься, ясная догадка
В ее походке хочет задержаться —
О том, что эта вешняя погода —
Для нас — праматерь гробового свода —
И это будет вечно начинаться.

2

Есть женщины, сырой земле родные,
И каждый шаг их — гулкое рыданье,
Сопровождать воскресших и впервые
Приветствовать умерших — их призванье.
И ласки требовать у них преступно,
И расставаться с ними непосильно.
Сегодня — ангел, завтра — червь могильный,
А послезавтра — только очертанье...
Что было поступь — станет недоступно...
Цветы бессмертны. Небо целокупно.
И всё, что будет, — только обещанье.

4 мая 1937

И я сразу вспомнила нашу прогулку втроем холодной майской ночью, разговор с Осипом Эмильевичем о Тусе и моей хромоте.

Стихи были написаны тушью на суперобложке к Баратынскому. Осип Эмильевич продолжал: «Надюша знает, что я написал эти стихи, но ей я читать их не буду. Когда умру, отправьте их как завещание в Пушкинский Дом». И после небольшой паузы добавил: «Поцелуйте меня». Я подошла к нему и прикоснулась губами к его лбу — он сидел как изваяние. Почему-то было очень грустно. Упоминание о смерти, а я должна пережить?! Неужели это прощальные стихи? На другой день мы зашли в Петровский сквер. Осип Эмильевич был весел, я сказала, что не могу разобрать во вчерашнем стихотворении ни единого слова. Он написал мне тут же эти стихи о памяти разборчиво карандашом на листке из ученической тетради⁵⁶.

---

⁵⁶ Когда я приехала в Москву в марте 1975 года и прочла Надежде Яковлевне эту рукопись, она сказала: «Наташа, вы о своих стихах не всё сказали, неполно, это не прощальные стихи. Ося возлагал на вас большие надежды». И она повторила строчки: «Сопровождать воскресших и впервые / Приветствовать умерших — их призванье...».

...Возвратившись из Москвы, Надежда Яковлевна прочитала мне другое стихотворение: «На меня нацелилась груша да черемуха...» — и, улыбаясь, сказала: «Это о нас с вами, Наташа»⁵⁷.

Завещания поэта я не выполнила. Уже после войны, когда Надежда Яковлевна приехала ко мне в Воронеж, я отдала ей оба экземпляра стихотворения. Вообще я отдала всё, что у меня было: блокноты со стихами, стихи на отдельных листках и полосках ватмана, эпиграммы на конвертиках, фотографии, книжку стихотворений 1928 года, правленую Осипом Эмильевичем, а главное — все письма (подлинники, копий тогда с них не было) Осипа Эмильевича Надежде Яковлевне. Она передала их мне на хранение после смерти Осипа Эмильевича, когда мы встретились с ней в Москве точно не помню где: у ее брата Евгения Яковлевича

В своих воспоминаниях Надежда Яковлевна так писала об этом стихотворении: «Прекрасные стихи Наташе Штемпель стоят особняком во всей любовной лирике Мандельштама. Любовь всегда связана с мыслью о смерти, но в стихах Наташе высокое и просветленное чувство будущей жизни. Он просит Наташу оплакать его мертвым и приветствовать воскресшего».

В тот же день, 6 мая, судя по письму Н.Я. Мандельштам от 7 мая 1937 г., поэт ездил к Наталье Евгеньевне домой: «Последние дни я почти свободно выхожу один, изумляя воронежцев своей одинокой фигурой. Вчера раскачался даже к Наташе. Только в трамвае № 3 чуть-чуть испугался. <...> Она работает сейчас по 10 часов и почти не заходит». Наталья Евгеньевна рассказывала В.Н. Гыдову (июнь 1986 г.), что незадолго до отъезда из Воронежа, уже после написания стихотворения-завещания, Осип Эмильевич был у нее дома, на улице Каляева, и когда она пошла его проводить, по дороге на трамвайную остановку, он сказал, что любит ее. «Мы с вами будем жить, где вы захотите, хотите в Москве, хотите — на Юзе...» Наталья Евгеньевна заплакала и сказала: «Как жалко, что всё было так хорошо и теперь всё рухнуло...» Он стал ее успокаивать, сказал что-то тривиальное, вроде, он не стоит и одной слезинки ее. Обещал, что всё будет по-прежнему. Для Натальи Евгеньевны признание поэта казалось невозможным. В ее сознании Надежда Яковлевна и Осип Эмильевич были неразделимы: «Я не могла себе представить одного без другого, скорее, могла представить ее без него, но не его без нее. Мне с ними двумя было хорошо. После этого случая Осип Эмильевич как-то так сумел себя повести, что я забыла обо всем. И никогда сама с собой это не вспоминала. И вообще никому, кажется, не рассказывала».

⁵⁷ *Наталья Евгеньевна очень неохотно, с большим внутренним сопротивлением касалась вопросов, связанных с ее значением в судьбе Мандельштама. Принципиально не желая выделяться, занимать какое-то особое положение, она устранялась от самоценнок, стараясь приглушить или вообще опустить в своих воспоминаниях благодарные и высокие оценки в свой адрес. Так, Наталья Евгеньевна никак не пишет о том, как восприняла Надежда Яковлевна ее воспоминания. В.Н. Гыдову она говорила (июнь 1986 г.), что не хочет писать о том, как прочитала в первый и последний раз Надежде Яковлевне свои воспоминания. «Надежда Яковлевна начинала слушать с прохладцей, потом была просто поглощена. Не пропустила ни одного слова, переспрашивала: «Ну-ка, ну-ка, какая я была?..» В конце сказала: «Ося у вас получился живой. У меня этого нет...» И больше никогда не заводила речь об этих воспоминаниях». Наталья Евгеньевна тоже молчала, по ее словам, боялась, что Надежда Яковлевна у нее их попросит и еще передаст куда-нибудь за рубеж.*

или у Шуры, брата Осипа Эмильевича. Письма были в железном сундучке от чая. В эту же встречу Надежда Яковлевна подарила мне одну из любимых книг Осипа Эмильевича — томик Клейста. Это было старое издание: готический шрифт, желтоватая бумага, кожаный корешок. Своей рукой Надежда Яковлевна написала: «Из библиотеки Осипа Мандельштама». (Книга пропала в занятом немцами Воронеже)⁵⁸.

Я очень привязалась к Мандельштамам. Для меня Надежда Яковлевна и Осип Эмильевич были совершенно неразделимы. Я не могла их представить отдельно и кого из них любила больше — не знаю.

Редко, наверное, в жизни встречаются такие браки, такое понимание, такая духовная близость. Надежда Яковлевна была вро-

---

⁵⁸ *Подробнее о судьбе и составе сохраненного ею мандельштамовского архива Наталья Евгеньевна писала в примечаниях к «Альбому»: «4 июля 1942 года мы ушли из горящего Воронежа. В последнюю минуту, сложив в стопку и перевязав крест-накрест веревочкой, я захватила с собой мандельштамовский "архив". В октябре 1944 года мы вернулись в Воронеж, и по чистой случайности я разыскала несколько особенно дорогих мне книг из своей библиотеки, в том числе и подаренные мне Осипом Эмильевичем "Шум времени" и "Стихотворения" 1928 года с автографами. В 1947 году ко мне в Воронеж приехала Надежда Яковлевна. Она очень обрадовалась, узнав, что "архив" Мандельштама цел. Пропали только письма и телеграммы Осипа Эмильевича ко мне из Москвы, Ленинграда, Савёлова, Калинина. Я отдала Надежде Яковлевне почти всё, что у меня было: 1) Письма Мандельштама, адресованные ей, которые после смерти Осипа Эмильевича Надежда Яковлевна отдала мне на хранение (в жестяном сундучке из-под чая). Это были подлинники, и потеря их была бы невосполнима, так как копий писем тогда не было. 2) Три больших голубых блокнота с воронежскими и ненапечатанными предворонежскими стихами ("Наташина книга"). 3) Стопку отдельных узких листочков ватмана, на которых записывались, по мере создания, воронежские стихи 1936–37 гг. 4) Автограф "Чернозема" (тушью, на хорошей глянцевои бумаге) и эпиграммы на меня и моих друзей, записанные Надеждой Яковлевной на дамских конвертиках с лиловым обрезом. Одна эпиграмма ("Наташа спит, Зефир летает...") была записана наполовину Мандельштамом, наполовину мной. 5) Рукописный список всех стихов, сделанный Надеждой Яковлевной уже после смерти Осипа Эмильевича (сложенные тетрадкой листы бумаги, сплошь исписанные ее бисерным разборчивым почерком). 6) Воронежскую фотографию Мандельштама — его подарок и фотографию, где Осип Эмильевич снят с Верой Яковлевной. 7) Книгу "Стихотворения" 1928 г., надписанную мне и правленную Осипом Эмильевичем, одно стихотворение он перечеркнул, а в два других вписал недостававшие строки. 8) Несколько стихотворений С.Б. Рудакова, переписанных для меня на прощанье (одно из них — "Баллада о движении" — обращено ко мне). 9) Об оде о Сталине, которую Осип Эмильевич прислал меня уничтожить, Надежда Яковлевна только спросила — цела ли она и оставила ее у меня, так же как и оба автографа стихотворения "К пустой земле невольной припадая..." В этот приезд Надежда Яковлевна даже не стала их читать (Осип Эмильевич только говорил ей о существовании этих стихов, но не читал). Она прочтала их и взяла вместе с "Одой" в следующий свой приезд, кажется, в 1948 г. Взамен Надежда Яковлевна прислала мне машинописные копии стихов, писем и прозы ("Путешествие в Армению" и "Разговор о Данте"). У меня остался только "Шум времени" 1925 г., надписанный Осипом Эмильевичем.*

вень своему мужу по уму, образованности, огромной душевной силе. Я никогда не слышала от нее жалоб, не видела ее раздраженной или удрученной. Она всегда была равна, внешне спокойна. Она безусловно являлась моральной опорой для Осипа Эмильевича. На ней держалась жизнь. Тяжелая, трагическая его судьба стала и ее судьбой. Этот крест она сама взяла на себя и несла его так, что казалось, иначе и не могло быть. А могло быть иначе, ведь ее никто не высылал, она поехала за мужем добровольно, и добровольно разделила с ним его участь. До сих пор вижу ее большие ясные серо-голубые глаза, улыбку, которой она всегда встречала меня, ровный, спокойный тон. Женская говорливость не была ей свойственна, скорее она была молчалива. Мне всегда казалось, что Осип Эмильевич без нее не мог бы существовать. Поэтому так стало страшно, когда его оторвали от нее и сослали за Владивосток в пересыльный лагерь, где он и умер⁵⁹.

Не раз я присутствовала при таинстве создания стихов. Осип Эмильевич обычно сидел на кровати в своей характерной позе и что-то невнятно бормотал, пока это бормотанье не превращалось в членораздельную речь. Он не писал и не записывал свои стихи, а если и записывал, то в виде редчайшего исключения. Лучше всего об этом сказал он сам: «У меня нет рукописей, нет записных книжек, нет архива. У меня нет почерка, потому что я никогда не пишу. Я один в России работаю с голоса». Да, действительно он создавал стихи на слух, он работал «с голоса», а потом диктовал их Надежде Яковлевне. «Стихи, записанные Надей, — говорил Осип Эмильевич,

⁵⁹ У Н.Я. Мандельштам сохранилось письмо, написанное мужу в лагерь 22 октября 1938 г., им она заканчивает свою «Вторую книгу»: «Вот письмо, которое не дошло до своего адресата. <...> Я написала его в октябре 38 года, а в январе узнала, что Мандельштам умер. <...>

Ося, родной, далекий друг! Милый мой, нет слов для этого письма, которое ты можешь никогда не прочтешь. Я пишу его в пространство. Можешь ты вернуться, а меня уже не будет. Тогда это будет последняя память. Осюша — наша детская с тобой жизнь — какое это было счастье. Наши ссоры, наши перебранки, наши игры и наша любовь. Теперь я даже на небо не смотрю. Кому показать, если увижу тучу? Ты помнишь, как мы притаскивали в наши бедные бродячие дома-кибитки наши нищенские пирсы? Помнишь, как хорош хлеб, когда он достался чудом и его едят вдвоем? И последняя зима в Воронеже. Наша счастливая нищета и стихи. <...> Каждая мысль о тебе. Каждая слеза и каждая улыбка — тебе. Я благословляю каждый день и каждый час нашей горькой жизни, мой друг, мой спутник, мой милый слепой поводырь... Мы как слепые щенята тыкались друг в друга, и нам было хорошо. И твоя бедная горячешная голова и всё безумие, с которым мы прожигали наши дни. Какое это было счастье — и как мы всегда знали, что именно это счастье. <...> Не знаю, где ты. Услышишь ли ты меня? Знаешь ли, как люблю? Я не успела тебе сказать, как я тебя люблю. Я не умею сказать и сейчас. Я только говорю: тебе, тебе... Ты всегда со мной, и я — дикая и злая, которая никогда не умела просто заплакать, — я плачу, я плачу. Это я — Надя. Где ты? Прощай. Надя» (Мандельштам Н.Я. Вторая книга. М., 1999. С. 626–628).

— могут идти в порядке рукописи». Внимательно прочитав записанное стихотворение (почему-то всегда стоя, наклонившись над столом), он ставил букву «В» (Воронеж) и дату. К дате Мандельштам относился очень щепетильно, но совершенно был безразличен к знакам препинания, и тот, кто писал под его диктовку, ставил их по своему усмотрению. Помню, одно время стихи записывались на узкие листочки, нарезанные из ватмана, они не раз переписывались тонким, мелким и очень разборчивым почерком Надежды Яковлевны. Многие из этих листков потом попадали ко мне, как и конвертики с эпиграммами. Незадолго до отъезда из Воронежа Осип Эмильевич попросил Надежду Яковлевну переписать для меня все стихи. Получилось три толстых голубых блокнота. На первом из них печатными буквами было написано «Наташина книга». Осип Эмильевич отдал их мне, также поставив под каждым стихотворением дату и букву «В». Он ничего не сказал, вручая мне это сокровище. Что он думал — не знаю. Я тогда ничего не думала, просто была счастлива. Я так привыкла к его стихам, он уезжал, мне трудно было бы жить без них, а их ведь ни у кого больше не было, да и не знал их почти никто.

Подарил он мне и свою воронежскую фотографию. Накануне отъезда по его желанию мы все пошли в пятиминутную фотографию на рынке. Как и следовало ожидать, карточка получилась ужасная. К великому сожалению, Осип Эмильевич отказался идти в хорошую фотографию, сказав, что не хочет меня подводить. Подводить? Почему именно теперь пришло ему это в голову? Ведь встречались почти каждый день, а вот теперь, когда его освободили, у него возникло такое опасение. Каким же непрочным было ощущение этой «свободы»!

Был и еще один подарок, фарфоровая обезьянка, на обратной стороне Осип Эмильевич написал: «Наташа, Ося». Я забыла обезьянку, покидая занимаемый немцами Воронеж. Ведь всё было оставлено, мы уходили налегке, в последние минуты. Но если бы я вспомнила, обязательно взяла бы ее, как взяла стихи, листочки, книжку, фотографии и письма, которые, как я уже говорила, отдала мне Надежда Яковлевна после гибели Осипа Эмильевича. Тут я уже понимала, что нужно сохранить всё во что бы то ни стало.

И мне удалось это сделать: я не расставалась с небольшим свертком ни в товарных поездах, ни на станциях, ни в деревне, куда мы попали на некоторое время; короче говоря, он был всегда со мной во всех мытарствах, пока мы не оказались в Куйбышеве, в эвакуации.

Для большей гарантии, чтобы сохранить всё, что было создано Осипом Эмильевичем, Надежда Яковлевна еще до знакомства со мной стала запоминать наизусть написанные им стихи.

Я часто думаю, как повезло Воронежу. Вот и еще одно имя навсегда соединилось с этим городом, с этой землей, которая подарила нам в прошлом веке Кольцова и Никитина. Теперь, в XX веке, с ней связано имя Осипа Манделъштама. Здесь поэт обрел новую силу, хоть и писал:

Я около Кольцова
Как сокол закольцован —
И нет ко мне гонца,
И дом мой без крыльца.

К ноге моей привязан
Сосновый синий бор,
Как вестник без указа
Распахнут кругозор...

И в другом небольшом стихотворении, где шутка смешалась с трагическими нотами:

Пусти меня, отдай меня, Воронеж:
Уронишь ты меня или проворонишь,
Ты выронишь меня или вернешь,
Воронеж — блажь, Воронеж — ворон, нож...

Город не стал для поэта ни «вороном», ни «ножом», он вернул его. Но вернул для новых страданий и гибели.

Может быть, здесь впервые Осип Манделъштам почувствовал всю силу земли, несущую жизнь, и приветствовал эту землю:

Ну здравствуй, чернозем: будь мужествен, глазаст..
Черноречивое молчание в работе.

Стихотворение «Чернозем»⁶⁰ было написано под впечатлением распаханых опытных полей СХИ, где Осип Эмильевич нередко гулял ранней весной.

---

⁶⁰ Факсимиле этого стихотворения приведено в книге: О. Манделъштам. Стихотворения. М.-Л., 1973. Почти одновременно с «Черноземом», наблюдая воронежскую весну, буйный разлив, когда река выходит из берегов, затопляет весь луг и вода пере-

Вплотную к полям подходил Ботанический сад, а напротив была Архиерейская роща. Там в 1879 году собрался съезд «Земли и воли», на котором присутствовали Плеханов, Софья Перовская, Вера Фигнер, Желябов и другие. Не отсюда ли в стихах Мандельштама «комочки влажные моей земли и воли»?

Переуважена, перечерна, вся в холе,
Вся в холках маленьких, вся воздух и призор.
Вся рассыпаючись, вся образуя хор, —
Комочки влажные моей земли и воли...

В дни ранней пахоты черна до синевы,
И безоружная в ней зиждется работа.
Тысячехолмие распаханной молвы:
Знать, безокружное в окружности есть что-то...

«Чернозем» — точное описание местности, где поэт был «закольцован». И, возможно, один из лучших в русской поэзии гимнов земле.

Мне очень нравилось это стихотворение, и Осип Эмильевич переписал мне его разборчиво тушью на листе хорошей бумаги.

Непосредственно наваяно городом, написано под свежим впечатлением от него — многое.

Приехав в Воронеж, Мандельштамы поселились в Привокзальном поселке. Эти места связаны и с Андреем Платоновым. Одноэтажные дома с палисадниками, сады, огороды, немощеные улицы, заросшие травой, бурьяном. По улицам бродят куры, и за забором нередко раздается лай собаки. Трудно представить, что стоит только перейти деревянный мостик через железнодорожную линию — очутишься на проспекте Революции, главной улице города, и что город совсем не маленький. Очевидно, под впечатлением своего нового жилья Осип Эмильевич писал:

Я живу на важных огородах.
Ванька-ключник мог бы здесь гулять.
Ветер служит даром на заводах,
И далёко убегает гать.

ливается даже через дамбу, а иногда и врывается в город. Осип Эмильевич пишет еще одно небольшое стихотворение, которое перекликается с первым (оба стихотворения датированы апрелем). — «Я должен жить, хотя я дважды умер...». В стихотворении чувствуется большая симпатия поэта к городу, где оказался он не по своей воле.

Поэт, конечно, имеет в виду Придаченскую гать, являющуюся продолжением Чернавского моста и соединяющую город с Придачей, тогда еще пригородом. Гать шла через заливной лут.

Чернопахотная ночь степных закраин
В мелкобисерных изыбля огоньках.
За стеной обиженный хозяин
Ходит-бродит в русских сапогах.

И богато искривилась половица —
Этой палубы гробовая доска.
У чужих людей мне плохо спится,
И своя-то жизнь мне не близка.

Посмею сказать, что Осип Эмильевич полюбил эту землю. В первый год своей жизни в Воронеже он имел возможность побывать в различных районных центрах Черноземья, некоторых совхозах⁶¹. Был даже в декабре 1935 года в тамбовской санатории, откуда писал Надежде Яковлевне: «Здесь <...> зимний рай, красота неописанная <...>. Живем на высоком берегу реки Цны. Она широка или кажется широкой, как Волга. Переходит в чернильные синие леса. Мягкость и гармония русской зимы доставляют глубокое наслаждение. Очень настоящие места».

Эта область в темноводье:
Хляби хлеба, гроз ведро —
Не дворянское угодые —
Океанское ядро.
Я люблю ее рисунок,
Он на Африку похож,
Дайте свет — прозрачных лунок
На фанере не сочтешь⁶².

---

⁶¹ В сентябре–ноябре 1934 г. вместе с группой воронежских писателей и журналистов поэт ездил в командировку в Воробьевский район на открытие там первого советского театра, ознакомился с жизнью одного из совхозов района. В примечаниях к Альбому Наталья Евгеньевна писала: «Воронежский поэт М.Е. Аметистов (псевдоним М. Чужой) был вместе с бригадой журналистов "Коммуны" в Воробьевке. Он вспоминает несколько комический эпизод, связанный с Мандельштамом. В избе, где они расположились ночевать, Осип Эмильевич всю ночь просидел на чемодане с зажженной свечкой в руке и тростью отгонял тараканов».

⁶² Реалиями для строчек «Дайте свет — прозрачных лунок на фанере не сочтешь» послужила карта Воронежской области, сделанная на фанере. Населенные пункты на ней были обозначены лунками с горящими лампочками. Карта висела на телефонном переговорном пункте, где Мандельштамы часто бывали.

Анна, Россошь и Премячье —
Я твержу их имена.
Белизна снегов гагачья
Из вагонного окна.

Я кружил в полях совхозных —
Полон воздуха был рот —
Солнц подсолнечника грозных
Прямо в очи оборот.
Въехал ночью в рукавичный,
Снегом пышущий Тамбов,
Видел Цны — реки обычной
Белый-белый бел-покров.
.....
Где я? Что со мной дурного?
Степь беззимняя гола...
Это мачеха Кольцова?
Шутишь: родина щегла!..⁶³

Это стихотворение было написано под впечатлением командировок в Воробьевский район, куда Осип Эмильевич ездил с группой воронежских писателей и журналистов.

И отсюда совершенно изумительные стихи о щегле. Я помню, с какой любовью писал их Осип Эмильевич, как радовался им:

Мой щегол, я голову закину,
Поглядим на мир вдвоем.
Зимний день, колючий, как мякина,
Так ли жестк в зрачке твоём?

Хвостик лодкой, перья черно-желты,
Ниже клюва в краску влит,
Сознаешь ли, до чего, щегол, ты,
До чего ты щегловит!

О щегле было не одно стихотворение, были и варианты. «Щеглиный цикл», — пишет Надежда Яковлевна, — развился на обостренной жажде жизни, на ее утверждении, но предчувствие беды

⁶³ Как установил А.Г. Мец, это текст, ранее считавшийся самостоятельным произведением, является на самом деле ранней редакцией, из которой были выделены стихотворения «Ночь. Дорога. Сон первичный...» и «Где я? Что со мной дурного?..».

пробивалось в нем с первых минут». Осип Эмильевич видел щелов не только на воле, но и у Вади, хозяйского мальчика, были щеглы. Надежда Яковлевна вспоминает, как работал Осип Эмильевич над этим циклом, и передает его слова: «Щегла запрятали в клетку, не выпустили в лесную Саламанку... А меня нельзя удержать на месте». Мне кажется, никогда Мандельштам не сливался душой так тесно с природой, никогда не писал таких задушевных стихов, какие писал в Воронеже:

Вехи дальние обоза
Сквозь стекло особняка,
От тепла и от мороза
Близкой кажется река.
И какой там лес — еловый? —
Не еловый, а лиловый —
И какая там береза,
Не скажу наверняка —
Лишь чернил воздушных проза
Неразборчива, легка.

В Воронеже поэт полюбил русскую зиму, многоснежную, ясную, морозную. До воронежского периода в его стихах почти не было зимних пейзажей. Здесь мне хочется вспомнить еще одно зимнее стихотворение, написанное под впечатлением чудесных картин природы в тамбовском санатории:

Как подарок запоздалый
Ощутима мной зима:
Я люблю ее сначала
Неуверенный размах.

Хороша она испугом,
Как начало грозных дел —
Перед всем безлесным кругом
Даже ворон оробел...

Благодаря «Воронежским тетрадям» Осип Эмильевич навсегда прописан в старом русском городе. Жена поэта писала: «Воронеж был чудом, и чудо нас туда привело».

В полушуточном стихотворении Мандельштам писал:

— Это какая улица?
— Улица Мандельштама. —
Что за фамилия чертова!
Как ее ни вывертывай,
Криво звучит, а не прямо.

Мало в нем было линейного,
Нрава он не был лилейного,
И потому эта улица
Или, верней, эта яма
Так и зовется по имени
Этого Мандельштама.

Это стихотворение связано с реальным адресом одной из квартир поэта в бывшей Троицкой слободе на улице Линейной.

Чтобы попасть к Мандельштамам, надо было войти в ворота двухэтажного дома, пересечь двор и спуститься по дорожке вниз, в до сих пор существующую «яму». У стихотворения буквальная топография. А название улицы дало повод для поэтической самохарактеристики поэта.

На этой квартире Осипа Эмильевича с Надеждой Яковлевной навещали В.Н. Яхонтов и М.В. Юдина.

Думаю, настанет время, когда в Воронеже действительно будет улица Мандельштама. Жаль, что мы привыкли чтить только мертвых, и то через десятки лет.

<Воронеж, 1974–1975, 1983, 1986–1987>

ВОРОНЕЖСКИЕ АДРЕСА МАНДЕЛЬШТАМОВ⁶⁴

После Центральной гостиницы (проспект Революции, д. 44, нумерация современная), куда направили Мандельштамов с вокзала (июнь 1934 г.), О. Э. снял в Привокзальном поселке, недалеко от Брикмановского сада застекленную терраску у старика-повара. Точный адрес неизвестен. Н.Я., приехав после войны в Воронеж⁶⁵,

---

⁶⁴ Впервые: Литературная учеба. 1991. № 1. С. 161. 163–170, 171–181 (публ. и послесл. П. М. Нерлера). Перепеч.: Н. Штемпель. Мандельштам в Воронеже. М., 1992. С. 71–75.

⁶⁵ Первый раз после войны Н.Я. Мандельштам приехала в Воронеж в 1947 г.

пыталась вместе со мной найти этот дом или хотя бы определить его место (дом сгорел во время войны), но не смогла, не узнала.

Осенью 1934 года⁶⁶, когда наступили холода, пришлось искать новое жилище. Сняли комнату в том же районе. Нам известен точный адрес: 2-я Линейная, д. 4. Фамилия, имя и отчество хозяина Вдовин Евгений Петрович, по профессии агроном.

Теперь это переулок Швейников, д. 4-6. Дом сохранился, но к нему сделаны пристройки. Адрес этот указывал сам Мандельштам, заключая договор на перевод «Иветты» Мопассана (найдено в архиве П. Нерлером).

О.М. в стихотворении « — Это какая улица... » фактически указывает адрес⁶⁷ и характеризует местоположение дома:

...Мало в нем было линейного,
Нрава он не был лилейного,
И потому эта улица
Или, верней, эта яма
Так и зовется по имени
Этого Мандельштама.

(Апрель 35 г.)

Действительно, дом находится буквально в яме. И в другом стихотворении Мандельштам описывает это же жильё:

Я живу на важных огородах.
Ванька-ключник мог бы здесь гулять.
Ветер служит даром на заводах,
И далёко убегает гать.

Чернопахотная ночь степных закраин
В мелкобисерных иззябла огоньках.
За стеной обиженный хозяин
Ходит-бродит в русских сапогах...

В апреле 1982 года Нина Свительская⁶⁸, Виктор и Нелли Гурдины были по этому адресу. Люди, сейчас живущие там, дали полную характеристику семье Вдовиных. Они очень хвалили их, говорили, что Вдовин незаурядный человек и единственный его недостаток —

⁶⁶ В середине октября.

⁶⁷ На это обратили внимание воронежский поэт Лев Коськов и Нина Свительская.

⁶⁸ Н. Митракова.

пристрастие к вину. По их мнению, если бы не эта слабость, он «пошел бы далеко».

У него было два брата, один — художник, другой — архитектор. Одна из соседок рассказала, что после войны Вдовин приютил у себя тех, кто остался без крова (его дом от бомбежек уцелел). Также снабдил он всех соседей прекрасными саженцами яблонь и груш, и сейчас еще в окрестных дворах замечательные сады. Соседи подтвердили, что Вдовин действительно носил сапоги. Даже в этой детали О. М. был точен⁶⁹. Жену его Неонилу Михайловну (родную сестру Марии Михайловны, жены воронежского писателя В. А. Кораблинова⁷⁰) они называли святой. Хвалили двух сыновей Вдовиных, которые в настоящее время живут в Москве, приезжают на могилу к родителям и всегда заходят проведать бывших соседей.

Очень старая, восьмидесятилетняя женщина, которая тоже вышла к неожиданным посетителям, даже вспомнила Мандельштамов. Она сказала, что жена поэта была значительно его моложе, родом из Киева, и жили они тут недолго.

Характеристика, данная Вдовину соседями, не совпадает с тем, что пишет в своих воспоминаниях Н. Я. Хозяин якобы донес на них в НКВД, когда у Мандельштамов до утра засиделся Яхонтов, приехавший в Воронеж с концертами. Хотя тут же Н. Я. передает слова О. Э.: «...Наш агроном только грозится и как будто “не пишет” и “не ходит” никуда».

Следует также иметь в виду, что, по словам соседей, совладелец Вдовина по дому относился к нему враждебно и после войны по его доносу Е. П. был арестован. Возможно, этот второй хозяин дома доносил и на Мандельштама.

Третья квартира Мандельштамов находилась на проспекте Революции в угловом двухэтажном доме⁷¹. На первом этаже была булочная — вход с угла, на втором — комнаты гостиничного типа, или,

---

⁶⁹ См. стихотворение, приведенное выше.

⁷⁰ Кораблинов Владимир Александрович (1906–1989), воронежский писатель, коллега Н.Е. Штемпель хорошо знала. Он рассказывал В.Н. Гыдову (июнь 1984 г.), что сам с Мандельштамом близко не сталкивался, так как тогда был ориентирован на ЛЕФ, так что Мандельштама был, по его словам, «героем не его романа». Кроме того, осенью 1934 г. Кораблинов освободился из заключения (три года лагеря за анекдоты и за недонесение, что видел у своего друга художника А.В. Брюна карикатуру на Сталина) и был не только, по его же выражению, «сдержан в контактах» с высланными, но и попросту боялся. Внешне он Мандельштама всё же запомнил: ходил, бормотал, закидывал голову и уж очень со стороны казался он ему странным.

⁷¹ О.Э. Мандельштам снял комнату 12 апреля 1935 г., Надежда Яковлевна в это время была в Москве.

как их называла Н. Я., мебелирашки. Дом не сохранился, на этом месте выстроено большое пятиэтажное здание. На первом этаже магазин детских игрушек «Буратино». Нумерация этого дома по улице 25-го Октября номер 45. Н. Я. не помнила точно его местонахождение. «Рядом с «Коммуной», на Проспекте», — говорила она.

Мое предположение, что жилье Мандельштамов находилось на 2-м этаже двухэтажного дореволюционного дома, на месте которого теперь «Буратино», подтвердилось следующим образом. В марте 1982 года мне сказали, будто бы у профессора Анны Андреевны Русановой есть воспоминания о Мандельштаме. Для меня это было неожиданно.

Поколения врачей Русановых я знала с детства. Отец А. А. Русановой еще до революции меня лечил, был другом моего отца и дяди (их связывала страсть к охоте). Но о Русановых от Мандельштамов я ничего не слышала. С Анной Андреевной я лично не была знакома. Хорошо знала и дружила с ее братьями — Сергеем и Александром.

В справочной узнала телефон, позвонила. Подошла Анна Андреевна. Я сказала: «Вы меня не знаете, позвольте представиться». — «Нет, как же, знаю, вас лечил папа». Я спросила, знала ли она Мандельштама. На что получила ответ, что она была у него один раз. Принесла ему полотенце, которое он забыл, будучи в Боброве у врача Михайлова. Я сказала, что Мандельштам в Боброве не был. На что получила раздраженный ответ: «Я знаю Михайлова несколько десятилетий, и у меня нет оснований ему не доверять». Я спросила, жив ли он. — «Да, жив, но ему девяносто лет, он ничего не помнит, хотя проработал до восьмидесяти шести».

И тут мне пришлось в голову спросить, не помнит ли она, где она была у Мандельштамов. Анна Андреевна очень оживилась: «Как же, помню, это был дом на месте «Буратино». Там на втором этаже были квартиры гостиничного типа. Это такой ужас! Они почему-то очень испугались меня, сказали, что в Боброве никогда не были, никакого полотенца не забывали, но полотенце все-таки оставили. А жаль, что испугались, я бы могла им помочь», — сказала она с неподдельной грустью.

Таким образом уточнился адрес третьего жилья Мандельштамов, мое предположение подтвердилось. Но осталась загадка — Бобров! Не были же Мандельштамы там! Через знакомых узнаю телефон врача Людмилы Алексеевны Цыганковой, живущей и работающей в Боброве. Звоню ей. Любезно соглашается пойти к Михайлову и поговорить.

Через три дня Людмила Алексеевна звонит мне и сообщает, что Михайлов, кроме фамилии, ничего не помнит, но разочарован-

но добавляет, что он тогда и не был в Боброве, а работал в Воробьевском районе («Воробьевского райкома не забуду никогда!..» — писал Мандельштам).

Недоумение разрешилось: О. Э. ездил от воронежской газеты «Коммуна» в командировку в Воробьевский район.

Я опять позвонила Анне Андреевне и сказала ей об этом: «Да, да, — подтвердила она, — Михайлов действительно работал в Воробьевке». Конечно, никаких воспоминаний о Мандельштаме у Анны Андреевны нет. Просто она кому-то рассказывала о своем единственном посещении поэта.

Недавно (1 июня 82 г.) В. Н. Гыдов, приехавший из Омска, посетил в Воронеже Дмитрия Дмитриевича Леонова (родного брата Николая Дмитриевича Леонова⁷², ташкентского биолога, хорошего знакомого Мандельштамов). Дмитрий Дмитриевич тоже подтвердил третий адрес.

Вместе с братом он был у Мандельштамов⁷³. По его словам, они жили тогда на проспекте Революции, в угловом двухэтажном доме, на месте которого сейчас магазин «Буратино».

Об этом визите вспоминает и Н. Я.: «...Когда Анна Андреевна гостила в Воронеже, у нас у всех случился припадок отчаянного и бессмысленного страха. Произошло это вечером, в комнате у «агента», который жарил мышей. Мы сидели при коптилке — свет выключили, как это часто бывало в провинции.

Вдруг дверь открылась, и в комнату вошел без всякого предупреждения ташкентский биолог Леонов с каким-то спутником». Этим спутником и был его брат. Вспоминая визит к Мандельштамам, Леонов сказал, что его интересовала главным образом Ахматова, но запомнилось ему, что О. Э. при появлении гостей встал и надел пиджак⁷⁴.

---

⁷² Д. Д. Леонов (1902–1983). Его брат, Н. Д. Леонов (1897–1958), работал в Ташкенте в АН Узб. ССР. В примечаниях к «Альбому» Н. Е. Штемпель писала: «Отец Николая Дмитриевича и Дмитрия Дмитриевича Дмитрий Николаевич Леонов (1857–1943) до революции был земским врачом. В 30-е гг. он работал в качестве врача в воронежской тюрьме. Он избрал это место работы из гуманных соображений, помочь, облегчить участь людей, попавших в беду». Из воспоминаний жены поэта известно, что именно это обстоятельство повлияло на выбор Мандельштамами места ссылки: «Вдруг О. М. вспомнил, что биолог Леонов из Ташкентского университета хвалил Воронеж, откуда он родом. Отец Леонова работал там тюремным врачом. «Кто знает, может, еще понадобится тюремный врач», — сказал О. М., и мы остановились на Воронеже». (Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М., 1999. С. 112).

⁷³ Причиной прихода братьев была просьба Л. Н. Гумилева разузнать, что с А. А. Ахматовой.

⁷⁴ Услышав от В. Н. Гыдова, что Д. Д. Леонову, как ему помнится, Мандельштам показался выглядящим благополучно, Н. Е. Штемпель сказала (июль 1982 г.), что это

Четвертая квартира Мандельштамов⁷⁵ находилась тоже на центральной улице города, а именно: на ул. Ф. Энгельса, дом 13, 5-й подъезд, 2-й этаж, кв. 39 (нумерация современная)⁷⁶. Эта квартира была в доме со всеми удобствами. Мандельштамы жили там с февраля 36 г. всего несколько месяцев. Хозяйка им отказала.

Осенью 36 г. Мандельштамы переехали на их последнюю воронежскую квартиру, пятую по счету. Она была тоже в двух шагах от центральной улицы, недалеко от первой тогда в Воронеже междугородней телефонной станции, что было для О. Э. и Н. Я. очень важно. Точный адрес указан самим О. Э. в письме к Н. С. Тихонову от 31 декабря 36 г.: Воронеж, ул. 27 февраля, д. 50, кв. 1 (сообщено П. М. Нерлером). Это был маленький каменный одноэтажный домик без всяких удобств. Небольшие окна в глубоких нишах на полметра от земли, до крыши рукой достать можно. Именно об этом домике О. М. писал: «...и дом мой без крыльца». Крыльца действительно не было. И прямо с улицы вы попадали в покосившуюся переднюю. Но расположен домик был необыкновенно живописно. Он находился в тупике в трех минутах ходьбы от проспекта Революции, главной улицы города. Перед домом была большая площадка с огромным тополем, а за домом шла вниз гора и открывался вид на заречную даль.

Комнату в этом домике Мандельштамы сняли у театральной портнихи — доброй, сердечной женщины⁷⁷, которая жила со старушкой-матерью и сынишкой Вадиком, учеником второго класса. «...У портнихи мы жили тихо, спокойно, по-человечески и совсем забыли, что у нас нет жилплощади», — вспоминает Н. Я. Мандельштам. Домик не сохранился. На этом месте большой четырехэтажный дом сотрудников обкома партии, номер 52. Улица теперь носит имя Пятницкого.

На четвертой и пятой квартирах я бывала сама, поэтому хорошо помню, где они находились.

<Воронеж, конец июня – начало июля 1982 г.>

могло показаться разве что при копилке — Мандельштам всегда был не брит, зубы не в порядке, костюм старый, неглаженный.

⁷⁵ О. Э. Мандельштам снял комнату 13 марта 1936 г.

⁷⁶ Это большой угловой 5-этажный дом, занимающий чуть ли не полквартала («ИТР-овский дом»). Это единственный дом из тех, в которых в Воронеже жил М., сохранивший прежний облик. Внутри квартир планировка изменена.

⁷⁷ Известно лишь ее имя и отчество — Пелагея Герасимовна.

ПАМЯТИ НАДЕЖДЫ ЯКОВЛЕВНЫ МАНДЕЛЬШТАМ⁷⁸

В начале декабря 1980 года хороший знакомый Надежды Яковлевны, доктор медицинских наук, врач-кардиолог, запретил ей вставать с постели, но иногда Надежда Яковлевна этот запрет нарушала.

Юра Фрейдин, друг Надежды Яковлевны, составил график круглосуточного дежурства, включив в него всех ее друзей и знакомых.

До последней минуты жизни Надежда Яковлевна сохранила ясность мысли, присущее ей мужество, способность острить.

Удивительный она была человек! Я знала ее в течение сорока четырех лет, и ни разу, ни при каких обстоятельствах не слышала от нее ни на что жалоб. Мне трудно представить другого человека такой душевной силы, такой смелости и внутренней свободы. Разве не были ее книги, написанные без оглядки, без самоцензуры, великим риском? А она, еще до напечатания их за рубежом, в машинописи передала первую книгу, наиболее острую, для прочтения А. Т. Твардовскому, с которым не была знакома и который являлся официальным лицом, занимая большой пост в литературе — пост главного редактора «Нового мира»!

Правда, она не ошиблась в выборе читателя. Александр Трифонович прислал ей прекрасное доброжелательное письмо, но кто знал, как это могло обернуться. Не могу отказать себе в удовольствии привести его здесь, тем более оно почти никому неизвестно:

9 февраля 1968 г.

Глубокоуважаемая Надежда Яковлевна!

Большое Вам спасибо за предоставленную мне возможность прочесть Вашу рукопись.

Не собираюсь писать на нее «внутреннюю рецензию», вряд ли Вы в этом нуждаетесь, — скажу только, что прочел я ее «одним дыхом», да и иначе ее и читать нельзя — она так и написана, точно изустно рассказана в одну

⁷⁸ Впервые: Штемпель Н. Мандельштам в Воронеже: М., 1992. С. 76–82. В настоящем издании печатается по этой публикации, с добавлением, в соответствии с намерением Н. Е. Штемпель, стихотворения Б. Ахмадулиной (по автографу, который она подарила Н. Е. Штемпель). Воспоминания не завершены: по свидетельству В. Н. Ыдова, Наталья Евгеньевна собиралась дополнить их рассказом о своих первых встречах с Н. Я. Мандельштам и о дружбе с нею. Однако работа над слайд-фильмом и альбомом не позволили ей этого сделать.

ночь доброму другу, перед которым нечего таиться или чем-нибудь казаться. Словом, книга Ваша счастливым образом совершенно свободна от каких-либо беллетристических претензий, как это часто бывает в подобных случаях.

А между тем, она написана на редкость сильно, талантливо и с собственно литературной стороны — с той особой мерой необходимости изложения, когда при таком объеме ее, ничто не кажется лишним. Даже своеобразные повторения, возвращения вспять, забегающие вперед, отступления или отвлечения в сторону, вбок — всё представляется естественным и оправданным. Трагическая судьба подлинного поэта, при жизни до крайности обуженной, внутрилитературной известности, вдруг захваченной погубительной «водовертью» сложных и трагических лет, под Вашим пером приобретает куда более общезначимое содержание, чем просто история тех испытаний, какие выпали на Вашу с Осипом Эмильевичем долю.

Мне хочется сказать Вам, что книга эта явилась как выполнение Вами глубоко и благородно понятого своего долга, и сознание этого не могло не принести Вам достойного удовлетворения, как бы ни трудно было Вам вновь и вновь переживать пережитое.

Именно так и нужно расправляться со всем, что есть самого трудного и горького в жизни — делиться им с добрыми людьми, а они всегда есть на свете и всё поймут и будут признательны за то, что им помогли понять. Правда, это привилегия таланта — бог наградил Вас им, — но всякий читатель, взволнованный талантливой книгой — как бы соавтор ее. Я ни на минуту не сомневаюсь, что книга Ваша должна увидеть и увидит свет, — потому и называю рукопись книгой, — только относительно сроков этого, к сожалению, я не могу быть столь же определенным.

Я хорошо понимаю, что гораздо более, чем мои покамест «платонические» суждения и оценки Вашей книги, Вас интересовали бы в первую очередь мои соображения относительно срока выхода книги О. Мандельштама в «Библиотеке поэта», где и я числюсь одним из редакторов. Здесь я могу только заверить Вас, что эта поистине ужасная волокита — не есть следствие чьей-нибудь из редакторов «Библиотеки» злой воли, в том числе и В. Н. Орлова.

Может быть, есть люди, полагающие, что и я не печатаю в «Новом мире» уже многим известным в списках роман Солженицына из опасения потерять «место». Что делать!

Могу еще сказать Вам, что на самом последнем этапе непосредственной причины задержки книги Мандельштама уже в сверстанном виде послужили мои замечания насчет слишком явных несовершенств подготовленного издания, в частности, — что особенно обидно и стыдно, — по сравнению с американским изданием.

Еще раз спасибо Вам, Надежда Яковлевна.

С глубоким уважением

А. Твардовский.

И еще пример независимости Надежды Яковлевны: через много лет, когда обе книги уже вышли и их читал весь мир, Надежду Яковлевну вызвал районный прокурор, на приглашение которого она ответила, что явиться не может, так как нездорова, его же может принять. Так и кончился заочный диалог.

И вот теперь ее нет, странно и горько. Мучительно хочется говорить о ней, вспомнить период уже только наших с ней встреч, когда Осипа Эмильевича не стало. Написала и удивилась: как это «не стало». Он был и остался с нами, особенно с ней, ему она и без него посвятила всю свою жизнь. Но об этом несколько позже.

Мне рассказывали, что во время ночного дежурства одной милой женщины, Надежда Яковлевна, видя, что она волнуется, улыбаясь, сказала: «Вы не беспокойтесь, я такой подлости не сделаю — в ваше дежурство не умру».

Умерла она, когда дежурила Вера Лашкова.

В два часа ночи 29 декабря <19>80 [года] начался полубред. Надежда Яковлевна спросила Веру, почему в комнате шумит машина. Вера ответила: «Машины никакой нет». — «Кошки», — сказала Надежда Яковлевна. — «И кошек нет». — «Здесь, в груди», — показала она на свою грудь. Потом сказала: «В России голод», — и повторила еще два раза: «Россия, Россия». — «Молитесь, Надежда Яковлевна», — посоветовала Вера, — «Да ты не бойся». Это были ее последние слова. Казалось, она заснула. Дыхание было неровное, прерывистое.

Утром пришла следующая дежурная. Женщины сидели на кухне. И вдруг стало как-то особенно тихо. Вошли в комнату, поднесли к лицу зеркало — оно не вспотело. Врач скорой помощи констатировал смерть.

Собрались друзья. Приехала также Белла Ахмадулина с иностранным корреспондентом. Она боялась, что Надежду Яковлевну увезут и кремируют. Позвонил Володя (знакомый Юры Фрейдина), спросил, не нужна ли машина. Юра Фрейдин попросил его приехать и начал разбирать бумаги, но почувствовал, что сейчас это невозможно: требуется много времени, поэтому, когда приехал Володя, сложили в машину всё ценное, что было у Надежды Яковлевны (бумаги, немногие книги и некоторые другие вещи).

В сумочке у Надежды Яковлевны оказалось сто пятьдесят рублей и пятьдесят в ящичке туалетного стола (эти деньги собрали на всякий случай, если придется пригласить платного дежурного).

На сберкнижке у Надежды Яковлевны было 50 рублей. Белла Ахмадулина сразу вынула сто пятьдесят рублей, а потом привезла еще триста пятьдесят. Пятьсот Юра Фрейдин занял. Стоили похороны тысячу четыреста рублей. Обращались в Литфонд, но безрезультатно. Они помогли лишь в организации похорон.

Хоронить хотели на Ваганьковском кладбище, где похоронен Евгений Яковлевич Хазин, брат Надежды Яковлевны.

Договариваться поехали Юра Фрейдин, Наталия Ивановна Столярова и Белла Ахмадулина. Директор кладбища не возражал, а когда к нему пришли на другой день оформлять, сказал, что звонили из КГБ и запретили здесь хоронить. Он посоветовал сразу ехать на Кунцевское кладбище, даже позвонил директору, своему хорошему знакомому.

Решили хоронить на Старо-Кунцевском.

На другой день, 30 декабря, явились пять человек, трое в штатском и два человека в форме и заявили, что они должны увезти умершую в морг (где уже есть договоренность) и, согласно советскому законодательству, опечатать квартиру на шесть месяцев. Они хотели вынуть Надежду Яковлевну из гроба, так как в их машину он не помещался. Но присутствующие категорически воспротивились этому. Представители власти вынуждены были уехать.

Тогда решили взять и унести по возможности остальные вещи, сложили их в несколько сумок, но вынести не успели.

Товарищи вернулись очень быстро с соответствующим транспортом. Один из них резко спросил: «Что у вас в сумках?» На что Юра Фрейдин, раскрыв сумку, тоже резко ответил: «Смотрите, если есть ордер на обыск». Не предусмотрели: ордера не было.

Белла Ахмадулина договорилась со знакомым скульптором, который снял маску с лица и руки.

Согласно желанию Надежды Яковлевны, хоронили ее по христианскому обряду с отпеванием в церкви.

Гроб в морге был поставлен в зале прощания. Первого января 1981 года в 15 часов состоялся вынос тела из морга. Собралось человек пятьдесят. Затем гроб перевезли в небольшую церковь недалеко от Речного вокзала⁷⁹. Там он простоял до утра 2 января 1981 г.⁸⁰ В церкви у Речного вокзала служил дьяконом хороший знакомый Надежды Яковлевны Саша, в прошлом кандидат биологических наук⁸¹.

⁷⁹ Церковь Знамения Божьей Матери.

⁸⁰ Хлопоты так затянулись, что вместо 31 декабря 80 г., как предполагали первоначально, смогли похоронить только 2 января 81 г.

⁸¹ Отец А. Борисов.

Присутствовал при отпевании духовник Надежды Яковлевны Александр Мень, но службу он не вел, так как эта церковь не его прихода.

Людей было очень много. И те, кто не вместился в церкви, заполнили весь двор и площадь перед ней. Несмотря на открытые настежь двери, было очень душно. Фотокорреспонденты непрерывно щелкали, не обращая ни на кого внимания, их было много.

Я смотрела не отрываясь на Надежду Яковлевну. Как незаметно мелькнули годы нашей дружбы!⁸² Как странно, что я вижу ее последний раз! Смерть сделала ее красивой. Лицо спокойное, строгое, чеканный профиль, с горбинкой нос, прекрасный высокий лоб. И веет ото всего ее облика мудростью, как будто наконец разрешены все сложнейшие вопросы ее трудной и счастливой, как это ни парадоксально, жизни.

Окончилась служба, началось прощание. Вереница людей шла к гробу. Кто целовал ее маленькую и такую энергичную при жизни руку, кто низко кланялся, немногие крестились.

Гроб вынесли из церкви под уже забытый похоронный звон. Процессия на автобусах и машинах двинулась на Старо-Кунцевское кладбище. Это далеко. Когда снова вынесли гроб, суеятый представитель Литфонда предложил минуту подождать, сказав, что сейчас привезут «каталку». Ему ответили, что она не нужна, гроб понесут на руках. Он упрямо заметил, что далеко и скользко. «Ничего» — возразили ему.

Несмотря на январь, такого множества и разнообразия цветов я не видела. Среди них выделялся один-единственный веночек с необычно белыми атласными лентами, на которых было написано золотом: «От неизвестного почитателя».

За высоко поднятым гробом шли сотни людей и пели «Святый Боже...» У меня возникло ощущение, что мы не только провожаем Надежду Яковлевну, но и отдаем дань памяти Осипа Эмильевича. Я поделилась своими мыслями с идущими рядом, и мне ответили, что у них такое же чувство, что это действительно так и есть.

Я никогда не видела более торжественного погребения.

Теперь мы так быстро хороним дорогих нам людей: галопом в автобусах на кладбище и обратно.

Гроб поставили поперек вырытой могилы, и приехавший с нами Саша с четырьмя певчими отслужили и здесь короткую службу.

---

⁸² Н.Е. Штемпель говорила В.Н. Гыдову (март 1982 г.), что за все годы общения с Н.Я. Мандельштам не было между ними ни одной размолвки. С нею и ее друзьями Надежда Яковлевна была поистине кроткой.

Каждый бросал в открытую могилу горсть земли. На свежий холм положили живые цветы. Они укрыли его, а Саша поставил на могиле десять-пятнадцать зажженных свечей, образовавших округлость.

Над нами голубело высокое небо с легкими облаками. Крутом была тишина и ничем не нарушаемый покой. Свечи тихо-тихо горели. Уходить не хотелось. Все стояли молча и смотрели на эти кроткие огни.

Потом еще раз попрощались с Надеждой Яковлевной, пройдя мимо могилы, и потянулись к выходу.

Как захотелось мне хотя бы на минуту оказаться на Черемушкинской в квартире Надежды Яковлевны! Но, увы, квартира была опечатана. Собрались в большой профессорской квартире Наталии Владимировны Кинд. Народу было очень много, раздеваться пришлось у соседей, они любезно освободили одну комнату, чем-то застлали пол, и мы клали пальто прямо на пол.

В двух смежных больших комнатах квартиры Наталии Владимировны были накрыты столы, а кому не хватило места, стояли вокруг.

Юра Фрейдин предложил мне сказать несколько слов. Это естественно, но для меня оказалось неожиданно, очевидно, я слишком была потрясена случившимся.

«Я что-то не соберусь с мыслями», — попробовала я слабо возразить. — «Ничего, мы подождем, соберитесь», — ответил спокойно Юра. Пришлось встать.

Закончила я свою речь стихами Осипа Эмильевича, обращенными к Надежде Яковлевне:

Еще не умер ты. Еще ты не один,
Покуда с нищенкой-подругой
Ты наслаждаешься величием равнин,
И мглой, и холодом, и вьюгой.

В роскошной бедности, в могучей нищете
Живи спокоен и утешен —
Благословенны дни и ночи те,
И сладкогласный труд безгрешен...

После меня очень хорошо сказала несколько слов незнакомая мне женщина, и прекрасно, необычно выступил Саша.

Потом безо всякого на то приглашения один за другим начали вставать люди и наизусть читать стихи Мандельштама, стихи разных лет.

И перед взволнованными, пораженными неожиданностью слушателями предстал во весь рост поэт — Осип Мандельштам.

Никогда, наверное, не было такого вдохновенного литературного концерта, прозвучавшего как реквием.

И уже нет ни смерти, ни горя. Какая всепобеждающая сила поэзии! Какое торжество!

Именно так надо было почтить память этих двух людей, неотделимых друг от друга.

На девятый день самые близкие друзья Надежды Яковлевны собрались у Юры Фрейдина.

Было хорошо и грустно...

Ко мне подседа Белла Ахмадулина и сказала, что у нее есть нигде не напечатанное стихотворение, посвященное Осипу Эмильевичу. Я попросила его прочитать, и она прочитала⁸³:

В том времени, где и злодей —
лишь заурядный житель улиц,
как грозно хрупок иудей.
в ком Русь и музыка проснулись.

Вступленье: ломкий силуэт,
повинный в грациозном форсе
начала века, младость лет,
сырое лето в Гельсингфорсе.

та — Бог иль барышня, мольба:
чрез сотни верст — любви нечеткой...
любуется... и гений лба
застенчиво завешен челкой.

Но век желает пировать —
измученный, он ждет предлога,
и Петербургу Петроград
оставит лишь предсмертье Блока.

---

⁸³ На этом рукопись обрывается, однако, очевидно намерение Н.Е. Штемпель далее привести стихотворение Б. Ахмадулиной, подаренное ей ровно через год в тот же день, 7 января, с такой надписью: «Любимая, дорогая Наталья Евгеньевна! Поздравляю Вас с праздником Рождества (с Вашим любимым праздником). Позвольте мне скромно и почтительно переписать для Вас мои бедные стихи — памяти Мандельштама с безмерной любовью к Вам и благодарностью. Ваша Белла Ахмадулина. 7 января 1981 года». Стихотворение опубликовано впервые в журнале «Аврора» (1987. № 9. С. 19). Здесь приводится по указанному автографу.

Знал, и сказал, что будет знак,
и век падет ему на плечи.
Что может он? Он — нищ и наг
пред чудом им свершенной речи.

Гортань, затеявшая речь
неслыханную, — так открыта:
довольно, чтоб ее пресечь,
и меньшего усердья быта.

Ему — особенный почет,
двойное злорадство неба:
Певец, снабженный кляпом в рот,
и лакомка, лишенный хлеба.

Из мемуаров: «Мандельштам
любил пирожные»... Я рада
узнать об этом. Но — дышать
не хочется. Да и не надо.

Так значит — пребывать творцом,
за спину заломившим руки,
и безымянным мертвецом —
всё ж не достаточно для муки?

И в смерти — надо знать беду
той, не утихшей ни однажды,
беспечной, выжившей в аду,
неутомимой детской жажды.

В моем кошмаре, в том раю,
где жив он, где его я прячу,
он — сыт. А я его кормлю
огромной сладостью и плачу.

<Январь 1981, июль 1986>

АВТОБИОГРАФИЯ

Я родилась 7 сентября 1908 года в городе Воронеже в интеллигентной семье. Мой отец, Евгений Александрович Штемпель (по национальности русский), окончил юридический факультет Харьковского университета. До революции был непременным членом Губернского правления⁸⁵. После революции, окончив юридические курсы, работал в ряде советских учреждений юрисконсультom.

По натуре отец был человеком очень добрым, мягким, пожалуй, беспечным и безукоризненно честным.

Равнодушный к вину, но заядлый курильщик и охотник, он, очевидно, как все охотники, был превосходным рассказчиком, умел весело острить, прекрасно ездил верхом на лошади даже без седла.

Выросла я в окружении животных. У отца было несколько охотничьих собак, в доме, конечно, всегда жила кошка. Наверное, отсюда моя чрезмерная любовь к нашим «меньшим братьям», приносящая мне и радость, и еще больше огорчений. У меня и сейчас собака и кошка, которая, как говорит мой сосед и бывший коллега, прекрасно «знает» русский язык. Это правда, если животные становятся равноправными членами семьи, они всё понимают

«Автобиография» написана в 1986 г. по просьбе сотрудников ЦГАЛИ, куда Натальей Евгеньевной был передан фотоальбом «Осип Эмильевич Манделъштам в Воронеже (июль 1934 – май 1937 г.)». Впервые опубликована в сборнике «Жизнь и творчество О.Э. Манделъштама: Воспоминания; Материалы к биографии: «Новые стихи»; Комментарии; Исследования. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1990. С. 531–538 (с сокращениями). Впервые полностью: Н. Штемпель. Манделъштам в Воронеже. Воспоминания. М., 1992. С. 83–96. В настоящем издании дается по этому источнику.

⁸⁵ Наталья Евгеньевна сожалела, что Надежда Яковлевна в «Воспоминаниях» ошибочно называет ее отца предводителем дворянства. По словам Натальи Евгеньевны, он был непременный член Губернского правления — третье лицо после губернатора. Она никогда не скрывала своего дворянского происхождения. «Принцип мамы. — рассказывала Наталья Евгеньевна В.Н. Гыдову (март 1982 г.). — никогда ничего не скрывать, и я во всех анкетах и автобиографиях социальное происхождение не скрывала, писала — дворянка. Это помогло удерживаться во время чисток, так как с работы выгоняли тех, кто скрывал. Но из-за социального происхождения меня не приняли в аспирантуру».

до мельчайших нюансов, очеловечиваются. Люди недооценивают животных.

В 1925 году отец оставил семью — история тривиальная. Но связь с нами поддерживал до конца своей жизни.

Мать, Мария Ивановна Штемпель (урожденная Левченко, полу-украинка), окончила учительский институт и в течение 34 лет работала учительницей начальной школы, из них 12 лет — в сельской школе. Свою работу она очень любила, любила и детей, которые платили ей взаимной привязанностью.

Я и мой единственный родной брат Виктор боготворили мать. Она для нас была всем: другом, товарищем, авторитет еe был непре-рекаем. В то же время к нам она относилась взыскательно, не пропускала без внимания малейшего недостойного поступка. Самое большое порицание в ее устах: «Делай, как знаешь. Зачем же спрашиваешь?» И этого было вполне достаточно⁸⁶.

В семье никогда никто не произносил самого простого бранного слова: «дурак», «черт».

Не помню, чтобы мать говорила раздраженным тоном. Она при всей занятости (школа, общественная работа, тетради, частный урок) находила время читать нам вслух. Читала прекрасно. Какие это были счастливые часы!

Мать, несомненно, была умна, и ее ясный, трезвый ум, современность взглядов удивительно сочетались с романтической любовью к природе, цветам, животным. Она обладала сильной волей, являлась для нас нравственной опорой. Несмотря на трудную жизнь, всегда оставалась ровной, веселой, умела заразительно смеяться. А самые главные ее качества — любовь и интерес к людям, особенно к детям, необыкновенное гостеприимство и радушие. Легко и уютно было дома.

Мне казалось, что мои сверстники и товарищи брата дружили именно с ней, к ней приходили за советом.

Умерла она 7 апреля 1960 года. Я думала, не переживу эту утрату.

Мой брат на семь лет был моложе меня (1915 года рождения). В 1940 году окончил геологический факультет Воронежского университета и был призван в армию на действительную службу. В 1941 году сразу попал на фронт. Воевал на передовой до окончания войны, последнее время — в армии маршала Г. К. Жукова. Был неоднократно ранен. Имел много правительственных наград (орден Ленина, Боевого Красного Знамени, Красной Звезды, два ордена

---

⁸⁶ Наталья Евгеньевна говорила В. Н. Гыдову (июнь 1984 г.), что не может найти у мамы недостатков. «Сильный характер и лиризм». На замечание, что у нее тоже сильный характер, ответила: «Не слабый».

Отечественной войны первой степени, много медалей, среди них — «За боевые заслуги»).

На фронте брат уцелел. По окончании войны работал преподавателем в Воронежском сельскохозяйственном институте на кафедре профессора А. А. Дубянского, известного геолога, чл.-корр. АН СССР, одного из первых открывателей КМА.

Виктор с детства любил природу, животных, музыку, неплохо играл на скрипке, но на фронте ему изуродовали руку. От отца он унаследовал остроумие, дар рассказчика и страсть к охоте, точнее — к рыбной ловле. Любимец своих друзей и товарищей, он был человеком в высшей степени порядочным, бесребренником, в нем, несомненно, было что-то от Дон Кихота в лучшем смысле этого понятия, но воздушных замков он не строил. Его характеризовало высокое благородство, способность к самопожертвованию, стремление прийти всем на помощь.

Мы с братом нежно любили друг друга. Мне всегда казалось, что он старше: удивительно он был заботлив.

Фронт подорвал его здоровье, и в марте 1985 года брат умер. Я до сих пор не могу прийти в себя.

После его смерти остается моим другом жена Виктора Таня, которая относится ко мне теперь еще теплее и внимательнее.

Брат был счастлив в семейной жизни. Со своей будущей женой он познакомился в 1935 году на курсах по подготовке в университет. Пятьдесят лет дружбы и совместной жизни!

Есть у меня племянница, дочь брата, родной мне и близкий человек, тоже Таня.

Говоря о своей семье, может, следует сказать, что все близкие родственники, включая бабушек, были нерелигиозны, но имели твердые моральные принципы⁸⁷.

Бабушка со стороны матери — страстная театралка. Она заповсем читала и говорила своим детям: «Плохо иметь грамотную кухарку, обязательно что-нибудь подгорит или сбежит». Милый она была человек — легкая, веселая, хлебосольная. Дети, став взрослыми, баловали ее, как ребенка.

Бабушка со стороны отца окончила гимназию с золотой медалью и не один десяток лет учительствовала (заработок ей совершенно был не нужен), всегда с кем-то занималась, кого-то куда-то готовила, конечно, бесплатно.

---

⁸⁷ Наталья Евгеньевна, говоря о том, что Надежда Яковлевна была в последние годы жизни истовой христианкой, вспомнила, как сказала ей однажды: «Почему вы меня не обращаете в христианство?» — «А ты и так христианка». — ответила Надежда Яковлевна. (Записано В.Н. Гыдовым, июнь 1984 г.)

Была у нее небольшая слабость: она могла чуть ли не до утра играть в преферанс в дворянском собрании. На всю жизнь мне запомнилось, как мы с ней едем в деревню (управлять лошадью не нужно: она прекрасно знает дорогу), и бабушка в течение нескольких часов читает мне наизусть «Полтаву», «Медного всадника», «Онегина» и «Мцыри».

Семи лет я заболела туберкулезом тазобедренного сустава. Месяцами была прикована к постели. Это рано научило меня думать и полюбить стихи. Первым поэтом, которым я увлеклась и стихи которого выучила наизусть, был И. С. Никитин. Проболела я семь лет. Последствием болезни стала хромота. Но я почти не чувствовала свой физический недостаток.

Мы с Виктором росли с двумя двоюродными братьями, Серёжей и Андрюшей, почти однолетками. В трудные годы делили пополам всё, каждый кусок хлеба. Братья относились ко мне очень бережно. Тетя Оля, их мать, воспитывала сыновей в рыцарском духе. Не дай бог, кто-нибудь из них (конечно, шутя) дернет меня за мои длинные косы!

У нас была хорошая, дружная компания (мои подружки и товарищи братьев). Мы катались на лодке, играли в разные игры, устраивали музыкальные вечера. Андрей хорошо играл на фортепьяно, а его товарищ Шура Стародубцев и мой родной брат — на скрипке. У моей подружки Маруси Ярцевой был очень сильный голос. Читали стихи, каждый — свое любимое. Все собирались у нас. Это был принцип мамы: не мы куда-то, а все к нам. Потом традиционный чай. Иногда с сухариками из черного хлеба, посыпанного солью. И как вкусно казалось!

В 1926 году по конкурсному экзамену я поступила на литературно-лингвистическое отделение Воронежского государственного университета, окончила его в 1930 году.

Все студенческие годы работала в педологическом кабинете у профессора П. Л. Загоровского. Опубликовала две статьи в журналах «Культурный фронт ЦЧО» и «Практическая педология» (Орел), написала большую работу (350 страниц машинописи), основанную на анализе семи тысяч сочинений, проведенных в старших классах школ г. Воронежа. Работа называлась «Школа, семья и собственная личность в оценке школьников старшего возраста». Опубликованной эту работу я не видела, хотя в вышедшей в то время книге Горелик «Педология в помощь пионеротряду» была ссылка на мою работу.

Несмотря на наличие печатных работ, в аспирантуру меня не утвердили из-за дворянского происхождения.

По окончании университета я начала работать в политико-педагогической станции при Воронежском облоно в качестве научно-

го сотрудника. Там мы изучали киноинтересы воронежских школьников.

Через год меня направили в Ленинград на годовичные Всесоюзные курсы психотехников-профконсультантов. Возвратясь из Ленинграда, я заведовала психотехнической лабораторией в Институте организации и охраны труда, а когда он был ликвидирован — в Институте гигиены и санитарии.

С группой научных сотрудников, специально приехавших из Ленинграда, мы изучали специфику профессий, характерных для сельского хозяйства Воронежской области. Были в Хреновском конесовхозе, на родине орловских рысаков и белых былинных першеронов, в Конь-Колодезе — там самый большой совхоз крупного рогатого скота и, наконец, в крупнейшем птицеводческом, где в инкубаторах выводят огромных белоснежных пекинских уток. Всё это было очень интересно.

Наш же институт в течение нескольких лет комплексно изучал профессии и условия труда только что построенного в Воронеже завода синтетического каучука (СК-2). Я написала две статьи о профессиях аппаратчиков печного цеха и цеха ректификации. Они опубликованы в «Трудах Воронежского мединститута».

Педология и психотехника в 1935 году были развенчаны как науки. Но моя лаборатория еще существовала. Как-то мама сказала мне: «Девочка, пора заняться делом, у тебя замечательная основная профессия».

Так, с 1935 года, я начала преподавать литературу и русский язык в Воронежском авиатехникуме им. В. П. Чкалова, где и проработала тридцать шесть лет до выхода на пенсию. Преподавательская работа меня увлекла, очевидно, это было мое призвание, тем более преподавала я такой интересный и важный для формирования личности молодежи предмет, как литература.

Осенью 1936 года я познакомилась с поэтом Осипом Мандельштамом и его женой Надеждой Яковлевной. Знакомство очень скоро перешло в дружбу. Мы стали видеться почти ежедневно: или я приходила к Мандельштамам, или они приходили к нам.

У Осипа Эмильевича создалась привычка читать мне каждое новое стихотворение, да и читать, кроме меня, абсолютно было некому. Последние полтора года Мандельштамы жили в Воронеже буквально в полной изоляции. Несколько позднее я познакомилась с профессором П. Л. Загоровским, моим учителем и другом. Он не побоялся общения с опальным поэтом. Помогал Осипу Эмильевичу и материально, так как временами жить было не на что.

Мы с Осипом Эмильевичем часто гуляли, посещали воронежские музеи, всегда бывали на концертах, симфонических и сольных, когда приезжал кто-то из знаменитостей. В период нашего знакомства Осип Эмильевич много писал, и это радовало и его, и нас, то есть Надежду Яковлевну и меня.

В конце мая 1937 года Мандельштам получил разрешение покинуть Воронеж. Незадолго до этого Осип Эмильевич попросил Надежду Яковлевну переписать для меня все воронежские стихи и ненапечатанные стихи 1932–34 гг. Получилось три больших блокнота. Под каждым стихотворением Мандельштам собственноручно поставил дату и букву «В» (Воронеж).

У меня накопился довольно большой материал, кроме блокнотов, которые Осип Эмильевич назвал «Наташина книга», — автографы стихов и эпиграмм, стихи, записанные Надеждой Яковлевной на узких полосках ватмана, которые отдавал мне Осип Эмильевич по мере написания, отдельно ода о Сталине (Мандельштам просил уничтожить ее, но я сохранила ее).

Уже после гибели Осипа Эмильевича Надежда Яковлевна передала мне второй список всех ненапечатанных стихов, включая воронежские, и письма поэта к ней за всю их жизнь (подлинники).

По окончании войны, когда Надежда Яковлевна приехала ко мне в Воронеж, я отдала ей весь архив Мандельштама. После отъезда Мандельштама из Воронежа мы встречались в Савёлове, где они жили лето, неоднократно в Москве и в Калининне. Именно там я последний раз видела их вместе.

В Москве Осип Эмильевич познакомил меня со своими друзьями: Шкловскими, Яхонтовым, Харджиевым, Герштейн, Юдиной.

Получив от Надежды Яковлевны известие о гибели Осипа Эмильевича (декабрь 1938 г.), я сейчас же поехала к ней в Калинин. Она попросила меня съездить в Ленинград к Ахматовой, писать Мандельштам ей боялась. Так произошло мое знакомство с Анной Андреевной. Позднее я встречалась с ней несколько раз в Москве у Ардовых⁸⁸ и в скверике недалеко от дома, где жили Шкловские (Лаврушинский, 17). Ахматова всегда щедро читала мне свои стихи.

Ни у кого я не слышала такого низкого, густого, волнующего голоса. Анна Андреевна показывала мне альбомы с фотографиями, помню, любезно нагнула на мои плечи замечательный оренбургский платок (у Ардовых было прохладно), как-то подарила только что вышедшую книжечку стихов (Анна Ахматова. «Стихотворения».

---

⁸⁸ Ардов (наст. фамилия Зильберман) Виктор Ефимович (1900–1976), писатель-юморист. Ольшевская Нина Антоновна (1908–1991), актриса жена В.Е. Ардова. Приезжая в Москву, А.А. Ахматова останавливалась обычно у Ардовых.

М., 1958) с автографом: «Милой Наталии Евгеньевне Штемпель в память наших встреч, бесед и общих друзей. Анна Ахматова. 13 декабря 1958. Москва».

О чем мы говорили? О стихах, о том, с каким интересом современная молодежь, то есть мои ученики, слушали ее стихи, конечно, всегда об Осипе Эмильевиче и Воронеже. Как-то я заговорила о Николае Степановиче Гумилёве, это был любимый поэт моей юности. Она с грустью, но без озлобления, очень просто и искренне сказала, что он ни в чем не виноват. Я наивно спросила, не подавала ли она на реабилитацию? Анна Андреевна спокойно ответила: «Наташа, ведь это был 1921 год, эти годы не подлежат реабилитации».

К сожалению, встреч было не так много, чтобы я имела право говорить о близких отношениях с Анной Андреевной, но каждый разговор с ней имел для меня большой смысл. Я очень любила Ахматову как поэта, она всегда пленяла меня и как человек. Мне кажется, что ее поздние фотографии не передают ни значительности ее внешности, ни присущего ей обаяния.

С Надеждой Яковлевной после смерти Осипа Эмильевича я не раз встречалась в Москве и постоянно переписывалась. И все-таки во время войны я ее потеряла — так всё было внезапно и для нас неожиданно. Нашла я ее в 1943 году через Анну Андреевну. Мне стало известно, что Ахматова в Ташкенте. Адреса у меня не было, поэтому написала так: «Ташкент, Анне Андреевне Ахматовой».

Как же я была счастлива и удивлена, когда получила из Ташкента телеграмму за подписью Ахматовой, Мандельштам, Ромбах (однополчанин моего погибшего друга Феденьки⁸⁹, ныне переводчик Наум Гребнев).

Больше Надежду Яковлевну я не теряла. После окончания войны она несколько раз приезжала ко мне в Воронеж. Во время зимних и летних каникул я виделась с ней в Москве. Когда у Надежды Яковлевны не было квартиры, мы встречались у Шкловских, там она всегда останавливалась. Позднее — на Большой Черемушкинской,

---

⁸⁹ Речь идет о гибели на фронте 29 октября 1943 года биолога Фёдора Степановича Марфина – ученика Б.М. Козо-Полянского (и его заместителя по заведыванию Ботаническим садом) и одновременно человека, которого, любила Н.Е. Штемпель (см. о нем в письме Б.М. Козо-Полянского, в воспоминаниях Е. Стародубцевой, а также в «Поэме» П.Л. Загоровского). Нет сомнений в том, что именно его, а не Ф.Я. Маранца имел в виду Р. Пишбыльский, когда, со слов переводчика Н.И. Гребнева (служившего вместе с Марфиным в одной артиллерийской части.), сообщил о его гибели: попав вместе с Гребневым на хорошо простреливаемое место, Марфин поднялся из окопа и был убит, упав Гребневу на руку (Przybylski R. An Essay on the poetry of Osip Mandelstam: God's Grateful Guest. Ann-Arbor: Ardis, 1997. P. 226).

где Мандельштам приобрела однокомнатную квартиру. Летом я была у нее на даче в Тарусе, Верее, Кратове, Переделкине.

До конца жизни Надежды Яковлевны мы постоянно виделись, переписывались, иногда разговаривали по телефону. Помню, как-то днем она позвонила и взволнованно сообщила, что умерла Ариадна Сергеевна Эфрон⁹⁰. Ранее в разговоре Мандельштам сказала: «Она очень значительный человек».

Ко мне Надежда Яковлевна относилась не только хорошо, но с нетипичной для нее кроткой нежностью, а поссориться с ней очень легко. За всю нашу сорокачетырёхлетнюю дружбу не было ни малейшего недоразумения, не говоря о ссоре.

Наверное, я родилась под счастливой звездой: мне всегда и сейчас, несмотря на возраст, было интересно жить. Всё, что я любила: природа, люди, животные, книги, — окружало меня с детства. А главное, было много друзей и среди них очень интересные и незаурядные люди: это психолог профессор П. Л. Загоровский, Б. М. Бернадинер, по специальности философ и крупный ученый, чл.-корр. АН СССР, ботаник Б. М. Козо-Полянский и др.

Причем интересная закономерность. В молодости многие мои друзья были значительно старше меня. Их огромная эрудиция, высокая культура, а главное — любовь к искусству, поэзии, несомненно, оказали влияние на мой духовный облик, особенно на литературный вкус. Теперь среди моих друзей больше молодых людей, и они помогают мне забывать о своем возрасте, сохранять прежний интерес к жизни, поэзии, вообще к искусству.

Со студенческих лет я очень любила свою университетскую подругу Евгению Николаевну Перкон. Очень одаренного человека, блестящего педагога. Ее лекции не раз прерывались аплодисментами (одно время она работала в театральном училище им. Щукина). Моя дружба с Женей длилась более сорока лет. Женя неистово любила стихи, ее неизменным кумиром в течение всей жизни был А. С. Пушкин, несмотря на очень широкий круг ее литературных и поэтических интересов. Она умела с каким-то особенным вниманием, сочувствием и интересом относиться ко всем, с кем общалась. После смерти Жени о ней прекрасно написал Виктор Сергеевич Розов, ее ученик и друг (журнал «Юность», 1980, № 2). Теперь я дружу с ее дочерью Наташей (Н. Н. Самохина). Есть у меня еще одна подруга по университету, к ней я очень привязана — это Рая Иткина. Она кандидат филологических наук, последние годы работала в Воронежском пединституте.

⁹⁰ Эфрон А. С. (1912–1975), дочь М. И. Цветаевой, переводчик, художник-график, исследователь и публикатор творческого наследия матери и автор воспоминаний о ней.

Не одну книгу, не говоря о стихах, мы прочитали вместе вслух. К великому моему сожалению, она переехала в Москву, но живые отношения у нас сохраняются, с Раей я делюсь всеми своими радостями и огорчениями.

Очень давний мой друг — Маруся Ярцева. С 1923 года мы вместе учились в средней школе, еще играли в куклы. Без памяти любили стихи. Идя в школу (мы жили на одной улице) и из школы, гуляя, твердили с упоением стихи любимых поэтов. В разное время жизни — разных, начиная с Апухтина, Виктора Гофмана, Северянина, позднее — Гумилёва, Анненского, Цветаеву, Ахматову и на всю жизнь — Блока, Пастернака, Мандельштама. Из классической литературы нас пленял, конечно, Пушкин, Тютчев, Фет и Баратынский. Маруся — палеонтолог, ученый, после войны живет в Киеве, но видимся с ней каждый год.

Большими и близкими друзьями, с кем я общаюсь ежедневно, стали мои бывшие коллеги, теперь соседи, Николай Семёнович и Антонина Владимировна Буяновы. Николай Семёнович — человек с большим кругозором, эрудицией, прекрасным знанием музыки. Сам он хорошо играл на фортепьяно. Превосходный педагог. Его жена — добрейший человек. Это моя вторая семья. Без них, особенно после смерти брата, мне было бы очень одиноко. С Николаем я знакома с 1940, с Антониной Владимировной — с 1935 года.

Очень большим моим другом стал доктор исторических наук, профессор древней истории Александр Иосифович Немировский, с которым я случайно познакомилась в поезде в 1960 году.

Почти до утра мы читали друг другу стихи. Он — свои и Рильке, я — Мандельштама, тогда «Воронежские тетради» были почти неизвестны⁹¹. Александр Иосифович талантливый и на редкость одаренный человек — ученый, писатель, переводчик. Не одну из своих монографий, повестей и рассказов из истории древней Италии он написал у меня в доме. ИФЛИец, учившийся вместе с П. Коганом, Н. Майоровым, он хорошо знает несколько языков, включая итальянский, латынь, древнегреческий, что дает ему возможность переводить тексты древних авторов и стихи поэтов нового времени. По натуре это человек эмоциональный, порывистый, горячий. Его небезразличие ко всему и даже способность на необдуманные поступки мне глубоко импонируют.

Из молодых моих друзей хочу назвать Диму (Даниила) Заславского, математика и поэта. Наша дружба длится более двадцати лет.

---

⁹¹ А.И. Немировский осуществил одну из первых в стране публикаций стихов Мандельштама после десятилетнего запрета на его творчество (Из «Воронежских тетрадей». Подъем. 1966. № 1).

Мы много беседуем, бываем на концертах, выставках. Путешествовали по Карпатам и городам Прикарпатья, не раз бывали в Москве. Он трогательно меня опекает. Я очень ценю общение с ним.

Близкой мне является семья Гординых, Нелли и Виктор. Несмотря на большую занятость в университете (Виктор кандидат химических наук, доцент, Нелли работает в лаборатории), они принимали активное участие в создании альбома «Мандельштам в Воронеже». Все фотоработы в альбоме выполнены Гординым, он мой соавтор.

Наше общение не только носит литературный характер, нас объединяет широкий круг интересов. Я очень привязана к этой семье, а Нелли пленяет меня прелестной непосредственностью и женственностью.

Та же общность интересов и литературных вкусов связывает меня с семьей Свительских. Несмотря на то, что порой мы не часто видимся, наши встречи всегда насыщены и радостны. Со Славой (кандидатом филологических наук, доцентом пединститута) мы всегда обсуждаем общие литературные вопросы и конкретно мои работы, часто он мой первый советчик. Нина вместе со мной начала мою многолетнюю работу по созданию альбома. Она для меня воплощение доброты и искренности.

Очевидно, я должна остановиться и прервать себя: так много у меня друзей, что это повествование может превратиться в целый том. Я не назвала здесь и половины дорогих мне людей, с которыми меня связывают десятилетия общения и дружбы. Да простят они меня за это, я всех их помню и благодарна им, что они есть и были...

Возвращаюсь к себе. В 1937 году я вышла замуж за своего сверстника, с которым была знакома до этого семь лет, Бориса Евгеньевича Молчанова. Как писал о нем мой товарищ Вадим Покровский: «Он инженер, без сомнения, высшего сорта, с английским профилем, крутолобостью головы...» Борис любил стихи, писал сам, плохие. Через год мы расстались, получилось как-то автоматически. Он захотел переехать под Москву (очевидно, у него была цель оторвать меня от друзей), я не поехала.

Я очень любила свой город, он казался мне прекрасным. Кругом зелень, некоторые улицы похожи на аллеи, везде цветы, особенно на площадях. Он напоминал мне южные города. Старый Воронеж необыкновенно живописен, он расположен на высоком берегу реки, на холмах, подобно Киеву. Кругом неоглядные дали. И какой простор!

Невольно вспоминается стихотворение Анны Ахматовой «Воронеж»:

А над Петром воронежским — вороны,
Да тополя, и свод светло-зеленый,
Размытый, мутный, в солнечной пыли,
И Куликовской битвой веют склоны
Могучей, победительной земли...

Центр России. Чернозем, который так поразил Мандельштама:

Переуважена, перечерна, вся в холе,
Вся в холках маленьких, вся воздух и призор,
Вся рассыпаючись, вся образуя хор. —

Комочки влажные моей земли и воли...
Какой же щедрый край!

Город имеет университет с богатейшей фундаментальной библиотекой, много других высших учебных заведений. Свой симфонический оркестр. Близость Москвы и удобство сообщения обеспечивают постоянные гастролы знаменитых музыкантов и артистов.

Перед войной город жил высокой духовной жизнью.

В 1941 году буквально за несколько часов до прихода немцев в Воронеж я с мамой и небольшим коллективом преподавателей и учащихся техникума покинули родной город. Уходили налегке, но архив Мандельштама я взяла.

У меня было какое-то чувство вины перед любимым городом, как будто я бросила его на растерзание врагам, хотя мы верили в скорое возвращение.

До глубокой осени жили в селе Архангельском (около двухсот километров от Воронежа). В конце октября Министерство оборонной промышленности (во время войны техникум подчинялся ему) направило нас в город Куйбышев. Первый год я работала в средней школе. Учащиеся девятого класса в основном были эвакуированы из Москвы, Ленинграда, Харькова.

Класс оказался очень сильным. Издавали рукописный журнал «Волжские огни», занимался литературный кружок, устраивали диспуты, была самодеятельность. Всё свободное от уроков время проводили в школе. У меня и комната была здесь же.

Через 35 лет после окончания войны учащиеся этого класса нашли меня, и мы встретились в Москве. Среди бывших моих питомцев есть доктора и кандидаты наук. С некоторыми из них я поддерживаю связь до сих пор.

Следующий 1943–44 учебный год я работала опять в своем техникуме, получившем помещение в Куйбышеве. Оставлять учащихся школы было очень жалко. В техникуме я уже совсем «пропадала» день и ночь, помимо уроков, внеклассной воспитательной работы, я была начальником учебной части, что прибавило много забот и обязанностей.

Кроме работы, жили событиями фронта, тревогами за близких, дорогих людей, нет, это неверно — за всех.

Вот теперь, только теперь по-настоящему мы поняли, что такое Родина! Какое это великое слово! Как же беспечно мы жили до войны! Хотелось сделать что-то сверх своих сил, чтобы помочь, спасти страну.

На фронт... Но нога, не возьмут, конечно. В 1944 году вступаю в партию, считая, что это позволит принести больше пользы.

В конце октября 1944 года часть коллектива преподавателей техникума, и я в том числе, вернулись в истерзанный врагом наш город. Он был неузнаваем и как был дорог! Хотелось целовать израненные камни.

Во время войны у нас погибло всё из вещей и обстановки. Но ничего не было жалко, кроме книг. У меня осталась в Воронеже хорошая и большая библиотека, П. Л. Загоровский считал ее уникальной. Мне даже снилось, как горели книги. Думала больше не собирать, но без книг трудно и скучно жить, я имею в виду — своих.

Начали восстанавливать техникум. Занимались в нетопленных аудиториях, только в учебной части стояла «буржуйка», от которой было больше дыма, чем тепла. Но какое это было счастливое время! Враг позорно уходил под напором наших войск.

И, наконец, победа!

Нельзя обыкновенными человеческими словами передать те чувства, которые захватывали нас всех. Почему-то все пришли ко мне. Мы с мамой тогда жили в учебном корпусе. Помню, было четыре утра. Первым пришел директор Семён Матвеевич Ипполитов. Это он спас нас от немецкого плена: вывез в село Архангельское якобы на сельскохозяйственные работы (повторной эвакуации из Воронежа не было). Пришли и многие преподаватели (они жили недалеко от техникума). Интересно то, что никого не приглашали. Это было по велению души! Незабываемое утро! Обнимались, и смеялись, и плакали. Как неразрывны радость и горе! Вернулся брат — это чудо, но погиб мой друг Феденька (старший научный сотрудник и заместитель директора ботанического сада ВГУ).

Город восстанавливался сказочно быстро, выстроили и новый техникум, в возрождении которого я тоже принимала участие. Опять любимая работа и ребята.

В 1971 году вышла на пенсию. Вот, пожалуй, и всё.

Теперь больше времени читать, общаться с друзьями. В доме, как всегда, люди — это радует. Бываю в Вологде у любимого двоюродного брата Серёжи, в Москве, там еще больше друзей, чем в Воронеже. Всегда с интересом общаюсь с Варей Шкловской, ее мужем Николаем Панченко, Евгением Борисовичем Пастернаком и одной из любимых моих поэтесс Беллой Ахмадулиной.

Большой радостью последних десятилетий моей жизни является широкое признание Осипа Мандельштама читателем, в котором он так нуждался при жизни:

Читателя! советчика! врача!
На лестнице колючей разговора б!

Со всех концов страны: Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Одессы, Омска, городов Поволжья, Прибалтики и Сибири приезжают почитатели его таланта. Для них Воронеж — город, занявший особое место в русской литературе своей кровной связью в XX веке с творчеством Осипа Мандельштама, так же, как в XIX веке — с именами А. В. Кольцова и И. С. Никитина.

Как-то Осип Эмильевич шутя спросил профессора Рогинского⁹²: «Как вы думаете, а будет ли поставлен когда-нибудь памятник мне в Воронеже?» Сейчас, я полагаю, можно ответить: «Да, будет», потому что город не может забыть поэта, воспевшего и прославившего его имя, поставив в один ряд с такими общечеловеческими святынями, как Флоренция и Рим:

От молодых еще воронежских холмов
К всечеловеческим, яснеющим в Тоскане.

Подводя итог, могу сказать, что, наверное, все-таки я прожила интересную жизнь и была счастливой, но пусть не думает тот, кому,

---

⁹² Рогинский Яков Яковлевич (1895–1986), известный антрополог, в 1964–1975 гг. заведовал кафедрой антропологии МГУ. В примечаниях к альбому «Осип Эмильевич Мандельштам в Воронеже» Наталья Евгеньевна писала: «Я.Я. Рогинский преподавал в МГУ, был арестован как антрополог, но весной 1935 г. освобожден. В Московском университете работы не оказалось. Яков Яковлевич с радостью согласился на временную работу в Воронеже. Этому способствовал крупный ученый, доктор биологических наук, профессор Воронежского университета Б.М. Козо-Полянский».

быть может, придется читать эти страницы, что небо моей жизни всегда было безоблачно. Конечно, нет.

Было и достаточно горя, большого и настоящего. Только жизнелюбие всегда побеждало, побеждала и красота, окружающая нас, способность удивляться миру и жадно его воспринимать. «Печаль моя светла...»

А уж когда очень плохо бывает на душе, как заклинание, повторяю стихи любимых поэтов.

Вот, пожалуй, и всё.

<1986>

ИСЦЕЛЕНИЕ

Это было зимой 1918 года (или 1919). Представители советской власти антирелигиозную пропаганду начали в Воронеже с того, что мощи Митрофания угодника перенесли из монастыря в краеведческий музей.

Мне было тогда десять лет, и в течение нескольких лет я тяжело болела. Семья, в которой я родилась, с высокими нравственными устоями, о чем я могла судить значительно позднее, в лучшем смысле этого слова интеллигентная, не была религиозной. Но какие-то отголоски событий доходили до меня. Очевидно, среди населения города начался ропот и возмущение, так что властям пришлось через несколько дней водрузить мощи обратно в монастырь.

Круглые сутки монастырь был открыт, там непрерывно шла служба.

У меня было сильное обострение, уже несколько недель я лежала в постели. Был открыт свищ (в результате туберкулеза тазобедренного сустава), каждый день приходил фельдшер делать перевязку, кроме того, неизвестно почему, появился огромный нарыв на большом пальце больной ноги, напоминавший начало гангрены, даже прикосновение простыни вызывало боль, несколько ночей подряд не спала.

Меня проведать пришла моя кузина, она решила чем-то развлечь больного ребенка и начала рассказывать, что в Митрофаньев-

---

Публикуется впервые, по автографу, подаренному в 1988 году Н. Гординой. Название дано составителями

ском монастыре совершаются чудеса: люди, приходящие туда прилечь к плащанице, получают исцеление.

Вера ушла (так звали мою кузину), уже был вечер.

Я сказала маме, что хочу ехать в монастырь. Она очень взволновалась и начала мне доказывать, что это невозможно.

Вот ее доводы: во-первых, чудес не бывает, во-вторых, на дворе мороз, а надо встать, опустить ноги, обуться, тогда как боль возникает от прикосновения простыни. Но главное, что так беспокоило маму, — нервная травма. Ведь чуда не может быть, и всё это еще больше осложнит и так тяжелое состояние.

Я настаивала на своем. В это время пришел мой дядя, брат матери. Он пользовался огромным авторитетом. «Леонид, ради бога образумь ее», — обратилась к нему мама. К великому удивлению всех, он спокойно и твердо сказал: «Пусть едет, если, конечно, сможет одеться. Я запрягу лошадь (он был страстным охотником и имел лошадь) и попрошу поехать с вами Леонида Павловича» (это его друг, который жил у него в доме).

Я спустила с постели ноги, надела чулки, ботинки. Я не чувствовала никакой боли.

Л. П. вынес меня, и мы поехали. Помню огромный полуосвященный монастырь, горят свечи, в алтаре негромко священник читает молитвы, кое-где стоят люди.

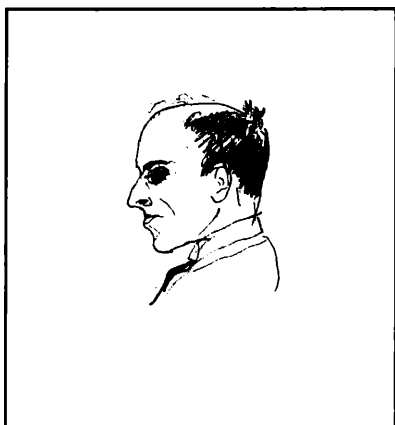
На обратном пути единственным желанием было, чтобы меня оставили в покое, мне не хотелось говорить, отвечать на вопросы.

Когда меня раздели и положили в постель, я притворилась спящей, предаваясь блаженному состоянию, которое никогда ранее не испытывала.

Больше боль не возвращалась, быстро закрылся свищ, прошел нарыв, правда, палец долго имел синий цвет.

Врачей удивлял столь необычный процесс, я даже не состою на учете в тубдиспансере.

(Н. Гординой   )

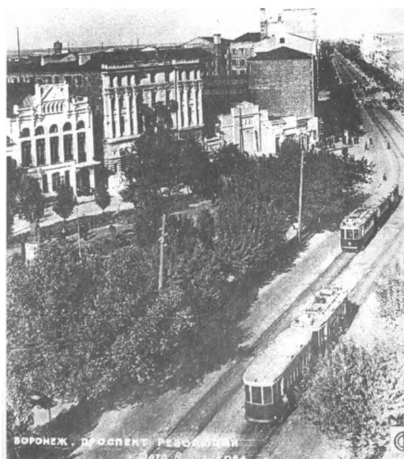
ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ
О НАТАЛЬЕ ШТЕМПЕЛЬ

О. Э. Мандельштам. Воронеж, 1936 г. (Архив Мандельштамовского общества)

*Воронеж. 1930-е гг. Начало пр. Революции и Кольцовский сквер.
(Архив Н. В. Гординой)*

*Воронеж. 1930-е гг. Спуск к реке (ул. Декабристов).
(Архив Н. В. Гординой)*

Воронежъ. Большая Дворянская улица

Воронеж. 1910-е гг. Большая Дворянская ул. Перед пожарной каланчой – на углу совр. пр. Революции и ул. 25 октября – место, где находился один из адресов О. Э. Мандельштама. На переднем плане – здания, где в сер. 1920-х гг. располагались Воронежское отделение ССП и гостиница «Бристоль». (Архив Н. В. Гординой)

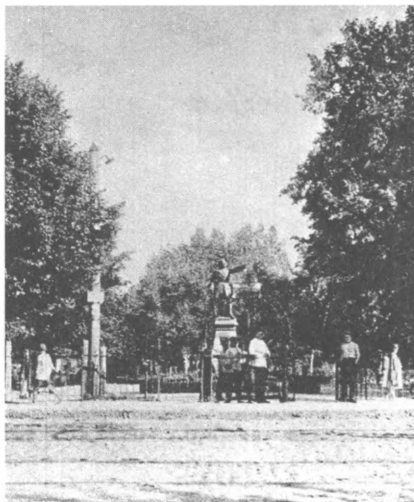
Воронежъ. № 21.
Центральная гостиница.

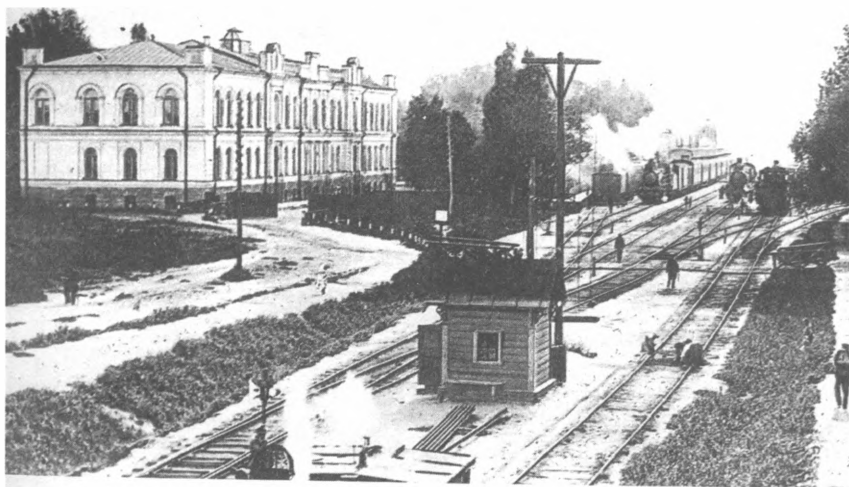
Воронеж. Нач. XX в. Гостиница «Центральная». (Архив Н. В. Гординой)

Воронеж. 1989 г. Памятник
Кольцову. (Архив Н. В. Гординой)

Воронеж. Нач. 1930-х. гг. Петровский
сквер. (Архив Н. В. Гординой)

Воронеж. На подъезде к вокзалу. 1910-е гг. (Архив Н. В. Гординой)

Воронеж. Конец 1920-х гг. Здание вокзала. (Архив Н. В. Гординой)

Воронеж. Вид на Никольскую церковь. Нач. XX века. (Архив Н. В. Гординой)

Воронеж. Нач. XX в. Вид на Правобережье. (Архив Н. В. Гординой)

Празднование X годовщины Великой Октябрьской Социалистической
1937 г. Здание Обкома ВКП (б). Не сохранилось (располагалось на пл. Ленина,
на месте Городской библиотеки им. И. С. Никитина).
(Архив Н. В. Гординой)

Воронеж. 1939 г. Кинотеатр «Спартак». (Архив Н. В. Гординой)

Вторая квартира Манделштамов: ул. 2-й Линейной, 4 (ныне пер. Швейников, 4б). Спуск к дому – в «яму». (Архив Н. В. Гординой)

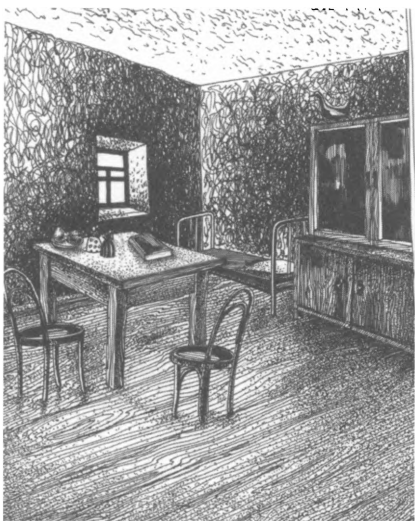
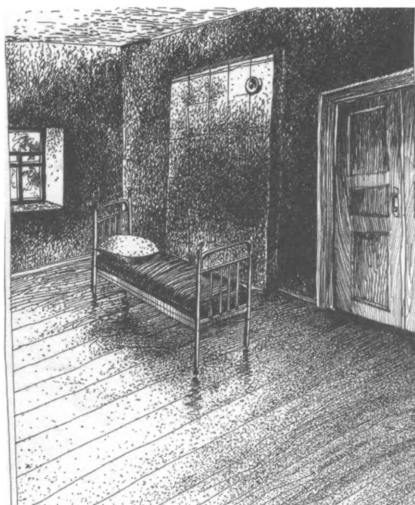

Воронеж. Четвертая квартира Мандельштамов. Во дворе дома 13 по ул. Энгельса (на переднем плане А. С. Глуберман с матерью) Фото 1930-х гг. (Архив А. С. Глаубермана)

Воронеж, эскиз внутреннего фасада дома 13 по ул. Энгельса. Рисунок Л. М. Афанасьева (1940 г.). (Собрание В. М. Абакумова)

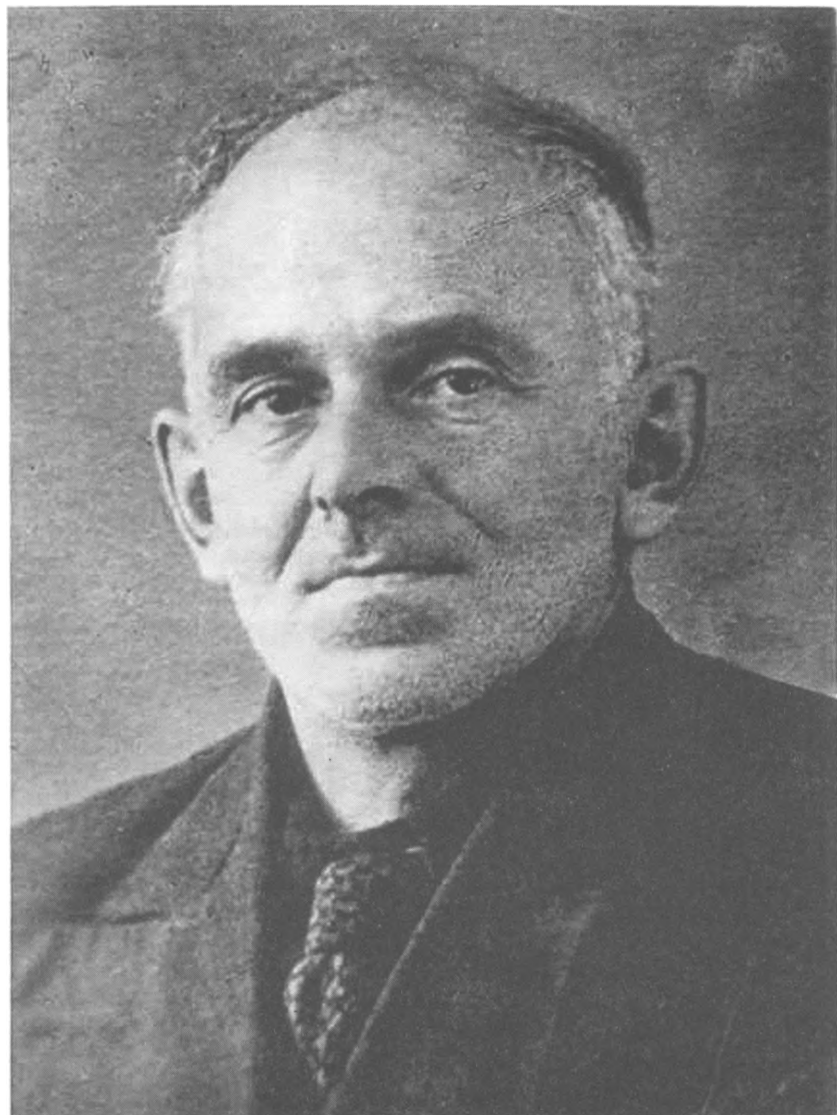
Последний адрес Мандельштамов в Воронеже (по ул. 27 февраля, 50; дом не сохранился). Интерьеры комнаты, которую они снимали у театральной портнихи.. Реконструкция М. В. Перфильевой по описаниям Н. Е. Штемпель (Архив Н. В. Гординой).

С. Б. Рудаков. Рисунок дома в Задонске, в котором Мандельштамы снимали комнату летом 1936 г. Задонск, 8.8. 1936. Тушь. На обороте надпись: «Дом Осипа Мандельштама – крайние два окна. Рисовал дома по карандашному наброску с натуры» (Амстердамский городской музей, коллекция Н. И. Харджиева и Л. В. Чаги)

Г. В. Баринава (Архив Мандельштамовского общества)

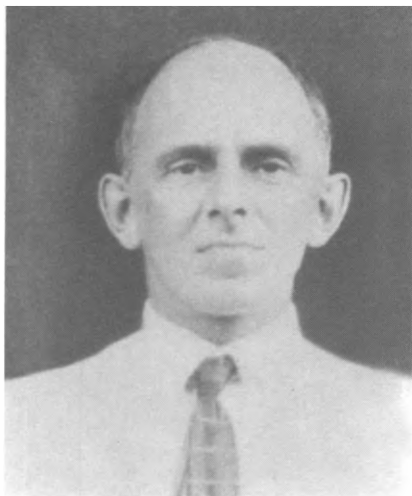
О. Э. Мандельштам. Воронеж, 1937 г. (Архив Мандельштамовского общества)

О. Э. Мандельштам на читке пьесы М. Горького «Враги» в Большом Советском театре. Воронеж, 1936. (Архив П. М. Нерлера)

О. Э. Мандельштам среди отдыхающих Тамбовского санатория. Тамбов, 1936 г. (Архив Мандельштамовского общества)

*О. Э. Мандельштам. Воронеж, 1937 г.
Фото М. В. Ярцевой. (Архив Мандельштамовского общества)*

О. Э. Мандельштам и В. Я. Хазина. Воронеж, 1937 г. Фото М. В. Ярцевой (Архив Мандельштамовского общества)

*О. Э. Мандельштам, Н. Я. Мандельштам, Н. Е. Штемпель и М. В. Ярцева.
Воронеж, 1937 г. (Архив Мандельштамовского общества)*

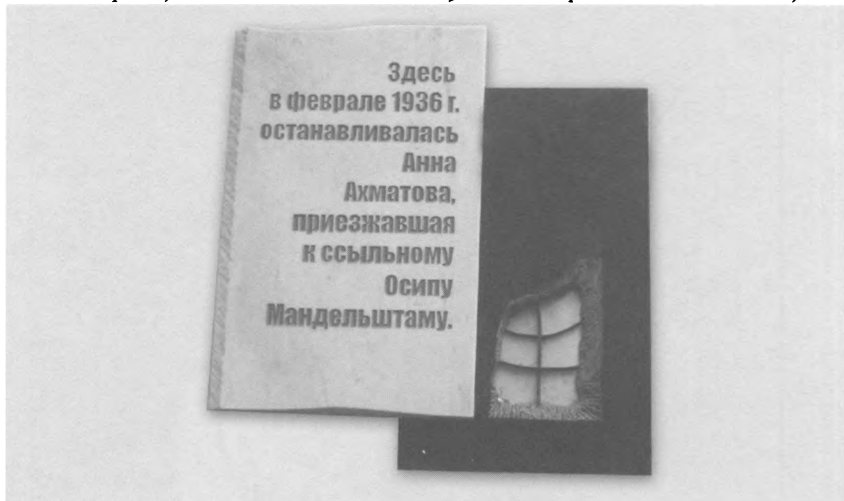

Воронеж, ул. Энгельса, 13. Открытие мемориальной доски О. Э. Мандельштаму. (Архив издательского дома «Кварт»).

7.11.36.
Воронеж.

С. Б. Рудаков. Профиль А. А. Ахматовой. Воронеж, 7.2.1936. Тушь (Амстердамский городской музей, коллекция Н. И. Харджиева и Л. В. Чаги)

Воронеж, ул. 20-летия ВЛКСМ. Мемориальная доска в честь приезда в Воронеж А. А. Ахматовой. (Архив издательского дома «Кварт»).

*Памятник О. Э. Мандельштаму в Воронеже. Скульптор Л. Гадаев. 2008 г.
(Архив О. Г. Ласунского)*

1
К твоей земле некогда припадёт
Неравномерной сладкою поляркой

Она идёт, тусил-ча опережая

и ^{вспыхнет} и ^{вдохнет} - погодка
и влетит естественная свобода

Одущивляющего киребетка

и кажется, что ясная погодка

! За се погодке может задержатся

О том что эта вечная погода

Для нас - прамагерь грядовой свобода -

и это будет, возню казывается

11
Есть жемчужин свироб земле родные

и каждый шаг их - гудитов рыванье

Сопровождают восресных и впервах

привисовити чюдотных - их призыванье

и ^и ^{также} ^{растопавтса} с ^{Прыбываю} ^{чресно} ^{п.}
Сюды - ангел гавтра - гербы мозилки

А после - гавтра - только озертанье

то было посюте станет подосудити

цветы бесмертия - небо челокутно

и то, что будет - только обещаенье

4 мая 37
13

СТИХОТВОРЕНИЯ

Клейкой клятвой липнут почки,
Вот звезда скатилась, —
Это мать сказала дочке,
Чтоб не торопилась.

«Подожди», — шепнула внятно
Неба половина,
И ответил шелест скатный:
«Мне бы только сына...

Стану я совсем другою
Жизнью величаться.
Будет зыбка под ногою
Легкою качаться.

Будет муж, прямой и дикий,
Кротким и послушным,
Без него, как в черной книге,
Страшно в мире душном...»

Подмигнув, на полуслове
Запнулась зарница.
Старший брат нахмурил брови.
Жалится сестрица.

Ветер бархатный, крыластый
Дует в дудку то же:
Чтобы мальчик был лобастый,
На двоих похожий.

Спросит гром своих знакомых:
«Вы, грома, видали,
Чтобы липу до черемух
Замуж выдавали?»

Да из свежих одиночеств
Леса — крики пташьи:
Свахи-птицы свищут почесть
Льстивую Наташе.

И к губам такие липнут
Клятвы, что по чести
В конском топоте погибнуть
Мчатся очи вместе.

Все ее торопят часто:
«Ясная Наташа,
Выходи, за наше счастье,
За здоровье наше!»

2 мая 1937

На меня нацелилась груша да черемуха —
Силою рассыпчатой бьет в меня без промаха.

Кисти вместе с звездами, звезды вместе с кистями. —
Что за двоевластье там? В чем соцветьи истина?

С цвету ли, с размаха ли бьет воздушно-целыми
В воздух, убиваемый кистенями белыми.

И двойного запаха сладость неуживчива:
Борется и тянется — смешана, обрывчива.

4 мая 1937

1

К пустой земле невольно припадая,
Неравномерной сладкою походкой
Она идет, чуть-чуть опережая
Подругу быстрюю и юношу-погодка.
Ее влечет стесненная свобода
Одушевляющего недостатка,
И, может статься, ясная догадка
В ее походке хочет задержаться —
О том, что эта вешняя погода —
Для нас — праматерь гробового свода —
И это будет вечно начинаться.

Есть женщины, сырой земле родные,
 И каждый шаг их — гулкое рыданье,
 Сопроводять воскресших и впервые
 Приветствовать умерших — их призванье.
 И ласки требовать у них преступно,
 И расставаться с ними непосильно.
 Сегодня — ангел, завтра — червь могильный,
 А послезавтра — только очертанье...
 Что было поступь — станет недоступно...
 Цветы бессмертны. Небо целокупно.
 И всё, что будет, — только обещанье.

4 мая 1937

ШУТОЧНЫЕ СТИХИ

Источник слез замерз, и весят пуд оковы
 Обдуманных баллад Сергея Рудакова.

<1936>

ПОДРАЖАНИЕ НОВОГРЕЧЕСКОМУ

Девочку в деве щадя, с объяснениями юноша медлил
 И через семьдесят лет молвил старухе¹: люблю

Мальчика в муже щадя, негодуя, медлила дева
 И через семьдесят лет плюнула старцу в лицо.

<1936-1937>

Пришла Наташа. Где была?
 Небось не ела, не пила.
 И чует мать, черна как ночь:
 Вином и луком пахнет дочь.

• • •

Если бы проведаль бог,
 Что Наташа педагог,

---

¹ В указанный момент юноше было 88 лет, а деве — 86 лет (примечание переводчика).
 (Найдено в архиве одной греческой старухи. Перевел с новогреческого О. Мандельштам)

Он сказал бы: ради бога,
Уберите педагога!

* * *

— Наташа, как писать: «балда»?
— Когда идут на бал, — то: «да!»
— А «в полдень»? — Если день — то вместе.
А если ночь — то не скажу, по чести...

* * *

Наташа, ах, как мне неловко,
Что я не Генрих Гейне:
К головке — переводчик ейный —
Я б рифму закатил: плутовка.

* * *

Наташа, ах, как мне неловко!
На Загоровского, на маму —
То бишь на божию коровку
Заказывает эпиграмму!

<1936-1937>

Наташа спит. Зефир летает
Вкруг гофрированных волос.
Для девушки, как всякий знает,
Сон утренний, источник слез.
Головомойку означает.
Но волосы ей осушает
Какой-то мощный пылесос.
И перманентно иссякает —
И вновь кипит источник слез.

24 февраля 1937

Эта книга украдена
Трошеем в СХИ.
И резинкою Вадиной
Для Наташи она омоложена,
И ей дадена
В день посещения дядина.

<1937>

ПИСЬМА²

19/IV/<1937>

Надюшенька!

Утром получили твоё вокзальное письмо. Почтальон невероятно громко постучал в окно. Потом кошка прогнала Тому. Утром мама говорила о врожденности характеров детей. Вчера история семьи Корнгольдов. Вчера мы оба, понадеявшись друг на друга, вышли в лавку без денег: дошли и вернулись. Бабушка погасила свет выключателем. Я нечаянно исправил.

Вчера мы с мамой пошли в Дом Красной Армии. Я омолодился там в роскошной парикмахерской за 2 р. 50 к. Концерт оказался бес-
платным, по особым пропускам. Я взял два: себе и маме. Но пришла Наташа — и ей не дали пропуска. И мама ушла домой (уступив своей Наташе) очень неохотно: так ей понравился Дом Красной Армии. Себастьян плясал как сириец, нубиец и фригиец плюс еврей. А играли очень хорошо.

Сейчас заказал с утра срочный телефон Жени на 12 ночи с предупредением. И то не наверное. Надик, ты живи у нас дома, а то устанешь по гостям. Я буду стараться звонить по утрам от 8½ до 9. Если это невозможно — телеграфируй. Дедушке скажи, что я хочу его видеть. Пусть он мне напишет. Болезнь быть без тебя протекает довольно мирно (благодаря маме), но все-таки болезнь. Считаю дни и минуты до возвращения твоего. Если обстоятельства на это укажут, зайди в «Знамя». А то и нет? Буду писать каждое утро. А ты телеграфируй, если звонок не удастся. Зайди к врачу. Обязательно. Целую тебя, моя родная.

Ося. Няня. Твой.

Родной мой, люблю тебя и так хочу быть с тобой. Ау?
Надинька! Дай лобик, солнышко мое!

22/IV/37

Родная Надинька!

Это второе мое письмо. Я, конечно, дурак — не так ли? — но я не понимаю, чего ты ждешь в Москве. Ну и пусть не понимаю. А если ты сидишь в Москве, значит, нужно. Этот раз твой отъезд переносить трудно, но спокойнее. Мама твоя очень помогает — всем своим существом, вплоть до раздражающих моментов. Всё это отрезвляет и прикрепляет к жизни. Мы не ссоримся. Я очень молчалив

² Включены письма О.Э. Мандельштама к Н.Я. Мандельштам, в которых упоминается Н.Е. Штемпель.

и ничего не могу поделывать, хотя знаю, что ей это неприятно. Много времени на воздухе. Хожу один возле дома. Стихи мои, наверное, гораздо хуже прежних. Ты не скрывай. Беда не велика. Перескочим через них. Будем жить — так и стихи будут. Здоровье мое хорошо, если бы не одышка. Но это настолько серьезно, что я могу только с тобой и при тебе. Вторая поездка меня очень смущает. А при тебе и одышка гораздо легче. Впрочем, от воздуха облегчение несомненное. Читать почти не могу. Всякая книга неприятна. И читать могу только при тебе. Вопрос ясен: можем ли мы быть вместе? Остальное, по-моему, неважно. Никто не заходит. И Наташа была всего 2 раза.

Снова я равнодушен ко всему, кроме твоего приезда.

Выясни свою болезнь. Как можно тщательнее. Неделя кажется мне огромным сроком. Писем твоих нет. Голос твой звучит так, будто из недели выйдут две и т. д.

Не считай моего письма упадочным. Просто ты уехала, и я при-тих. Всё, что мы с тобой говорили, правильно. Мы совсем не слабые люди. И в очень трудную минуту сумеем поступить так, как нужно. Не рассчитывай на телефон. Москвы почти не дают. Каждый звонок — случайность. В случае заминки — телеграфируй несколько слов. Шуре скажи: то, что он не ответил на мое письмо — непоправимо — может больше не тревожиться. Обязательно точно передай.

Ну до свиданья, мой родной друг. Жду тебя и только тебя.

Твой Ося. Няня.

28 апр<еля 1937>

Надик, дитенок мой!

Что письмо это тебе скажет? Его утром принесут или вечером найдешь? Так доброго утра, ангел мой, и покойной ночи, и целую тебя сонную, уставшую или вымытую, свеженькую, деловитую, вдохновенно убегающую по таким хитрым, умным, хорошим делам. Я завидую всем, кто тебя видит. Ты моя Москва и Рим и маленький Давид. Я тебя наизусть знаю, и ты всегда новая, и всегда слышу тебя, радость. Ау? Надинька!

А у нас тишь да гладь. И только я тихо киплю. Мне весело. Я жду тебя. Я ничего не хочу, кроме тебя.

Я тебе петуха-красавца покажу, который восклицает 300 раз от 4 — до 6 утра. И котенок Пушок всюду бегаёт. И вербочки зеленые.

Подметка чуть отстаёт уже на гвоздиках. Но дня 3 прохожу. Долгов у нас нет. Мы не растратчики. Только телефон много съел. Прдержимся до 2-го мая. Вчера я гулял с Наташей в парке. Очень далеко забрались, дальше того павильона. Оттого подметка отвалилась.

Я видел на улице «дядю Леню», который воскрес и задыхаясь бе-
гает. Я ему давал медицинские> советы, как товарищ по болезни.

На самом же деле я сейчас на редкость здоров и готов к жизни.
Мы ее начнем, куда бы и где бы ни бросила судьба.

Сейчас я буду сильнее стихов. Довольно им помыкать нами.
Давай-ка взбунтуемся! Тогда-то стихи запляшут по нашей дудке,
и пусть их никто не смеет хвалить. Целую твои умные ясные глаза,
твой старенький молоденький лобик. Мама временами остроумна.
Ей начинает нравиться наша жизнь. Какой ужас! Надик, приезжай
к нам и не отпустим маму. Целую детку мою и жду.

Няня.

Ты не обидишься, что лобик стареньким назвал?

2 мая <1937>

Родная Надинька!

Прости, что пишу на обороте твоих списков. Сохрани листки
и привези. Для общезначимости пришлось приписать Наташе стар-
шего брата и сестру, а также постулировать характер будущего му-
жа³. Но то, что я ее уговариваю выйти замуж — это вполне реально.

Как видишь, я занимаюсь вздором и далек от мрачных мыслей.
Впрочем, день на день не похож. Сегодня утром мы с мамой пошли
искать туфли на улицу Сити (Syty Streat)? Так? Я купил страшные
синие — 25 р. К ним я хотел купить зеленые носки (при коричневых
брюках), но мама не позволила. При этом старик-приказчик погово-
рил со мной о музыке (концертный знакомец).

Неужели нашлись любители на «Солдата»? Я хочу поблагода-
рить лично этих добряков. У нас испортился штепсель от машинки,
и Адр<иан> Фед<орович> приделал к ней сложную висюльку, кото-
рая тоже портится. Но свет вообще отсыхает, и я пишу при лампе
и свече.

Родненькая, прости, что я болтаю, когда ты накануне напряже-
нья и т. д. Мне кажется, что мы должны перестать ждать. Эта спо-
собность у нас иссякла. Всё что угодно, кроме ожидания. Нам с то-
бой ничего не страшно. (Свет зажегся.) Мы вместе бесконечно, и это
до такой степени растет, так грозно растет и так явно, что не боится
ничего. Целую тебя, мой вечный и ясный друг. Услышу тебя скоро,
увиджу и обниму.

Твой муж. Няня.

---

³ К письму был приложен автограф обращенного к Н.Е. Штемпель стихотворения
«Клейкой клятвой липнут почки...» с пометой на полях против шестой строфы: «Хоро-
шо!»

4 мая <1937>

Надик родной!

Приезжай поскорей. Дышать без тебя трудно. Весна не в радость. Приезжай скорей. Сегодня пришли два твоих письма от 29 и 30. У тебя сразу трое гостей. Почти как дома. Казалось, что я тоже? Да? И что я ругаю Эмму? Ты меня дураком не ругай: я всё понимаю — только очень глупый. Детка моя, ты минуты лишней не останешься, в крайнем случае еще поедешь (?). Нет, не поедешь! Неопределенно ты сидеть не будешь. Если переговоры примут бесформенный характер. Мне кажется: то, что можно и хотят — сделают сразу.

Вчера ночью я сбежал от мамы, как испанка от старой дуэньи. В 12 ч. в окно постучали Наташа и ее Борис. Мама спала. Я тайно выкрался, и пошли в Бристоль⁴. Борис поставил на троих одну свиную котлету, три апельсина и бутылку Бордо. Я принес маме апельсин и положил под подушку. Она проснулась и сказала: я не маленькая. Она не заметила, что я уходил. Только что пришло письмо от Рудакова. Разобрал его с колоссальным трудом. Он пишет (кажется?), что стихи неровные и что передать это можно только в разговоре. Большое новое идет от стихов о русской поэзии? Да?

Сейчас был в книжном магазине — большом. Там изумительные «Металлы Сассанидов» Эрмитажа. 50 р. Хорошая продавщица мне отложила. Как видишь, я сумасшедший дурак. А эти блюдечки персов мы все-таки купим. Такие уж мы уроды. Деточка, приезжай скорей — Няня без тебя задохнется. Он больше не может мотаться и ждать. Ау? Надик? Ау? Скорей.

Няня.

Надик, не смей отнимать у себя денег. Нам нужны гроши. Сейчас я перешел на другую сторону улицы и увидел мамину фигурку — она трогательная. Она — вся твоя. Она крошечный Дант-старушка.

<Приписка В. Я. Хазиной: >

Привези Эммочке книжечку, она еще безграмотная, она заботится о нас.

4 мая <1937> /второе письмо.

Надик солнышко!

Только пришел домой и сочинил безделицу. Ее прилагаю. Горько и пусто мне сочинять без тебя. Мама — равнодушна к «Квакушам», «Наташу» хвалит. «Черемуху»⁵ промолчала. Дней 10 назад я поссорился с нашей хозяйкой из-за петуха [я кричал о петухе в пространство:

⁴ Гостиница и ресторан на центральной улице Воронежа пр. Революции; описание этого эпизода см. также в воспоминаниях Н.Е. Штемпель «Мандельштам в Воронеже».

⁵ Стихотворения «Я к губам подношу эту зелень...». «Клейкой клятвой липнут почки...». «На меня нацелилась груша да черемуха...».

она приняла пафос на свой счет] (очень деликатно, но всё же она говорила кислые слова). Всё это забыто. Деликатность удивительная. Денег не брала. Терпенье сверх меры.

По поводу же нападения курицы на маму. Никакой царапины серьезной нет. Шрам заживает. Черт знает какой вздор пишу. Поголь такого не выдумает.

Солнышко мое, если тебя неудача постигнет, умоляю тебя, приежай веселая. Помни, что нам с тобой отчаиваться стыдно. Кто его знает, что будет? Что-нибудь... Переживем... Вот как, дитя мое.

И еще умоляю, если удержишься: не отказывай себе. Не балуй нас. Целую тебя, мой родной.

Няня твоя.

7 мая <1937>

Надик, дитя мое родненькое!

Вчера пришло твое письмо от 4-го, сегодня от 2-го.

Детка, да тебе там делать нечего. У тебя Москва пустая?

Куда ты тычешься? Как время тянешь?

А я совсем скис. И стихи побросал. И места себе не нахожу. Телефон взяли сегодня вечером под радио, а то бы услышал голос твой. Не хочу новостей. Хочу Надин голос. Последние дни я почти свободно выхожу один, изумляя воронежцев своей одинокой фигурой. Вчера раскачался даже к Наташе. Только в трамвае №3 чуть-чуть испугался. На сватовские стихи⁶ Наташа говорит, что они «что-то знакомое — вроде Лермонтова», т. е. вторичны, литература. Маленький парк⁷ ценит. А «Железо»⁸ — это и есть железо. Она работает сейчас по 10 часов и почти не заходит. Мы с мамой абсолютно одни. Мы да кошка с сыном. Мама разучилась со мной ссориться. Царапина от куриной лапы почти исчезла. Мама постирала мне синюю рубашку и твое белье. На персов я только облизываюсь. Ничему хорошему не верю. Так лучше. А твоя звездочка⁹ — чу-чу — очень как хороша. Всё больше. Надик, привези мою прозу¹⁰. Если будем жить — выучи меня англичанам. 75 р. пришли сегодня. Прошлый раз телеграфист пил у нас чай. Надик, от письма легче: начинаю болтать и улыбаться.

Я жду тебя, моя жена, моя дочка, мой друг. Скорей, скорей.

Твоя Няня.

Сейчас пойду сам опущу письмо около «Коммуны».

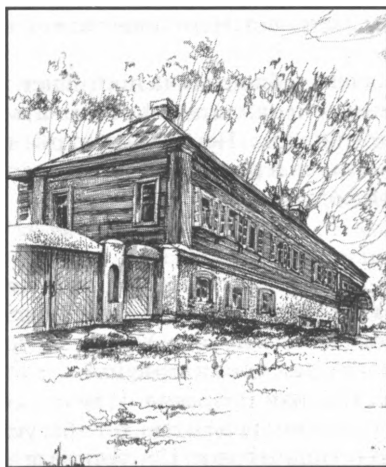
⁶ Стихотворение «Клейкой клятвой липнут почки...».

⁷ Стихотворение «Я к губам подношу эту зелень...».

⁸ Стихотворение «Идут года железными полками...».

⁹ Речь идет о стихотворении «О, как же я хочу...».

¹⁰ По устному сообщению Н.Я. Мандельштам, речь идет о «Четвертой прозе».

НАТАЛЯ ШТЕМПЕЛЬ

ИЗ ПЕРЕПИСКИ

ПИСЬМА Н.Е. ШТЕМПЕЛЬ

Н. И. ХАРДЖИЕВУ

27 марта 1960 г., Воронеж

Глубокоуважаемый Николай Иванович!

Мне стало известно о письме Сергея Борисовича Рудакова.

Не буду писать Вам о том впечатлении, которое на меня произвел этот бред. Но считаю своим долгом сообщить Вам нижеследующее.

Я познакомилась с Сергеем Борисовичем Рудаковым в феврале 1936 г. Мы очень часто встречались с ним вплоть до его отъезда из Воронежа, т. е. до июля 1936 г.

С.Б. мне постоянно и восторженно говорил об О.Э. Мандельштаме, читал его стихи, но познакомить меня с ним не хотел, больше того, пытался брать с меня обещание, что и после его отъезда из Воронежа я не буду стремиться познакомиться с О.Э. Мандельштамом. В августе 1936 г. (после отъезда Рудакова) я пошла к Мандельштаму. С этого времени я виделась с Осипом Эмильевичем и Надеждой Яковлевной почти ежедневно (после отъезда О.Э. и Н.Я. из Воронежа встречалась с ними в Москве, Савёлово, Твери).

Зиму 1936 г. и 1937 г. (до самого отъезда из Воронежа) Осип Эмильевич очень много писал.

Я была свидетельницей необычайного творческого подъема, какого-то порыва, который длился без конца, торжества и победы вдохновения над всеми горестями и скудностью повседневной жизни, окружавшей поэта.

Стихи создавались на глазах.

Почти каждый день появлялись новые стихи.

Я помню всё до мельчайших подробностей, как будто это было вчера, помню эйдетически¹, как говорят психологи.

Осип Эмильевич часто не ждал вечера, когда я могла зайти к ним, а приходил в лабораторию, где я работала, или в техникум, где преподавала, чтобы прочитать мне сейчас же свои новые стихи.

В отношении некоторых стихов я могла бы свидетельствовать, под каким конкретным впечатлением они создавались.

Осип Эмильевич очень щепетильно относился к датам своих стихов. На стихах, которые записывала Надежда Яковлевна, и на не-

---

¹ В зримых образах.

скольких стихотворениях, переписанных мною, он всегда собственноручно ставил дату и букву В., т. е. Воронеж, поэтому очень просто ликвидировать рудаковский бред.

Можно точно сказать, какие стихи и сколько написано их было после отъезда Рудакова из Воронежа. Кроме того, у меня есть стихи С.Б. Рудакова, написанные им собственноручно (если нужно, я могу передать их Вам), и простое сравнение (даже не анализ) покажет, что стихи поэта Мандельштама и стихи Рудакова отличаются друг от друга, как небо от земли.

Если я могу быть Вам чем-то полезна, я к Вашим услугам.

27/III — 60 г.

С уважением Н. Штемпель

АГМ. Папка 155. Впервые: Мандельштам Н. Об Ахматовой. — М.: Новое издательство, 2007. С. 80–81.

Харджиев Николай Иванович (1903–1996), литературовед, искусствовед, исследователь футуризма, редактор сборника стихотворений О. Э. Мандельштама в Большой серии «Библиотеки поэта» (Л., 1973).

В. М. БОРИСОВУ

25 июля 1967 г., Воронеж

Диме Борисову

Вам, очевидно, будет интересна такая деталь.

Когда Надежда Яковлевна переписывала для меня стихи, Осип Эмильевич неоднократно говорил: «Стихи, записанные Надей, могут идти в порядке моей рукописи». Действительно, большинство стихов сохранилось в записи Н.Я. Я часто видела, что только созданное стихотворение О. Э. диктовал Н.Я. Так что первые записи сделаны ее рукой.

Н. Штемпель

25/VII — 67 г.

АМ. Вох 3. Folder 102. Doc. 26. Впервые: Мандельштам Н. Об Ахматовой. — М.: Новое издательство, 2007. С. 79–80.

Борисов Вадим Михайлович (1945–1997), историк, литературовед, правозащитник; в 1960-е гг. входил в число ближайших к Н. Я. Мандельштам людей.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

4 декабря 1967 г., Воронеж

Дорогая Надежда Яковлевна!

Вы спрашиваете, что я передала Вам из имевшихся у меня стихов О. Э.

Во-первых, несколько автографов: это — стихотворения, обращенные ко мне, «Чернозем» и некоторые эпиграммы, написанные обычно на дамских конвертиках с лиловым обрезом; во-вторых, блокноты стихотворений, написанных Вашей рукой, один из них с голубой обложкой, другие без обложки (помню, у одного — первых нескольких листков не было и виден корешок). В этих блокнотах были основные московские стихи и все три «Воронежские тетради»; в третьих, стихи на отдельных листках, многие из них были написаны на узких листках плохого ватмана. Как сейчас помню, О. Э. подходил к столу и, наклонившись через Вас, прочитывал их и своей рукой ставил дату с заглавной буквой «В».

Этих листков было довольно много, они накапливались по мере того, как О. Э. писал новые стихи в зиму и весну 1936–37 гг.

Отвечаю на Ваш второй вопрос: называл ли О. Э. свои стихи «Стихи 30–37 г.»? Такого названия я никогда от него не слышала, да это и лишено здравого смысла. Почему О. Э. должен был закончить свое творчество в 1937 г.? Ведь он не собирался умирать. Когда я зимой приезжала к Вам в Калинин, О. Э. читал мне новые стихи 1938 г., одно из них о смертной казни. Стихи, написанные в Воронеже, он всегда называл «Воронежскими стихами».

Наташа
4/XII-67 г.

AM. Box 1. Folder 43. Впервые: Мандельштам Н. Об Ахматовой. — М.: Новое издательство. 2007. С. 395–396.

9 мая 1969 г., Воронеж

Я слышала стихотворение «Нет, не мигрень, но подай карандашик ментоловый...» в двух разных вариантах.

Осип Эмильевич мне говорил, что оно связано со стихотворением на смерть летчиков и написано вместе с ним в Воронеже, когда он жил на Проспекте революции рядом с газетой «Коммуна».

Мандельштам рассказывал, что он тогда же читал его ночью типографским наборщиком.

Он считал, что это стихотворение предвестник «Неизвестного солдата», и в этой связи он мне его прочел зимой или весной 1937 года.

Н. Штемпель
9/V-69 г.

AM. Box 2. Folder 23. Впервые: Мандельштам Н. Об Ахматовой. — М.: Новое издательство. 2007. С. 406–407. Пояснительная записка Н. Е. Штемпель, написанная, оче-

видно, по просьбе Н. Я. Мандельштам, и приложенная к списку стихотворения « — Нет, не мигрень. — но подай карандашик ментоловый... » с датой: «23 апреля 1931 г.», сделанному А. А. Морозовым и с пометой Н. Я. Мандельштам: «Дата ложная — стихи написаны в Воронеже в 35 году» (АМ).

Д. П. ЗАСЛАВСКОМУ

9 июля 1966 г., Воронеж

Милый Дима!

Не отвечала так долго потому, что всё было неопределенно.

Теперь я заказала билет на самолет на 14/VII, если всё будет благополучно, то 14/VII в районе часа я буду в Черновцах.

Димочка, я очень Вас прошу, закажите на 14/VII мне номер в гостинице, я буду у Вас большую часть времени, но обременять Ваших родителей непрерывным присутствием я не могу, не имею права. Сами милые гости утомляют, очень Вас прошу Дима, не упрячьтесь.

Получила письмо от Н. Я., всё там в порядке.

Немного беспокоит пересадка в Киеве.

Всего доброго

Н. Ш.

9/VII — 66

Архив Д. П. Заславского. Публикуются впервые.

17 июля 1966 г., Воронеж

Милый Дима!

Я у Жени¹, сегодня была на «Войне и мире», а завтра хочу пойти на выставку Родена. Хочется поехать в Переделкино к Борису Леонидовичу.

Как жаль, что Вас здесь нет. Димочка, если я приеду числа 26 июля, как Вам это будет удобно?

Известите, пожалуйста, если нет. Повторяю адрес: Москва, И-457, Окская 48/2, кв. 58.

Сердечный привет вашим родителям.

Если мой приезд остается в силе, извещу телеграммой.

Билет буду доставать опять на самолет, вагонную духоту вынести не могу и время жалко!

Всего доброго, Дима.

Н. Ш.

17/VII-66 г.

¹ Перкон Евгения Николаевна (урожд. Образцова, в первом замужестве Самохина) (1904–1979), подруга Н. Е. Штемпель со студенческих лет.

12 декабря 1969 г., Воронеж

Милый Дима!

Рада была вашему письму, грустно, что Вас нет в Воронеже. Завтра иду на концерт без Вас — чехи, не знаю, хорошо ли.

Живу однообразно, устаю, иногда хандрю. Мечтаю зимой поехать в Москву.

Н. Я. радуется III тому¹, интересно посмотреть!

Скоро елка, Дима, а Вас нет, Вы любили на нее смотреть, и свежи остались от прошлого года. Вот на один бы вечер вы с Олей² оказались у меня!

Об Аркадии³, к сожалению, ничего не знаю. Давно не ответила на письмо, а он не пишет.

<...> Всего Вам доброго, пишите.

12/XII-69 г.

Н. Ш.

<...>

¹ Речь идет о третьем томе Собрания сочинений О. Э. Мандельштама (Нью-Йорк, 1969), которое выходило под редакцией Г. П. Струве и Б. А. Филиппова.

² Жена Д. П. Заславского.

³ Слуцкий Аркадий Иосифович (р. 1940), воронежский поэт, добрый знакомый Н. Е. Штемпель, в настоящее время профессор Краснодарского университета культуры и искусств.

31 января 1970 г., Воронеж

Милый Дима!

Была в Москве, поэтому не сразу вам ответила. Жаль, что Вас нет и не могу поделиться с Вами впечатлениями.

Н. Я. просила Вам передать, что у нее сейчас большие связи в математическом мире, не считая Гельфанта¹, если Вам что-нибудь будет нужно. Она Вас хорошо знает по моим рассказам. Вы обязательно зайдите к ней, если будете в Москве. И телефон теперь у нее есть, дом перенумеровали, вместо 50-14.

Была Оля, мне как-то грустно, что не получилось встречи.

<...> В Воронеже сейчас начались большие морозы, настроение почему-то грустное.

Пишите, Дима, о себе. Сердечный привет Оле и Вашим родителям.

31/I-70 г.

Н. Ш.

¹ Гельфанд Израиль Моисеевич (р. 1913), выдающийся математик, профессор МГУ, дружил с Н. Я. Мандельштам.

20 июня 1970 г., Воронеж

Милый Димочка!

Ради бога, не ругайте, не сердитесь за молчание. Сомной, наверное, может переписываться только Н. Я. Она не обижается и только пишет «опять молчите» или разыскивает через общих знакомых, но это не оправдание, конечно. Безумно была занята, отчеты, тетради, экзамены — до обморока.

А Вы с Олей такие милые, купили шерсть, так быстро выслали. Шерсть чудная, но решусь ли я сшить к такой физиономии платье, не знаю. Во вторник, кажется, смогу выбраться к Симе (портнихе), что она скажет. Расставаться с шерстью не хочется, продать очень легко, даже упрашивают. Немного бы больше серости, приглушенности тона. Было бы хоть на десять лет меньше.

Только сейчас получила адрес от Н. Я., она на память его помнила. Сообщаю: Переделкино (Киевская ж. д.), поселок Лукино, Дачная, д. 5, дом Мовчана.

Дима, сердечный привет всем. Дима, а белая сумка не продается?

Напишите хоть несколько слов. Будьте здоровы и счастливы.

20/VI — 70 г.

Н. Штемл.

В. Н. ГЫДОВУ

16 ноября 1981 г., Воронеж

<...> Версия о смерти О. Э. мне знакома, кроме «переел». Были и другие варианты тоже очевидцев, все они близки, отличаются в деталях. Н. Я. не отвергала то, что ей рассказывали, но кто знает, как было! «Очевидцев» — не один. В общем, очевидно так и было: боялся есть, дистрофия, слабел физически, нервное расстройство, перевозбужденность, метался, всё время припадал к решетке. Я хорошо это представляю, а там... нары, больница... трудно сказать. Я думаю, достоверность сведений — равнозначна. Всё это очень тяжело, особенно, конечно, для Н. Я. <...>

Повод для написания стихотв<орения> Р.¹ мне кажется ясен: личное отношение совпало, безусловно, с общей струей. Всё в одно время. А здорово написал!

Загадка — Коля Романовский, вот это невероятно!²

Я сама его знала, моя подруга Р. С.³ очень часто с ним общалась. Я говорила с очень многими людьми, кроме хорошего, никто ничего

не мог сказать. А лицо, какое чудное! Все недоумевают, и заблуждения тут быть не могло.

Было с его стороны одно обстоятельство⁴, которое закончилось странно и для того времени необычно, но никто не помнит, когда это было, до или после. Конечно, объяснение всё равно скорбное.

Между прочим, у Кретовой те же фамилии⁵, но кто это, она не знает или не помнит, жалуется, что ей приписали их <...>.

О Генкине мне сказали, что крупный работник обкома. (В «Подъеме», кажется за 34 г., статья его о Марксе, в связи с каким-то юбилеем. Вы, навёрное, это знаете). Судьба его дальнейшая неизвестна.⁶<...>

Пишите, Вася, я всегда к Вашим услугам, если что-то могу.

Желаю успеха Вам во всем, мой дорогой друг.

Н. Штемпель.

Собрание В. Н. Гыдова. Впервые: Штемпель Н. Мандельштам в Воронеже. М., 1992. С. 103–111.

¹ Речь идет о направленном против Мандельштама стихотворении «Лицом к лицу» воронежского поэта Г. Н. Рыжманова (см. воспоминания Н. Е. Штемпель «Мандельштам в Воронеже»).

² Романовский Николай Владимирович (1909–1944), воронежский прозаик, литературный критик, литературовед: вместе с воронежским прозаиком Михаилом Яковлевичем Булавиным (1900–1991) был автором статьи «Воронежские писатели за 20 лет» (альм. «Литературный Воронеж». 1937. № 1), содержащей выпад против Мандельштама.

³ Раиса Соломоновна Иткина.

⁴ Под «одним обстоятельством» Наталья Евгеньевна подразумевает арест Н. В. Романовского и семь месяцев предварительного заключения. Об этом писал В. Гыдову (16 декабря 1981) М. Я. Булавин:

«И вот однажды, не помню точно, кажется, в 1937 году летом, рано утром ко мне постучались, и в дверь вошла мать Романовского с плачем и сообщила, что ее сына Николая арестовали ночью. В ту пору я был ответственным секретарем Союза писателей. Я должен был знать, как мне поступить. Я позвонил в один из отделов НКВД. Меня приняли неохотно. Я спросил, является ли арест органами НКВД Романовского поводом, или причиной для исключения его из Союза.

— А как вы думаете?

— Я пришел спросить об этом вас.

— За ним давно надо было следить и вести наблюдение.

Я пожал плечами и сказал, что я не работаю в органах НКВД.

— Надо быть бдительным. — ответил повышенным голосом работник НКВД.

Я получил ответ, что все арестованные органами, конечно же, исключаются из общественных организаций, как враги.

Мною было созвано собрание, на котором Романовский был исключен из Союза писателей.

Любопытно, что до этого институт и Союз считали его своим. Теперь же институт говорил нам, он ваш, член вашей организации. Мы отвечали, как же он наш, если преподавал у вас?

Через долгих семь месяцев Романовский был освобожден и возвратился на прежнее место своей работы, в институт. Значит даже при возможной фальсификации, он был освобожден, как непричастный ни к какому проступку или преступлению. Ему было нелегко. Он стал менее разговорчив, менее общителен, как-то замыкался. Арест на нем сказался тяжело.

Он переживал глубокую обиду. Ему хотелось чем-то отличаться, как-то подняться в глазах общественности. Это время пришло. Началась война. <...> Вот и всё о моем друге. После освобождения его из-под ареста он всё рассказал мне по порядку и сказал, что и мной интересовались там».

⁵ См. воспоминания Н. Е. Штемпель «Мандельштам в Воронеже» и примеч. 43 к ним.

⁶ Генкин Максим Исаевич (1886–1938), партийный работник, в 1934–1935 гг. зав. отделом культуры и пропаганды Воронежского обкома ВКП (б); репрессирован.

17 декабря 1981 г., Воронеж

Милый Вася!

Задержала ответ на Ваше письмо: болела, а потом приехал брат из Вологды, и я совсем закутурилась. <...>

В апрельском номере «Подъема» обещают дать подборку стихов О. М.

Конечно, писем от Р. и Б.¹ Вы не получили?

Очень буду рада Вашему приезду.

Как Ваши учебные дела?

В Москве, кажется, должен состояться вечер О. М.

Кисик Вам кланяется и тоже Вас ждет.

Желаю Вам во всем успеха.

Н. Штемпель.

¹ Речь идет о Г. Н. Рьжманове и М. Я. Булавине.

25 апреля 1982 г., Воронеж

<...> Ваше последнее письмо, как всегда, очень интересно. Какая яркая характеристика Леонова!¹

От О. М. и, главное, от Н. Я. я слышала только (и не раз) о Кузине.

Мне удалось уточнить два адреса О. М. — на Линейной (вторая квартира М.) и на проспекте Революции.

Вы ведь летом приедете, поэтому о деталях сейчас писать не буду.

О Л., очевидно, в первой книге², ее сейчас у меня нет, когда будет, посмотрю. <...>

От души желаю Вам успеха и всего, всего хорошего, пишите, пожалуйста.

Н. Штемпель.

¹ Речь идет о характеристика знакомого Мандельштамов биолога Н. Д. Леонова в воспоминаниях Б. С. Кузина «Об О. Э. Мандельштаме».

² Речь идет об упоминаниях Н. Д. Леонова в книге Н. Я. Мандельштам «Воспоминания».

4 марта 1983 г., Воронеж

<...> Письмо, конечно, с началом Вашей работы получила <...>

Очевидно, у Вас должно быть два варианта: один свободный, без ограничений, и по нему второй, краткий для альбома.

Работа у нас движется, кажется, получается интересно. Есть новые находки. Виктор был в Задонске, нашел дачу, хозяйка помнит Мандельштамов. Добыли фото Герштейн и Бариновой (Виктор у них был, и они сами дали)¹.

Вот видите, какие у Вас интересные перспективы, отслужите и включитесь в интересную работу.

¹ Баринова Галина Всеволодовна (1910–2006), скрипачка, в апреле 1935 г. приехала на гастроли в Воронеж, к ней обращено стихотворение Мандельштама «За Паганини длинопалым...». Виктор — В. Л. Гордин.

29 марта 1983 г., Воронеж

Милый Вася!

Рада, что Вы немного «оклиматизировались».

Закалка в жизни необходима, чтобы при всех обстоятельствах остаться человеком. Дай бог, дослужить Вам весь срок в Омске. Тут есть хоть отдушины. <...>

Работа очень продвигается, и кажется, обещает быть интересной. Сделано 32 листа, осталось 10–12. Всё дело за Виктором.

Фактически мы работаем вдвоем. Если бы Виктор успевал печатать фотографии, я бы уже кончила.

Вот отслужите, и мы серьезно обсудим эту работу, внесем поправки.

Виктор говорит, что это нулевой вариант.

Пишите, Вася, и будьте молодцом, поберегите нервы на более стоящее.

Будьте здоровы, самое главное.

Ваша Н. Штемпель.

31 мая 1983 г., Воронеж

Милый Вася!

Наконец, получила от Вас письмо.

Я уже начала волноваться, хотела писать Вашим родителям. Очень рада, что Вам стало легче хоть немного.

Моя работа приостановилась из-за Виктора, он никак не сделает фотографии. Так хотелось бы поскорее кончить!

У меня очень болеет брат, он перенес сложную операцию. Больница, где он лежит, очень далеко, на левом берегу, к Масловке.

Фактически транспорта близко к больнице нет. Сейчас ему лучше.

<...> Пишите, Вася, хоть несколько слов.

Желаю Вам душевного равновесия и здоровья.

Н. Ш.

26 июня 1983 г., Воронеж

Милый Вася!

Очень порадовало меня Ваше письмо.

И все-таки пусть горький опыт, он Вам пригодится.

У меня всё плохо: тяжело болен брат, лежит в больнице, чем всё это кончится — не знаю. Очень волнуюсь <...> 9 апреля пропал мой Кисик, что с ним случилось, не представляю.

<...> Работа с альбомом почти вчерне закончена. Сделано 38 листов, осталось 4–5 листов. Всё дело за Виктором, т. е. за фотографиями.

Я всё закончу в один, два дня. Правда, надо писать примечания, подписи ко многим фотографиям.

Форма листов очень удобна, во-первых, они больше любого альбома (42 сантиметра на 31), во-вторых, можно вставить листы, убрать.

Когда Вы приедете и сделаете работу, вложим и Ваши.

Вот пока всё, Вася.

Пишите.

Н. Ш.

3 октября 1983 г., Воронеж

<...> Альбом я закончила, этот, как Виктор говорит, нулевой вариант. Написала и примечания и надписи ко всем фотографиям, помощников фактически не оказалось. Самой пришлось не только писать текст, но и перепечатывать, вставлять в листы фотографии, править стиль и снова перепечатывать. Работала очень много,

что называется, не вставая из-за стола. Очень устала, а тут еще капитальный ремонт. Тоже надо суметь его пережить.

В конце этого месяца Виктор поедет в Москву. Интересно, что скажут москвичи.

Вот, пожалуй, Вася, все мои новости.

8 апреля 1984 г., Воронеж

Милый Вася!

Очень рада, что у Вас так всё складывается. Уже и писать нет смысла, скоро увидимся, ведь так?

Много работаю, как будто и почти закончена работа и в то же время конца нет.

Приезжайте, мы все будем рады Вас видеть.

Н. Ш.

25 сентября 1984 г., Воронеж

Милый Вася!

Не сердитесь за столь долгое молчание. Много работала. Т. к. Виктор сказал, что будет печатать фотографии в двух экземплярах (и до сих пор почти ничего не сделано, то колхоз, то командировки), я из нулевого варианта сделала первый. А для этого надо было перепечатать весь текст и всё заново переклеить, конечно, предварительно вырезать. Помогать, как всегда, было некому.

В процессе перепечатки кое-что меняла, к сожалению, придется перепечатывать отдельные куски из Вашей работы. Например, из листа с автографами и сплошным текстом сделала два листа, добавив четыре фотографии. В лист о «Сирене» решила дать фотография М. 19 года. Очевидно, музей будет тоже на двух листах.

В общем изменений немало.

Нужно сделать лист об Эренбурге (посмотрите том 8, стр. 311–12), у Н. Я. тоже о нем есть. Хорошо бы посмотреть «Коммуну» за 34 и 36 гг. (весна и лето). В Воронеже есть с 35 года.

Подобедов и Булавин помнят мало, я с ними говорила.

Это, думаю, будет последний лист.

Фото и для этого нового первого экземпляра еще не все.

<...> На несколько дней приезжал Шура¹. Альбом понравился, замечаний нет, есть дополнения. А примечания исчеркал.

¹ А.И. Немировский.

22 ноября 1984 г., Воронеж

Милый Вася!

Сто лет Вам не писала, и вообще не писала никому.

Как Вы живете, как Ваша работа? Довольны ли Вы? Какие планы на будущее? <...>

Все материалы приходится доставать мне. «Подъем» за 1934 год оказался в библиотеке, фотографию пересняли. Достала прекрасные по качеству фотографии Эренбурга. Написала текст, не имея ни одного снимка, но уже так устала и так мне надоела эта борьба, что не соображу насколько это удовлетворительно.

Не разрешу вопроса: И. Г. пишет, что был в Воронеже летом 34 г., это подтверждает и официальная печать. Н. Я. называет весну 36 г. Был ли и в 34 и 36?

В альбоме появились новые листы, окончательно — 57. Менялся текст, расположение, очень много пришлось перепечатывать, до примечаний дело не дошло, Шура много там черкал, но это потом, надо закончить работу, и она давно была бы закончена, если бы были сделаны фотографии.

Пишите, Вася, у меня всё печальные новости. Умерла Наталия Ивановна Столярова¹, переезжает в Москву мой друг Раиса Соломоновна.

Будьте здоровы и счастливы, пишите.

¹ Столярова Н.И. (1912–1984), переводчица, литературный секретарь И.Г. Эренбурга, одна из друзей и помощниц А.И. Солженицына во время его подпольной писательской работы.

11 февраля 1985 г., Воронеж

Милый Вася!

Очень тяжелыми для меня были декабрь и январь.

Сейчас опять взялась за альбом. Он почти закончен, но это «почти» уже давно задерживает Виктор.

Альбом, мне кажется, очень изменился, очевидно, в любом положении, я имею в виду тягучку, есть свои положительные стороны: было время еще подумать, появились новые мелочи, детали. Изменения есть и в тексте, и в композиции. Но кончать все-таки пора. Я очень устала и чувствую себя неважно.

<...> Неделю тому назад умер Ваш «приятель» Рыжманов.

<...> Что у Вас нового? Как идет работа?

Пишите, будьте здоровы.

Н. Штемпель.

P.S. У меня новости только плохие. А тут еще сумасшедшая зима.

30 июня 1985 г., Воронеж

Милый Вася!

Не обижайтесь на меня, что так долго не отвечала на Ваше письмо. Плохо себя чувствовала и душевно, и физически. Новости у меня такие: 16 июня закончили, наконец, работу (жаль, что не помню, когда начали) и 28/VI В. Л. повез ее в Ленинград для передачи Сажину¹.

Не написаны и не напечатаны примечания и титульный лист. Могла бы и это сделать, но смерть брата выбила меня из колеи. Пошлем этот материал позднее заказным письмом, главное было отвезти альбом.

В. Л. успел и переснять его, но не печатал. <...> Был у меня в гостях Мец², три ночи почти не ложились спать, набрали на следы старика-повара, обнаружили и стеклянную террасу, фотографию в альбоме заменили. В альбоме окончательно 58 листов и 228 фотогр<афий>.

¹ Речь идет о В. Л. Гордине и Валерии Николаевиче Сажине, литературоведе, в то время сотруднике Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (см. его статью о Н. Е. Штемпель в настоящем издании).

² Мец Александр Григорьевич, исследователь жизни и творчества Мандельштама.

29 июля 1987 г., Воронеж

<...> В Воронеже 26 июля была часовая передача — «Мандельштам в Воронеже». Всем очень понравилось, но ляпсусов было достаточно, хотя Крюков¹ говорит, что я слишком строга.

20 октября намечается вечер с пригласительными билетами, афишами и т. д., чтением стихов артистами.

Намечается сборник статей, но вряд ли выйдет², нужно одобрение кафедры сов<етской> лит<ературы>, а у воронежцев ничего по Мандельштаму нет, москвичи хоть сегодня могут представить богатейший материал, включая Аверинцева.

Герштейн под великим секретом с Крюковым передала свою работу в «Подъем», написанную по письмам Рудакова (около 300 страниц), кажется, «Подъем» отказался³.

Вот и все воронежские новости.

Откуда у Вас письма Рудакова?

Мне очень интересно было бы их прочитать: я знаю Воронеж тех лет, Рудакова и Мандельштама.

Рудаков великий фантазер.

¹ Крюков Александр Самуилович, литературовед, литературный критик, публицист, педагог.

² Сборник «Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама» (Воронеж: Изд-во ВГУ. 1990) вышел уже после смерти Натальи Евгеньевны.

³ Работа Э. Г. Герштейн «Мандельштам в Воронеже» была напечатана в журнале позднее, в 1988 г.

18 августа 1987 г., Воронеж

Милый Вася!

Получила Ваше очень интересное письмо, оно меня просто ошеломило. Что он — ненормальный психопат!?

Как можно иметь такое двойное лицо!

Он не был навязчив со своими стихами, читал их редко, может быть, чувствовал мое равнодушие к ним. Не видно было, что обижается. Читал он стихи всегда, когда мы встречались, но — Мандельштама, Гумилёва, часто поэтов XVIII века, он их любил, память у него превосходная.

Перед отъездом переписал для меня штук десять своих стихотворений. Очень жалею, что отдала их Н. Я. Было бы интересно теперь их прочитать.

<...> Ваше предположение, по-моему, единственно верное. Когда я читала письма, у меня тоже сразу возникли такие же мысли, еще не дочитала до Вашего предположения². Как мы с О. Э. были наивны, значит и он его не знал. Думал — простая мужская ревность, и смеялся.

Отвечаю на Ваш вопрос. О С<ергее> Б<орисовиче> Осип Эмильевич не скучал. Мне кажется, не принимал его всерьез. Скорее Н. Я. иногда, редко вспоминала о нем: «бедный мальчик, мы его кормили». О стихах его она, да и О. Э. никогда не говорили. О чем-то, конечно, говорит и эпиграмма.

<...> Очень бы хотела прочитать те письма. Они у Вас в машинке?

<...> Вчера отправила верстку. Очевидно, в № 10 «Нового мира» будет подборка о Мандельштаме³.

¹ В письме В. Н. Гыдова приводились отрывки из писем С. Б. Рудакова жене от 20 апреля, 26 мая, 5 и 6 августа 1935 г. и 30 мая 1936 г.

² Имеются в виду следующие предположения в письме В. Н. Гыдова Н. Е. Штемпель от 6 августа 1987 г.): «Наверное, и для Вас такая сторона души С. Б. была неизвестна. А может, что-то чувствовалось? Хотя бы то, что он запретил Вам знакомиться после его отъезда с Мандельштамами. Может быть, он опасался конкуренции в исследовании этой «дивной конструкции». Даже расставаясь с Мандельштамом, пытался сохранить за собой монополию, приоритет близости к нему. Есть и другая сторона: в письмах к жене он подчеркивает свое нежелание бывать в женском обществе, а тут через Мандельштамов Лина Самойловна может узнать, что круг общения ее мужа был шире из-

вестного ей по письмам».

³ Речь идет о публикации воспоминаний Н. Е. Штемпель «Мандельштам в Воронеже» и других материалов, посвященных поэту.

7 сентября 1987 г., Воронеж

Милый Вася!

Вы продолжаете меня удивлять. Ну и ну! Можно же оказывается иметь два совершенно разных лица!¹

Относительно Гумилёва — я возмущена клеветой С. Б.²

Осип Эмильевич относился к Н. С. как к другу, близкому человеку с трагической судьбой. Стихов его он не хвалил и никогда не ругал. Говорил, что не знает женщины, которая оставалась бы к Г. равнодушна, ему шла даже раскосость.

Вспомните слова Ахматовой («Я не отрекаюсь ни от живых, ни от мертвых»).

<...> Я ставлю уже под вопросом всё, что он пишет. Как он описал квартиру на 2-ой Линейной! Совсем заморочил голову Мецу, который решил, что была шестая квартира.

<...> А о С. Б. О. М. возмущенно закричал (помните?): «Если Вам есть что сказать, скажете при всех обстоятельствах. И вместо десяти нудных томов напишете один».

¹ Речь идет о С. Б. Рудакове.

² Имеется в виду следующий отрывок из письма С. Б. Рудакова к жене от 7 июня 1935 г.: «О Гумилёве. <...> При мне, кроме «у цыган» (условно) он не похвал ни одной строчки. Какая-то враждебная трусость. Говорить о нем не хочет, а когда порывается — то звучит к стиху ненависть и зависть за известность».

П. М. НЕРЛЕРУ

19 января 1981 г., Воронеж

Уважаемый Павел Маркович!

Отвечаю Вам с опозданием, т. к. в связи с печальными событиями была в Москве, где и задержалась.

<...> После войны, встретившись с Н. Я., я отдала ей всё, что у меня было: списки стихов (для меня были переписаны все воронежские стихи, тогда неопубликованные стихи начала 30-х годов), варианты, автографы и др.

Теперь я располагаю вторичными (машинопись), очевидно, общеизвестными материалами.

<Для публикации стихов О. М. > я попыток никаких не предпринимала (почему-то не хочется), но по просьбе редактора «Подъема»

В. М. Попова несколько месяцев тому назад отобрала больше 30 стихотворений не опубликованных (из них Вы уже шесть напечатали¹), что он будет делать дальше — не знаю.

Несколько стихотворений у меня попросил «Молодой коммунар»², если им удастся, то они появятся (стихи) в газете в этот четверг, могу вам прислать экземпляр.

Вот всё, что могу Вам сообщить.

Всего доброго.

Н. Штемпель.

Впервые: Н. Штемпель. Мандельштам в Воронеже. М., 1992. С. 97–103.

¹ Литературная газета. 1981. 14 янв. С. 6.

² Воронежская областная молодежная газета; публикация стихов Мандельштама в ней не состоялась.

4 мая 1981 г., Воронеж

Уважаемый Павел Маркович!

Я думаю, что в Воронеже — по крайней мере, в ближайшее время — ничего не появится.

Мне подарили на память верстку так и не напечатанных в газете стихов.

В «Подъеме» до верстки не дошло.

<...> Может, сами напишите Попову?

15 августа 1981 г., Воронеж

Уважаемый Павел Маркович!

<...> Первого августа в Воронеже была страшная буря. Я была на экзамене, буря вырвала раму, которая рассекла мне голову (удивляюсь, как она меня не убила), я потеряла много крови, пришлось накладывать швы.

Интересно, что ответит Вам Попов, если ответит.

18 февраля 1982 г., Воронеж:

Э. Г.¹ я написала, правда, ничего у нее не просила. Чудные исследователи! — даже адреса дать невозможно или «надо об этом подумать», а я всегда радуюсь, когда могу что-то дать. В ближайшие дни вышло Э. Г. две карточки Рудакова, одной ни у кого нет.

Вы правы совершенно, я — есть я. И к Н. Я. отношусь, мне кажется, объективно и не раз ей высказывала, о чем была не согласна. Непонятны мне эти группировки. <...> Мне думается, я ни перед кем не виновата и, кстати, в свое время высказала упрек Н. Я. за Э. Г. Человек приехал в такое время!² Другие переходили на другую сторону, чтобы не раскланиваться.

О «Подъеме». Я допустила ошибку: мне не надо было самоустраиваться. Но мне противно всё это.

Был Серёжа³, тоже заходил в издательство, говорил несколько минут с Поповым и Коробковым⁴. Попов разозлился <...> и сказал, что он — как под следствием, все ходят и проверяют. Такая реакция, очевидно, удел ограниченных людей.

¹ Э. Г. Герштейн.

² Н. Е. Штемпель имеет в виду свое несогласие с оценкой, которую Н. Я. Мандельштам дала во «Второй книге» Э. Г. Герштейн. В Воронеж к Мандельштамам она приезжала в мае 1936 г.

³ С. В. Василенко.

⁴ Коробков Леонид Дмитриевич (р. 1938). литературный критик, публицист. в то время сотрудник редакции журнала «Подъем».

22 апреля 1982 г., Воронеж

<...> Я, пожалуй, не огорчена отсутствием публикации, но как показали себя люди, какие разгорелись страсти!! И всё кончилось мыльным пузырем.

Грустно разочаровываться в людях, это и выбило меня из колеи, и я до сих пор ничего не делаю, а надо торопиться.

8 апреля 1984 г., Воронеж

<...> Вожусь с альбомом, он мне надоел, энтузиазм пропал. Почти кончен, — и конца нет, нужно писать примечания, нужно перепечатывать...

3 января 1985 г., Воронеж

<...> Из Вашего списка¹ я знаю Федю Маранца, особенно его жену Елену Яковлевну («О, эта Лена, эта Нора...»), с ней я работала. Федя в прошлом музыкант, разбил руку и стал агрономом. Судьба его схожа с судьбой О. Э. Он не вернулся.

И Столетова Андрея Александровича. Столетов он по деду со стороны матери. По отцу Семёнов. После войны он стал носить имя отца. Судьба его схожа с судьбой Р.²

Он тоже из Ленинграда, воевал, после войны работал в пединституте в Ярославле, препод<авал> эстетику. Воспитал 2–3 мальчиков с трудной судьбой. Был корреспондентом «Литгазеты». Интересовался очень артистами цирка, писал для них репризы. Человек незаурядный, последнее время пил. У знакомых есть его письма. Умер 3–4 года назад. Есть очень длинное письмо о его смерти. Семьи у него нет. <...> Дружил Столетов с Вадимом Покров-

ским. Был, кажется, религиозен, внешне красив. Был очень крупным эсперантистом, переписывался со всем миром.³

¹ Речь идет о перечне лиц, с которыми Мандельштам был тем или иным образом связан в Воронеже.

² Имеется в виду С. Б. Рудаков.

³ В письме П. Н. Нерлеру от 24 июля 1986 г. Н. Е. Штемпель добавляла: «В период моего знакомства он никогда у М-в не бывал и от них его имени я не слышала».

28 августа 1985 г., Воронеж

<...> Виктор передал альбом Сажину, приемочная комиссия будет заседать, кажется, в октябре. В. Н. несколько смущает Наденька.

<...> Познакомилась со стариком-врачом, который хорошо знал Богомолова. Он сказал, что это был прекрасный специалист, высланный из Ленинграда, работал он в инфекционной больнице, где лежала Н. Я.

24 июля 1986 г., Воронеж

<...> Я тоже очень устала от альбома: три года упорной работы, а со слайдами — пять.

Наверное, на этом поставлю точку.

В основе лежали мои воспоминания, всё, о чем знала, я написала.

Может быть, если успею и когда отдохну, напишу о Н. Я.

20 октября 1986 г., Воронеж

<...> Получила письмо из ЦГАЛИ. Биография понравилась, письмо хорошее. <...> Пишите, кто организует 30/X в Доме ученых вечер О. М.?

18 ноября 1986 г., Воронеж

Милый Павел!

Все праздники проболела. Откуда-то взялось давление за двести <...>.

Публикация в «Литературном обозрении»¹ мне очень понравилась: и портрет, и статьи, и письма, и такое подробное примечание. Только Воронеж непробиваем. Но все-таки сегодня звонил Попов В. М., спросил, что у меня есть, просил разрешения после своего юбилея (ему исполняется 60 лет) зайти ко мне со своим сыном и вместе подумать, что делать. Я сказала о стихах, которые сняли, и книге «Воронежские тетради».

¹ «Жажда поэтического дыхания»: Статьи и письма О. Мандельштама / Публика-

12 января 1987 г., Воронеж

<...> Попов не был и не звонил. Более необязательного человека я не встречала. Звонить мне ему не хочется, да и, очевидно, бесполезно. Поэтому и телефон И. М. мне ни к чему. Очень хотела бы прочитать ее книгу¹, но где ее взять!

<...> Сегодня получила письмо из «Нового мира».

Кусочки цитирую: «Ваши воспоминания прочитал новый заводделом О. Г. Чухонцев... Он вас знает. Ему понравилась Ваша рукопись, хотя у него есть несколько замечаний...»

Главное, что уже Ваши воспоминания читаются членами редколлегии, что они одного мнения — необходимо печатать».

Но я поняла, что это будет нескоро.

Хорошо бы в Воронеже напечатать стихи, но некому этим заниматься. <...> Что-то Воронеж непробиваем. Тут был всесоюзный пленум композиторов. У меня в гостях были композитор Борис Иванович Тищенко (он был знаком с А. А. и Н. Я., написал музыку к «Реквиему») и Бялик М. Г. — музыковед. Они в восторге от альбома.

Бялик на другой день выступил на пленуме и подробно говорил об альбоме, о стихах, связанных с Воронежем, музеем, о необходимости напечатать. Он рассказывал мне, что за ним записывали, а потом его окружили и подробно расспрашивали.

¹ идет о книге литературоведа и одного из первых исследователей творчества Мандельштама, внесшего большой вклад в текстологию его произведений, И. М. Семенко (1921–1987) «Поэтика позднего Мандельштама: от черновых редакций к окончательному тексту». Рим, 1986. Н. Е. Штемпель намеревалась обратиться к ней с просьбой подготовить публикацию стихотворений Мандельштама для журнала «Подъем».

25 февраля 1987 г., Воронеж

<...> Получила письмо из «Нового мира». Они собираются печатать воспоминания в десятом номере. Не знаю — хорошо это или плохо.

5 марта 1987 г., Воронеж

Милый Павел!

Очень огорчаюсь, что не была на вечер¹, но поступить иначе не могла.

Теперь отвечаю на Ваши вопросы:

1. Принципиально нового я в воспоминаниях ничего не сообщаю, кое-что добавляю, главным образом письма и др. мелочи. Вы, конечно, можете всё это перенести в свой экземпляр. Воспоминания

мне не нравятся, но переделывать их я не умею, писать заново нет времени и сил.

2. Эпштейн — сын Норы Яковлевны, он врач, как и отец. Тогда он был милый мальчик (мать и отец его умерли, тетка Лена тоже умерла, а муж ее Феденька, знакомый Мандельштамов, погиб в лагере).

3. Это одна, если не первая, из редакций первой книги. Когда писалась не помню, очевидно, в начале 60-х гг.

<...>

31/III — просили выступить в университете и в апреле у Крюкова².

¹ Литературный вечер, посвященный Мандельштаму, состоялся в Центральном доме литераторов в марте 1987 г.

² А. С. Крюков работал одно время в Воронежской областной научной библиотеке им. И. С. Никитина.

11 июня 1987 г., Воронеж

Милый Павел!

Сегодня получила Ваше письмо и сегодня звонила Роднянская¹. Пока с «Новым миром» всё хорошо, через месяц должна быть верстка.

Последние новости: Герштейн по секрету передала с Крюковым свою работу «Мандельштам в Воронеже» (250 стр.) в «Подъём». Мне об этом сказал Ласунский², а ему — Семёнов³, одним словом, пол-Воронежа уже знает. Виктор у нее был неделю назад, и она ничего ему не сказала.

Вторая новость — ВТО вместе с краеведами собираются 20/X провести вечер, посвященный О. М. Хотят, чтобы были с портретом пригласительные билеты, афиша и т. д.⁴ Ласунский просил меня сообщить Вам, билет, если всё это получится, мы Вам пришлем, на выступление 10 минут.

Буду очень рада Вашему приезду. Жаль, что это так нескоро. Последнее время беспричинно плохое настроение, которое очень устойчиво.

Наверное, надо переменить обстановку, связали животные, Белка⁵ ослепла, ни на кого их не могу оставить, а так хочется увидеться с друзьями. В Москве у меня их больше, чем в Воронеже.

Приезжайте и пишите, Павел. Будьте здоровы.

Н. Ш.

¹ Роднянская Ирина Бенционовна, критик, литературовед, сотрудник журнала «Новый мир».

² Ласунский Олег Григорьевич, литературовед, книговед, историк русской провинциальной культуры.

³ Семёнов Валентин Васильевич (1934–1995), литературный критик, прозаик, редактор отдела критики журнала «Подъем».

⁴ Литературный вечер «Осип Эмильевич Мандельштам в Воронеже (1934–1937)» был подготовлен Воронежской организацией Союзом театральных деятелей РСФСР и общественным советом краеведов при Областной научной библиотеке им. И. С. Никитина, состоялся 19 октября 1987 г. в Доме архитектора. Наталья Евгеньевна читала на вечере отрывки из своих воспоминаний (см. статью О. Г. Ласунского «Осип и Наташа» в настоящем издании).

⁵ Подобранный Натальей Евгеньевной беспризорная собака-болонка.

3 ноября 1987 г., Воронеж

Милый Павел!

Редакция почти ничего не сократила, выкинут «Неизвестный солдат», т. к. печаталась Семенко¹. Интересного в этом куске, по-моему, ничего нет.

По сравнению с Вашим вариантом, напечатанный — полнее, но у меня один неряшливый экземпляр. Может, дополнить и при-слать верстку?

Отвечаю на Ваши вопросы².

Люся (Людмила Ивановна Мордашева), моя ровесница, знаю ее с 9 класса средней школы, дружба продолжается до сегодняшнего дня. По специальности агроном, познакомилась с Рудаковым и по-знакомила меня.

Андрей Азанчевский — моего возраста, выслан из Киева, оче-видно, за наркоманство. Очень красивый, писал эстетические сти-хи, увлекался Маккавейским, «Перо-убийца». Был в Воронеже около года.

Евгений Отгович Пиотрковский — москвич, фотограф-худож-ник, участвовал во всесоюзных выставках, в частности, в Италии, знал поэзию, дома был весь «Аполлон». Остроумный, образованный. Лет пятидесяти. Вернулся в Москву.

Хаим Соломонович Лифшиц — экономист, вместе работали в ин<ститу>те организации и охраны труда. Лет 30, может, больше. Образован, знал поэзию, философию, древнееврейский, был рели-гиозен. Уехал тогда же в Израиль. М. никто из них не знал. О Калец-ком с О. Э. разговоров не было.

Туся — моего примерно возраста, дочь учителя гимназии, ко-торый был в дружбе с Сологубом. Дома были «Аполлон», «Весы» и др. Работала со мной в институте машинисткой, одно время у меня ла-боранткой. Потом коррект<ором> в «Коммуне».

Мама, даты жизни 1894–1960. Учительница. Детский худож-ник, окончила (?) Петербургскую академию художеств.

¹ Речь идет о фрагменте воспоминаний Н. Е. Штемпель «Мандельштам в Воронеже» о «Стихах о неизвестном солдате», который в журнальной публикации был опущен, чтобы не дублировать материалы, вошедшие в печатавшуюся в том же номере журнала работу И. М. Семенко, посвященную творчеству поэта.

² Вопросы касались тех, кого Наталья Евгеньевна упомянула в своих воспоминаниях «Мандельштам в Воронеже».

Э. Г. ГЕРШТЕЙН

<20 февраля 1983 г., Воронеж>

Милая Эмма Григорьевна!

Благодарю Вас за труд, который Вы на себя взяли: прочитать мою работу и высказать свои соображения.

Ваши замечания для меня очень ценны, тем более никто этого не сделал, несмотря на мою просьбу. Н.Я. внесла только две поправки: Саматиха не санаторий, а дом отдыха¹, арестован О.М. не 30 апреля, а 1 мая. Извинились, что не успели до праздника: много было «работы».

Хочу Вам сказать, когда я писала воспоминания, у меня ничего не было, ни американских газет, ни книг Н.Я.

Были перепечатки стихов взамен блокнотов и отдельных листов с автографами и переписанных Н.Я., а также писем, которые Н.Я. дала мне после смерти О.М. Какие были письма — не знаю. Я никогда их не смотрела.

Теперь разрешите мне попытаться ответить Вам по пунктам Вашего письма:

1. Конечно, о том, что Шкловские были почти единственной семьей, которая принимала Н.Я., я пишу с ее слов.

Когда я сама побывала с О.Э. у его друзей, я всех назвала. Думаю, тут нет противоречия, и Вы меня за это не упрекаете.

С Варей, безусловно, Вы правы. И ведь не пришло никому в голову, а главное, мне!² Спасибо.

Замечание вскользь: бывают ли мемуары беспристрастными?! Я стремилась к этому всеми силами, стремилась и себя «убрать».

2. Писала, как знала, была уверена, что по старому «делу»³ (так было тогда со многими, среди них оказались и мои хорошие знакомые).

Что письмо или записка адресована Шуре⁴, мне сказали потом, но я не поправила. Отправляла деньги и посылку Н.Я., извещение о смерти получила она. Подумала — неважно.

Дорогая Эмма Григорьевна, всё погибло, я не знаю, какой бог осенил меня и помог мне взять все рукописи стихов, блокноты и письма, не принадлежавшие мне.

Мы уходили за несколько часов до вступления немцев в город, абсолютно налегке, была паника.

А потом какие мытарства: крестьянские избы, случайные грузовые машины, товарные поезда... бесконечная дорога в неизвестность.

Письма О. Э. ко мне, интересные, длинные, Н. Я. и С. Б. телеграммы — всё погибло. Больно об этом вспоминать.

Мама утешала меня: «Что делать, девочка, люди гибли, всё гибло. Не надо грустить. Могла и это не спасти».

В своих воспоминаниях я не решилась заниматься пересказом пропавших писем из боязни исказить, быть неточной.

3. Стихотворение «Твоим узким плечам...» знаю не из печати (как я писала, у меня ничего не было).

Помню, как однажды Н. Я. вынула из сумочки клочок бумаги, на котором от руки оно было написано, внизу стояла дата — 1934 г. Мне оно очень понравилось, с разрешения я его переписала.

В первоначальных машинописках, которые дала мне Н. Я. взамен блокнотов, его нет.

Если сочтете возможным, пожалуйста, напишите, что Вы знаете по этому поводу.

Свидетельствую: Н. Я. не говорила мне, что оно обращено к ней.

Так решила я; к кому же, мне казалось, такое стихотворение могло быть обращено!

Фактические ошибки возникли при перепечатке, сделаны не по моей воле. Я не проверила. В моем тексте халат атласный, год — 1936, это общеизвестно. Вы упрекаете меня за цитирование четырех строчек из стихотворения «Воронеж»⁵. Да, оно напечатано, в маленькой серии без последней строфы и посвящения и полностью в «Беге времени» и Ленинградском изд. 77 г. Но как у многих нет этих книг!

Та же Крымова в книге о Яхонтове пишет «в квартире М.». А он жил в лачуге, в яме (2-ая Линейная, 4). А. А. точно.⁶

Многие стихи, приведенные мной, уже были напечатаны.

О Николае Ивановиче. Я не хотела его обидеть. Он вызвал у меня симпатию. С волосами странно, как будто не могла ошибиться.

Насколько помню, пол был некрашенный или стертый, моды снимать обувь не было. Что такое некрашенный пол, я знаю, его не намоешься. Я написала: «комната не производила впечатление опрятной», вы пишете «странной».

Всё это не мешает ему быть «чистюлей». В общем это не главное, и можно вычеркнуть.⁷ «Указаний поэта» я не помню (помню только одно указание о поэме о Сталине).

Писать воспоминаний не собиралась, никаких записей не вела, как многие (Лидия Корнеевна, Маковицкий⁸ и др.), теперь жалею.

Просто было безумно жалко человека, стремилась помочь ему, облегчить это изгнание, скрасить хоть чем-нибудь.

Безусловно, связь с «Не мучнистой бабочкою белой...» явная, но я думаю, это не противоречит тому, что я написала — «мне так кажется», но я не литературовед и анализом не занималась.

Наконец, последнее. Отдать воспоминания в Публичку не являлось моей инициативой. Сотрудники Отдела редких книг и рукописей допекали меня в течение двух лет. Я отказывалась их отдать. И вот однажды, без предупреждения, приехал научный сотрудник, некий Сажин, специально за работой. Я растерялась, мне как-то было неудобно ему отказать, отдала без подписи, без заглавия, не успела даже перечитать. Он приезжал на один день.

Вы кончаете письмо вопросом: «Как же можно так поступить?»

Не знаю, думаю, есть две возможности:

1. Затребовать работу обратно, тем более, они не выполнили условия (десятилетний запрет), от денег я отказалась.

2. Написать исправления с обоснованием и попросить приложить к работе или исправить.

Пока не знаю, как быть.

Еще раз благодарю Вас.

Н. Штемпель

20/II 83 г.

P.S. О письмах А. А. ничего не знаю, к сожалению, и не читала их.

Могу спросить у Юры Фрейдина, может быть, они в архиве Н. Я., который у него⁹.

Простите за такое длинное письмо, обычно пишу очень короткие письма.

Публикуется впервые по копии из архива Н. Гординой.

¹ Речь о пансионате, в котором Мандельштам был арестован во второй раз.

² Замечание Э.Г. Герштейн касалось, по-видимому, неточности, которую Н. Е. Штемпель исправила в примечании 7 к своим воспоминаниям «Мандельштам в Воронеж».

³ Речь идет о причине второго ареста Мандельштама.

⁴ Н. Е. Штемпель имеет в виду последнее письмо Мандельштама из пересыльного лагеря под Владивостоком, которое действительно адресовано младшему брату поэта, но в котором имеется также обращение и к Н. Я. Мандельштам.

⁵ Имеется в виду заключительная строфа стихотворения Анны Ахматовой «Воронеж», посвященного Мандельштаму.

⁶ Н. Е. Штемпель имеет в виду книгу Н. Крымской «Яхонтов» и строки из стихотворения Анны Ахматовой «Воронеж», где речь идет именно о комнате, а не о квартире.

⁷ Речь идет о фрагменте воспоминаний Н. Е. Штемпель, посвященном ее встрече с Н. И. Харджиевым.

⁸ Речь идет о Л. К. Чуковской и П. Н. Лукницком, которые вели дневниковые записи о своих встречах и беседах с Анной Ахматовой.

⁹ В семейном архиве Мандельштама находится несколько писем и телеграмм Анны Ахматовой Н. Я. Мандельштам (опубликованы в кн.: Мандельштам Н. Об Ахматовой. М., 2007).

ПИСЬМА К Н. Е. ШТЕМПЕЛЬ

Б. М. КОЗО-ПОЛЯНСКИЙ

Многоуважаемая Наталья Евгеньевна!

Ваше сообщение тягостно. Но Вы правильно сделали, что уведомили меня: как бы я иначе узнал.

Я никогда не забуду своего ученика и друга, светлого человека, такого редкого по возвышенности устремлений, по доброте и честности...¹ Как я «мечтал» с ним встретиться за дружным, мирным делом...

Недавно я узнал о гибели (еще в сентябре) К. К. Затурского. Вы помните его? Это был почти идеал человека, во многом похожий на Ф. С., кое в чем даже выше. Нет и его.

Как не везет мне! Этак и Вам. Что же делать? Спасение в труде, в творчестве, в своем прогрессе. Но у меня обстановка такая, что и этого не получается... Вы счастливее, Ф. С. писал мне про Вас.

Жму руку!

Б. Козопольский.

12. I. 1944.

Собрание П. М. Нерлера. Публикуется впервые.

Козо-Полянский Борис Михайлович (1890-1957), ботаник и систематик, автор оригинальной филогенетической системы высших растений, профессор Воронежского государственного университета, основатель и первый директор университетского Ботанического сада, член-корреспондент АН СССР.

¹ Речь идет о Ф. С. Марфине (см. примеч. 94 к «Автобиографии» Н. Е. Штемпель).

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

20 февраля <1952 г. >, Ульяновск

20/II

Дорогая Наташа!

Что с вами? Ни слова, ни звука от вас. Что с вами?

Я живу в Ульяновске. Изредка попадаю на несколько дней в Москву, к больному брату. Все стареют вокруг меня, а я уже старая. Очень много работаю.

Очень устаю. И очень боюсь потерять вас из виду. Что вы? Где вы? Напишите.

Над. Мандельштам

Ульяновск. Пролетарская площ., №21, комн. 75.

Первые: Мандельштам Н. Об Ахматовой. — М.: Новое издательство, 2007. С. 334-421. Подлинники — собрание П. М. Нерлера.

<Весна 1952 г., Ульяновск>

Наташенька, теперь не писала я. Я чувствую, что я мрачная старая женщина, и что я напрасно жила, и что горя было чересчур много. Зимой я была в Москве и приехала еще грустнее. Плохо моему брату. Он очень слаб и болен. Плохо у них с деньгами. Видела я в Москве своих подруг. И они старые и печальные. Вот почему я не пишу.

Наташа, встретимся летом в Москве. Пора повидаться.

Я найду, где вам пожить, если вам негде. Я не могу приехать в Воронеж — не могу не быть с братом. Не молчите, Наташенька. Напишите мне.

Привет маме и брату.

Я очень хотела бы зайти к вам и попить с вами чаю. Было бы так хорошо. Я даже способна переехать, чтобы жить с вами в одном городе.

Над. Манд.

<Весна 1952 г., Ульяновск>

Наташенька, вы опять молчите, а [я] не хочу, не хочу вас терять. Попробуем встретиться нынче летом в Москве? Я буду там август и июль. Вернее, на даче в Верее. Но несколько дней проведу в Москве в июле и в августе. Если бы вы приехали или хоть позвонили по телефону (К 1-11-29), а? Я живу тихо и не защищаю диссертации, хотя она написана¹. Боюсь. Лучше не надо.

Здесь есть милая женщина ваша воронежская — Левина², ученица Козо-Полянского. Я ей ничего не говорила, что у меня есть в Воронеже дружок. Но когда смотрю на нее, всегда вспоминаю про вас.

У меня сейчас маленькая комната с видом на Волгу. Я валяюсь в кровати и готовлю лекции.

Никого не вижу и ни с кем не разговариваю. Всего смущаюсь. Стала почти тихая. Совсем тихой, конечно, не способна стать.

Наташа, как писать полдень?

Если день — то вместе³? Дурашка-Наташка — не пишет.

Как мама, брат?

Как Павел Леонидович⁴?

Кланяйтесь всем от меня.

¹ В самом начале 1950-х гг. в Ульяновске Н. Я. Мандельштам написала диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук, которую предполагала защитить в МГУ. Тема диссертации: «Функции винительного падежа в англосаксонских поэтических памятниках». Защита ее состоялась в 1956 г.

² Левина Роза Ефимовна, профессор, ботаник, подруга Н. Е. Штемпель.

³ Н. Я. намекает на шуточное стихотворение О. М., адресованное Н. Е. Штемпель. «Наташа, как писать «балда»?..»

⁴ П. Л. Загоровский.

<9 октября 1952 г., Ульяновск>

9/10

Дорогая моя Наташенька!

Вы опять не писали целое лето, а на свое письмо я не получила ответа. Что у вас? Опять мы не увиделись. Если у вас сейчас отпуск, не приедете ли ко мне?

Я послала свою работу (языкознание) в Москву — но на успех не надеюсь. Кандидатом, конечно, хорошо было бы быть — масса денег.

У меня перемен нет. Сажу в Ульяновске, работаю, скучать некогда. Зимой в Москву не собираюсь. Здесь у меня только сослуживцы, даже приятелей нет. Очень одна. Так, может, и лучше.

Напишите мне, Наташа. Если я буду кандидатом, я перееду в Воронеж. Но я не буду.

Надя

Ульяновск. Пролетарская пл., №21, комн. 75.

25 марта <1953 г., Ульяновск>

Наташенька милая!

Летом я вашего письма не получила — может, оно просто завалялось — я ведь была в больнице, а потом на даче. Жаль. Я очень беспокоилась, что вы не пишете.

Про Сергея Борисовича я долго не хотела вам писать¹. Его гибель почти совпала со смертью вашего друга². Он был убит в бою. Я видела его вдову³. Впрочем, мне и без нее тогда же сообщили.

С ним было очень тяжело. Сначала он был очень тяжело ранен. Разнеслась весть, что он погиб. Но он выжил. И мне казалось, что он уже спасен. Но вторично он попал на фронт и погиб почти сразу, чуть ли не в первом бою. Тяжко думать о нем и сейчас.

Наташенька, я была бы очень рада жить поближе к вам. Хотя мы и не виделись больше десяти лет, но у меня не теряется чувство, что вы близкий и родной человек. Но как это сделать? Я, может, буду переезжать в этом году. В газете ни Унив[ерситет] Воронежа, ни Пединст[итут] не печатают, кто им нужен. Но специальность моя (филолог, англ[ийский] яз[ык], все курсы инфака по теорет[ическим] дисциплинам] читала, 8 лет стаж, сданы кандидатские, диссертация написана, уже 6 месяцев лежит без движения в МГУ) очень редкая. Зайдите в инст[итут] и спросите, нужна ли такая дамочка. Лучше мне переехать поближе к вам, чем, скажем, в Курск или Ми-чуринск.

Но надо это делать скорее. Если я решу переезжать, то это должно оформиться до 15 июня, когда мы подписываем нагрузки. Не откладывайте письма на год. Если бы вы тогда вовремя ответили, я уверена, что я бы устроилась в Воронеже и мы бы были рядом. Напишите мне подробнее о себе, о маме, о брате. Всем привет.

Над. Мандельштам

¹ О смерти С. Б. Рудакова Н. Я. впервые узнала из письма Э. Г. Герштейн от 6 мая 1944 г.: «За это время случилась еще одна печальная для меня смерть. Сергей Борисович убит в бою 15 января 1944 года. Я не хотела Вам об этом сообщать, предполагая скоро увидеть лично. С трудом представляю себе существование Лины Самойловны, для которой весь смысл жизни был — в муже. Она живет пока в Свердловске у своего двоюродного брата и служит в Ленинградской обсерватории. Когда этот институт (не знаю точно названия) вернется в Ленинград, она захватит мать и вернется с нею домой» (АМ. Короб 3. Папка 102. Ед. хр. 8).

² Имеется в виду Ф. С. Марфин.

³ Финкельштейн Лина (Полина) Самойловна (1906–1977).

[23 февраля 1960 г., Таруса]

Наташенька! Вот Ярославна (Случевского):

Ты не гонись за рифмой своенравной
И за поэзией — нелепости оне;
Я их сравню с княгиней Ярославной,
С зарею плачущей на каменной стене.

Ведь умер князь, и стен не существует,
Да и княгини нет уже давным-давно;
А всё как будто, бедная, тоскует,
И от нее не всё, не всё схоронено.

Но это вздор, обманное созданье.
Слова не плоть. Из рифм одежд не ткать.
Слова бессильны дать существованье,
Как нет в них также сил на то, чтоб убивать.

Нельзя, нельзя... Однако преисправно
Заря затеплилась; смотрю, стоит стена;
На ней, я вижу, ходит Ярославна
И плачет, бедная, без устали она.

Сгони ее! Довольно ей пророчить!
Уйми все песни, все! Вели им замолчать!
К чему оне? Чтобы людей морочить
И нас, то здесь — то там, тревожить и смущать

Смерть песне, смерти! Пускай не существует!
Вздор рифмы, вздор стихи! Нелепости оне.
А Ярославна все-таки тоскует
В урочный час на городской стене.

Прочтите Случевского. Там есть несколько чудес. С Сурковым кончено¹, и я уезжаю. Куда — не решила. Напишу.

Делала исследования желудка. Они хорошие, но врач заподозрил не очень хорошее..

Всё же поговорите в институте. Если бы они соблазнились, то объявили бы конкурс. Но им всё равно, кто у них работает, лишь бы с отчетом было в порядке.

Надя

Очень целую всех — Марию Ивановну² больше всех. Наверное, еще приеду... Привет Виктору и Таням³. Как ей нравится соблазнитель Леонардо?

¹ По-видимому, имеются в виду хлопоты А.А. Суркова относительно прописки и квартиры для Н. Я. Мандельштам в Москве.

² М. И. Левченко (1894–1960), мать Н. Е. Штемпель.

³ Виктор — В. Е. Штемпель, брат Н. Е. Штемпель. Тани — Татьяна Олимпиаевна Штемпель (Муштавинская) (1917–1998), жена В. Е. Штемпеля (1915–1965), и Татьяна Викторовна Ледовская (р. 1947), их дочь.

<Весна 1960 г., Таруса>

Наташенька!

Я давно вам не писала и очень беспокоюсь, что у вас. Как здоровье Марьи Ивановны? Ужасная была зима — эти колебания температуры и мне дались очень тяжело. Ради бога, напишите. На последнее письмо ведь вы не ответили.

А теперь о том, что я неожиданно узнала и от чего пришла в настоящий ужас. Вы, вероятно, знаете, что вдова Рудакова не вернула ни мне, ни Анне ничего из того, что ей дали (она торгует автографами). Недавно удалось уговорить ее показать письма Сергея Борисовича. Анна Андр. и Ник. Иванович прочли их и пришли в ужас (они перепечатали их на машинке, и я вам их покажу при встрече). Это письма — типа дневника. Направлены супруге. Основная тема: все воронежские стихи О. М. написал Я — Сергей Борисович. Какой ужас, что впоследствии будут говорить о гениальных стихах О.М., когда это я, я... Этот старый идиот (сумасшедший) (т.е. О.М.) ничего связать не может. Он ходит за мной по пятам и глядит мне в рот... И тому подобное... Меня называет только «дура», но это чушь, это милая деталь. Теперь понятны его отношения к жене и к вам. Она нужна была для темной природы его души — незаменима. Видимо, это был человек больной, отождествил себя с О. М. и весь этот бред излагал жене. Может, она не отдала черновики, потому что у нее был план «восстановить истину» и напечатать Осины стихи как стихи Рудакова. Это бред, которому нельзя верить, но это факт. А мы считали его чистым юношей, другом, учеником и тому подобное. Это и спекуляция на той изоляции, в которой мы жили, и расчет, что он молод, а я стара — умру, и можно будет сделать всё, что угодно. Теперь, Наташенька, вы можете нам помочь. Вы точно знаете, когда Сергей Борисович уехал из Воронежа (это лето 36 года); после этого была масса стихов (начиная с «Гудка»¹), написанных при вас. Как будто это смешно, анализ стихов Рудакова сразу покажет, что писал он, что писал О.М. ... Но это для друзей, а для врагов

(а у поэта всегда есть враги) это будет «загадкой», проблемой «Рудаков — Мандельштам» и так далее. Необходимо, чтобы вы написали простую вещь: 1) когда вы познакомились с Рудаковым, 2) когда пришли к нам (после его отъезда), 3) как Ося работал в ту последнюю зиму при вас и т. п. ... Как он приходил читать вам новые стихи и т. д. 2 странички письма на адрес Харджиева Николая Ивановича (Москва, ул. Крапоткина, 17, кв. 70)². Я, так сказать, «пристрастный» свидетель. Потому не на мой адрес и не в мои руки...

Самый ужас в том, что всё это спекуляция на юридическом положении человека. На изоляции. На невозможности печататься. Ничего бы не было, если бы О. М. был известным человеком в Москве — кругом люди — все всё знают, видят, читают в журналах... Вы понимаете, какой это ужас?

Наташа, это был совершенно безумный человек, а мы не поняли. И он держался за свою мерзкую жену, потому что она верила его бреду.

Умоляю вас, не откладывайте этого письма. Сейчас уже идет крошечная заваруха, а вы едва ли не единственный свидетель — все уже умерли. И это в руках у невежественной спекулянтки автографами — главным образом первого мужа Анны³.

Анна Андр. в полном ужасе — этот смиренный мальчик у нас в комнате! И если бы вы знали, какая ненависть в этих письмах. Я думаю, что это для вас удар. Для меня тоже.

Это второй случай у меня: сын Багрицкого читал эти стихи и выдавал их за свои⁴. Но он был глупый мальчик, и все еще всё помнили. Это было безопасно. Я просила не обижать его и осторожно остановить, что и сделали.

Я так сумбурно пишу, потому что сегодня всё это прочла: эта ненависть, эта хитрость (сидел «у ног»! Любил... ничего не боялся!) (у него иногда пробивались смешные учительские интонации. Мы над ними чуточку посмеивались, но щадили его. Знали, что у него большое самолюбие, но тем более были с ним осторожны: ведь у него было очень тяжелое положение, а мы с Осей, пока он был в Воронеже, еще зарабатывали и кормили его). Эти проклятия. Эта злоба.

Не относитесь к этому легкомысленно. Это очень страшно.

В мае я думаю к вам приехать, если вам это удобно.

Напишите мне, написали ли вы Харджиеву?

Н.

¹ Стихотворение «Из-за домов, из-за лесов...».

² Эту просьбу Н. Я. Мандельштам Н. Е. Штемпель выполнила (см. ее письмо Н. И. Харджиеву от 27 марта 1960 г.).

³ Речь идет о Н. С. Гумилёве.

⁴ Имеется в виду Вс. Э. Багрицкий (1922–1942), см. письмо К. И. Чуковского Н. К. Чуковскому от 29 июля 1938 г.: «...сын Багрицкого, который «тоже пишет стихи», прочитал мне вчера: — До чего щегол ты. До чего ты щеголовит! — то есть выдал стихи Мандельштама за свои!!!! Я уличил его. Он не сконфузился...» (Корней Чуковский — Николай Чуковский. «Мы очень разные литераторы...» Переписка (1921–1963)/Публ. Е. Н. Никитина // Знамя. 2004. № 1. С. 155). Спустя четверть века Л. Г. Багрицкая (Суок), мать Вс. Э. Багрицкого, включила это же стихотворение Мандельштама в подборку стихов своего сына в сб. «Имена на поверке» (М., 1963. С. 26). Лишь после того, как начали поступать письма с протестом, она была вынуждена признать свою «ошибку» (Багрицкая Л. Досадное недоразумение. Письмо в редакцию // Литературная газета. 1964. 5 мая).

<Весна-лето 1960 г., Таруса>

Наташенька! От вас нет ни звука, и я очень беспокоюсь. Что у вас? Как Марья Ивановна? Зима очень была тяжелая — эти колебания температуры невыносимы. Болела Анна Андреевна, но сейчас ничего.

У меня много сложностей и трудностей. Где тонко, там... и так далее. Этот год трудный. Особенно сейчас — очередной кризис, вызванный по моей вине. Вы знаете, что я ездила в Ташкент — вот это и была моя глупость... Мои молодые хозяева¹ приехали со мной в Москву (он — первоклассный литературовед — в аспирантуре годичной); жена взбесилась от ревности к Варе Шкл. и делает всем феноменальные пакости, для меня весьма ощутительные... Идиотская история, но в нашем быту более чем ощутительная.

Я хочу к вам приехать — но когда и можно ли? Опять на 2–3 дня. Но для этого нужно, чтобы вы мне написали. Ведь это зависит от здоровья М. И. ... Жду ответа.

Получили ли вы письмо о Сергее Борисовиче?² Я всегда знала, что у него большое самолюбие, что он «учительствует» ... Масса была у него капризных выходок и т. п. ... Ося жаловался, что он ему мешает работать. Но он был одинок, ел и пил у нас, только ночевал на своей койке — ведь работы у него не было, а жена присылала ему 50 р. на койку. У нас еще были заработки, и мы чувствовали себя связанными его бедственным положением. И я никогда не думала, что в своих письмах-дневнике он изливается настоящей злобой и ненавистью (смешанной с восторгом, что еще хуже). По письмам это большой человек, маниак и психопат. А жена! Вы знаете, что она ничего не отдала ни мне, ни Анне. На этом пострадал Николай Степанович, об Осе и говорить нечего. Но мы всегда думали, что это жена. А всё это, оказывается, коренилось в С. Б. ... Не ужасно ли? Чистый юноша!

И это, конечно, «налог» на нашу жизнь. Будь всё нормально — Москва, открытая работа, публикации — для болезни С. Б. не было бы никакой почвы.

Напишите скорее, Наташенька. Очень по вас соскучилась, и есть масса вещей, которыми хотелось бы с вами поделиться.

Н. М.

В том письме, которое могло не дойти, я просила вас написать Харджиеву (когда уехал С. Б., что он говорил об О. М., как О. М. работал при вас зимой 36/37 года, когда С. Б. не было).

Получили ли вы мое письмо про С. Б.? Не спутала ли я адреса?

¹ Имеются в виду Эдуард Григорьевич Бабаев (1927–1996), филолог, и его жена Лариса Васильевна Плазунова (1926–2005).

² Речь идет о предыдущем письме.

18 ноября <1961 г., Таруса>

18 ноября

Наташенька! «Тар[усские] стр[аницы]» — это самое модное сейчас в Москве... Напишите свое мнение об этом сборнике¹.

Дайте мне Цветаеву² — два экземпляра вам не нужны, а мне очень нужен. За это я вам вышлю Пастернака³ — мне приготовили экземпляр в Москве, когда я получу его в руки, я вам вышлю.

Теперь о Цветаевой — мне подарила Аля Цветаева (дочь), но я ищу для Нины Пушкирской, ташкентской женщины, у которой я жила во время войны (поэта — недавно вышла книга), очень близкой Марине, очень хорошей и очень человеческой с человеческими стихами. Ей нужнее эта книга, чем кому-либо. Так вот, Наташенька — пошлите Нине, да еще напишите два добрых слова: Ташкент 37, Водопадный проезд, 3, кв. 3. Пушкирской Нине Ивановне.

Хорошо?

Я приеду зимой встретиться с вами в Москву, а весной к вам на долго. Я собиралась к вам осенью, но у меня было туго с деньгами, и я просила Женю (вашу)⁴ написать вам — боялась быть вам обузой. Ждала от вас звонка, но Женя, видно, не написала, а тут меня стала звать Анна Андреевна. Она уже больше месяца в больнице (у нее был еще один инфаркт), и ей очень плохо. Но она выжила. Это случилось после моего отъезда⁵.

Вот, Наташа, какая жизнь. Пишите, скучаю по вас...

А что если вы приедете ко мне зимой в Тарусу?

¹ Сборник вышел в Калуге, в 1961 г.

² Имеется в виду кн.: Цветаева Марина. Избранное. М.: ГИХЛ, 1961 (сост., предисл. и подгот. текста В. Н. Орлова).

³ Речь идет об издании: Пастернак Б. Л. Стихотворения и поэмы. М.: ГИХЛ, 1961.

⁴ Е. Н. Перкон.

⁵ В больницу им. Ленина на Васильевском острове Анна Ахматова попала в начале октября 1961 г.

<Конец апреля 1962 г., Ленинград>

Наташа! Ради бога, напишите, что с вами (Василисе¹ — Москва, Лаврушинский, 17, кв. 47). Я в Ленинграде — А. А. вышла из больницы, была в санатории². Сейчас я жду ее — мы на днях выедем в Москву. Мне предстоит небольшая операция — грудь (не рак). Самое трудное — попасть к врачам. Хожу забинтованная. Писала Жене, просила сообщить, что с вами. Она не отозвалась.

Похоже, что сдвинулось с изданием (но еще далеко не наверное). В лучшем случае будет в 63³.

Н. М.

¹ Речь идет о В. Г. Шкловской.

² Из больницы Анна Ахматова выписалась 8 января 1962 г., а с 16 января до начала марта находилась в Доме творчества в Комарове. В Москву она переехала между 24 и 30 апреля, где останавливалась у М. С. Петровых, Н. Л. Манухиной (Шенгели) и у Ардовых.

³ Сборник стихотворений Мандельштама в Большой серии «Библиотеки поэта», о котором идет речь, вышел только в 1973 г.

16 октября <1962 г., Псков>

16-е октября

Эх, Наташенька, если б вы вовремя писали, может, я была бы не в Пскове, а в Воронеже: в этом году был большой набор на наши кафедры. Впрочем, в Пскове на русской кафедре в институте у меня была знакомая — поэтому всё так совершилось. И может, с работы легче будет перевестись в Воронеж, чем с пенсии. Не исчезайте будущей весной и следите за конкурсами. Всё это с работой совершилось в несколько дней. И это хорошо: я устала жить без денег. А работа приятная и легкая.

Жду от вас вестей.

Жаль, что Немеровские уехали.

Болен мой брат. Я постараюсь приехать на праздники в Москву, но не знаю, смогу ли.

Целую.

Н. М.

(По-прежнему П[ав]почтамт до востр[ебования].)

9 декабря <1962 г., Псков>

9 декабря

Наташенька! Пишу вам несколько слов. Я в тяжелой работе и болею. Вышел «День поэзии» с 4 стихотворениями Оси. Но одно искажено: из него выброшена половина.¹ Скоты.

Читали ли вы «Новый мир» № 11²? Знаете ли вы про дальнейший разворот событий?

Художники сейчас кипят и волнуются³. Пишите мне по-прежнему «до востребования, Главпочтамт».

В Москве как будто закипело вокруг моего устройства⁴, но сейчас, наверное, опять затихнет. Здесь живу на птичьем положении. Даже не прописана.

Целую, Надя.

Как ваше здоровье?

¹ В альманахе Московского отделения Союза писателей СССР «День поэзии 1962» были опубликованы стихотворения Мандельштама «Ариост», «Стансы» (без строф 3, 4, 7 и 8), «После полуночи сердце ворует...» и «Да, я лежу в земле, губами шевеля...».

² В этом номере журнала была напечатана повесть А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

³ Речь идет о реакции творческой интеллигенции на выдержанную в грубых тонах негативную оценку, данную Н. С. Хрущевым 1 декабря 1962 г. ряду работ на выставке в Манеже, посвященной тридцатилетию Московского отделения Союза художников СССР.

⁴ В середине ноября 1962 г. Анна Ахматова встречалась с А. А. Сурковым и настоятельно просила его помочь Н. Я. Мандельштаму с пропиской, квартирой, пенсией и работой.

21 декабря <1962 г., Псков>

21 декабря

Наташенька! Читали ли вы в «Новом мире» (№ 11) про Ивана Денисьевича? Если нет, моментально найдите.

Я что-то хвораю и устаю. Работать трудно — очень плохая группа. Жить тоже трудно. В Москве что-то пробуют для меня сделать, но, наверное, ничего не выйдет. С книгой сейчас задерживает Харджиев. Он в плохом психическом состоянии. Не может работать. Ему нужно внести в комментарий небольшие поправки (работы на 5 дней). Он сам их не делает и никому не дает их сделать. А может, сейчас уже и поздно: после 11 номера «Нового мира» произошла отдача пружины.

Пишите мне подробно о себе.

Целую вас.

Н. М.

6 января <1963 г., Псков>

6 января

Наташенька! Как здоровье? Что делается у вас? Ко мне приезжала приятельница молодая на Новый год¹. Она провела у меня несколько дней и привезла грудку новостей. Был вечер Марины, который прошел с большим триумфом². Потом потрясающий концерт Шостаковича. Рукопись Осиной книги уже должна быть в редакции.

Читали вы «Новый мир» №11? Там рассказ Солженицына. Что вы о нем думаете? Это большое событие. Мы его давно ждали.

Кто-то хлопочет мне о комнате. Что из этого выйдет, не знаю. В известной мере это зависит от выхода книги.

Прислали мне строчки лагерной песенки (товарищ Сталин, вы большой ученый, в языкознании вы poznали толк, а я простой советский заключенный, и мне товарищ серый брянский волк). Ее широко сейчас поют. И в ней новая строфа:

В Москве открыли ваш музей подарков,
Сам Исаковский пишет песни вам,
А нам читает у костра Петrarку
Фартовый парень — Оська Мандельштам³.

Целую вас, Наташа.
Откликнитесь.

Н. М.

¹ Живова Юлия Марковна (р. 1925), редактор (занималась переводами с польского языка); по ее сообщению, встреча Нового года проходила не в комнатке Н. Я. Мандельштам, а на квартире ее хорошей подруги лингвиста Софьи Менделевны Глускиной (1917–1997).

² Вечер памяти М. И. Цветаевой состоялся в Центральном доме литераторов 26 декабря 1962 г. под председательством И. Г. Эренбурга и при участии П. Г. Антокольского, Е. М. Винокурова, М. Н. Ваксмахера, Д. С. Самойлова и Б. А. Ахмадулиной.

³ Фольклорный куплет к песне на стихи Ю. Алешковского «Товарищ Сталин».

16 января <1963 г., Псков>

16 января

Милая Наташенька! У меня нет адреса: я снимаю случайную комнату¹, и меня здесь никто не знает. Письма, конечно, не пропадают: вы просто редко пишете. Писать лучше бы почаще.

Сейчас мне все пишут про всякие бурления и волнения. Интересно, как отразится всё это на издании Оси. Кто он — абстракционист или борец против культа личности? Есть обе тенденции.

Прокофьев² считает, что абстракционист, а Сурков — второе. Посмотрим.

Был вечер Марины с грандиозным успехом. Я этому очень рада: победа поэзии. Но я в таком же отдалении, как вы. Болею. Работаю. Трудно.

Н. М.

¹ У квартирной хозяйки по фамилии Нецветаева.

² Прокофьев Александр Андреевич (1900–1971), поэт: в это время занимал пост первого секретаря Ленинградского отделения Союза писателей СССР.

<Начало февраля 1963 г., Псков>

Наташенька! Все-таки, когда вы пишете, я получаю. Теперь я знаю, что вы познакомились с Иваном Денисовичем. А «День поэзии» — мура. Груда ловко рифмованной мертвечины. Первый из них Роберт Рождественский¹, который вам, кажется, нравится.

Я поеду в Москву на несколько дней (с 9-го по 17-е). В Воронеж, конечно, приехать не смогу. Мне очень трудно: устала, стара, больна. Работать сейчас трудно. Ездить еще труднее. Грудь распухшая. Язва желудка и всё время температура, а этого не было 20 лет. Похоже, что опять туберкулез. Вернее, я не больна, а просто уже нет сил на эту жизнь. Поговаривают, что мне дадут в Москве комнату, но это брехня.

С Осиной книгой пока ничего не слышно. Ввиду событий ее могут опять отложить. Мне уже всё равно. Он ведь уже победил.

Мне противно, что его напечатали в «Дне поэзии», но у меня не спрашивали.

Вот как всё уютно.

Целую вас крепко.

Пишите.

Н. М.

В Москве буду у Шкловских (В 19185; Лаврушенский, 17, кв. 47). Вдруг вы приедете.

Брат вышел из больницы. Он дома. К сожалению, раньше конца июня я в Тарусе не буду.

¹ Рождественский Роберт Иванович (1932–1994), поэт-шестидесятник, сумевший состоять одновременно и в «четверке бунтарей» вместе с Б. Ахмадулиной, А. Вознесенским и Е. Евтушенко (ср. у Ахмадулиной: «Нас мало, нас, может быть, четверо...»), и во многочисленных официозных правлениях и президиумах: был председателем Комиссии по литературному наследию О.Э. Мандельштама. В альманахе «День поэзии 1962» были опубликованы стихотворения Р.И. Рождественского «История» и «Винтики»

22 марта <1963 г., Псков>

22 марта

Наташенька! Холодно жить на свете и трудно работать. Когда будет наконец, оттепель? Или нельзя про оттепель¹?

В номере 2 «Нового мира» неплохой рассказ про прораба². Но это, наверное, последний. Его уже где-то разругали. Саша, с которым вы разговаривали,³ делает чудеса — находит статьи, стихи и т. д. ... Вот мне его бог послал. И он поразительно понимает О. М. ... Вообще человек очень интересный. Вы решили, что это называется «не от мира сего»... Это скорее особая формация, очень традиционная и, по-моему, сейчас очень уместная.

Слухи до меня почти не доходят, а я привыкла ими жить. Трудно без них. Хотелось бы, чтобы приехал Солж., хотя сейчас мне не так хочется, как в какую-то минутку раньше... Он вроде собирался, но боюсь, ему сейчас не до меня.

Хорошо, что к вам приедет ваш Шура⁴. Очень рада, что у вас появились такие друзья. Мальчишка у него красавец. И чудное письмо... Я его никак не могу забыть.

Кланяйтесь им от меня.

На май я, может, в Москву поеду. Но еще не знаю. Трудновато. Устаю очень от этих поездок. И они ничего не дают — только шум один.

Летом буду в Тарусе. А что вы думаете делать летом? Собираюсь в Ленинград, но не собралась. Устаю...

Пишите, Наташенька.

Целую вас.

Н. М.

¹ Речь идет об ужесточении цензурных запретов после публикации повести А. И. Солженицына «Один день из жизни Ивана Денисовича» (Новый мир. 1962. № 11).

² Имеется в виду рассказ В. Н. Войновича «Хочу быть честным» (Новый мир. 1963. № 2).

³ Морозов Александр Анатольевич (р. 1932). филолог, в 1960-е гг. редактор издательства «Искусство», ведущий исследователь жизни и творчества Мандельштама.

⁴ А. И. Немировский.

30 марта <1963 г., Псков>

30 марта

Наташенька! На два мои письма вы не ответили. Что случилось? Больны? Очень прошу ответить.

Если же это какая-нибудь обида, то не стоит... Вы, по всей вероятности, не понимаете, что жизнь у меня не легкая и не простая, и все эти — внимание — невнимание, любит — не любит не нужны. Мне

беспокойно ваше молчание, и, если вы здоровы, очень прошу вас сообщить мне об этом. Если нет, я прошу об этом вашего брата...

Скоро я отсюда уеду и уже не вернусь. Работу бросаю. Как будто в Москве кто-то борется за то, чтобы меня прописать. Жить всё равно негде, и я останусь в Тарусе, хотя это очень трудно. Но всё же можно будет приезжать и хоть к врачу пойти или в библиотеку. Пока это невозможно, а надо. Моссовет уже разрешил, но это еще далеко не всё.

Отзовитесь.

Н. М.

20 февраля <1964 г., Псков>

20 февраля

Наташенька! Как прошла Москва? У меня одним шумом. Целые дни была толчея, и я так ни с кем и не поговорила.

Виделись ли вы с Сашей Морозовым¹ и Ириной Михайловной²? т. е. с теми людьми, которых я просила расспросить вас об Осе...

Как Немеровские? Чудный мальчик, которого смущало, что Никитка слишком мал... Как его зовут?³

Что у вас дома?

Мне странно, что я в Пскове. Это просто непонятно, зачем это. В Москве у меня миллион дел, связанных с Осей, а здесь я как бы на покое. Глупо. Хоть бы вышла книга...

Будете писать Марусе⁴, кланяйтесь ей от меня.

Пишите.

Н. М.

Мне звонил Солженицын — сказал, что приедет в апреле в Псков⁵. Я была бы рада. Анну Андр. я больше не видела. Она уехала кататься на машине и упустила меня.

¹ А. А. Морозов.

² И. М. Семенко.

³ Речь идет о сыне А. И. Немировского Марке и сыне В. В. Шкловской.

⁴ М. В. Ярцева.

⁵ Встреча Н. Я. Мандельштам с писателем А. И. Солженицыным (1918–2008) состоялась позднее, в декабре 1964 г. В письме к С. М. Плускиной от 21 декабря 1964 г. Н. Я. Мандельштам пишет: «Был у меня Александр Исаевич и произвел большое впечатление. Это «племя» младое, незнакомое в большей степени, чем сегодняшняя молодежь. Он поразительно динамичен, внимателен, зорок, тверд, орешек, который нельзя раскусить, а в чем-то слаб, что и приводит к таким рассказам, как «Польза дела». А между тем потенциально сила большая. У него пока любопытство к людям. Он их ест в течение десяти минут и бежит дальше. Очень хочется его понять. Ведь в целом это очень крупно» (МА. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 1).

1 марта <1964 г., Псков>

1 марта

Дорогая Наташенька! Моя Москва была вроде сумасшедшего дома. Я уже две недели в Пскове и всё еще не могу опомниться. Здесь я получила ваше письмо с телефоном. В Москве номер, конечно, застряли.

Какие у меня впечатления от Москвы? Анне Андреевне скоро 75 лет, она полна жизни и шума. Ей сообщила Италия о какой-то премии¹. Она довольна. На миллион лир можно купить машину. Она благополучна, если не считать, что всю зиму бродит по Москве, живя то у одного, то у другого. По-моему, это не по возрасту.

В очень плохом виде Саша. Почти безумный. Старики держатся лучше молодых.

Ужасная история в Ленинграде: судят по выступлению газет очень значительного молодого поэта Бродского по обвинению в тунеядстве, хотя у него есть договора на переводы. Его сведут с ума, и очень скоро. Масса писем с протестами (в Москве), Москва обещает всё сделать, а в Лен[инграде] идет своим чередом...²

Меня еще не свели. Работать я брошу и буду в Тарусе. Кто-то пробует прописать меня в Москве (вызвался сделать это Долматовский³), но из этого ничего не выйдет.. Устала я страшно. Работа трудная (уровень студентов хуже, чем был). Сейчас одна студентка, осознав свою тупость, хочет уходить, но ей грозят судом... Я устала, постарела и больше ничего не понимаю.

В Тарусу я хочу на лето, а придется жить зимой. Бессмысленность этого очевидна. Книга не выходит и не выйдет. Какие-то мальчишки разносят стихи по редакциям московских журналов и рекомендуют их к печати. Списки ужасные... Что еще? Как будто ничего. Целую вас. Пишите.

Н. М.

¹ Имеется в виду премия «Этна Таормина», полученная Анной Ахматовой в Италии в 1964 г.

² Это предложение вписано позднее.

³ Однако добился этого не Е. А. Долматовский, а С. Я. Маршак.

4 марта <1964 г., Псков>

4 марта

Наташенька!

Получила ваше письмо. Слава богу, что еще есть люди, которые хотят нас видеть. Нечего жаловаться. И очень хорошо, что у вас появились новые друзья, то есть Немеровские.

Я рада, что вы поговорили и с Сашей, и с Ириной Михайловной. Это хорошо. Я так перед отъездом и не повидалась с Анной Андреевной. И у меня, и у нее тоже шум и каша в Москве.

У меня 22 часа в неделю, и я очень устаю. Много работы. До сих пор здесь держатся морозы. Днем — тепло, ночью — холод. С переездом в Москву в общем не ладится. Движения — нет. Всё очень надоело.

Как сейчас ваше здоровье?

С книгой движения по-прежнему нет. Тьфу...

Н. М.

20 марта <1964 г., Псков>

20 марта

Наташенька! Вы опять не отвечаете. Что с вами? Я с трудом дотягиваю год. Психологически больше не могу. Мне вроде разрешили прописку в Москве¹. Жить буду зиму в Тарусе, но всё же легче — можно приехать на какой-то срок.

Книга не выходит прочно и основательно. Журнал «Москва» хочет что-то напечатать. Опять будет какое-нибудь уродство.

Всё это мне надоело.

В Ленинграде судили юнца поэта Бродского². Значительного. Пять лет за тунеядство, хотя договора с издательствами на переводы. Ничего не помогло. На суде выступали люди и пробовали объяснить... Я заболела от отчаяния.

Н. М.

¹ В действительности это произошло на два месяца позже.

² Первое судебное заседание по делу И. А. Бродского состоялось 18 февраля 1964 г. на втором (13 марта) его приговорили к высылению из Ленинграда на пять лет.

23 марта <1964 г., Таруса>

23 марта

Дорогая Наташенька! Опять вы замолчали. Я вам недавно писала, получили? Я переехала в другой дом (ул. Розы Люксембург, 13). Здесь тепло. Напрасно всю зиму мучилась в холоде. Я даже не понимала, как он действовал на меня. Половина болезни — холод.

К сожалению, большая квартира, где бы я могла поместить и вас, уплыла. Но я где-нибудь рядом сниму для вас комнатку. (Хозяева, к сожалению, поставили условием, чтобы не было толпы. Но, может, они сами сдадут вам в своем доме.)

Мне хочется вас повидать. Приедете ли на майские дни в Москву? Как Виктор? Появился ли Немеровский? Не скучайте... Таруса вас ждет.

Н. М.

2 апреля <1964 г., Псков>

2 апреля

Наташенька! Очень хорошо будет, если вы поедете в Тарусу. Я буду там с июля по сентябрь (если вернусь на работу, но это еще неизвестно). Жене надо будет поехать снять помещение — к июлю будет уже трудно — всё хорошее разберут. Впрочем, она знает Тарусу. А лето, говорят, будет жаркое, и я этого очень боюсь.

Мне трудновато, и я устаю. Возраст. Хотела ехать в Ленинград, но Анна Андреевна очутилась под Ленинградом — в Комарове, и я отложила поездку. В Москву на май, вероятно, не поеду: устала.

Целую вас. Пишите.

Н. М.

3 апреля [1964 г., Псков]

3 апреля

Милая Наташа! Я очень рада, что получила от вас письмо. Никак не понимала, что с вами, и беспокоилась.

Меня нисколько не удивляет, что вы продолжаете тосковать о матери. Прошло 25 лет со смерти О. М., и я продолжаю ее чувствовать ничуть не менее остро, чем в первый день, и никогда с ней не примирюсь.

Я мучительно довожу до конца учебный год. Уже сказала, что больше не приеду.

Издание книги О. М. зависит не от одного человека. А заведующий «Библ[иотекой] Поэта» — Орлов. Конечно, я его знаю. Но что с этого?..

Пропиской я, разумеется, «воспользуюсь»... Но еще до нее далеко... Пока она разрешена Моссоветом... А дальше еще огромный путь. Где-нибудь сорвется.

История с молодым поэтом, о которой я вам писала, произвела на меня ужасное впечатление. Я ею больна... А какие стихи — это не так важно... Факт, что это поэт.

Пишите мне. Я очень беспокоюсь, когда нет писем.

Все-таки что вы думаете делать летом? Я буду в Тарусе. Дача уже снята. Когда у вас пенсия?

Для вас в Тарусе минус, что она очень гористая. (Для меня и брата тоже.) Но я еду туда, потому что она стала вроде дома. Может, приедете на какой-нибудь срок? Просто посмотреть, а если понравится, останетесь. Женя (ваша) в прошлом году испугалась гор и плохой еды. Но тут уж ничего не поделаешь... Напишите.

Н. М.

Я думаю, хорошая еда в этом году будет только в домах отдыха. А стоит ли из-за этого ехать в дом отдыха?

10 апреля <1963 г., Псков>

10 апреля

Наташенька! По-моему, ваше лето устраивается очень просто, если вы едете в Звенигород. Это чудное место. А в Тарусу вы приедете погостить прямо ко мне. Комнатка у меня для вас есть, и всё есть. Надо будет только договориться о времени, чтобы не было слишком много гостей сразу. Жить у меня будет брат с женой. И это на этот год всё... А еще гости. Но это можно будет распределить по лету. Нужно только заранее сговориться.

Это решение, по-моему, хорошее. И вам не придется тащить за собой вашу Женю. Всё устроится вполне мило. Хорошо?

Н. М.

17 апреля <1964 г., Псков>

17 апреля

Наташенька! Вы пишете мне, чтобы я приехала на май в Москву, но мне необходимо ехать в Ленинград — встреча и разговоры с редакторами и т.п. ... Сейчас книга еще не снята, но в издание я не верила и не верю.

Саша, с которым вы разговаривали в Москве, нашел утерянную 40 лет назад и очень мной любимую вещь: плач по Алексею¹. Это для меня большая радость.

Очень трудно мне жить и работать. Я очень сдаю. Но еще шевелюсь.

Рада, что вы будете в Тарусе. У меня будет брат и, вероятно, невестка. Будет и кое-кто из друзей — рядом. Я очень хочу в Тарусу, но это будет только в начале июля.

Что же касается до всех волнений, то никогда иначе и не было, только сейчас гораздо лучше, чем раньше. Что это вы себе вообразили все, что искусство — вольный хоровод, а не надстройка? Чепуха.

Целую вас.

Н. М.

¹ Речь идет об отрывке из старофранцузского эпоса «Жизнь святого Алексея» в переводе Мандельштама.

4 мая 1964 г., <Псков>

4 мая 64

Милая Наташенька! Я не спешила вам писать, зная, что вы будете в Москве. Я на три дня приехать не могла — трудно.

Очень рада, что вы наконец приедете в Тарусу. Это все-таки единственное место, где я «живу» ... С Москвой, очевидно, провалилось. Упорно на этом стоят..

Устала я страшно. Дотащу ли до конца года и вырвусь ли живой из Пскова, не знаю... Под конец такое чувство обычно бывает, но в этом году оно дошло до предела.

Целую вас крепко.

Н. М.

12 мая <1964 г., Псков>

12 мая

Наташенька! Ездили ли вы в Москву? Я застала ваше письмо, вернувшись из Ленинграда. Разумеется, я не могла побывать и там, и здесь. Тем более, что Ленинград у меня деловой (Осина книжка еще не снята с плана).

Я очень много работаю и очень устаю. В Тарусе буду в июле. Женя едет раньше. Очень хочу туда, хотя работать, наверное, не перестану.

Целую вас.

Н. М.

31 мая <1964 г., Псков>

31 мая

Наташенька! Очень хорошо, если вы будете в Тарусе. Почему в конце июля? У вас приемные экзамены? Не могли вас освободить?

Я очень устала от этого года, но больше психически, чем физически. Так я толстая и спокойная.

С делами еще полная неясность. Оптимисты верят в книгу, но ее опять под каким-то предлогом задержали. Правда, не надолго. Там будет видно — к осени.

Что еще? Ничего. Мне бы надо остаться в Пскове еще на год, но не знаю, что из этого выйдет.

Целую вас.

Н. М.

<Август 1964 г., Таруса>

Наташенька! А что если б вы написали, как вы доехали и как живете? Я сейчас одна — мои уехали. Буду жить у Поли¹ еще до конца сентября.

Целую вас.

Н. М.

¹ Стёпина Пелагея Фёдоровна (1904–1985), хозяйка дома в Тарусе, у которой жила Н. Я. Мандельштам.

23 сентября <1964 г., Таруса>

Наташенька! Спасибо вам за доброе письмо. Я рада, что вам понравилось у нас. Может, в будущем году вы решитесь приехать на больший срок. Очень досадно, что вы так мелькнули.

Я уже больше двух недель одна и отчаянно работаю. Устала голова — даже читать не могу.

Сегодня среда, кажется, 23-е. В пятницу переезжаю в оттеповский дом¹. Страшно боюсь зимы. Еще у меня такого не было. В сущности, я только у Поли чувствую себя дома. Вот как будто всё, что я способна написать. Устала. Очень хочу вас видеть...

Н. М.

¹ Оттен (Поташинский) Николай Давидович (1907–1983), писатель, кинодраматург, критик: был членом редколлегии сборника «Тарусские страницы».

7 октября [1964 г., Таруса]

7 октября

Наташенька! Очень забавно было бы, если бы воронежские стихи вышли в Воронеже. Я боюсь, что им не дадут издать книгу. Сопротивление низовое: разные прокофьевы не хотят уступать места и проявляют энергию...

Наследственное право числится 15 лет с реабилитации (такое вышло постановление), и оно у меня исчисляется с 57 по 72 год. Очень трудно решить вопрос о предисловии. Им бы лучше издать маленькую книжечку с «врезом» — редакционной заметкой биографического характера, без академического аппарата... Впрочем, об этом можно подумать... Заключат ли они со мной договор? Если будет что-нибудь реальное, я приеду. Без реального — вряд ли. Надо работать. Из-за этого я не еду в Москву и сижу в Тарусе. Сейчас я на 1-я Садовая, № 2 — до конца октября буду здесь. Затем недели на три в Москву для встречи с Анной Андреевной — и опять в Тарусу. Так я задумала свою зиму.

Когда вы думаете быть в Москве, чтобы второй мой приезд подогнать к вашему?

Я порвала так конверт, что уничтожился номер вашего телефона — напишите снова, я из Москвы позвоню. В начале ноября буду в Москве.

Теперь: пришел Оттен. Он умный. Я его ждала.

1) Нужно ли им собрать сборник? Если нужно, мы его составим. Но нужно знать, сколько они могут дать бумаги, т. е. строчек. Я бы издала маленькую книжку.

2) Какое им нужно предисловие:

а) от редакции	в) подписное	1) авторитетное
		2) обыкновенное
может написать Оттен		тоже
(без подписи)		может Оттен

Если «авторитетное» — он поищет, кого взять за бока.

Главное, пусть обдумают, какую книгу и сколько строк... Этот зависит от бумаги — что они могут дать и какой тираж. Хочет ли Немеровский участвовать в этом издании (составителем, предисловием)?

Напишите...

Всё это очень забавно.

Н. М.

7 ноября <1964 г., Москва>

7 ноября

Дорогая Наташа! Вчера вернулась из Ленинграда, где прожила 4 дня. У Анны Андреевны всё в порядке. Она едет в конце ноября за премией в Италию, а при мне получила телеграмму, что Оксфорд дал ей «доктора»¹. Это очень смешно: у нее будет мантия и она будет озорничать и хулиганить.

У меня никаких новостей, и я живу тихонько. Как будто это всё...

Книга будет у Вари. Она ее прочтет, и можно будет взять. Как я и думала, публикация стихов в Москве² не открыла никаких возможностей. Всё осталось как раньше. Это вызывает у меня легкую усталость, и всё...

Жаль, что вы не приехали на праздники. Я буду в Москве до конца ноября. Затем Таруса и опять весной Москва и Ленинград. Лето в Тарусе. Вот мой сложный путь. Устала я здорово.

Меня очень радует, что Анна развлекается и утешена на старости хоть лет. А со здешней книгой плохо. Похоже, что она разорвет договор, потому что рецензенты опять хотят сделать куцую книгу.

Пишу еще Марусе Ярцевой. Она прислала мне прелестное письмо, умное и доброе.

Н. М.

¹ В Италию для получения международной литературной премии «Этна-Таормина» Анна Ахматова отправилась 1 декабря 1964 г. А в начале ноября она получила телеграмму о присвоении ей звания доктора honoris causa Оксфордского университета.

² Речь идет о журнале «Москва» (1964, № 8), где были опубликованы воспоминания Н. К. Чуковского «Встречи с Мандельштамом» и подборка из восьми стихотворений поэта.

<Конец января – начало февраля 1965 г., Таруса>

Дорогая Наташа!

Сижу я в Тарусе и чуточку вожусь с текстологией. Оттена обуяла мысль купить мне квартиру. Почему-то я верю, что он этого добьется.

Из новостей самая главная у меня, что нашлись два валика с голосом О. М. (два стихотворения). Записывал когда-то Сергей Игн. Бернштейн, потом его выгнали из этой первой фонетической лаборатории: пластинки считались погибшими. Сейчас они нашлись. Еще неизвестно, в каком они виде. Через месяц обещают повертеть¹.

Жаль, что вы не смогли зимой приехать — здесь сейчас прелестно, хотя я мало гуляю и почти не чувствую радости зимы. Нас засыпает снегом.

Пишите мне...

До конца марта я здесь.

Н. М.

Привет вашему Шуре. Где он?

¹ Ср. в письме Н. Я. к С. М. Пускиной от 1 февраля 1965 г.: «Знаете, нашлись пластинки с Осиным голосом. Через месяц обещают прокрутить. Это лаборатория Сергея Игнатьевича Бернштейна, откуда его выгнали еще в 20-х годах. Записи считались погибшими и вдруг нашлись. Это главное событие в моей жизни» (МА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1). В 1920 г. в Институте истории искусств С. И. Бернштейн создал «Кабинет изучения художественной речи», где в течение десяти лет записывал на восковые валики голоса поэтов, в том числе Мандельштама. В 1930 г. во время очередной «чистки» Бернштейна уволили из Института, объявив его работу «научным шарлатанством», коллекцию насчитывавшую более семисот валиков под предлогом, что они являются «собственностью института», изъяли и сложили в сырой подвал, где они годами медленно и неуклонно разрушались. Сделанные Бернштейном записи голоса Мандельштама были восстановлены в 70-х гг. усилиями Л. А. Шилова и вошли в состав пластинки «Голоса, зазвучавшие вновь», выпущенной фирмой «Мелодия» в 1978 г., а впоследствии — в состав изданных Государственным литературным музеем компакт-кассеты (1995) и компакт-диска «Осип Мандельштам. Звучащий альманах» (2003). В настоящее время существуют в восстановленном виде записи десяти стихотворений поэта.

18 марта <1965 г., Москва>

18 марта

Наташенька! Передайте вашему Шуре благодарность за книжку¹. Это полезное чтение, по-моему. Кстати, сейчас очень читается по сходным причинам Плутарх².

У меня беда: у брата³ инфаркт. Он уже почти месяц в больнице. Я там торчу целыми днями и живу только этим.

Протекало всё очень тяжело, сейчас легче. О будущем думать боюсь.

Целую. Н. М.

Я у Шкловских (Лаврушинский, 17, кв. 47).

¹ По-видимому, речь идет о книге рассказов А. И. Немировского «Белая лань: исторические рассказы». Воронеж: Центрально-Черноземное книгоиздательство. 1964.

² Н. Я. Мандельштам имеет в виду переводы произведений Плутарха, выходявшие в 1963–1964 гг. в частности, «Сравнительные жизнеописания». Одним из переводчиков был С. С. Аверинцев, кандидатская диссертация которого была посвящена Плутарху и античной биографии (защищена в 1967 г.).

³ Хазин Евгений Яковлевич (1893–1974), литератор.

16 апреля <1965 г., Москва>

16 апреля

Наташенька! Пишу вам несколько слов — Женю в субботу должны перевезти домой. Это неожиданность. Думала, что он будет дома лишь к первому мая.

Приезжайте на май. Я вам отправлю книжку с Нем. и прошу привезти мне ее. Она мне еще нужна.

Ужасно всё у меня напряженно, трудно и безвыходно. Сил нет абсолютно.

Н. М.

10 <мая 1965 г., Москва>

10-го

Наташенька! Что вы молчите? Это не Николай Иванович нагрубил вам по телефону¹. Я сразу не сообразила: его легко узнать — он первые пять минут разговаривает как умирающий — еле подает голос. Вы просто набрали неправильно одну из цифр.

У нас всё ничего. Первого Женя уезжает с Леной в санаторий. Он взбесился: хочет в Графскую² и никуда больше. Вот как вы его соблазнили.

Крепко вас целую.

Н. М.

Привет Шуре... Он еще сердится? И Виктору...

¹ Речь идет о Н. И. Харджиеве (об эпизоде с телефонным звонком см. третье письмо Н. Я. Мандельштам к Н. Е. Штемпель от середины мая 1967 г.)

² Дачный поселок к северу от которой Воронежа, где на протяжении многих лет Н. Е. Штемпель снимала летом дачу (ул. Пионерская, 3), и в котором отдыхала также и семья А. И. Немировского.

<Середина мая 1965 г., Москва>

Наташенька! 13/V был вечер Оси в МГУ — на мех-мате. Председатель Эренбург. Выступали Коля Чуковский (дурень), Степанов, Тарковский, Шаламов. Народу масса... Всё отлично, хотя Чуковский и Тарковский несли чушь¹.

В журнале «Простор» (Алма-Ата) напечатана большая подборка Осиных стихов (Волк, Белому, 300 строк)². У меня журнала нет. Я пишу в редакцию.

Н. М.

К телефонному разговору Н. И.³ отношения не имеет. Я это не сразу сообразила.

¹ Подробно об этом вечере см.: 1965 год. Первый вечер Осипа Манделштама. Их архива Варлама Шаламова/Публикация И. П. Сиротинской // Грани. 2003. №205-206. Т. 1. С. 65-71.

² Простор. 1965. №5.

³ См. предыдущее письмо и примеч. 1 к нему.

<Конец мая – начало июня 1965 г., Москва>

Наташенька! На этот раз ною я — сил нет.. Я писала, что был вечер О. М. на мех-мате в МГУ.. Это было поучительное зрелище.

Алма-Ата напечатала 16 стихотворений (журнал «Простор»), но мне даже не ответила на письмо (о гонораре и 30 экземплярах журнала).

Как у вас? Сняли уже с плана¹? Ну их к... Женя едет 10 июня в санаторий, а потом вместе в Верею. Как туда еще добраться? Неизвестно...

Мне надо зимой работать, чтобы вернуть долг (1000 р.) — я взяла, чтобы заплатить за квартиру². Будет, говорят, осенью. Или зимой. Я не верю, что доживу. Устала.

Целую крепко.

Н. М.

Хорошо бы, если б что-нибудь вышло с Жениным Толстым³. Хоть такую радость под конец жизни.

Привет Шуре... Он еще злится? Надеюсь, что понял...

¹ Речь идет о проекте издания книги стихов Манделштама под редакцией А. И. Немировского в Воронежском областном издательстве. Он, будучи членом КПСС, обратился к секретарю Воронежского обкома КПСС по пропаганде В. П. Усачёву за поддержкой и содействием. Тот распорядился опубликовать подборку воронежских стихотворений Манделштама в местном журнале «Подъем» (том самом, где в 1935 г. увидели свет пять рецензий поэта — последние его прижизненные публикации). Публикация готовилась в отделе критики, которым заведовал Э. Я. Анчиполовский, и состоялась в первом номере журнала за 1966 г.

² Н. Я. Манделштам имеет в виду вступительный взнос в жилищный кооператив.

³ А. И. Немировский хлопотал и о публикации в «Подъеме» статьи Е. Я. Хазина о романе Л. Н. Толстого «Война и мир». Позднее Н. Я. опубликовала за свой счет в Париже следующую книгу: Хазин Е. Всё позволено. Размышления о творчестве Достоевского. Париж: YMCA-Press, 1972.

<Июнь – июль 1965 г., Верея>

Наташенька! Не огорчайтесь и скажите Шуре, что огорчаться не надо. Если бы вышло с журналом, я бы была рада. Еще более рада я была бы, если бы вышло что-нибудь с Женей. Ося не пропадет..

Жаль было бы Шуриной статьи — она очень хороша¹.

У меня очень острое положение с книгой статей². Там есть вещи, которых нигде нет, и они могут мне понадобиться... Хорошо бы осенью получить ее... Если вы не сможете летом приехать в Москву, а [я] не буду служить, чего, вероятно, не будет, т.к. я пока работы не достала, я приеду на несколько дней повидаться с вами в Воронеж. Хорошо?

Сейчас я в Верее, и письмо ваше получила в последнюю минуту перед отъездом. Мой адрес: Верея, Наро-Фоминского района, Моск[овской] обл., 1-я Спартакoвская, 20, Шевелевой, для меня.

Н. М.

Грустно, Наташенька...

¹ Речь идет о попытках А. И. Немировского опубликовать в журнале «Подъем» подборку стихотворений Мандельштама с собственной вступительной статьей и статью Е. Я. Хазина о творчестве Л. Н. Толстого (см. примеч. 1 и 3 к предыдущему письму).

² По-видимому, речь идет о книге О. Мандельштама «О поэзии» (1928). Предположительно, Н. Я. планировала издание книги критической прозы О. М. — замысел, который вскоре вылился в подготовку и отдельное издание «Разговора о Данте».

31 июля <1965 г., Верея>

31 июля

Наташенька!

Вам кланяются и Лена¹, и Женя. Верея у нас очень тихая, и я этому рада. После тарусского шума хорошо тихонько пожить хотя бы одно лето. Лена болеет — радикулит — и всё же варит обед. Я хожу на базар. Здесь нет Поли, которая нам всё в Тарусе делала. Женя еще очень слаб, но в общем ничего. Очень хотелось бы, чтобы вышел журнал с Осей и с Женей. Дай-то Бог! Но думаю, сейчас на это мало шансов. А всё же... вдруг..

Как будто у меня устраивается работа. Выяснится в конце августа.

Я сейчас много думаю о разных вещах, и хотелось бы с вами поговорить. Посмотрим, может, вырвусь, но уже в Воронеж, а не в Графскую. Вы ведь в Воронеже с 1-го сентября?

Книгу статей пока не посылайте, т. е. пока я не в Москве... Потом найдется с кем послать. Всегда находится...

Милый, я не могу решить или передумать насчет Воронежа. Я очень хочу съездить, и всё будет зависеть от моих обстоятельств. Женя, Лена, работа, квартира... Посмотрим.

Сердечный привет Шуре и Симе.

Целую вас крепко.

Н. М.

¹ Фрадкина Елена Михайловна (1902–1981), художница, жена Е. Я. Хазина.

17 августа <1965 г., Москва>

17 августа

Наташенька! Только несколько слов — я пишу и в Воронеж, и в Графскую. Я сейчас из Москвы, где провела неделю. Мы похоронили друга — Фриду Вигдорову¹. Она умерла от рака в возрасте 50 лет. Это была настоящая праведница, именно это. До последней минуты я не верила, что она умрет. Вернулась разбитая и измученная.

Приеду 25-го на несколько дней в Москву. Попробую устроиться на работу.

Целую крепко.

Н. М.

Привет Шуре и его семье.

¹ Вигорова Фрида Абрамовна (1915–1965), писательница, правозащитница; вела стенограмму судебного процесса по делу И. А. Бродского.

<Конец августа – начало сентября 1965 г., Верея>

Наташенька! Сообщите мне, что идет в воронежском журнале. Один из провинциальных журналов хочет печатать подборку. Если Воронеж откажется, хорошо бы напечатать Шурину статью перед подборкой в новом этом журнале. Как? Когда выяснится с «Прибой»¹? Надо им сказать, чтобы решали. Это даже полезно.

С квартирой как будто будет в конце сентября. Из Вереи я вернусь в середине сентября. К этому времени надо было бы знать, как «Прибой».

Н. М.

¹ Речь идет о публикации стихотворений Мандельштама в журнале «Подъем» (см. примеч. 1 к письму от конца мая–начала июня 1965 г.; «Прибой» — ленинградское издательство, с которым Мандельштам активно сотрудничал в 1920-е гг.).

5 сентября <1965 г., Москва>

5 сентября

Наташенька! Я только приехала в Москву, умирая от усталости. Навалилась куча дел.

Рада статье¹, но только Шкловский никогда не писал О. М. ... Было только одно идиотское письмо уже в Саматиху: упрекал, что О. М., как солдат, бережет свою единственную ногу. Стоит ли? О. М. был в отчаянии — единственный человек в литературе — и получайте...

Целую вас крепко.

Пишите.

Н. М.

Привет Шуре.

¹ Речь идет о предисловии А. И. Немировского к публикации стихотворений Мандельштама в журнале «Прибой».

22 сентября <1965 г., Москва>

22 сентября

Наташенька! Жизнь грустная. Сейчас жду квартиры — дом принимает комиссия. И грущу. Не сплю. Нервы... Старость? Не знаю. Может, излишняя молодость.

Вы мне не ответили на последнее письмо, но думаю, что оно сейчас не актуально.

Мне нужно было бы получить книги. Как это сделать? Я должна сидеть сиднем в Москве, потому что квартира... Будет много возни.

Целую, Надя.

Привет Шуре. Когда он будет в Москве?

<Начало ноября 1965 г., Москва>

Наташенька! Я занята переездом в квартиру — выписываюсь, прописываюсь, получаю арматуру...

Будете ли вы здесь на праздники? Очень бы хотелось. Могли бы спрятаться от всех у меня.

Скажите Шуре, что есть простой предлог, чтобы напечатать статью Жени: «Война и мир» начала печататься в 1865 году (№ 1 «Русский вестник»). Итого, ровно столетие... Мило?

Напишите. Пишите пока на Шкловских.

Н. М.

15 ноября <1965 г., Верея>

15 ноября

Наташенька! От вас опять ничего нет. Как здоровье? Что с этим рожистым воспалением? У меня было на груди. Это тяжелая штука.

Но груди всё же место отдельное — не нога... Я ездила в Москву по-видать брата. Он в больнице (инфаркт). У меня перехватывает горло, когда я о нем пишу.

Целую вас.

Надя

20 ноября <1965 г., Москва>

20 ноября

Наташа! Пора написать хоть два слова. Мой адрес: Москва, М-447. Большая Черемушкинская, 50, корп. 1, кв. 4. Был ли Неме-ровский на праздники в Москве? Он мне обещал привезти книгу...

Н. М.

<Начало декабря 1965 г., Москва>

Наташенька! Вы молчите, а я очень хочу, чтобы вы отозвались.

Новая квартира — это очень странно. Реальности в этом ника-кой. Мой адрес: Москва, М-447. Большая Черемушкинская, № 50, корп. 1, кв. 4.

Н. М.

Привет Шуре... Был он в Москве?

<Начало декабря 1965 г., Москва>

Наташа! Что с вами? Опять нет ответа...

Н. М.

10 декабря <1965 г., Москва>

10 декабря

Наташенька! Что случилось с вами? Отчего ни одного слова? Я очень беспокоюсь. Напишите, ради Бога. Мой адрес: Москва-447, Большая Черемушкинская, № 50, корп. 1, кв. 4.

Я еще не верю в реальность своего дома и жилья.

Н. М.

25 декабря <1965 г., Москва>

25 декабря

Наташенька! Что случилось, что от вас ни слова? Я очень бес-покоюсь, что от вас ничего нет. Напишите хоть словечко или по-просите Шуру. Сама я сейчас полеживаю: плохая кардиограмма... Я всегда говорила, что к врачам ходить не надо. Из всех предписа-ний я выполнила одно — стараюсь не уставать и не выхожу до 6-го, когда будет новая кард[иограмма] ...

Видимо, я сильно обидела Марусю, сказав, что ее ульяновская подруга стерва. Она была оплотом и героем института в очень труд-

ные дни, когда меня выгоняли (февраль 53 год)¹. Ко мне она отношения не имела, но к другим... Маруся наивна как дитя... Ну ее.

Как вы себя чувствуете?

Когда соберетесь в Москву?

Мы уже в таком состоянии, что даже в Москве я очень редко вижу и брата, и Василису. Нет сил.

Целую вас.

Н. М.

Напишите.

М-447, Большая Черемушкинская, 50, корп. 1, кв. 4 (на случай, если вы забыли мой адрес).

Отзовитесь!

¹ В кампании по выживанию Н. Я. из Ульяновского пединститута вместе с Глуховым и проректором Тюфяковым участвовала Маковская (сообщено Р. Г. Баранцевым).

<Конец декабря 1965 г., Москва>

Наташенька! Спасибо за письмо и обложку. Первого письма я не получила и очень беспокоилась. Приехать я не могу: я так устала от бездомности, что не только что ездить, — выходить из дому не хочу. Психологически не могу. Даже у А. А., которая лежит в больнице уже больше месяца, я почти не бываю — из меня «выходит» усталость.

У меня к вам просьба (и это важно) — как можно скорее сообщите мне, что идет из стихов в «Прибое». Один московский журнал¹ в январе пошлет в цензуру (начало января) — надо, чтобы стихи не повторялись. Не откладывайте, сделайте это сразу.

Я очень жду вас. У меня можно остановиться, и это не очень далеко от Жени.

Целую. Н. М.

¹ О каком именно московском журнале идет речь, установить не удалось. Н. Я. Мандельштам, возможно, имеет в виду журнал «Литературная Армения», где в январском номере (т. е. одновременно с журналом «Подъем») вышел цикл стихотворений Мандельштама «Армения», а еще вероятней — алма-атинский «Простор» или тбилисскую «Литературную Грузию», где готовились новые публикации поздних стихов поэта (вышли, соответственно, в ноябре 1966 и феврале 1967 г.).

<Конец декабря 1965 г., Москва>

Наташенька! Получила ваше письмо. Спасибо.

С Новым годом!

Скажите Шуре, чтобы потерпел. Сволочные бабы в конце концов будут изъяты. Это всегда так кончается. Немного (только полгода) потерпеть. Хуже с детьми. Как они?

Целую Вас. Привет Виктору и Таням.

Н. М.

3 января <1966 г., Москва>

3 января

Наташенька! Получили ли вы мое письмо с просьбой прислать список стихов, печатающихся в «Прибое»? Откликнитесь... Когда вы приедете?

Н. М.

Может, остановитесь у меня? Но только если вам это удобно. Забыла, что Новый год...¹

Поздравляю.

¹ Новый 1966 год — первый в московской квартире — Н. Я. Мандельштам встретила вместе с В. Т. Шаламовым, В. М. Борисовым, В. М. и Ю. М. Живовыми (сообщено Ю. М. Живовой).

10 января <1966 г., Москва>

10 января

Наташенька! Как здоровье? Вы в прошлом письме писали, что упали...

Что мне делать со стихами? Мне надо обязательно знать, что идет... Скоро ли выйдет ваш номер? Не забудете ли вы прислать мне десяток экземпляров?

Напишите.

Н. М.

Приедете ли вы в Москву? Я вас очень жду.

<После 10 января 1966 г., Москва>

Наташенька! Вы знаете, вы всем понравились у меня и все про вас спрашивают... Я вас обещаю на май...

Неужели стихи выйдут? Хорошо бы... Когда?

Можете купить мне 30 экземпляров и прислать?

Хоть бы скорее...

У нас очень грустно.

Н. М.

Будет ли Шура в Москве? Хоть бы зашел.

<Начало февраля 1966 г., Москва>

Наташа! Меня очень огорчает, что вы не пишете. С вами это случается. Но ведь может случиться и другое. Неужели вы не можете хотя бы опустить открытку, что с вами? Ведь вы не одна. Кто-то может сделать это за вас. Ради Бога, напишите. Вот всем у меня вы

очень нравиться, а я одна сержусь: не пишете, а они об этом и не подозревают.

Н. М.

11 февраля <1966 г., Москва>

11 февраля

Наташенька! Я уже который день собираюсь вам ответить, но просто нет сил.

Очень будет мило, если стихи выйдут, но меня огорчает сокращение статьи...¹ Обидно... Может, потребовать, чтобы они не печатали стихов без полной статьи?

Чего-то я устала. Лежу. Через час поеду к Анне Андреевне. Она еще в больнице².

Очень хочется вас видеть. Все, кто вас видел, спрашивают о вас. Вы очень всем понравились — изяществом, красотой, прелестью и еще массой достоинств. Словом, полный успех, чему я рада. Приезжайте скорее ко мне. Все мои друзья будут вам рады, не только я. А я — очень.

Целую.

Н. М.

Привет Шуру и Виктору с семьей. Что Виктор говорит про меня? Я очень заинтересована...³

¹ Предисловие А. И. Немировского к публикации воронежских стихотворений в журнале «Подъем» (1966. № 1. С. 91–93) было сокращено цензором уже в гранках под тем предлогом, что «нельзя писать о Мандельштаме как о Пушкине». Действительно, сравнение печатного текста с гранками более ранней редакции (РГАЛИ, архив А. И. Немировского; не обработан), показывает, что сокращения касаются в основном бытовых подробностей жизни О. М. в Воронеже, рассказанных автору Н. Е. Штемпель. Практически все они впоследствии нашли свое отражение в ее собственных воспоминаниях.

² Анна Ахматова в тяжелом состоянии была помещена в Боткинскую больницу 10 ноября 1965 г.

³ Речь идет об отзыве В. Е. Штемпеля о «Воспоминаниях» Н. Я. Мандельштам, машинопись которых ему давала прочитать Н. Е. Штемпель.

<Середина марта 1966 г., Москва>

Наташенька! У меня нет сил писать. Я хоронила Анну Андреевну в Ленинграде¹. Вы сами знаете, как мы с ней связаны. Вернулась я одиннадцатого и еще не опомнилась.

Публикация чудесная². Опечатки есть.

Пришлите мне 30 экземпляров. Крепко вас целую и благодарю и вас и Шуру. Очень хочу вас видеть.

Н. М.

¹ Похороны Анны Ахматовой, которая скончалась 5 марта 1966 г., состоялись 10 марта в Комарове.

² Речь идет о подборке воронежских стихов Мандельштама в журнале «Подъем» (1966. № 1).

16 марта <1966 г., Москва>

16 марта

Наташенька!

Приезжайте как можно скорее — я очень хочу вас видеть — можно к 1-му, можно в начале апреля, а можно и раньше. Только предупредите. Я пока буду сидеть здесь. Жду с нетерпением. Главное — предупредите. Я целыми днями пишу и сейчас [не] писать не могу (об А. А.)¹. Кажется, выходит.

Н. М.

¹ Речь идет о воспоминаниях об Анне Ахматовой (см. в кн.: Мандельштам Н. Об Ахматовой. — М.: Новое издательство, 2007. С. 117-214).

26 марта [1966 г., Москва]

26 марта

Наташенька! Спасибо за книги. Я сейчас не могу ни писать, ни жить.

Почему я должна благодарить редактора? До сих пор они благодарили меня. Впрочем, могу поблагодарить, только Женя забыл его имя¹.

Получили ли вы документы — справку о реабилитации и наследственные права? Денег пока нет, хотелось бы знать, когда они пошлют? ² — я на полной мели. А мне нужно в Ленинград.

Приедете ли вы ко мне на май?

Привет Шуре.

Подборка стихов отличная, и статья вполне хороша. Спасибо скажите Шуре.

Н. М.

¹ Главным редактором журнала «Подъем», в котором была напечатана подборка воронежских стихов Мандельштама (1966. № 1), был Фёдор Сергеевич Волохов (1912-1990).

² Здесь и в следующих письмах речь идет о гонораре за упомянутую публикацию.

<Конец марта 1966 г., Москва>

Наташенька! Приезжайте — очень по вас скучаю. Скорее!

Сообщите телеграммой, когда вас ждать.

Я вас не встречу: отсюда утром не выбраться. Берите такси — и ко мне.

Мне есть что вам показать¹.

Н. М.

¹ Речь идет, по-видимому, о воспоминаниях об Анне Ахматовой, над которыми Н. Я. Мандельштам в то время работала.

<Конец марта 1966 г., Москва>

Наташенька! Ради бога, сообщите, когда вы приедете. Я в диком виде и очень хочу вас видеть. Получили вы мое прошлое письмо в ответ на то, где вы писали, что можете приехать к 1-му апрелю.

Н. М.

<Начало апреля 1966 г., Москва>

Наташенька, голубчик! Утешать не надо — утешений нет. С Анной Андреевной связана у меня вся жизнь, и трудно без нее. Главное — не ждали. Ее увезли в больницу умирающую, и там ей стало хорошо. Умерла она внезапно, на второй день после приезда в санаторий, когда уже настроилась не на смерть, а на жизнь.

Я должна была вторично ехать в Ленинград, но раздумала.

Вкладываю вам записочку редактору¹.

Денег нет. Может, перепутали адрес?

Все-таки узнайте, позвоните...

Шуре и Виктору привет.

Н. М.

Очень бы хотелось вас видеть. Когда вы приедете?

Я не убирала месяц. Сегодня уберу.

¹ Речь идет о благодарственной записке Ф. С. Волохову (см. письмо Н. Я. Мандельштам Н. Е. Штемпель от 26 марта 1966 г.).

<Начало апреля 1966 г., Москва>

Наташенька!

Я ночью после отъезда в первый раз перечитала всё. Никому не показывайте вторую главу¹. Она вся глупо сделана. Ее нужно переделать.

Н. М.

¹ Речь идет, по-видимому, о ранней редакции второй главы воспоминаний об Анне Ахматовой, машинопись которых Н. Я. Мандельштам подарила Н. Е. Штемпель (см. в кн.: Мандельштам Н. Об Ахматовой. — М.: Новое издательство, 2007. С. 144–187).

<7 апреля 1966 г. >

Наташенька! Слухи о книге ходят упорно уже десять лет. А книги нет. Я о слухах слышала, но оснований им не вижу.

Очень устала. Женя и Лена на 24 дня в санатории. Это хорошо.

Денег не получила. Это почти смешно. Получили мое прошлое письмо?

В Одессе в комс[омольской] газете «Куда мне деться в этом январе»¹.

Очень хочется вас видеть.

Я сама себя не узнаю. Никуда не выхожу. Стараюсь не выходить даже в лавку.

Целую.

Надя

Приедете ли вы на май? Вы скроете свой приезд от кузин и подруг? Да?

Сегодня Пасха. Я еду к Василисе.

¹ Речь идет о публикации от в газете «Комсомольска искра» (1966. 6 марта) трех стихотворений Мандельштама: «Вооруженный зрением узких ос...», «На мертвых ресницах Исакий замерз...» и «Куда мне деться в этом январе?...». Еще одна публикация стихов Мандельштама в этой газете состоялась 21 мая 1967 г. Материалы для обеих публикаций и разрешение на их печатание получил у Н. Я. Мандельштам журналист газеты и автор вступительных заметок к ним Е. М. Голубовский.

18 апреля <1966 г., Москва>

18 апреля

Наташенька! Письмо получила. Спасибо, что сходили к бухгалтеру. Пусть хоть сейчас пошлют — свинство, конечно. Кстати, я неожиданно получила десятку из... Архангельска. Что они там напечатали (в газете)?¹

Я очень хочу, чтобы вы приехали на май. Да? Но мне хотелось бы знать, как вы решите, иначе я удеру в Тарусу на эти два дня (чего мне вообще не хочется). Приезжайте... И напишите, как вы решили.

Н. М.

¹ Публикация произведений Мандельштама в архангельской периодике не установлена. Н. Я. Мандельштам имеет в виду публикацию стихотворений поэта в одесской газете «Комсомольска искра».

22 апреля <1966 г., Москва>

22 апреля

Наташенька! Эти черти денег все-таки не прислали. Ну не скоты ли?

Приедете ли вы на 1-е мая?

Очень хочу вас видеть.

Н. М.

Что мне с ними делать? Не в суд же подавать из-за этих грошей. Во всяком случае, книгу им не дам. При таком отношении нельзя.

<Между 22 и 25 апреля 1966 г., Москва>

Наташенька! Вчера послала вам телеграмму, что жду. 26-го приберу. Сегодня некогда
Они денег не прислали.
Просто скоты.

Н. М.

<Конец октября — начало ноября 1966 г., Москва>

Наташенька!

Приедете ли вы на праздники? Если нет, поручите Шуре взять у меня книгу.

Сейчас выставка Фалька¹, но к праздникам она закроется.

Я, кажется, выгляжу хорошо, но безумно устала.

Хочу очень вас видеть. Только скройте от других, что вы приехали, а то я вас опять не увижу.

Н. М.

¹ Выставка Р. Р. Фалька открылась 22 октября 1966 г. Дружеские отношения с художником установились у Н. Я. Мандельштам еще в Ташкенте. В его архиве сохранилось несколько ее писем, в том числе письмо от 7 июня 1958 г. — отзыв о его творчестве (РГАЛИ. Ф. 3018. Оп. 1. Ед. Хр. 177).

16 января <1967 г., Москва>

16 января

Наташенька! Пишу вам в день рождения О. М. ... Новостей у меня нет. Я выздоровела, но мало выхожу из-за морозов — срывается дыхание. Женя сидит дома. Ему нельзя выходить после 10°... Как вы? Но вы еще молоденькая — в вашем возрасте и я прыгала.

Очень много работаю над второй книгой. Она будет не хуже первой. Ту — летнюю — надо в печку... Книга стихов как будто выйдет. Харджиев наделал в ней бед. Он, конечно, просто маниак и безумец. Но пусть выйдет хоть такая.

Приедете ли вы? Я по вас всегда скучаю. Целую.

Н. М.

Привет Шуре. Он очень милый, а застал меня в диком виде — в работе...

5 февраля <1967 г., Москва>

Наташа! Вы опять молчите. Это нехорошо.

Тут у меня много разного, и я в полном упадке. Нет сил думать, говорить, писать...

Выходит «Разговор о Данте»¹, но меня и это не веселит.

Н. М.

5 февраля

¹ Книга Мандельштама «Разговор о Данте» была подписана к печати 10 января 1967 г. и вышла в свет в мае 1967 г. (Книжная летопись. 1967. №24).

7 февраля <1967 г., Москва>

7 февраля

Дорогая Наташенька!

Вы журчите ручейком и всё жалуется... Ничего, попадья, как-нибудь до самой могилы доплетемся¹. Вот мое единственное утешение.

У меня мало радости и много горя. Утешительно сердце, которое я лечу папиросами. Вот и всё о себе.

Вас я всегда любила и люблю. Письма ваши не пропадали: вы просто не заметили, что последнее было написано месяца три назад, а на мое вы не ответили.

Кто это Саша, про которого вы спрашиваете, заходил ли он ко мне? Может, мой Саша? Он заходит. «Разговор», вероятно, выйдет. Один видный представитель Союза писателей, когда обсуждались под крик толпы ее похороны, сказал: «Мертвых нам бояться не надо»²

Может, учтут, что со смерти О. М. прошло почти 30 лет..

А мне теперь всё безразлично. Кроме денег.

Когда мы увидимся? Я думала, что прощаюсь с Ленинградом, а придется поехать еще раз. Не хочу...

Н. М.

Целую вас крепко. Будьте молодцом. Привет Немеровскому. Статья, очевидно, та, что вы мне прислали.

¹ Слова протопопы Аввакума, которые Н. Я. Мандельштам цитирует в своих мемуарах: «Сколько нам еще идти, протопоп?», — спросила изнемогающая жена. «До самой могилы, попадья», — ответил муж, и она встала и пошла дальше» (Мандельштам Н. Воспоминания. М.: Согласие. 1999. С. 69).

² Речь идет о похоронах Анны Ахматовой.

<Начало марта 1967 г., Москва>

Дорогая Наташа!

Спасибо за доброе письмо. Сейчас я со дня на день жду вызова в Ленинград. Нашелся человек, который может уточнить дату смерти. Если до 5-го я не получу известия, что он на месте, я отложу отъезд. (5-го из Ленинграда должен приехать Гладков¹; он ищет адрес.)

Очень хочу вас видеть. Как это ни странно, но я сдала именно сейчас, когда в общем всё сносно. Но по мне этого не видно.

Не забывают меня. Пишите.

Н. М.

Привет Шуру.

Обязательно приезжайте, только уточним срок при следующем обмене письмами. Это выяснится, когда придет Гладков.

Н. М.

¹ Гладков Александр Константинович (1912–1976), драматург, писатель, мемуарист: поддерживал дружеские отношения с Н. Я. Мандельштам и состоял с ней в переписке.

3 марта [1967 г., Москва]

3 марта

Наташенька! Я постараюсь устроить так, чтобы в Ленинграде всё узнали без меня. Но на тот случай, если вы приедете, спешно отвечайте. Очень хочу вас видеть.

Н. М.

<Весна 1967 г., Москва>

Наташенька! Это Вика¹ — вы ее любите, она мне друг. В Воронеже она будет два дня.

Я замотана и умучена. У Ленки выставка. Не собираетесь ли вы в Москву. Очень по вас скучаю.

Надежда М.

Была у меня Маруся Ярцева. Она очень милая, но я была как мокрая тряпка. В ней есть что-то трогательное. Правда? Шура молодец — это про статью.

Но Шкловский никогда не писал О. М. ... Не то время...

«Разговор о Данте» в типографии.

¹ Швейцер Виктория Александровна (р. 1932), литературовед, исследователь творчества О. Э. Мандельштама и М. И. Цветаевой; в настоящее время живет в США.

<Весна 1967 г., Москва>

Наташенька! Я только что вернулась из Ленинграда. Видела там статью Шуры. Хорошо бы ее прислать.

Гинзбург¹ пишет новое предисловие к изданию стихов — первый класс. Скоро выходит «Разговор о Данте». Что-то шевельнулось. Я жива, но не больше.

Напишите мне адрес Маруси Ярцевой. Она была проездом. Что с ней? Уж не больна ли она?

Целую вас.

Н. М.

¹ Гинзбург Лидия Яковлевна (1902–1990), прозаик, мемуарист, историк и теоретик литературы. Первый вариант вступительной статьи к сборнику стихотворений Мандельштама в Большой серии «Библиотеки поэта» был А. В. Македонов (1909–1994).

<Начало мая 1967 г., Москва>

Наташенька! Спасибо за журнал. Дима хочет приехать, но еще не достал денег. Оля¹ оставила вам платочек, сделанный из воздуха. Она сказала, что вы lady-like, т. е. похожи на лэди, и значит, платочек для вас. Я его дала Диме² на случай, если он поедет. Если нет, пришлите за ним того, кто поедет в Воронеж.

Целую вас.

Н. М.

II том вышел³. Скоро выйдут тираж «Разговора».

¹ Карлайль (Carlisle; урожд. Андреева) Ольга Вадимовна (р. 1930), писательница, художница: поддерживала тесные дружеские отношения с Н. Я. Мандельштам.

² В. М. Борисов.

³ Речь идет о втором томе Собрания сочинений О. Э. Мандельштама (Вашингтон, 1966) под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова.

<Середина мая 1967 г., Москва>

Наташенька! Получили вы по почте шарфик, который оставила Оля? Очень хороший. Она сказала, что вы «лэди» и вам нужен такой шарфик.

Целую.

Н. М.

Много работаю.

Есть II том.

<Середина мая 1967 г., Москва>

Наташенька! Вы опять не пишете, и я беспокоюсь.

Получили ли вы платочек? Его послал Дима. Это вам от Оли.

Здоровы ли вы или это просто экзамены. Напишите хоть два слова...

Я работаю, и это очень растет. Какие у вас планы? Очень по вас скучаю. Эти несколько дней, что вы у меня были, как большая радость. Крепко вас целую.

Надя

<Середина мая 1967 г., Москва>

Наташа, дружок! Я уже беспокоилась, что вы молчите. Просила Диму позвонить, но тут пришло письмо. Чего-то я устаю, очень много работаю. После первого бешенства всегда идет медленная и трудная работа. К концу июня поеду в Верею. Когда вы думаете быть в Москве?

Видно, у меня конец отношений с Харджиевым. Жаль, но ничего не поделаешь. Я забрала у него стихи (рукописи). Они лежали у него 11 лет.. Отдал он их спокойно, но сейчас работает его психопатический аппарат, развивая ненависть. С этим ничего не поделаешь. Вспомните, как вы с ним говорили по телефону¹. Потом я узнала: он принял вас за... свою сестру. Он, разумеется, говорил, что это был не он, что вы не туда попали... И я случайно узнала, что так он разговаривает со своей сестрой. Бог с ним...

Женя и Лена вернулись из санатория. Они в хорошем виде, но Лена, как всегда, очень нервна.

Со стороны Оли, правда, это было мило: вы ей очень понравились — настоящая лэди... Я рада, что и она показалась вам милой. Я ее люблю.

Крепко вас целую.

Ваш приезд был для меня огромной радостью. Я и сейчас хочу еще раз вас за него поблагодарить.

Ваша Н. М.

«Разговор о Данте» не вышел. Тираж давно готов. Это сейчас по всей линии. Посмотрим, как будет. Если Шура будет в Москве, хорошо бы, чтобы зашел.

Н. М.

Книгу (2 кн[иги]) пошлем по правильному адресу — не беспокойтесь.

¹ См. письмо Н. Я. Мандельштам Н. Е. Штемпель от 10 мая 1965 г.

<Конец июня 1967 г., Москва>

Наташенька! У меня есть для вас книга¹, которую, боюсь, забрет Шура. Я пробовала звонить Иосифу Исааковичу², чтобы он ее взял, но никто не отвечает... Может, переменится номер. Я уезжаю к 1-му. Кто-нибудь зайдет за ней?

Н. М.

¹ См. примеч. 3 к письму Н. Я. Мандельштам от начала мая 1967 г.

² Немировский Иосиф Исаакович (1888-1976), отец А. И. Немировского.

17 июля <1967 г., Верея>

17 июля

Наташенька! Как вы? Что вы? Я очень по вас скучаю. Отзовитесь...

Сию в Верее (Моск[овская] обл., Наро-фом[инский] р-н, Спартаковская, 20, Шевелевым, для меня). Очень хочу знать, как Виктор, как Шура... Получили ли вы книгу? За ней заходил чудный старик

Иосиф Исакович... Отдали Шуре? Напишите, Наташенька... Собираетесь ли вы приехать?

Н. М.

[23 июля 1967 г., Верея]

МОСКВА СЕРЕБРЯНЫЙ БОР ТАМАНСКАЯ 101 КВ. 5 БРАГАНЦЕВОЙ ШТЕМПЕЛЬ
ВЕРЕИ НРФ 3402023 0850 ЗНС
РАДЫ ПРИЕЗЖАЙТЕ ПРЯМОЙ АВТОБУС ТИШИНСКИЙ БИЛЕТЫ ЗАРАНЕЕ ЖДЕМ ЖЕНЯ ЛЕНА НАДЯ

<Начало августа 1967 г., Верея>

Наташенька! Вырвалась выкупаться в город и спешу вам ответить.

Мы все скучаем по вас. Не забывайте нас за своими экзаменационными делами. Пишите. Я усталая, Ленку это сердит. Она как буря, но ничего. От ее бури моя усталость только хуже. Что поделаешь?

Моя мечта: чтобы вы поскорее приехали «тенью», скрывшись от Иры¹ и от всех. Чтобы мы тихонько с вами пожили несколько дней вдвоем. Что если это можно? Постарайтесь, дружок. Пока не поздно, и я еще хоть и нудно, но всё же ворочаю губами.

Привет всем, т. е. Виктору с Танями и Шуре. Целую крепко.

Н. М.

¹ И. М. Семенко.

17 августа <1967 г., Москва или Верея>

17 августа

Наташенька! Вы уже, наверное, скоро вернетесь в Воронеж. Я по вас всегда скучаю.

Сейчас я в бешенстве на Харджиева. Еще больше, чем раньше, потому что вникаю глубже в то, что он наделал. Скотина, каких мало. Борьба произойдет, когда я вернусь. Худо дело. Мне понадобится ваша помощь. Такая: два-три письма на мое имя, что вы знали такое-то или такое-то стихотворение...

Он обрезал листок с «Нищенкой»¹ (отрезал первую строфу). Зачем? Наверное, мне на пакость — чтобы напечатать без нее на формальных основаниях: нет рукописи. Доказать, что он отрезал, очень просто. Есть другие листки такого же вида, но больше... на строфу. Гад. Он не стихи любит, он свое редакторство любит.

Как Шура? Как жизнь? Ох, как я по вас скучаю.

Ваша Н. М.

¹ Стихотворение Мандельштама «Еще не умер ты. Еще ты не один...», в первой строфе которого речь идет о Н. Я. Мандельштам: в издании, подготовленном Н. И. Харджиевым, оно напечатано в полном виде.

<Сентябрь 1967 г., Москва>

Наташенька дорогая! Вы мне не ответили на письмо, хотя оно было настолько дикое, что отвечать, в сущности, было не на что. Я даже забеспокоилась, что с вами: позвонила Иосифу Исааковичу... Он сказал, что недавно был в Воронеже и там всё в порядке.

Мои дела с Харджиевым такие: он врет так, что попадаетея на каждом шагу. Я ему сказала, что узнала, как он врет, когда он убеждал меня, будто это не он разразился матом по телефону, — помните, как он вас ошарашил? А мне он говорил: «Надя, это не я, вы же знаете меня...» И голос звучал правдиво. На этот раз он признался, что это был он, но... он принял вас за соседку...

Конечно, он психопат, маниак и вор. Мне стыдно, что я доверила ему рукописи. У меня была мысль жаловаться на него в Комиссию по наследству (все почти вышли из строя — Женя (мой брат) — 2 инфаркта, сейчас болен; Ильи нет, Анны нет... Есть Сурков... и сам Харджиев).

Пришла Эмма Герштейн — и уговорила меня махнуть рукой, чтобы не навлекать нового позора на наше поколение, на последних представителей этого злосчастного круга. Кажется, она права.

У меня к вам такой конкретный вопрос: были ли у вас маленькие листочки со стихами (писавшимися в ту зиму) моей рукой с да-той Осинной рукой? Он мне не вернул ни одного. Сам он притворяется невинным... Сам он и все мы скоро умрем; всё равно всё будет в архивах. Но это воровство для меня страшное предательство... На что он посягнул...

Напишите мне. Я беспокоюсь, что вы молчите.

Н. М.

Москва, М-447. Б. Черемушкинская, 50, корп. 1, кв. 4.

Привет Шуре.

Речь идет об Илье Григорьевиче Эренбурге (1891–1967), который был членом Комиссии по литературному наследию О. Э. Мандельштама.

См. письмо Н. Я. Мандельштам от начала ноября 1967 г. и примеч. 3 к нему.

<Сентябрь 1967 г., Москва>

Наташенька, спасибо за письмо. Я очень хочу, чтобы вы приехали. Когда это возможно? Устала я предельно и мрачна. Перебираю все свои ошибки за всю жизнь, и они чуть не задавили меня. К чему бы это? Отзовитесь.

Спасибо Шуре за письмо.

<Сентябрь 1967 г., Москва>

Наташенька дружок!

Что-то я опять злая и мрачная. Так славно было повидать вас в Москве, а сейчас вы влезли в работу, а я во всякую чушь. Мне трудно и мутно.

Ник. Ив. сказала, что стребую у него остатки. Он был краток. Но требует сказать, что... Я пока не говорю... Не забывайте меня. Пишите.

Н. М.

Не очень я здорова... Не то чтобы больна, а так...

10 октября <1967 г., Москва>

10 октября

Наташенька! Я замотана и замучена — главным образом Леной. Болен Женя. Сердце и сосуды. Может, врач ему сегодня разрешит встать. А у Лены выставка. Первая в жизни персональная. Разрывается и она, и я.

Что у вас? Книгу я надеюсь для вас получить. Он ждет возможности достать ее и отправить.

Устала. Вот жизнь. Не забывайте. Пишите хоть записочки.

Н. М.

<Начало ноября 1967 г., Москва >

Наташа дорогая! От вас опять нет писем, и я беспокоюсь. Хоть бы вы когда-нибудь звонили моему брату, чтобы я знала, что с вами.

У меня ничего нового. Книга в Ленинграде постепенно движется. Возможно, в будущем году выйдет. Зато с Харджиевым полный разрыв. Я потребовала, чтобы он мне вернул то, что он оставил у себя, но он врал честнейшим голосом и ничего больше не вернул. Какие там конверты? Никаких конвертов не видел...¹ И многое другое. Например: найденное мной стихотворение «Нет, не мигрень» он будто бы уничтожил — ведь это не автограф...² Он не вернул мне ни одного листочка из второй и третьей воронежской тетради О. М., где была дата рукой О. М. (кроме двух — вашим почерком)³. Оказался сволочью полной. Разговаривал он со мной по телефону неслышанно правдивым голосом. Такой правдивый голос я слышала в тот день, когда я спрашивала его, что означала его брань по телефону, когда вы ему позвонили.⁴

Я проклинаю себя за то, что отдала ему архив, но, вспоминая прошлое, понимаю, что ничего другого сделать не могла. Ведь я жила

чорт знает где, бумаги хранились в доме, где Харджиева не переносили, он сел за работу и т. п. ...

О ряде спорных вещей мне придется прибегнуть к вашему свидетельству. Первое: напишите на имя Ирины Михайловны Семенко то, что вы написали Диме⁵ (я боюсь, что от Димы скоро останется одна тень и он выбудет из всякой работы — из-за жены... там очень плохо), а именно, что О. М. говорил о списках моей рукой.

Второе: напишите мне о своем разговоре по телефону с Харджиевым.

Третье: это будет относиться к порядку следования стихов и т. п. вещам. Мне изредка нужно будет ваше свидетельство, чтобы подкрепить мои заявления. Это относится не к этому изданию, а к будущему. Я сейчас сижу над текстологическим комментарием. Чтобы всю чушь, которую наделал Харджиев, снять и убрать, надо дать серьезные объяснения...⁶

Сейчас произошли некоторые изменения: Харджиев прислал мне два черновика: оба 37-го года. Он сказал, что Лина⁷ дала ему посмотреть письмо Сергея Бор. из Воронежа; и это там он нашел стихи 37 года... Ложь всегда выявляется в связях времени и пространства, как говорила Анна Андреевна. Рудакова в 37 году уже давно в Воронеже не было, следовательно, он не мог стащить черновик и послать его Лине. Столь же мало шансов, что он положил один черновик, полученный у меня, в конверт. Следовательно, Харджиев получил этот черновик либо от меня, либо другим способом, и лжет направо. А может, верит своей лжи? Кто его знает. Хорошо, что почти всё у меня, но какое-то «почти» осталось у него... Наташенька, пишите. Не забывайте.

Я сделала перерыв в письме, потому что заболел Женя. Пока ничего особенного — но очень страшно: возраст. И еще: Е. М.⁸ отлично за ним ухаживает, но она совсем сумасшедшая. Клинически...

Сейчас у Жени был легкий спазм... Он лежит...

¹ Речь идет о шуточных стихотворениях Мандельштама, которые Н. Е. Штемпель упоминает в своих воспоминаниях «Мандельштам в Воронеже»; в настоящее время находятся в АМ.

² Стихотворение Мандельштама «— Нет, не мигрень, — но подай карандашик ментоловый...», список которого Н. Я. Мандельштам обнаружила в так называемом «альбоме Эренбурга», в настоящее время там действительно отсутствует.

³ В настоящее время в составе указанных тетрадей имеется целый ряд авторизованных списков воронежских стихотворений Мандельштама.

⁴ См письмо Н. Я. Мандельштам от 10 мая 1965 г. и примеч. 1 к нему.

⁵ См. письмо Н. Е. Штемпель В. М. Борисову от 25 июля 1967 г.

⁶ Речь идет о «Комментарии к стихам 1930–1937 гг.» (Жизнь и творчество О. Э. Ман-

дельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990. С. 189–312).

⁷ Лина (Полина) Самойловна Финкельштейн.

⁸ Е. М. Фрадкина.

16 ноября <1967 г., Москва>

16 ноября

Наташенька! Происходит неслыханная катавасия: Харджиев вербует своих мирносоисц, чтобы они облагородили меня: он, мол, чист как стеклышко, а я безумная... «Вы же меня знаете...» На меня насадают со всех сторон, чтобы я щадила здоровье и нервы Харджиева. Тем временем я слегла (сердце и температура от сердца).

Вот что я увидела в материалах (возвращенных) «Второй и третьей воронежской тетради» (т. е. от «гудка» и «щегла» до ваших стихов)¹: две твердых бумажки — «Внутри горы» и «Эта область в темноводье»² — и то и другое черновики, а у вас были беловики с датой Осиной рукой. Обязательно напишите мне в письме о том, что вы мне говорили: про «плохой ватман» и как я писала, а Ося ставил дату. Как вы приходили и брали эти листочки по мере появления стихов.³

Харджиев врет напропалую, и Саша верит ему и плачет («Он уничтожил этот листок, потому что нашел лучший, автограф... Неужели вас не удовлетворяет это объяснение? Он скажет, где автограф, когда выйдет книга»⁴, — сказал мне Саша... Этого достаточно для профессионального суда. Такое обращение с доверенными ему текстами преступно).

Еще — Харджиев таким образом отводит ваше свидетельство: «Я не отвечаю за то, что дала Штемпель, — Надежда Як. могла с этим чорт знает что сделать — она ведь всё разбазаривала...»

Можете вы вспомнить, не вместе ли мы к нему тогда поехали? Мне помнится, что именно так... Это очень нужно. Я этого дела так не оставлю. Публичного скандала я поднимать не буду — не стоит. Но оставлю в Осином архиве всю эту историю, а кроме того, составлю новую комиссию по наследству (под предлогом, что двое — Ахматова и Эренбург — ушли) и не введу в нее Харджиева. Я не хочу, чтобы он был «авторитетом» по Мандельштаму, запятив себя тайкой подлостью.

Дальше. «Наташина книга» не вся — в ней отсутствует весь раздел «Первая воронежская тетрадь» (от Чернозема до гибели летчиков)⁵. У вас же это было? Вторая и третья тетради есть (от «Гудка» до «Наташи»⁶).

Ужасно я огорчена, что вас так мало видела. Но, видно, иногда нужно, чтобы вы достались не мне, а Жене. Когда вы «приедете тенью» и мы посидим с вами на кухне?

Целую вас крепко.
Копию вашего письма я пошлю Харджиеву.
Целую вас.

Н. М.

¹ «Гудок» — стихотворение Мандельштама «Из-за домов, из-за лесов...», открывающее «Вторую воронежскую тетрадь». «Щегол» — «Мой щегол, я голову закину...», четвертое в этой тетради, ваши стихи — посвященные Н. Е. Штемпель стихотворения, завершающие «Третью воронежскую тетрадь»: «Клейкой клятвой липнут почки...» и «Есть женщины, сырой земле родные...».

² Стихотворения «Внутри горы бездействует кумир...» и «Шло цепочкой в темноводье...» из «Второй воронежской тетради».

³ Эту просьбу Н. Я. Мандельштам Н. Е. Штемпель выполнила (см. ее письмо от 4 декабря 1967 г.)

⁴ Речь идет о списке стихотворения Мандельштама «— Нет, не мигрень, — но подай карандашик ментоловый...» из «альбома Эренбурга» (см. предыдущее письмо и примеч. 2 к нему) и автографе, по которому оно напечатано в подготовленном Н. И. Харджиевым издании стихотворений Мандельштама

⁵ «Наташина книга» — свод стихов О. М. 1930–1937 гг., составленный Н. Я. Мандельштам для Н. Е. Штемпель, — в полном объеме, включая раздел «Первая воронежская тетрадь», который начинается стихотворением «Чернозем» и заканчивается стихотворением «Не мучистой бабочкой белой...» («гибель летчиков»), находится в настоящее время в АМ.

⁶ Стихотворение «Клейкой клятвой липнут почки...».

25 марта [1968 г., Москва]

25 марта

Наташенька! Вы опять молчите. Не грех ли вам? Женя уже сидит в кресле по 10—15 минут в день. Очень слаб.

Я всё время у него.

Целую вас и прошу: не забывайте.

Н. Мандельштам

Как Шура? Я очень о нем думаю и беспокоюсь.

9 мая <1968 г., Москва>

Май — 9-е

Наташенька! Я давно не писала и давно не имею от вас писем. Очень по вас скучаю.

Нужно ли вам прислать «Вопросы литературы» № 4?

Там напечатан Ося¹.

Может, он у вас уже есть.

Женя и Лена уезжают в санаторий 17-го. Выяснилось, что с января половина писем ко мне не дошла. Но вашего, думаю, среди них не было.

Устала я до бреда, хотя говорят, что выгляжу хорошо.

Некоторое количество неприятностей у моих друзей, но не тяжелых. Пока. Вы, вероятно, знаете.

Как здоровье Шуры? Передайте ему от меня привет. Я за него беспокоюсь, как о родном, но боюсь звонить Иосифу Исааковичу, может, от него скрывают.

Напишите, Наташа.

Крепко целую вас.

Н. М.

¹ Мандельштам О. Записные книжки. Заметки/Публ. и вступит. заметка И. М. Семенко // Вопросы литературы. 1968. №4. С. 181-199.

20 мая <1968 г., Москва>

20 мая

Наташенька дорогая!

Письма наши скрестились. Я очень рада была вашему, хотя огорчаюсь, что вы себя плохо чувствуете. Хорошо, что Шура в санатории.

Женя и Лена уехали в санаторий. Я отдыхаю, но очень плохо себя чувствую. Выгляжу, говорят, хорошо. Вчера ездила к Шкловским повидать моих старух, а сегодня целый день лежу с болью в сердце. Старость.

Едем во второй половине июня в Верею. Очень боюсь расстояния.

Будет комиссия по Осе. Она до сих пор была только на бумаге. Во главе — Симонов. Книга как будто движется. Послать вам «Вопросы литературы» или вы получаете?

Целую вас.

Н. М.

<Между 21 и 27 мая 1968 г., Москва>

Наташенька! Был Шура (он очень хороший, это вам Сима¹ надела, а не он) и рассказал, как вам сейчас трудно и про врачонка, найденного на улице. Вы молодец.

Я по вас, как всегда, скучаю.

Саша окончательно и торжественно отказался от меня. Я рада. Приняла меры к организации комиссии. Харджиева не включила, а ввела Степанова², с которым они враги! Не разделили Хлебникова, вернее, Харджиев травил Степанова за прикосновение к Хлебникову и потому его ненавидит. Посмотрим, что будет.

Понемножку работаю. Чуть-чуть.

Целую вас.

Жду хоть записочки.

Н. М.

¹ Немировская (урожд. Хейфец) Сима Натановна (1918–1975), музыкант, первая жена А. И. Немировского, двоюродная сестра Я. Хейфеца.

² Степанов Николай Леонидович (1902–1972), литературовед, критик, исследователь творчества В. Хлебникова.

28 мая <1968 г., Москва>

28, май

Наташенька! Наконец-то я отправила Женю и Лену в санаторий и вроде как отдыхаю, хотя у меня тяжелый приступ язвы: погода, и я вспомнила о себе, когда они уехали.

Очень грустно, что вы болеете. К врачам, боюсь, вы не обращались. Не запускайте...

Вернулся ли Шура? В каком он виде? Передайте ему от меня привет.

Как ваш врачонек, которого вы поймали на улице? Следит он за вами?

Что делается с книгой в «Библ[иотеке] поэта», не знаю. От меня скрывают. Слышала, что была корректура. Получили ли вы «Вопросы литературы» № 4? Я держу для вас номер, если у вас еще нет.

Лена всё просит, чтобы вы приехали в Верею. Я тоже. Было бы чудно.

Как?

Не молчите. Отзовитесь. Хотя бы записочку.

Н. М.

<Конец мая 1968 г., Москва>

Наташенька! Вы опять молчите. Я жду голоса. Отзовитесь. Весь июнь буду в Москве. Ау!

Н. М.

<Начало июня 1968 г., Москва>

Наташенька! Я попробую приехать к вам в конце июня, в июле. Не знаю, выйдет ли, но очень хочется. Поживем вместе. Только напишите мне адрес в Графской, чтобы я оставила своим.

Целую вас.

Н. М.

Третьей посылки не было. Две. Одна вам (две вещи), одна кофточка для Тани.

15 июня

Наташенька дружок! Был Аркадий¹ и рассказал про Виктора. Вы сами понимаете, как я огорчена за вас и за него. В каком он сейчас состоянии? Сможете ли вы уехать хоть на свои свободные двадцать дней? Как обидно, что вы принимаете экзамены. Кому это нужно? Зачем вам так портить себе лето и отдых, в котором вы так нуждаетесь?

Больше всего мы трое хотим, чтобы [вы] на этот свободный ваш срок приехали в Верею. Не блеснули кометой, а именно пожили с нами как следует.

Опять выплыл вологодский брат²? Откуда такая дикая страсть к родне, что вы готовы просидеть эти несчастные дни на болоте, а потом зимой остаться без сил. Если бы Графская с Шурой, я бы не так злилась. Но Вологда!

Умоляю: напишите сразу. К концу месяца мы уезжаем (1-я Спартакoвская, 20, Верея, Наро-фоминского р-на).

У меня разное — есть тревоги и печаль, есть неплохое. Сейчас Симонов взялся быть председателем комиссии по наследству и, может, станет лучше. Он уже кое-что сделал³. О книге в Ленинграде мне ничего не сообщают. Здесь есть и работа Харджиева (это его книга!). Идиот, но в него явно влюблена редакторша³... Он умеет. Сама я, дура, попалась... Обидно всё это ужасно.

Устала я от трудной зимы, но понемногу работаю. Саша отвалился окончательно. Воздух стал лучше. К вам масса разговоров...

Н. М.

Напишите про Виктора. Горячий привет ему. Как всё трудно...

Обрадовалась и Аркадию (бедный, куда его загоняют!)⁴ и еще больше Шуре.

¹ А. И. Слуцкий.

² С. Н. Лукьянченков, двоюродный брат Н. Е. Штемпель.

³ Речь идет об усилиях писателя и общественного деятеля К. М. Симонова (1915–1979), нового председателя Комиссии по литературному наследию О. Э. Мандельштама, по ускорению выхода в свет издания в «Библиотеке поэта».

⁴ Исакович Ирина Владимировна (1917–1999), зав. редакцией «Библиотеки поэта», издательский редактор сборника стихотворений Мандельштама, который готовил Н. И. Харджиев.

⁵ Речь идет о распределении А. И. Слуцкого после окончания филологического факультета Воронежского университета.

<Начало июля 1968 г., Верея>

Наташенька! Трудно себе представить, что у меня было последние недели. Я просто еще не могу опомниться. Сейчас я уже неделю в Верее.

Мой адрес: Верея, Нарофоминского р-на, 1-я Спартаковская, 20, Шевелевым, для меня...

Несколько раз я заходила в свой магазин¹ за чулками, но, конечно, их в помине нет. Эти чулки (они называются «эластичные» и «безномерные», хотя у них есть номера) вообще только мелькают, особенно маленькие номера (бывают еще совсем дешевые, но они моментально становятся мешками). Вернувшись в Москву, буду заходить из булочной в магазин и, наверное, как-нибудь схвачу их.

Куда вы решили ехать? Заглянули бы в Верею. Ждала вас в Москве и очень огорчилась, что у вас там что-то отменили.

Привет Шуре.

Целую.

Н. М.

Боюсь, что письмо не застанет вас...

¹ Магазин «Березка», который находился на Профсоюзной улице, около метро «Академическая», недалеко от квартиры Н. Я. Мандельштам

<Конец июля 1968 г., Верея>

Наташенька! Я думаю приехать числа пятого. Удобно ли это вам? Срочно напишите или лучше телеграфируйте. Приеду я так на неделю. Целую крепко.

Н. М.

31 июля <1968 г., Верея>

31 июля

Дорогая Наташенька! Я на два дня в Москве. Очень хочется вас видеть. Удастся ли вам приехать? Мы очень вас ждем.

С книгой в Ленинграде мало понятно. Была корректура, и всё остановилось. Может, Симонов (он сейчас председатель комиссии по наследству) позвонит Орлову и спросит, в чем дело.

Немножко работаю, но очень мало. Больше возня с хозяйством. Сил очень мало.

В Верее буду до сентября. Сама я здорова. Меня пугает Лена. Она нервна до предела, худа, бледна. Что с ней делать, не знаю. Женя — ничего.

Целую вас крепко. Не забывайте.

Напоминаю адрес: Верея, Моск[овская] обл., Нарофом[инский] р-н, Спартаковская, 20, Шевелевым.

Передайте от меня привет Виктору и Шуре.

Встречали вы у меня когда-нибудь Любищева (биолога)¹? Он чудный старик (80 лет). Упал и сломал бедро. Уже работает, стоя на костылях у микроскопа.

¹ Любищев Александр Александрович (1890–1972), биолог, философ, профессор Ульяновского государственного ун-та; сохранилась его обширная переписка с Н. Я. Мандельштам.

<Около 10 сентября 1968 г., Москва>

Наташенька, милая! У меня ничего не происходит, и как будто я здорова, но чувствую себя мокрой курицей. Отчего, не знаю. Хорошо, что вы здесь побывали, это утешение...

С Симоновым буду разговаривать только в понедельник. Он улетел в Сухум. Все они летают, как птички.

Приходил Саша, но неудачно: Ира в эту минуту была в уборной, и я за эту же минуту выставила его. Он успел сказать, что кается и что готов на всё... Думаю, что толку всё равно не получится. Приходил и Дима. Этот всё же считает, что во всем виновата Ира. Он становится похожим на Таню¹. Надоели они мне все...

Вроде пробую работать, но почти ничего не выходит. Не знаю, как быть. Варлаам² раздувает ноздри и говорит, что никакой комиссии не надо... Ему хорошо... И еще: существует специальная литература жен, писавших о своих мужьях. Этой литературе никто, как известно, не верит. Поэтому Варлаам советует немедленно перестать писать об Осе. Я даже затосковала: попасть в эти жены обидно, но это единственное, о чем мне хочется говорить и о чем мне есть что сказать. Беда... Посоветуйтесь про жен с Шурой, но пусть он помнит, что у всех жен были друзья, которые их хвалили. Пишите, Наташа...

Н. М.

¹ Борисова (Повереннова) Татьяна Владимировна (р. 1944), жена В. М. Борисова, искусствовед.

² Шаламов Варлам Тихонович (1907–1982), писатель, поэт, один из первооткрывателей лагерной темы в литературе; был дружен с Н. Я. Мандельштам.

17 сентября <1968 г., Москва>

17 сентября

Наташенька! От вас нет ни одного слова. Что случилось? Я очень беспокоюсь.

Я вернулась 7-го сентября. Сегодня возвращаются Женя и Лена. Лето было очень трудное. Зима, наверное, будет не легче.

Отзовитесь — грех вам!

Н. М.

Были ли вы в Москве?

[26 сентября 1968 г., Москва]

Наташенька! Ваши письма дошли, но, видимо, мои не дошли. Ведь ваше последнее — о книге — было чуть ли не в начале октября¹. После этого молчание.

Я очень рада получить от вас весточку — очень беспокоилась и скучала. Когда же вы наконец выберетесь в Москву? У меня плохо с сердцем: стенокардия и плохие кардиограммы. Много лежу, устаю от всего.

Что еще? О чем-то думаю, чего-то грущу, что вполне естественно. В день, когда получила ваше письмо, уже написала Виктору, но не успела послать.

Целую вас крепко.

Н. М.

Привет Шуре и Виктору. Как дети Шуры? По-прежнему вы дружите с ними? Как юнец Аркадий с его женой?

Целую еще раз.

¹ Описка: скорее всего, имеется в виду сентябрь.

10 октября <1968 г., Москва>

10 октября

Наташенька! Куда мне уж ехать — как бы косточки собрать... Скоро мне 69 лет. Это не такой уж страшный возраст, но за очень многие годы мне надо зачитывать в стаж по два за один. И я оказываюсь патриархом.

Передайте мой сердечный привет Виктору. Вот уж ему не повезло... Как его дочь?... И Таня большая?

Подумать только, что встречи с вами ждать до зимних каникул... Беда.

Женя — мой брат — очень слаб и плох. (Летом был ничего.) Неразумен... Сам себе вредит. Я тоже. Тысячи страхов и огорчений. Насел на меня архив ЦГАЛИ, чтобы я сдала Осю¹. Интересно, какие у них камни за пазухой.

Жить очень трудно. Я всё же пробую работать. Идет вяло. Как-то руки опускаются от всей сложности жизни.

Книга О. М. (мерзкая из-за Харджиева) в Союзе писателей. Техника задержки: статья непонятна, надо другую. Все 12 лет из-за статьи...

Целую вас крепко. Привет Шуре.

Н. М.

¹ В сентябре 1966 г. Н.Я. Мандельштам впервые посетила сотрудница ЦГАЛИ И.П. Сиротинская. В 1966–1967 гг. в обмен на фотокопии автографов Мандельштама, хранящихся в ЦГАЛИ, вдова поэта передала в архив автографы стихотворений «Домби и сын», «Теннис», ряд черновиков «Египетской марки» и несколько фотографий Мандельштама (сообщено И. П. Сиротинской).

15 февраля <1969 г., Москва>

15 февраля

Наташенька! От вас опять ничего нет, а я по вас очень скучаю. Женья у меня очень стареет и болеет. И Лена тоже, и я...

Зато без Саши жить стало лучше. Нет и Димы — и это тоже очень хорошо. Живу очень тихо и рада. Как вы?

Я работаю — очень много и очень медленно. Беда... Хочу кончить — лишь бы успеть.

Целую вас крепко и очень прошу — пишите.

Когда вы приедете? На этот раз ко мне, да?

Н. М.

1 апреля [1969 г., Москва]

11 апреля

Наташенька! Хоть бы вы приехали. Я вроде надорвалась, хотя выгляжу розой (на все свои без месяцев 70). Вся зима в болезни Жени и трудностях с Леной. Она падает с ног и плюс — истерика. Я работаю урывками, но всё же что-то делаю. Господи, хоть бы доделать.

Сможете вы приехать, чтобы скрыть от всех, «тенью»? Хорошо бы. Звонку вашему очень обрадовалась. Как же обрадуюсь вам! Сняла дачу в Переделкине. Очень мерзко, но другого выхода нет.

Что еще? Голова идет кругом. Мне сперли книгу Харджиева. Она мерзка. Помните, как он ругался в телефон? Как я попалась с ним! Смешно, но все, что от Анны Андреевны, всегда плохи (либо сразу, либо погодя). Чем это объяснить?

Целую вас крепко.

Очень по вас скучаю. Привет Шуре и Виктору.

Н. М.

30 сентября [1969 г., Москва]

30 сентября

Наташенька! Лето прошло, и мы не повидались. Мне уже через месяц 70 лет. Это очень много. Я это всё время помню.

Женья очень слабый и хрупкий (ему в этом году 76) ... Это главное. Лена уже начинает спсиховываться — летом была ничего.

Я смертно усталая вхожу в эту зиму. Болею. Скучаю. Работаю (очень медленно), тоскую. Очень хочу вас видеть.

В этом году у меня трудно с деньгами — дача была очень дорогая; я выложила всё до последнего гроша. В будущем году (т. е. к 72-му) кончается мое наследственное право¹ — значит, Ося мне не будет подкидывать своих грошиков. Это грустно, но думаю, что скоро уже всё подойдет к концу.

Как Шура и Виктор?

Думаю, что у меня еще год работы, а там я всё кончу.

Целую вас крепко.

Не забываете меня.

Большая у вас нагрузка?

Н. М.

¹ Срок действия наследственного права отсчитывался с 1957 г. — года реабилитации Мандельштама.

25 ноября <1969 г., Москва>

25 ноября

Наташенька дорогая! Я устала, измучена, грустна, глупа, трудолюбива, брюзглива, стара... Мне исполнилось 70 лет, и в этом есть огромное торжество, чувство чудной внутренней свободы. Это порог и совсем особое веселье — поразительно, как много значит цифра, кончающаяся на ноль! Бывает же такое... Но 70 лучше, чем 50... Скажите Шуре.

Я очень обрадовалась вашему письму. Вы меня редко балуете — и это тоже усталость. Как вы живете? Кто вам готовит? Работать и хозяйничать одной трудно.

Очень хочу вас видеть. Надеюсь летом... Так проходят годы, и мы почти не видим друг друга.

Получила третий том...¹ Дожила старушка...

Видела рецензию Шуры в «Н. М.» — о ней много говорили, т. к. даже признание историчности есть событие².

Целую вас крепко.

Н. М.

Привет Шуре и Виктору с двумя Танями. Хорошо, что он ходит без палки. Знаете ли вы, что сейчас есть лекарства, растворяющие камни в почках?

¹ Речь идет о третьем томе Собрания сочинений О. Э. Мандельштама (Нью-Йорк, 1969), вышедшего под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова.

² Немировский А. И. Новые данные к старому спору // Новый мир. 1969. №9. С. 265-267 (рец. на кн.: Кубланов М. М. Новый завет. Поиски и находки. М., 1968); эту рецензию задержали на полгода из-за фразы об историчности Евангелия от Иоанна.

4 января 1970 г., <Москва>

Январь 4, 70

Наташенька дружок! Устала, нету сил. Очень люблю вас. Поздравляю с Новым годом (и Виктора с Татьянами, и Шуру). Когда вы наконец возникнете? Пора... Сил нет ждать.

Я наслаждаюсь 70 годами. Дивный возраст — дай Бог каждому. Жизнь течет, и я здорова, весела и всё прочее... Ничего, что противоречие — оно только внешнее.

Я встречала у своих — в 11 часов («и жить торопится»¹). Было очень славно. Как вы? Напишите.

Н. М.

¹ Цитата из элегии П. А. Вяземского «Первый снег»: строка с этими словами приведена как эпиграф к первой главе «Евгения Онегина».

<Конец мая 1970 г., Москва>

Наташенька! Получила вашу славную записочку вчера вечером. Сегодня встала и спешу в город. Работу кончила. Летом устраню мелочь. Очень устала. Надеемся опять жить в Переделкине. Женя в сносном виде. Они получили санаторий.

Ваша тетка¹ машины не получила, но не унывает. Мила Бальмонта не достала. Приедете ли вы летом в Переделкино?

Целую.

Н. М.

Привет Шуре и Вите² (а Вита и Витя совпадают в этом падеже) и еще раз Вите с Танями.

¹ Речь идет, по-видимому, о Наталье Ивановне Самохиной (р. 1923), дочери Е. Н. Перкон, преподавателе Литературного института им. М. Горького.

² Козловская Виктория Александровна (р. 1944), историк-античник, ученица А. И. Немировского.

1 июня <1970 г., Москва>

1 июня

Наташенька!

Спасибо за доброе слово... Но я думаю, это еще сырье. Работы много впереди. До конца жизни хватит — лишь бы успеть. Я усталая и грустная.

Евг. Як. получше. Лену свели к психиатру. Лекарство вроде помогает. Сегодня жду их к себе.

Скоро поедем на дачу в Переделкино. Мечтаю, чтобы вы приехали погостить. Действительно — я вас почти не видела. Вы просто мелькнули.

Я, как всегда, валяюсь и урывками что-то делаю.

Привет Виктору и Шуру.
Целую вас крепко.

Н. М.

<Первая половина лета 1970 г., Москва>
Наташенька!

Вот мой адрес: Моск[овская] обл., ст. Переделкино (Киевская ж/д), поселок Лукино, Дачная, 5. Дом Мовчана. Мне.

Напишите, как насчет приезда.

Целую.

Н. М.

В первый раз в жизни — сил у меня нет.
Целую Шуру и Виктора с Танями.

<Первая половина лета 1970 г., Москва>
Наташенька дорогая!

Была рада получить от вас весточку. Очень важно и нужно, чтобы вы пожили у нас в Переделкине хоть сколько-нибудь.

Такого поэта мы не знали — может, он где-нибудь ходил по улицам или служил, но у нас его не было¹. Что, он тоже рассказывает сказки? Сейчас все рассказывают сказки...

Целую вас. Привет Виктору и Таням и Шуру.

Ваша Н. М.

¹ Речь, по-видимому, идет о Михаиле Евгеньевиче Аметистове (1909–1985). В примечаниях к альбому «Осип Эмильевич Мандельштам в Воронеже» Н. Е. Штемпель писала: «Воронежский поэт М. Е. Аметистов (псевдоним М. Чужой) был вместе с Мандельштамом в бригаде журналистов «Коммуны» в Воробьевке. Он вспоминает такой комический эпизод. В избе, где они расположились ночевать, Осип Эмильевич всю ночь просидел на чемодане с зажженной свечкой в руке и тростью отгонял тараканов».

<Первая половина лета 1970 г., Москва>

Наташенька! Наш адрес: Почт./отд. Чеботы. Поселок Лукино, Дачная, 5, Мовчану, для нас...

Если ехать в Переделкино, проще всего найти так: заехать к Жене Пастернаку¹ (Переделкино, Писательск[ий] городок, Тренёва, 3). Они вас доведут к нам.

Собираетесь ли вы в Москву? Мне очень трудно из-за всего — Женя, деньги, Елена Михайловна... Но как-нибудь...

Целую вас крепко.

Н. М.

¹ Пастернак Евгений Борисович (р. 1923), сын Б. Л. Пастернака, автор воспоминаний об отце, исследователь и публикатор его наследия

<Начало июля 1970 г., Москва>

Наташенька! Очень хочу, чтобы вы приехали. Если дадите телеграмму, я приеду за вами в город.

Идут от поезда так: по движению поезда по тропочке вдоль рельсов до Дачной улицы (минут 15). Если на такси (от меня 2 р.) — до моста (мимо дома творчества) (мост не переезжать).

От моста по «Проспекту писателей». Дачная — 2[-я] улица налево...

Главное — дайте телеграмму.

Целую вас.

Н. М.

Я не сразу ответила, потому что не знаю, где в Переделкине ящик и почта.

[17 июля 1970 г., Чоботы, Московской обл.]

ГРАФСКОЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ПИОНЕРСКАЯ 3 ШТЕМПЕЛЬ

ЧОБОТЫ МОСК 14321 17 1105

ЖДЕМ РАДУЕМСЯ ВСТРЕЧЕ ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ ПРИЕЗД ДАЧНАЯ УЛИЦА МЕЖДУ ПИСАТЕЛЬСКИМ ПРОЕЗДОМ И ПОЛОТНОМ ДОРОГИ = ЛЕНА НАДЯ ЖЕНЯ

11 сентября <1970 г., Москва>

Сентябрь, 11

Наташенька! От вас ни одного слова. Были ли вы в Москве? Здоровы ли вы?

Я уже вернулась из Переделкина и тихонько сажу дома.

Очень скучаю по вас.

Привет Шура и Виктору с семьей.

Целую.

Н. М.

2 марта <1971 г., Москва>

2 марта

Наташенька! Напишите, какой номер вы носите (48?). Я хочу купить вам в «Березке» вязанку. Какого цвета? Я лежу больше месяца (1½ — с 12 января) — сердце. Сейчас морозы — не выхожу.

Может, Шура придет и выберет вам? Там из шерсти гладкие и очень нежные (голубые, белые, серые).

Целую вас крепко.

Н. М.

1 апреля <1971 г., Москва>

1 апреля

Наташенька! Женя всё болеет. Лена в очень тяжелом состоянии. Есть надежда, что в мае они уедут в санаторий. Тогда я передохну.

У меня к вам вопрос: как мамина девичья фамилия? Олин де-душка (вы помните Олю Андрееву¹) — воронежский художник Фёдоров² (кажется). Уж не родня ли вы? Это было бы забавно. Напишите...

Н. М.

Как здоровье Шуры? Я спрашивала, вы не ответили. Я беспокоюсь.

¹ О. В. Карлайль.

² Фёдоров Митрофан Семёнович (1870–1942), живописец, график, педагог.

25 апреля <1971 г., Москва>

25 апреля

Наташенька! Получила ваше письмо — где вы грустите. Печально, что нельзя будет увидеться летом. У нас дачи не будет. Хозяин в Переделкине не сдает, Женя и Лена поедут в дома писателей и художников, а я буду болтаться по знакомым. Я бы захала и в Воронеж, но боюсь карантина¹. Как у вас сейчас?

С сердцем у меня, слава Богу, плохо. Тяжелая слабость. Я ее усугубляю неподвижностью. Двигаться трудно.

Получили вы зеленую кофточку (почти белую)? Послали недели полторы назад. Для Тани или для вас. Я боюсь, что она не дошла. Кофточка милая. Мы не знали, что ваш номер 38а (мы не знали про «а»).

Как Виктор? Бедный Шура... А дочь его могла бы понять, что брат болен. Посоветуйте ей поберечь отца... И бедный мальчик. Как реагировала на его болезнь мать?

Шуре и Виктору с Танями сердечный привет.

Н. М.

Кажется, опять поднялся вопрос о книге О. М. (на 72 год). Мне теперь всё равно, только книга плохая.

¹ Возможно, имеется в виду угроза карантина, действительно введенного летом 1971 г. из-за случаев холеры в Одессе.

30 мая <1971 г., Москва>

Май, 30

Наташенька дорогая!

Вы должны обязательно к нам приехать — я иначе и думать не могу. И не на два дня, а побыть. Я не знаю точно наш адрес,

но до июля буду знать (мы переедем в середине июня). Я устала до бреда, но ничего — держусь. Женя и Лена возвращаются из санатория 4-го.

Пишите, Наташа, не забывайте. Как только мы переедем, я сообщу вам почтовый адрес. (Дом я знаю по виду. Тот же, что в прошлом году.)

Привет Виктору, Таням и Шуру.

Ваша Н. М.

Наташенька, в 70 трудно устать.

<Лето 1971 г., Москва>

Наташенька!

Что это вы? Куда вы исчезли? Вы обещали дать телеграмму, но от вас нет ни единого слова. Хоть вы и заняты, но нельзя так молчать.

Откликнитесь!

Сегодня уезжают Максимовы¹. Нам будет одиноко. С удовольствием вспоминаю, как вы гостили.

Выберетесь ли вы втихаря хоть на несколько дней осенью? Очень хочется.

Привет Шуру и Виктору с Танями.

Н. М.

Я вам хочу купить вязанку. Приезжайте хоть за ней.

¹ Максимов Дмитрий Евгеньевич (1904–1987), литературовед, профессор Ленинградского государственного университета, и его жена Анна Яковлевна Максимова.

<Лето 1971 г., Москва>

Наташенька! Вы мне не ответили самого главного: какой ваш номер. Я могу купить без вас. Ваш вкус я знаю — и послать почтой.

Пожалуйста, ответьте на этот вопрос.

Жалко Шуру. Какой диагноз у Марика¹? Может, это юношеское, которое проходит?

Напишите. Передайте Шуру сердечный привет. Виктору тоже. Может, вам хочется чего-нибудь для двух Тань? Напишите.

Н. М.

¹ М. А. Немировский, сын А. И. Немировского, в 1960-е гг. страдал нервным переутомлением.

<1971 г., Москва>

Наташенька! Я очень огорчилась, узнав, что вы болели — пострадали от жалости к коту. Я тоже кормлю полудикого рыжика —

он живет у нас на лестнице. Но он меня не обижает. Долго ли вы болели? Не молчите, пишите.

У меня тяжкая бессонница. Я всё же сплю, но с дикой дозой снотворных. Сейчас Юра принес мне какие-то сумасшедшие лекарства, и я просыпаюсь не в таком ужасном состоянии, как раньше. Мне 72 года — это уже слишком. Я старше своего отца. Жене — еще больше. Он слаб и болеет.

Вы ничего не пишете про Шуру, удалось ему развестись? Развод великое благо. Я всегда была за разводы, и за это меня ругал Ося. Но факт, что это необходимо. Как его дети? Напишите. Целую вас крепко.

Н. М.

Опять затеяли издавать книгу О. М. — мерзкую, с лапой Харджиева. Забраковали предисловие и заказали новое... Дымшицу. Гнуснее ничего не может быть — издевательство над мертвым. Ничего не поделаешь. И хороша парочка — Харджиев и Дымшиц. Двое сволочей.

Пишите на письмах обратный адрес — я ведь всё теряю.

<1971 г., Москва>

Наташенька, милая!

Спасибо за письмо. Надеюсь, что Шура скоро разведется и будет свободным. На полгода откладывают всегда (наверное, чтобы стороны возненавидели друг друга). Через полгода дают развод. Хоть бы скорее. Пусть никуда не уезжает.

О себе. Смертная усталость, которая, вероятно, излечивается только смертью. К несчастью, не чувствую ее приближения. Больше всего боюсь беспомощности, чтобы не повиснуть на своих друзьях и не быть им в тягость. Появился ночной страх — быть одной. У меня в этом году жила сначала Таня Фисенко, потом Таня Дроздова. Обе из Пскова. Вот я и избаловалась.

Как дети Шуры? Это несчастье хуже жены. С ними не разведешься

Целую вас.

Н. М.

6 сентября <1971 г., Москва>

Сентябрь, 6

Наташенька! Я пишу после тяжелого приступа стенокардии. Но не инфаркта. Боль была дикая, но прошла после лекарств. Значит, не инфаркт... Страху не было.

Сейчас всё труднее жить одной, но ничего не поделаешь. К смерти я готова. Боюсь только долгожития. Не дай Бог дожить до 80 или — еще хуже — до 90. Страшна беспомощность. Я уже очень беспомощна.

Целую. Напишите о себе и о Шуре. Как его развод и Вика¹?

Н. М.

Привет Виктору с Танями и Шуре.

¹ В. А. Козловская.

<1971 г., Москва>

Наташенька! Бандероль с синим платочком доставили. Книжки вернулись домой.

Скажите Шуре, что удрать от доноса жены не выйдет. Надо распутать. Потребовать психиатрическую экспертизу. Она наговорит на полную катушку, а сын уже зарегистрирован как больной. Пусть он не боится и идет до конца, чтобы освободиться от нее.

Целую крепко.

Ваша Н. М.

Мне страшно жалко его. Такое несчастье — больные дети, тут еще эта склока.

<Весна 1972 г., Москва>

Наташенька! Я очень рада, что платье пришлось по вкусу и по размеру Тане. Она славная девочка — я всегда удивлялась, что вы возились с Шуриными идиотами, а на нее не тратили души. Привет Вите и Тане большой.

Я по-прежнему дохлая. Выйти на улицу для меня большое напряжение. Скоро я поеду на дачу (под Загорск), но всё лето буду мотаться в город из-за своих родичей.

Вы можете легко ко мне приехать. Это очень просто, и люди вам очень понравятся. Как вы думаете — возможно ли это? Или вы будете стеречь Шуру и его чад? Надеюсь, нет.. Приезжайте. Вас отвезет Саша — муж Нонны. Его телефон 231-09-11. Как?

Целую вас крепко. Надеюсь, что вы приедете.

Н. М.

21 сентября <1972 г., Москва>

Наташенька! Очень рада, что получила от вас записочку. Молодцы Буяновы¹, что вытащили вас. А Шура? Вы ему больше не нужны? Оказался свиньей...

Передайте привет от меня Буяновым. Вас целует Лена. Она очень тяжело переживает смерть матери, но, слава Богу, порвала с мужиками (я знала двух последних — идиоты). Это облегчает ей жизнь. Живет в новой квартире с тремя котами (два котенка, а один, черный, старик, деликатный и вежливый).

Буянов вышел на пенсию?

Я очень измучена летом — жарой, хотя почти не была в городе. Но жару не переносю.

Уехал Шура из Воронежа?

Пишите мне, Наташа. Я совсем старая. В этом году — через месяц — мне 73 года, но чувствую я себя на все 80.

Книга вышла². Об Осинюю ни слуха, ни духа. Харджиев полная сволочь. Из событий — порвала с Мелитинскими³. Иры мне жалко, но она сама виновата (капризы ни к селу ни к городу).

Целую вас крепко.

Ваша Н. М.

¹ Николай Семёнович и Антонина Владимировна Буяновы, соседи Н. Е. Штемпель: Н. С. Буянов был сослуживцем Натальи Евгеньевны по Воронежскому авиационному техникуму.

² Речь идет о «Второй книге» Н. Я. Мандельштам (Париж. 1972).

³ Мелетинский Елеазар Моисеевич (1918–2005), историк культуры, мифолог и его жена И. С. Семенко.

12 декабря <1973 г., Москва>

Декабрь 12

Наташенька! У меня болеет брат. Я очень устала. Есть еще разное, но я работаю.

Очень хочу вас видеть.

Когда это, наконец, будет?

Писать нет сил. Заметили вы, что в этом году никто не пишет писем?

Мой ящик всегда пустой.

Целую вас крепко.

Н. М.

4 января 1974 г., <Москва>

4 января 1974 года

Наташенька! С Новым годом!

Мне уже Женя сказала про бандита на лестнице, который вас ударил. Я уверена, что это штучки дочери или бывшей жены Немеровского. Откуда вы шли? От Шуры? Почему он вас не проводил домой? Дайте ему прочесть мое письмо. Вы упали когда-то, потому

что он бежал, а вы неслись за ним. Сейчас это нападение, потому что он не соблаговолил проводить вас домой. Вы сидели и утешали его, а потом поплелись одна домой. Это дикий эгоизм с его стороны, а с вашей — святая глупость. Во всяком случае — поправляйтесь скорее и перестаньте возиться с Шурой. Взрослый мужик с бабьими нервами и сволочной семьей.

Не может быть, чтобы это была месть кого-нибудь из ваших студентов — вас слишком любили в техникуме, бедненькая моя Наташенька...

Целую вас крепко.

Ваша Н. М.

Осин одностомник вышел, но я не могу достать ни одного экземпляра. Гонорара я не получу. В писательском магазине меня записали на третьем месте — после Евгения Эм.¹ и Дымшица, но дадут один экземпляр. Хамство. Жаль, что вы отдали первый том... Теперь уж ничего не поделаешь.

¹ Мандельштам Евгений Эмильевич (1898–1979), младший брат О. Э. Мандельштама, врач по образованию, киносценарист-документалист, автор воспоминаний о поэте.

<1974 г., Семхоз, Московской обл. >

Милая Наташа!

У меня умер брат — невестка Елена Михайловна в ужасном состоянии. Не согласились ли бы вы с ней поехать в санаторий? Она ехать одна не может — ей необходимо иметь кого-нибудь близкого возле себя. Санаторий будет писательский. Писатели — говно, но на это плевать. Ответьте мне скорее.

141300. Московская область, Загорский район. Семхоз, Парковая, За. Меню¹, для Надежды Яковлевны.

¹ Мень Александр Владимирович (1935–1990), православный священник, богослов, автор книг по основам христианского вероучения и истории религии; был духовником Н. Я. Мандельштам.

<Начало августа 1974 г., Москва>

Милая Наташа!

9-го решается вопрос о путевках. 12–13 августа мы узнаем. Они, несомненно, будут, но с какого числа, мы узнаем 12-го. Вероятнее всего, они будут в конце августа (для получения путевок вам нужно достать справку, что вам не противопоказан подмосковный санаторий (взять надо в поликлинике вашего района) (в санаторий обычного типа под Москву) и привезти с собой курортную карту, анализы (моча, кровь, электрокардиограмма и т. под.)).

Н. М.

Приехать надо за несколько дней для оформления, и Елена Михайловна будет счастлива, если эти несколько дней поживете у нее. Когда вопросы с путевками и числом окончательно будут решены, мы дадим вам телеграмму, на которую просим вас ответить на мой адрес.

<Весна или лето 1976 г., Кратово>

Наташа! Вы мне не позвонили. Вы приедете? Когда? Не забывайте, что мне 77 лет. Дача хорошая.

Адрес: Кратово, Казанской, ул. Маяковского, 3. Позвоните немедленно, я вас жду к 10-му.

Н. М.

В. Т. ШАЛАМОВ

30 марта 1966 г., Москва

Москва, 30 марта 1966

Дорогая Наталья Евгеньевна.

У Надежды Яковлевны не нашлось для меня номера «Подъема» со стихами О. Э., и она посоветовала мне обратиться к Вам, что я и делаю с великим удовольствием. Я посылаю Вам пять рублей и адрес московский: Москва А-284, Хорошевское шоссе, 10, кв. 2, Шаламову Варламу Тихоновичу.

Дорогая Наталья Евгеньевна, желаю Вам здоровья, всякого счастья. Если в Воронеже появится сборник Цветаевой, то купите для меня. К обещанным Вам воспоминаниям о Пастернаке не приступал, хотя всё приблизительно обдумал.

Желаю Вам всего доброго.

С уважением, В. Шаламов.

Собрание П. Нерлера. Публикуются впервые.

К. БРАУН

21 мая 1966 г., Москва

21. V. 66

Дорогая Наталья Евгеньевна.

Не смогу приехать к Вам в Воронеж, хотя очень хотел бы и получил бы много удовольствия. Сперва мне сообщили, что город закрыт

и ехать нельзя. Потом — на этих днях — сообщили, что, несмотря на всё, я могу поехать в Воронеж — но теперь уже поздно.

Мне было очень приятно с Вами познакомиться и слышать Ваши рассказы. Благодарю Вас за них и — за всё.

С самыми лучшими пожеланиями,

Clarence Brown.

Собрание П. Нерлера. Публикуется впервые.

Браун Кларенс (Clarence Brown, р. 1929), американский славист, исследователь жизни и творчества О. Э. Мандельштама, автор первой монографии о нем и переводчик его произведений: был дружен с Н. Я. Мандельштам, в 1966 г. вывез на запад рукопись ее «Воспоминаний».

А. И. НЕМИРОВСКИЙ

<Лето 1961? г., Воронеж>

Глубокоуважаемая Наталья Евгеньевна!

Приходил с Леонидом Пастернаком. Как-нибудь загляну еще. А лучше всего, если вам не трудно, бросьте открытку, когда вас лучше застать.

Мой адрес: Воронеж, Фр. Энгельса, 8, кв. 59.

Немировский. Ваш попутчик.

Собрание П. Нерлера. Публикуется впервые.

Б. Е. МОЛЧАНОВ

<Начало мая 1976 г. >, г. Короча Белгородской обл.

Здравствуй, Наташа!

Уже месяц, как я получил твое письмо и вот только собрался ответить. Мой вояж в Трускавец закончился неудачно — на обратном пути подцепил грипп, потом долго кашлял, болело ухо, но сейчас уже всё в порядке и целыми днями я на воздухе, занимаюсь огородными делами и другими сезонными работами. Весна постепенно и неохотно, но всё же вступает в свои права и Короча с ее садами готовится к празднику цветения. Дел по горло, и большого апрельского дня не хватает для того, чтобы выполнить всё намеченное.

Как только закончим посадку ранних культур, думаю поехать в Москву, отчасти по делам, связанным с моим проектом, побывать у С. Д. Хитрова, а отчасти для того, чтобы побывать в театрах и на выставках. Думаю уложиться недели в две.

Что касается стихов Рильке, то надо в них разобраться основательнее, и сейчас, прочитав 4 коротких стихотворения, да еще довольно небрежно переведенных, судить трудно о поэте. Я слышал по радио длинное стихотворение Рильке в переводе Пастернака, и оно мне понравилось значительно больше.

А знаешь ли ты, как проходили похороны Пастернака? Мне удалось узнать о них из воспоминаний А. Гладкова, опубликованных после его смерти (не у нас) и очень подробно описывающих это событие и место, где могила поэта в Переделкине. Обязательно побываю там в этот приезд в Москву. До сих пор я считаю его самым большим поэтом нашего времени и время от времени перечитываю то, что есть у меня.

Стихи у меня сейчас не пишутся, а я пишу только, когда они сами просятся на бумагу. Насилие здесь, как и всюду в жизни (людей и государств), недопустимо и к добру не приводит.

В заключение поздравляю тебя с весенними праздниками, которые уже частично прошли, и прошу извинить за то, что задержал ответ. Постараюсь в дальнейшем этого не допускать и писать обстоятельнее. Привет тебе от отца и Нины.

Борис.

Собрание П. Нерлера.

Борис Евгеньевич Молчанов (1907-1988), инженер-строитель, сотрудник «Воронежгражданпроекта», доцент Инженерно-строительного института. В конце 1937 г. Молчанов женился на Н. Е. Штемпель, но уже в конце 1937 г., после того, как он решил вернуться в свою прежнюю семью в Корочу, они разошлись. Это краткое замужество Н. Е. Штемпель нашло свое отражение в стихотворении Мандельштама «Клейкой клятвой липнут почки...».

13 февраля 1976 г., г. Короча

13. II. 76 г.

г. Короча.

Добрый день, Наташа!

Твое письмо не заблудилось в корочанских переулках, хотя и пришло с запозданием. Вспоминал и я о тебе и собирался написать (адрес сохранился), но по природе я ленив, и всегда находится какое-то дело или занятие, не терпящее отлагательства.

Интересно, каким образом до тебя дошло мое стихотворение, которое я послал только одному своему знакомому, — И. Р. Быче-

ку, с которым имею переписку — мы играем с ним по переписке в шахматы. Теперь имею возможность послать тебе еще один стишок, напечатанный там же, где и «Осень 75». На эту тему я написал в 1967 году, когда мне исполнилось 60 лет, и напечатал его в многотиражке института, но сейчас основательно переделал и имел моральное право отдать его в газету. От традиционной манеры теперь уже поздно отходить, да я и не вижу в этом ничего плохого.

Живу я тихо и спокойно, стараюсь поменьше нервничать и злиться, хотя и здесь достаточно поводов для этого. Понемногу занимаюсь проектированием для колхозов, но в основном занимаюсь хозяйственными делами, садом, огородом, кроликами.

На днях отметили день рождения отца, ему исполнилось 96 лет. За последнее время стал сильно сдавать, изменилась походка, слабеют зрение и слух, но всё теплое время он проводит целыми днями в саду за различными работами. Без дела сидеть не любит. Мачеха моя, Нина Михайловна (может, ты ее помнишь — маленькая, кругленькая), гораздо слабее его, хотя и на 15 лет моложе. Она уже несколько лет не выходит дальше крылечка своего дома из-за слабости в ногах, да и по комнатам двигается с трудом. Что касается сестры Веры, то она всё время лечится от различных болезней и только об этом и может говорить. Она и сейчас в Харькове у сына, проходит там курс лечения иглоукалыванием.

Отец великолепно помнит все события своей жизни и с ним интересно было бы беседовать, если бы не необходимость кричать на ухо (слуховой аппарат он никак не хочет носить). Слушает постоянно радиопередачи, запуская на полную мощность репродуктор. Зимой он скучает из-за недостатка физической нагрузки, а летом оживает. Хотелось бы знать, как ты живешь, как приспособилась к пенсионному образу жизни? Надеюсь, что ты напишешь об этом. Как дела у Виктора, работает ли в Воронеже Немировский или переехал в Москву?

Должен сказать, что я не скучаю и не жалею, что уехал из Воронежа. Дёла здесь всякого много, и не хватает только времени. Играю в шахматы по переписке, а в турнирах приходится участвовать редко — 1–2 раза в год с выездом в Белгород или другой город. Здесь в Короча шахматы в загоне. Здоровье у меня в удовлетворительном состоянии, правда, прошлую зиму болел довольно долго бронхиальной астмой. Езжу ежегодно в Трускавец — лечу холецистит. От чего помру — пока не знаю. Продолжается переоценка ценностей, как литературных, так и общественно-политических.

Будь здорова. Пиши.

Борис.

3. III. 76 г.

г. Трускавец.

Добрый день, Наташенька!

Поздравляю с праздником — днем 8 марта!

Привет из Прикарпатья! С 20 февраля я здесь пью минеральную воду с ласковым названием «Нафтуся», стараюсь подлечить свою печень. Здесь я уже 6-й раз, так что всё знакомо и приелось. Толпы празднующихся в парке и на улицах, не знающих, как убить время в промежутке между питьем воды и приемом пищи; импровизированный хор из случайных людей, расположившийся всегда в одном и том же месте возле бювета и распеваящий украинские песни с утра и до темноты; реклама разных ансамблей и «творческих коллективов», приехавших сюда в погоне за хорошими сборами. Я стараюсь всего этого не замечать — отсиживаюсь в читальне Дворца культуры или, если позволяет погода, ухожу подальше в парк, переходящий в лес.

Твое письмо мне переслали из Корочи, и первым делом постараюсь тебе ответить на поставленные вопросы. Газету возвращать не нужно — у меня еще несколько экземпляров осталось. Короча, конечно, изменилась за эти 40(!) лет. Из соседних деревень очень много переселилось людей, там, где были огороды и сады, появились частные домишки. Нет нашего сада — почти весь квартал занял рынок, а вокруг дома ни одного деревца, на всю длину бывшей нашей усадьбы протянулся по улице 3-этажный дом. Наш домишка еще стоит, но подлежит слому в ближайшее время. В нем живет Вера, а отец живет на усадьбе Нины Михайловны, куда мы с тобой ходили однажды пить чай. Только тот дом сгорел в 43-м, и отец построил новый, совсем маленький. Кажется, я тебе уже рассказывал об этом в Воронеже.

Рисовать отец давно бросил из-за плохого зрения, а сейчас и письма не может писать, и мы с Верой пишем под его диктовку. Переписка у него большая, но, как я считаю, довольно пустая: к каждому празднику он посылает около 30 открыток и получает столько же. Но это ему доставляет большое удовольствие, он собирает эти открытки и иногда просит перечитать некоторые. Пишут главным образом ученики, многие из которых уже состарились и постепенно уходят. Ведь он преподавал в двух гимназиях (мужской и женской) с 1907 года, и даже Нина Михайловна была его ученицей.

Вера живет одна, но к ней часто наезжает из Донбасса ее друг — поэт Михаил Фролов, хотя последнее время стал появляться значительно реже, чем раньше. Между тем она к нему привязалась на-

столько, что без него, кажется, и жить не сможет. Что касается меня и папы, то он нам не симпатичен, если мягко выражаться. Неумен, стихи пишет весьма посредственные, выпивоха и пр. Что будет дальше — трудно сказать. (В 1967 г. была издана маленькая книжонка его стихов).

Навсегда ли я уехал из Воронежа? На этот вопрос я ответить не могу. В ближайшее время возвращаться не собираюсь, но обстоятельства могут измениться. Пока жив отец, я останусь в Короче, так как он привык уже видеть меня каждый день и мой отъезд был бы для него большим ударом. Но не это, конечно, главное, что меня удерживает в Короче. Дело в том, что я привык к физическому труду и никак не могу обходиться без этого. А здесь у меня и зимой и летом достаточно условий для того, чтобы приложить руки. Есть сад, огород, кролики, которых надо кормить травой, и пр. и пр. Человеку в нашем возрасте необходим полезный труд, результаты которого можно видеть. Всякие там пробежки, прогулки, зарядки не могут заменить полезного труда, являются лишь паллиативами, малоэффективным заменителем, как какой-нибудь сорбит не может заменить сахара в питании человека.

Мои знания по специальности также не остаются без применения. Дважды я работал по 2 месяца в Белгороде, в «Межколхозстрое», а прошедшее лето и осень составлял проект большого гаража для сельскохозяйственных машин в соседнем колхозе. Надо сказать, что я берусь только за такую работу, которая мне по душе, т.е. содержит в себе что-то новое, оригинальное. Так, для Межколхозстроя я разработал проект универсального сельскохозяйственного здания с висячим покрытием, конструкция которого была еще в 67–68 годах предложена мною на конференции по сельскохозяйственному строительству в Москве. Собирались его быстро построить, но потом дело застряло из-за недостатка средств и до сих пор строительство не начато.

В колхозе, который находится всего в 12 км от Корочи, я познакомился с председателем колхоза, любителем всяких новинок, и он мне предложил составить проект гаража, в котором можно было бы вместить всю сельскохозяйственную технику колхоза (комбайны, тракторы, грузовики и пр.). При этом условие такое: как можно больше применять кирпича (у них свой завод) и как можно меньше железа, так как его трудно достать. Пришлось повозиться над этим проектом несколько месяцев, но получилось неплохо, и я думаю представить его на ВДНХ (разумеется, после окончания строительства).

Работы уже начаты, сейчас кладут стены, а летом этого года предполагают половину здания ввести в эксплуатацию. Во время

строительства приходится вести наблюдение, т. е. авторский надзор, благо это близко от Корочи.

Как видишь, дел у меня хватает. Порой мне кажется, что я никогда еще не был так загружен, как сейчас. Некогда почитать хорошую книжку, послушать радио, которое я предпочитаю, так как телевизор работает по принципу «лопай, что дают», а тут есть большой выбор.

Ты вот пишешь, что интересные книги доставать всё труднее. Но это еще бы полбеды — можно поискать в прошлом веке и в первой трети нынешнего. Хуже то, что всё труднее найти интересных людей для обмена мыслями. Видно, великая техническая революция и всякие другие «повороты» так ударили по мозгам, что осушили их надолго.

Ты спрашиваешь, где я живу. Я бросил якорь на той же улице, где провел детские годы, но не у Веры. Живу с хорошей женщиной, сейчас она на пенсии, преподавала в интернате. Ей достался от родителей небольшой сад и половина дома — 2 комнаты и кухня. Во дворе 2 больших березы, которые всё лето посыпают двор маленькими звездочками своих зерен и служат обиталищем для скворцов. В другой половине дома живет ее сестра-одиночка, вот и все жильцы, если не считать кошки и кроликов во дворе.

Дом стоит далеко от главных магистралей, и шум автомобилей почти не доходит. Так что жить можно без помех. У Нины есть сын, который живет в Белгороде, преподает в Пединституте биологию, но детей у него нет, приезжает он к нам в Корочу довольно редко — занят докторской диссертацией, а если придет, мы играем в шахматы.

С Людмилой и Иваном я потерял всякую связь и не знаю, как они живут. С 1972 года не было ни одного письма. Я сначала писал, а потом тоже прекратил всякие попытки завязать переписку, хотя очень бы хотелось повидать внучку. Но это связано с нервозностью, и приходится воздержаться от встреч.

На этом кончаю затянувшееся свое письмо. Пиши мне в Корочу, если пришлешь «чужие стихи», то буду очень благодарен. Слышал о смерти твоей московской подруги и кое-что из ее книги.

Борис.

4 марта 1979 г., г. Короча

4. III. 79 г.

Милая Наташа!

Поздравляю тебя с праздником — днем 8 марта. Желаю от всей души хорошего здоровья и благополучия. Наша переписка оборва-

лась 2 года назад, но хотелось бы знать, как ты живешь, чем занимаешься. У меня без перемен, только вот отец умер в феврале на 100-м году жизни после тяжелой болезни.

Борис.

<Май> 1979 г., г. Короча

...решал вырубки, ругал за каждую срубленную ветку. Я рассчитывал с приходом теплых дней заняться его садом, да еще у меня там не закончена пристройка из 2-х комнат к его хате. Много дела и в огороде у Нины, а тут как назло внезапно у меня объявился радикулит, и теперь все дела затормозились, и неизвестно когда это кончится.

Расставаться с усадьбой отца очень не хочется, а может быть, и придется. Сестра не способна ни к какой физической работе, а нанять в Короча кого-нибудь со стороны невозможно. Думаю договориться с каким-нибудь бульдозеристом и часть усадьбы очистить, сохранив другую часть нетронутой.

Мне в настоящее время больше нравится работа в саду и на стройке, а к занятиям, связанным с работой мозга, никак не тянет. Читаю мало, вечером выкроишь время для радио, да иногда бывают более или менее терпимые телефильмы. Вот и всё. С удовольствием бы почитал хороших поэтов, но их сейчас так мало и найти в продаже невозможно.

В нашем книжном магазине художественной литературы всего одна полка, да и та почти пуста. В Белгороде и Харькове тоже мне ничего не попадалось. Если ты найдешь возможным что-нибудь прислать для прочтения, то я это сочту за великую милость и после прочтения немедленно верну по почте. Есть у меня еще одна «отдушина» — играю по переписке в областном турнире на первенство области, да каждую весну участвую в командных соревнованиях первозрядников в Белгороде.

Вот так мы живем. Зима была тяжелая для меня и сестры, но мне досталось больше, поскольку я здоровее ее.

Итак, желаю всего наилучшего.

Пиши.

Борис.

18 июня 1984 г. Москва.

18. VI. 84

Дорогая Наталья Евгеньевна!

Передаю Вам это письмо и «посылку» с Борисом Вишняком, моим товарищем в другом всей нашей семьи. Если возможно, попросите Васю как-нибудь выбрать часа полтора и прогуляться с Борей по мандельштамовскому Воронежу, когда у них у обоих будет время (Боря у вас в командировке с кучей дел).

Итак, «опись» содержимого:

1) Письмо от Семенко и фотокопия автографа. Это — наверняка текст суперобложки Боратынского!¹ Так что, как видите, гипотеза моя — не лишенная небольшого остроумия — оказалась несостоятельной. Я, правда, даже немного огорчился... Пожалуйста, уберите из примечаний к л. 53 последние 3 абзаца (об этой гипотезе). А автографы надо вставлять в альбом — оба! Один слева, другое справа, а посередине — ваш рассказ, так мне кажется. Фотокопию возвращать не надо, но если су-меете — сделайте для меня копию. И чудесно было бы, если сделать отпечаток с Викиного ксерокса для Ир. Мих.² — у нее этого нет. Это, пожалуй, главное. Идем дальше.

2) Ксероксы обложек №№ «Подъема», где были статьи О. М. (да, фото Нарбута я не смог достать).

3) Воспоминания Я. Я. Рогинского и, возможно, его фотография (завтра с ним встречаюсь еще раз). Воспоминания — непременно с возвратом, пусть Вася привезет (осенью я перепечатаю их и пришлю Вам экземпляр). По-моему, вполне можно сделать листик о Рогинском (и объединить его, скажем, с Леоновым).

4) Для Вас и для Васи я шлю по экземпляру обещанных стихов, а также [запись] разговора с Аметистовым. Только для Васи — запись разговора с Чирейским (у Вас это уже есть, я присылал).

5) Фотокопия статьи Кретовой (с возвратом). Конечно же, это не август, а апрель!

Вот, всё — не так уж и много, как видите. Да еще пара банок молока для Вас. Дьякова я пока не изловил — поймаю.

Когда придет Вася? Хорошо бы 27–28-го, а то 3-го июля мне, может быть, уже придется улетать на остров Врангеля. Как выяснится — позвоните, предупредите. Как идет у Вас работа? Разбирает ли Вася мой чудовищный почерк? У кого был, что интересного

узнал он? Звоните и пишите (если в июле — августе, то по адресу: Чукотский АО, пос. Певек, до востребования, Поляну П. М.³).

Обнимаю Вас, «тетушка»⁴, и по-братски жму Васину руку. Надеюсь, что почерк моей машинки вполне приличный.

Ваш П. Нерлер

Собрание П. Нерлера. Публикуется впервые.

¹ Речь идет об автографе стихотворения Мандельштама «К пустой земле невольно припадая...», записанного на суперобложке книги стихотворений Е.А. Баратынского.

² Речь идет о просьбе изготовить копию одной из статей В. И. Швейцер о Мандельштаме для И. М. Семенко.

³ Фамилия автора письма (Нерлер — его литературный псевдоним, которым он пользуется с 1976 г.).

⁴ В начале 1980-хх гг. автор письма, будучи начальником направлявшегося на юг экспедиционного отряда Института географии Академии наук СССР, где он работал, несколько раз останавливался вместе с отрядом на дневку фактически во дворе дома на Никитинской улице, где жила Н. Е. Для того, чтобы не посвящать шофера и членов отряда во все детали их с Н. Е. отношений и интересов, автор, по договоренности с ней, представлял ее как свою тетю, а себя как ее племянника. Н. Е. с блеском выполняла свою «роль», вставляя время от времени за чаем подходящие реплики.

**О НАТАЛЪЕ ШТЕМПЕЛЬ
ВОСПОМИНАНИЯ И СТИХИ**

ВОСПОМИНАНИЯ

Мария ЯРЦЕВА

НАТАША

<1>

Моя дружба с Наташей Штемпель

Как-то летом 1919 года спускались мы с мамой с Семинарской горы. У ее подножья увидели девочку с толстыми золотыми косами, весело прыгающую на одной ноге. Другая ножка была обута в тяжелый ортопедический башмак, зашнурованный почти до колена. Девочка играла сама с собой в «классы». Долго оглядывались мы на нее с чувством глубокого сострадания.

Спустя какое-то время снова увидели эту девочку. Она шла со своей мамой вверх по улице Каляева мимо дома, где мы жили. И однажды, завидя их, мама вывела меня на улицу навстречу к ним и, поговорив с Марией Ивановной — мамой девочки, сказала: «Пусть девочки подружатся».

Так произошло мое знакомство с Наташей Штемпель и началась наша дружба. Сразу же я пошла к ним. Они жили всего через пять домов от нашего, в доме с полуподвалом в форме буквы «Г». Занимали две комнаты с окнами на улицу и еще боковушку крошечную, окно которой выходило на крытый переход, ведущий в другую половину дома. В этой части жили: бабушка — мать отца Наташи Евгения Александровича, его сестра Вера Александровна с мужем Александром Ивановичем Небольсиным, дочкой Радой, сыном Вадиком и Таней. Последние двое были от первого мужа В. А., офицера Банковского, погибшего на войне 1914 г.

Когда Евгений Александрович в середине двадцатых годов окончательно оставил семью, Мария Ивановна сдала одну комнату студенткам Фане и Нюре (Анне Федоровне Бессоновой). Последняя осталась навсегда верным другом Наташиной семьи. В первый год нашей дружбы мы играли в куклы, читали сказки Пушкина, Андерсена, братьев Grimm, позже пристрастились к стихам. Вначале были —

Впервые: Н. Е. Штемпель. Мандельштам в Воронеже. М., 1992. С. 112–121 (в виде двух статей: «О моей дружбе с Натальей Евгеньевной Штемпель» и «Мои встречи с О. Э. и Н. Я. Мандельштам»). В настоящем издании печатаются по тексту первой публикации под общим названием и заголовком первой главки, данными составителями.

Некрасов, Никитин, Надсон, потом я притащила Алухтина, Гофмана, Ростана, Метерлинка. Позже увлекались стихами Пушкина, А. Толстого, Фета и Тютчева. Когда же удалось достать Антологию XX века, которую за размеры и тяжесть мы звали «кирпич», — с головой утонули в поэзии Гумилёва, Ахматовой, Пастернака и Цветаевой. Стихи Мандельштама тогда не затронули наши души. Стихи Пастернака тоже не всегда понимали, но с упоением читали их вслух. Марию Ивановну возмущало наше восхищение, она считала такие стихи неприемлемыми для «нормального человека». Но мы с Наташей чувствовали и воспринимали поэзию одинаково, наши души были настроены на одну гармоническую волну. И если иногда уставали от литературных излишеств, без объяснений прекращали на неделю встречи, но снова тянулись друг к другу, чтобы наслаждаться вместе стихами и выходящей тогда прозой — В. Каверина, Б. Пильняка, Ю. Тынянова, А. Толстого, В. Шкловского, И. Сельвинского. У нас была потребность дарить друг другу книги. Брат Наташи — Виктор дразнил нас за наши увлечения. Он был моложе Наташи на 6 лет. За всё долгое время дружбы не случилось между нами даже мелкой ссоры, не произнесено ни одного резкого слова. В 1922 году мы поступили в четвертый класс девятилетки, бывшей на улице Комиссаржевской. Предварительно подготовились в частной школе у старого педагога Берга. Сидели за одной партой, вместе шли в школу и из школы. Туберкулез бедра у Наташи временами обострялся, отчего пропускались уроки, и это влияло на успеваемость. Но несмотря ни на что, Наташа была жизнерадостной, не склонной к жалобам и меланхолии, очень терпеливой. Всегда восторженная, чувствительная, немного сентиментальная, с развитым чувством сострадания — она, как и я, очень любила животных.

Наташа очень хромала, большое бедро сильно выступало. Мария Ивановна всю жизнь считала себя виноватой, что вовремя не заметила начала болезни, и поэтому особенно заботилась о Наташе и приучала ее к мысли, что она не должна считать себя обделенной судьбой, но такой же полноценной, как все. Постепенно Наташа усвоила эту мысль и впоследствии в своем поведении не отличалась от окружающей молодежи, не чувствовала никакого стеснения. Когда пришло время отрочества, Мария Ивановна нашла нужным окружить Наташу ровесниками. Создался круг подростков: два двоюродных брата — Сергей и Андрей Лукьянчиковы — сыновья Ольги Ивановны (сестры Марии Ивановны), Володя Штемпель — тоже двоюродный брат, их товарищи — Шура Стародубцев и Борис Смирницкий и три девочки — Лида Ижогина (в замужестве Ашуркова), Рая Седых (будущая жена Сергея Лукьянчикова) и я. Позже присоеди-

лась Ира Иванова — дочь Евгении Ивановны Ивановой — старшей сестры Марии Ивановны. Эта «тетя Женя» была очень энергичной, деятельной женщиной. Она заведовала начальной школой, в которой учительствовала Мария Ивановна. Ира была моложе нас, ее в 16 лет мать выдала замуж за врача Н. Бганцева. У этих трех сестер был брат — Леонид Иванович Левченко (дядя Леня). Играли мы в незатейливые игры: третий лишний, жмурки, прятки, почту, даже в горелки в большом, разгороженном соседнем саду. Андрей очень хорошо играл на рояле, Шура — на скрипке, Вова развлекал остроумными и шутками (позже стал артистом Воронежского драматического театра), я пела какие-то романсы.

Нельзя не сказать несколько слов о Марии Ивановне, под влиянием которой формировался характер Наташи. Невысокая, круглолицая, с короткими волнистыми волосами и сияющими карими глазами, всегда с приветливой улыбкой, ласковая, тактичная и бесконечно трудолюбивая, она своим присутствием благотворно влияла на нашу компанию. Несмотря на усталость после работы и трудности материальные, угощала нас чаем, а иногда и чем-то вроде ужина. На Рождество всегда бывала елка. Когда Наташе исполнилось 16 лет, профессор Русанов сделал ей сложную операцию: удлинил больную ногу и вправил на место бедро. Наташа стала стройной хорошенькой девушкой. У нее было бело-розовое личико, русалочьи зеленоватые глаза и на правой щеке ямочка, придававшая особую прелесть ее улыбке. Мария Ивановна говорила: «Это амур поцеловал тебя в щеку». Наташа очень следила за своей одеждой, была аккуратна, всегда с красиво уложенными, но уже короткими волосами.

Однажды Мария Ивановна отрезала голенище у Наташиных ботинок и предложила ей попробовать походить в «баретках». Опыт удался. С тех пор Наташа избавилась от мучившей ее ноги шнуровки и носила довольно изящные закрытые туфли. Походка ее стала быстрой и почти ровной. О. Э. Мандельштам очень верно определил ее:

К пустой земле невольно припадая,
Неравномерной сладкою походкой
Она идет, чуть-чуть опережая
Подругу быструю и юношу-погодка...

После окончания школы в 1927 году Наташа осенью поступила на литературное отделение педфака Воронежского университета (ВГУ). Позже этот факультет выделился в самостоятельный пединститут. На этом факультете для студентов всех отделений профессором Павлом Леонидовичем Загоровским читались лекции по пе-

дологии. В руководимый Загоровским педологический кабинет привлекались студенты для обработки различных тестов.

Наташа увлеклась лекциями и лектором и стала работать в этом кабинете. После окончания университета продолжала работать в области педологии в бывших тогда педологических кабинетах под руководством П. Л. Загоровского. С целью повышения квалификации была командирована в Ленинград, где работала несколько месяцев, кажется, у профессора Кларка. Все проведенные ею исследования оформила в виде отчета и уже полагала, что нашла свою дорогу в жизни.

Но в начале тридцатых годов педология как наука потерпела крах. Преподавание ее из учебных заведений изъяли, а профессор Загоровский стал читать в ВГУ психологию. О нем как о широко образованном и обаятельном человеке написала Наташа в своих воспоминаниях «Мандельштам в Воронеже» (Новый мир, 1987, № 10). Крах педологии нанес Наташе тяжелый удар. В смятении она не представляла себе свою дальнейшую жизнь.

Все близкие, друзья и я тоже уговаривали Наташу работать по специальности, т. е. преподавателем русского языка и литературы. Вот тогда пришла помощь со стороны Нюры Бессоновой, работавшей в авиационном техникуме, где она вела эти занятия и заведовала кабинетом русского языка и литературы. Наташу приняли в техникум, и она проработала в нем до пенсии.

Первое время ей очень помогали Нюра и Валентина Ивановна Медведева — филолог, окончившая аспирантуру в Москве, но не допущенная к защите диссертации в связи с репрессией ее мужа как китаевода. В тридцатых годах Наташа была в приятельских отношениях с ботаником Ф. Марфиным (убит на войне), С. Б. Рудаковым, сосланным в Воронеж (убит на войне) и инженером Борисом Молчановым. С последним Наташа узнала супружескую жизнь. Но счастье оказалось очень кратковременным, потому что Борис вернулся к своей семье, причинив Наташе тяжелую травму.

Но присущая Наташиной натуре сила духа помогала ей всю жизнь мужественно переносить удары судьбы.

С. Б. Рудаков посещал сосланного в то время в Воронеж поэта Осипа Эмильевича Мандельштама, восхищался его поэзией и много говорил о нем Наташе. Когда Рудаков уехал из Воронежа, Наташа решилась на знакомство с поэтом. Впервые о семье Штемпель и этом событии написал А. Немировский — в воронежском журнале «Подъем» (1966, № 1), а позже сама Наташа подробно описала свое посещение О. Э. Мандельштама и дружбу с поэтом в своих воспоминаниях. Бывала и я изредка у Мандельштамов, даже сфотографиро-

Н. Е. Штемпель. 1930-е гг. (Архив Н. В. Гординой)

*Е. А. Штемпель и М. И. Левченко,
отец и мать Н. Е. Штемпель. (Архив
Т. В. Ледовской)*

*В. Е. Штемпель, брат Н. Е. Штем-
пель. (Архив Т. В. Ледовской)*

*Н. Е. Штемпель и М. И. Левченко.
(Архив Т. В. Ледовской)*

Н. Е. Штемпель. Конец 1920-х гг. (Архив Н. В. Гординой)

*Дом М. И. Штемпель по ул. Каляева.
Художественная реконструкция
М. В. Перфильевой по описанию
Н. Е. Штемпель. (Архив Н. В. Гординой)*

*Кресло из дома на Каляева. На нем
любил посидеть и О. Э. Мандель-
штам. (Архив Т. В. Ледовской)*

Ул. Каляева. 1930-е гг. (Архив Н. В. Гординой)

Н. Е. Штемпель. 1930-е гг. (Архив Н. В. Гординой)

Н. Е. Штемпель с «кисиком» (Архив Н. В. Гординой)

Н. Е. Штемпель кормит кошек во дворе. 1987 г. (Архив Н. В. Гординой)

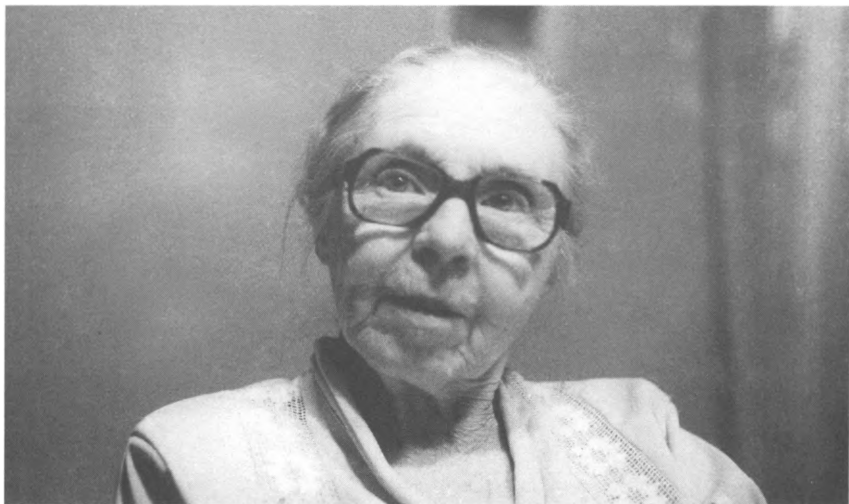

Н. Е. Штемпель. 1980-е гг. (Архив Н. В. Гординой)

Н. Е. Штемпель. (Архив Н. В. Гординой)

Н. Е. Штемпель. (Архив Н. В. Гординой)

Н. Е. Штемпель с книгой. (Архив Н. В. Гординой)

*Сидят: О. Е. Киселева, Р. С. Иткина, Д. П. Заславский, Н. Е. Штемпель.
Стоит: А. С. Масакова (соседка Н. Е. Штемпель). (Архив Н. В. Гординой)*

*Н. М. Митракова, Н. В. Гордина, Т. Л. Гурина, Н. Е. Штемпель.
(Архив Н. В. Гординой).*

*М. В. Ярцева.
(Архив Д. П. Заславского)*

Р. С. Иткина. (Архив Н. В. Гординой)

*Н. М. Митракова, В. А. Свительский, С. Н. Лукьянчиков (двоюродный брат Н. Е. Штемпель), Н. Е. Штемпель, Виктор и Нелли Гордины.
(Архив Н. В. Гординой)*

Слева направо: Л. К. Коськов, П. М. Нерлер, О. Е. Кислева, Н. В. Гордина, В. И. Исаянц, В. Л. Гордин, Д. П. Заславский, Н. Е. Штемпель. (Архив Н. В. Гординой)

*В. Л. Гордин, Л. М. Мнухин, Н. В. Гордина, Н. Е. Штемпель, А. В. Гордин.
(Архив Н. В. Гординой)*

*Сидят: Л. Баев, Г. М. Умывакина, Л. М. Мнухин, Н. Е. Штемпель.
Стоят: Д. П. Заславский и Л. К. Коськов. (Архив Н. В. Гординой)*

Н. Е. Штемпель и П. М. Нерлер. (Архив Н. В. Гординой)

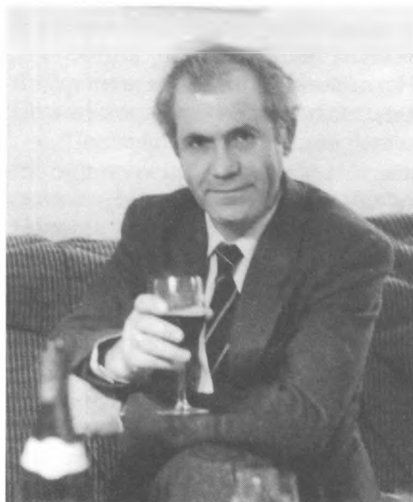
Н. В. Гордина, Н. Е. Штемпель и А. Г. Мец. (Архив Н. В. Гординой)

Н. Е. Штемпель и Розмари Герцог. (Архив Н. В. Гординой)

Французские слависты Шарль Кола и Анн Фэвр-Дюпэер и Н. Е. Штемпель. (Архив Н. В. Гординой).

В. Л. Гордин. (Архив Н. В. Гординой)

Н. Е. Штемпель во время выступления в клубе «Воронежский библиофил» 23.4.1987 г. Слева – А. С. Крюков. (Архив Н. В. Гординой)

Кружок любителей книги
«ВОРОНЕЖСКИЙ БИБЛИОФИЛ»
при научной библиотеке ВГУ

ПРИГЛАШАЕТ ВАС

23 апреля 1987 года
на 86-е заседание

Начало в 16 часов.

**ОСИП ЭМИЛЬЕВИЧ МАНДЕЛЬШТАМ
В ВОРОНЕЖЕ**

Н. Е. Штемпель

В. Л. Гордин

Пригласительный билет на выступление Н. Е. Штемпель в клубе «Воронежский библиофил» 23.4.1987 г. (Архив Н. В. Гординой)

Это было зимой 1918 года (или 1919).
Представителями советской власти
активно и ^{в Ярославле} охотно пропаганду на-
звали ^{тогда} того, что можно Митро-
фану угодника ^{из монастыря} ~~перекрестить~~
краеведческий музей.

Мне было ^{тогда} ~~десять~~ лет, и в ту же или
несколько лет я таял во сне.
Семья, в которой я родился, сви-
сожили кракотовскими детьми,
о том я тогда судить значительнее
позднее, в лугах аныче этого
слово интеллектуальная не была
религиозной. Но какие-то отголос-
ки событий сохранились до меня.
Очевидно, ^{среди нас делался перелом} ~~нашей~~ ~~жизни~~ ~~и~~ ~~ведущей~~-
щие, так эти властью ~~принимать~~
через несколько дней возмущения ~~и~~
отрадно в ~~монастырь~~.
Кругом ~~ушли~~ ~~монастырь~~ был
открыт, там ~~непрерывно~~ ~~шла~~
служба.

вала однажды О. Э. с его тещей Верой Яковлевной, когда жена его Надежда Яковлевна уезжала по делам в Москву.

Война разъединила меня с Наташей. Брат ее Виктор был на фронте, а Мария Ивановна с Наташей эвакуировались с техникумом на восток. В сороковых годах Наташа стала членом ВКП (б).

После войны я изредка бывала летом в Воронеже, гостила у своих однокурсников или у Наташи. Мария Ивановна считала меня своим человеком и делилась своими горестями. За время эвакуации Наташа очень сблизилась с П. Л. Загоровским и была очень счастлива. Но жизнь продолжала отнимать у нее дорогих людей. Умер Загоровский и вскоре после него Мария Ивановна. Отчаяние Наташи было беспредельно, и брат Виктор, уцелевший в пекле войны, прилагал все усилия, чтобы облегчить ей жизнь. Помог перебраться в выделенную Наташе техникумом двухкомнатную квартиру на Никитинской №38-а и благоустроил ее по Наташиному желанию. В своей жизни мне не довелось больше встретить такого любящего, внимательного сына и брата.

Кажется, в шестидесятых годах Наташа познакомилась с доктором исторических наук А. Немировским — человеком, эрудированным в истории искусства, писавшим стихи и романы. Эти особенности его интеллекта привлекли Наташу и привели к возникновению прочной дружбы. Некоторое время А. Немировский с семьей жил у Наташи. В это время близкими подругами Наташи были Раиса Соломоновна Иткина и Женя Перкон. Последняя особенно дорога была Наташе по общим взглядам на жизнь, любви к литературе. Наташа в эти годы часто бывала в Москве, посещала Н. Я. Мандельштам, имела там большое знакомство с интересными людьми. Потеря Жени была еще одной горькой утратой.

Постепенно у Наташи в Воронеже создался новый круг друзей, в основном из молодежи — поклонников поэзии О. Э. Мандельштама и любителей литературы. Собирались у Наташи, делились литературными новостями, читали стихи, слушали пластинки с голосами Ахматовой, Пастернака, помогали Наташе в составлении альбома «Мандельштам в Воронеже». Доцент ВГУ Виктор Леонидович Гордин оформил все фотоснимки для этого альбома. Помогали печатать на машинке, клеить, осуществлять связь с библиотекой им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и ЦГАЛИ в Москве, когда Наташа уже не могла совершать такие поездки. Наташа была гостеприимна, участлива, равнодушна к деньгам. В квартире ее всегда было уютно, отсутствовала власть вещей и царили книги.

Дружба наша продолжалась, но уже не совсем с прежней полной открытостью со стороны Наташи: разные были дороги жизни,

иные сферы деятельности. Но неугасимая любовь к стихам по-прежнему связывала нас, как и память о детстве и юности.

В семидесятых годах Наташа читала мне рукопись своих воспоминаний об О.Э. Мандельштаме, говорила, что передаст ее в библиотеку Салтыкова-Щедрина. В восьмидесятых годах показывала составлявшийся тогда ею альбом на эту же тему. Мы обсуждали распределение в альбоме фотографий, текста и отрывков стихотворений поэта.

Последний раз мы бывали вместе по нескольким дням летом 1985 и 1986 гг., когда я жила у Наташи. 1985 был годом смерти брата Виктора — последний удар судьбы. Она говорила, что ее мучает неустойчивое кровяное давление и головная боль. Непривычно было слушать об этом, ведь Наташе не присущи были жалобы.

В конце января 1988 г. Наташа поразил инсульт. Она долго, тяжело болела, и несмотря на все старания и заботы врачей и друзей, ее организм не справился с болезнью. Она умерла 28 июля 1988 г. восьмидесяти лет от роду. Ее смерть — потеря невосполнимая. Иногда я думаю — может быть, не было бы инсульта, если бы не было двух тяжелых ударов по голове, перенесенных Наташей. Первый, кажется, в шестидесятых, с потерей сознания, она получила от неизвестного человека на лестничной площадке своего дома, когда возвращалась вечером с работы. Второй — позже в техникуме во время бури, сорвавшей оконную раму, обрушившуюся на Наташину голову и рассекающую покровы головы.

Из всех упомянутых мною родственных лиц остались лишь двоюродный брат Сергей Николаевич Лукьянчиков, живущий в Вологде, и семья брата Виктора, проживающая в Воронеже: его жена — Татьяна Олимпиевна, дочь — Татьяна и внучки Оля и Лена — школьницы.

Киев, январь 1989 г.

<2>

Мои встречи с О. Э. и Н. Я. Мандельштам

Эти скудные отрывки воспоминаний были написаны мной по настоятельной просьбе А.Г. Меца, изучавшего творчество О.Э. Мандельштама. Военные и послевоенные сложные и трудные годы жизни стерли в моей памяти существенные подробности моих встреч с Мандельштамами. Остались отдельные эпизоды без последовательного изложения событий того времени, но, вероятно, и ма-

лые проблески памяти могут иметь значение при соприкосновении с трагической судьбой большого поэта.

Итак, весной 1936 г., зайдя к своей школьной подруге Наташе Штемпель, я увидела высокого незнакомого молодого человека с беспокойным взглядом огненных глаз и порывистыми движениями. Это был С. Б. Рудаков, отбывавший ссылку в Воронеже. Почти сразу я ушла домой, но впоследствии еще не раз встречала его у Наташи.

Как-то раз мы и Б. Молчанов гуляли в Первомайском саду. Говорили, конечно, о стихах, но не помню, чьих. В то время я увлекалась фотографированием и часто бродила с деревянной треногой и фотоаппаратом в поисках живописных мест. С таким «оборудованием» летним солнечным днем пришла к Наташе и сфотографировала С. Б. в садике у дома. Затем мы пошли вниз по улице Каляева к склону, на вершине которого еще сохранились могучие стены Алексеевского монастыря. И здесь объектом съемки был снова С. Б. в высоких травах.

За отсутствием фотобумаги отпечатала я снимки на синьке. В начале 80-х годов, когда Наташа и Виктор Гордин (доцент ВГУ) монтировали альбом «Мандельштам в Воронеже», Гордину удалось оформить первый снимок как черно-белый, но второй снимок не поддался обработке.

В июне этого же года С. Б. возвратился в Ленинград по разрешению выше. Вот от него, восхищавшегося Мандельштамом и общавшегося с ним, и узнала Наташа, что О. Э. Мандельштам находится в ссылке в Воронеже, и после отъезда С. Б. решила пойти к Мандельштамам. Этот смелый поступок описан подробно А. Немировским в статье «Осип Мандельштам. Из Воронежских тетрадей», где приведены десять стихотворений поэта. (Журнал «Подъем», 1966, № 1).

Наташа подружилась с Мандельштамами и как-то весной 1937 г. предложила пойти к ним вместе. Тогда они жили в доме театральной портнихи. Местоположение этого дома и комнату Мандельштама Наташа описала подробно в своих воспоминаниях: «Мандельштам в Воронеже» (журнал «Новый мир», 1987, № 10).

Много лет прошло с тех пор, потускнели впечатления от этой встречи, но где-то в глубине памяти сохранилось то ощущение неустроенности, временности, отчужденности обитателей этой комнаты от жизни, шумящей за ее окнами. Меня сковало тогда чувство стесненности перед поэтом, его пытливым взглядом и неразговорчивостью, и я сосредоточилась на Надежде Яковлевне, приветливо меня встретившей. Так и сложились отношения при последующих встречах: Наташа с Осипом Эмильевичем, я — с Надеждой Яковлевной. Однажды О. Э. даже сказал Н. Я.: «Девочки поделили нас — На-

таша выбрала меня, а Маруся тебя». Н. Я. предложила мне изучить с ее помощью английский язык, которым она владела в совершенстве. Учить путем заучивания наизусть английских стихов. Такие занятия были раза три, так как в мае 1937 года Мандельштаму разрешили покинуть Воронеж. От такого обучения осталась в моей памяти одна строчка Эдгара По: «of the beautiful Annabel Lee».

При последующих моих посещениях я видела Осипа Эмилевича обычно углубленного в свои размышления, но однажды, сидя с ногами на диване, он начал читать вслух, как-то отрешенно, стихи. Помню только строки Батюшкова: «Ты поднимаешься, о Байя, из гробницы при пробуждении Аврориных лучей». Особенности его голоса и интонаций усиливали мерный, торжественный ритм этого стиха. Затем О. Э. стал читать что-то на итальянском языке. Возможно, из «Божественной комедии» Данте, которую он тогда изучал.

В другой раз я зашла к Мандельштамам с фотоаппаратом. Надежда Яковлевна находилась в Москве, а к О. Э. по его просьбе приехала мать Н. Я. — Вера Яковлевна. Вот тогда я и сфотографировала их на площадке перед домом. Этот снимок имеется в альбоме Наташи и В. Гордина «Мандельштам в Воронеже» (ныне он хранится в Москве в ЦГАЛИ).

Перед отъездом из Воронежа было решено сфотографироваться на память. О. Э. не хотел подводить фотографов ателье, и мы пошли на базар и осуществили наше желание моментальной фотосъемкой. Это была моя последняя встреча с Мандельштамами в Воронеже. О трагической смерти О. Э. узнала я от Наташи в 1938 году. В 1948 г. Наташа передала мне пакет с просьбой хранить его в Киеве, сказав, что в нем письма Мандельштама. Пакет был возвращен Наташе, по ее просьбе, в 1951 году.

Но с Надеждой Яковлевной мне пришлось свидеться еще раз в шестидесятых годах, когда проездом через Москву в Ульяновск, я ехала к своей сокурснице профессору-ботанику Р. Е. Левиной. Узнав предварительно у Шкловских адрес Н. Я., я на короткое время зашла к ней. Н. Я. жила в Черёмушках, в выделенной ей однокомнатной квартире. Очень изменившаяся, постаревшая Н. Я. встретила меня радушно, участливо расспрашивала о прожитой жизни, показала репродукции и подлинники имеющихся у нее картин. Посоветовала мне навестить в Ульяновске интересного человека — профессора А. А. Любищева, даже дала рекомендательную записку. В 50-х годах Н. Я. жила в Ульяновске, работала в пединституте и была в большой дружбе с Любичевым. Только один раз пришлось мне побывать у А. А. Любищева, человека энциклопедических зна-

ний. О масштабе его личности многое сказал писатель Д. Гранин в книге «Эта странная жизнь» (М., Советская Россия, 1974 г.) Позже об этом ученом было опубликовано специальное исследование. Это всё, что сохранила память о Н. Я. и О. Э. Мандельштам.

Но запали навечно в душу пронзительные строки А. Ахматовой, посетившей О. Э. в Воронеже:

А в комнате опального поэта
Дежурят страх и Муза в свой черед.
И ночь идет.
Которая не ведает рассвета.

Киев, март 1988 г.

Елена СТАРОДУБЦЕВА

Воронежские страницы

Это было в 1937 году... На всю жизнь мне запомнился синий мартовский вечер в родном городе Воронеже и уютная квартира моей учительницы литературы Натальи Евгеньевны Штемпель на улице Каляева. Наталья Евгеньевна, мой друг, моя наставница, преподавала литературу в Воронежском авиационном техникуме. Там же преподавала математику моя родственница Ольга Ивановна Сабина. Ее и Наталью Евгеньевну связывала многолетняя дружба.

В тот памятный вечер, о котором я хочу рассказать, мы сидели за круглым столом в гостиной Натальи Евгеньевны, и она готовила меня к выступлению на литературном кружке в школе. Мне предстояло сделать доклад о поэтах-символистах, в частности, о Бальмонте. Наталья Евгеньевна рассказывала мне о языке символической поэзии, о сочетании в нем красок и звуков, о том, как Бальмонт, создавая стихи, всматривался в каждую букву и вслушивался в ее звучание. Она прочитала мне два стихотворения. Они запомнились мне, вероятно, по резкому контрасту вложенных в них чувств и настроений:

С лодки скользнуло весло.
Ласково млеет прохлада.
«Милый! Мой милый! — светло,
Сладко от беглого взгляда...».

Впервые: Вечерняя Одесса. 1991. 18 декабря. С. 2 (под заглавием: «Воронежские страницы: памяти О. Э. Мандельштама»). Автор — кандидат медицинских наук, сотрудник НИИ глазных болезней им. академика В. П. Филатова. Название изменено составителями.

И вот второе:

Полночной порою в болотной глуши
Чуть слышно, бесшумно шуршат камыши.
О чем они шепчут? О чем говорят?
Зачем огоньки между ними горят?
Мелькают, мигают, и снова их нет.
И снова забрезжил блуждающий свет...

Неожиданно кто-то позвонил у входной двери, послышался мужской голос. Когда дверь отворилась, в комнату вошел мужчина — сама элегантность и непринужденность, большой высокий лоб, немного ироничный взгляд умных и печальных глаз. Это был поэт Осип Эмильевич Мандельштам. Он подошел к Наталье Евгеньевне с букетиком подснежников, поцеловал руку, поздоровался со мной и сел в сторонке, чтобы не мешать нашим занятиям. Потом мы вместе пили чай. Вечером Наталья Евгеньевна и Осип Эмильевич проводжали меня домой? Оказалось, что я и Мандельштам жили в одном доме по улице Ф. Энгельса, 13б: он с женой Надеждой Яковлевной в квартире №39, а я в 20-й.

Позднее Наталья Евгеньевна рассказала мне о поэзии Мандельштама. О том, что его любимыми русскими поэтами были Батюшков и Лермонтов.

Хочу рассказать один эпизод, что касается отношения Мандельштама к Лермонтову. В пушкинские дни Наталья Евгеньевна и Осип Эмильевич были на выставке в университетской фундаментальной библиотеке. В экспозицию, естественно, входило и посвященное Пушкину стихотворение Лермонтова «Смерть поэта». Однако же из него, конечно не случайно, выпустили такие строки: «Но есть и божий суд, наперсники разврата! Есть грозный суд: он ждет; он недоступен звону злата, к мысли и дела он знает наперед...». Это вызвало бурю негодования со стороны Мандельштама. Он успокоился лишь тогда, когда заведующая библиотекой обещала восстановить пропущенный текст.

Я думаю, что Мандельштам, как и Лермонтов, нес в себе самую драму своей жизни и предчувствие трагического конца. И светлой страницей в этой драме была встреча Мандельштама с моей любимой учительницей Натальей Евгеньевной Штемпель, которую он называл «Наташа-Ясная». Это была необыкновенная женщина!

Очаровательная внешность, чуть прихрамывающая походка, богатство души и человеческой доброты. В сохранившемся дневни-

ке моей родственницы Ольги Ивановны есть такие слова о Наталье Евгеньевне:

«...Когда я вспоминаю Наташу, Наталью Евгеньевну, нашу словесницу, я, закрыв глаза, вижу ее не в том деловом виде, а так, как мне случилось увидеть ее однажды в нашем чудесном вестибюле техникума. Она только что поднялась на ступени и вся видна на свету: молодая, хрупкая, в строгом черном английском костюме и черной лакированной соломенной шляпке с откинутыми полями назад на пышных белокурых волосах. В руках букет огромных лиловых анютиных глазок и крупных незабудок, каких не найдешь ни в лесу, ни в поле.

— Наташа, откуда такие цветы?

— Это Феденька дал, — и застенчивая улыбка являет ямочки на щеках. — Хотите?

Мы разбираем волшебные веточки, и только тогда я узнаю, что Феденька заведует Ботаническим садом, выращивает всякие чудеса, сам белокур, голубоглаз, лирик, любит и знает поэзию так же, как и Наташа¹.

Такова была Наталья Евгеньевна. Она подарила Мандельштаму всю глубину и преданность своей души и дружбы, осветила его тяжелую судьбу молодостью, любовью к поэзии, нравственной чистотой.

Из всех, очень немногочисленных, друзей Мандельштама в Воронеже больше всего радости доставляла ему Наташа Штемпель. В страшные дни 1936–37 годов, когда кругом происходили аресты и многие из предосторожности отделились от Мандельштама, Осип Эмильевич и его жена Надежда Яковлевна в доме Наташи неизменно встречали тепло и гостеприимство.

Я очень любила Наталью Евгеньевну и гордилась нашей дружбой. Мне казалось, что от моей учительницы было светло всему миру. Она превосходно знала и самозабвенно любила поэзию, помнила наизусть множество стихов разных поэтов. Это очень в ней ценил Осип Эмильевич. В годы моей юности, мечтательности и пылкой фантазии мне всегда хотелось думать, что Мандельштам был влюблен в мою Учительницу. Как бы там ни было, Наталья Евгеньевна стала лирическим персонажем нескольких его стихотворений. Об одном из них, посвященном Наталье Евгеньевне, он сам сказал: «Это любовная лирика. Это лучшее, что я написал». А написал он эти стихи после прогулки с Наташей холодной майской ночью по воронежским улицам:

---

¹ О Ф.С.Марфине см. примечание 5 к «Автобиографии» Н. Е.Штемпель.

К пустой земле невольно припадая,
Неравномерной сладкой походной.
Она идет, чуть-чуть опережая
Подругу быструю и юношу-погодка...

Есть женщины, сырой земле родные,
И каждый шаг их — гулкое рыданье,
Сопровождают воскресших и впервые
Приветствовать умерших — их призванье,
И ласки требовать у них преступно,
И расставаться с ними непосильно...

Когда Осип Эмильевич подарил ей эти стихи, он сказал: «Надюша знает, что я написал эти стихи, но ей я читать их не буду. Когда умру, отправьте их как завещание в Пушкинский Дом». И после небольшой паузы добавил: «Поцелуйте меня».

Наталья Евгеньевна потом вспоминала:

«Я подошла к нему и прикоснулась губами к его лбу — он сидел как изваяние. Почему-то было очень грустно. Упоминание о смерти, а я должна пережить?! Неужели это прощальные стихи?»

1 мая 1938 года Мандельштам был вторично арестован и отправлен в лагерь под Владивостоком — навстречу своей ужасной участи, на муки и смерть. Но звезда Осипа Эмильевича Мандельштама продолжала гореть ярким светом в душе Н. Е. Штемпель.

В годы войны, покидая Воронеж, осажденный врагами, Наталья Евгеньевна увезла с собой стихи, книжку, фотографии, письма Мандельштама и сберегла их, несмотря на все мытарства эвакуации. Вместе с моей родственницей Ольгой Ивановной они добирались до Куйбышева в товарняках, с пересадками. Вот запись из дневника Ольги Ивановны:

«В товарном вагоне у каждого из нас был свой угол на полу, где мы расстилали узенькие постели. Напротив меня и мамы помещались Штемпели, Нюра, Маруся Беликова и трое Муштавинских, родственников Штемпелей. На стоянках поезда мы выходили из вагона, научились делать из двух кирпичиков печь и варить, быстро и настороженно, в ожидании паровозного свистка...»

Ни в товарных поездах, ни на станциях, ни в деревнях Наталья Евгеньевна не расставалась с драгоценным свертком. Она знала, что все реликвии, связанные с памятью о Мандельштаме, нужно сохранить. И ей это удалось. На основании сбереженных ею материалов она впоследствии написала воспоминания о Мандельштаме, которые были опубликованы в 10-м номере журнала «Новый мир»

за 1987 год. Наталья Евгеньевна Штемпель, молодая учительница, уже в те далекие годы сумела понять, что Мандельштам был одной из самых исключительных поэтических натур.

Если бы она могла сейчас прочитать всё то, что я написала! Увы!.. Всё равно, сквозь толпу прожитых лет и без надежды на встречу, я шлю моей дорогой учительнице низкий поклон.

Наталья САМОХИНА

О Наталье Евгеньевне Штемпель: штрихи из 2001 года

Наталью Евгеньевну я узнала в 6 своих лет, в 22 ее. Дело в том, что Наталья Евгеньевна и моя мама Евгения Николаевна Перкон (тогда — Женя Самохина) обе учились на педфаке Воронежского университета. обе окончили его в 1930 году; учась на педфаке — дружили, были очень близки.

После окончания университета связь мамы и Натальи Евгеньевны прерывается на долгие годы и возобновляется уже только после войны (мы жили к этому времени в Москве, Наталья Евгеньевна — в Воронеже). Особенно тесной эта связь стала после того, как мы переехали в шестидесятые годы в более просторную квартиру, и Наталья Евгеньевна, навещаясь в Москву, уже всегда останавливалась у нас. С этого времени я, собственно, и помню ее уже очень хорошо и могу поделиться не столько какими-то новыми фактами, сколько своим общим впечатлением от этого прелестного человека, «Наташи», как звали ее все до самой старости.

Две страсти было у Натальи Евгеньевны — стихи и интересные люди. К людям — особенно чем-то интересным, она испытывала буквально жадность — всегда помню ее в окружении людей у нас дома (или у нее в Воронеже), или спешащей встречу с кем-то. Нам казалось, что это должно быть страшно утомительно для немолодой уже и не очень здоровой Наташи, но это был ее «образ жизни». Да и к ней, конечно, тянулись, особенно молодежь шестидесятых годов, — Наталья Евгеньевна всегда была в «ореоле» Мандельштама... Мне кажется, людей она предпочитала книгам (но не стихам). Кажется еще, узнав человека, «исчерпав» интерес к нему, она нередко к нему охладевала... (Хотя, конечно, существовали и «дружбы всей жизни».)

Впервые: Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников. М.: Наталис, 2002. С. 281-284.

О стихах. «Всепоглощающим» поэтом был, конечно, Мандельштам, — стихи перепечатывались, переписывались, дарились (именно от Натальи Евгеньевны мы узнали и получили в подарок подборку «Воронежских тетрадей»). Стихи постоянно читались вслух (по ее приезду из Воронежа — чуть ли не «с порога»). Кто слышал чтение Натальи Евгеньевны, у того, конечно, навсегда сохранилась в памяти ее неповторимая интонация, манера чтения (может быть, она в чем-то даже подражала чтению самого Мандельштама).

Из других поэтов — никогда не слышала, чтобы она читала кого-либо из «старых» поэтов. А из поэтов XX века больше других читала (с машинописного текста), пожалуй, Гумилёва, немного — Цветаеву (хорошо помню ее чтение «Попытки ревности»), никогда — Пастернака, да и чтения Ахматовой не помню (но здесь я могу ошибиться). Читались стихи обычно «с листа» (не наизусть). Но зато на втором месте (после Мандельштама) были стихи (если их рассматривать, так сказать, «суммарно») многочисленных молодых поэтов — они всегда толпились вокруг Натальи Евгеньевны, часто читали их сами; приходившие к Наталье Евгеньевне поэты (или считавшие себя таковыми) все несли ей стихи «на суд», все хотели знать ее мнение, и, надо сказать, она была щедра на оценки.

Возвращаясь к Мандельштаму, надо сказать, что для восприятия Натальей Евгеньевной его стихов было характерно невнимание, даже, пожалуй, безразличие к содержанию стиха (вернее, отсутствие стремления «всё понять», «разложить по полочкам», расчлениить, литературоведчески истолковать, найти литературные реминисценции и т. п. — всё, что так характерно для наших «мандельштамоведов»). Помню, мать моя, в общем, не любившая «непонятных» стихов, всё добивалась у Натальи Евгеньевны — что это за «кошачья голова во рту» в стихотворении «Скрипачка». Наталья Евгеньевна на это только застенчиво улыбалась, как бы говоря: «Какое это имеет значение?» (а может быть, и напрямую так говорила — не помню). Но, может быть, это и есть выражение истинной любви к стиху?

Сказанное не сильно противоречит произведенному в ее воспоминаниях комментированию: намерению «привязать» стихотворение к определенным реалиям — объяснить (если возможно), по какому поводу, в какой обстановке, на какой улице, <в каком> месте написано стихотворение, кому посвящено и т. д. — но это комментирование всегда носит бытовой характер.

Говоря о Наташе как о человеке, хочется прежде всего сказать о ее обаянии, о пленительной женственности, если хотите. Тихий голос, обворожительно-мягкие, напевные интонации речи — дове-

рительные, душевные... Но — и способность говорить иногда жестко, в голосе появлялись какие-то резкие и даже властные ноты... И это, конечно, было проявлением того, что под мягкой внешностью скрывался достаточно сильный, волевой характер... А вот Надежду Яковлевну она слегка «побаивалась» (да это и неудивительно).

Речь ее отличала большая обстоятельность, желание в рассказе на любую тему изложить всё в мельчайших деталях; неторопливость, отсутствие спешки, отсутствие «дерганья» (что так контрастировало с нашим московским бытом). Обстоятельно убрать квартиру, полить домашние цветы (их Наташа была большой любительницей — вспомним ее воронежскую квартиру), неспешно протереть вещи от пыли... Очень большое внимание к тому, как выглядит, как причесана, что надеть в гости, на вечер, на заседание. И была совершенно неумоима, — куда только ни мчалась из нашего кузьминского «далёка», несмотря на внешнюю хрупкость, болезненность...

И еще об одном, для многих, может быть, особенно в наши дни, неожиданным. Наталья Евгеньевна была абсолютно нерелигиозна. Если продолжать эту тему немного с другой стороны, — помню, как она была удивлена, когда узнала, что Ахматову (с которой была немного знакома через Надежду Яковлевну) отпевали и похоронили по церковному обряду (конечно, не порицала этого в людях, религиозность которых знала, ту же Надежду Яковлевну, хотя и здесь, мне кажется, она не без внутреннего удивления воспринимала ее религиозность).

Мне кажется, в Наталье Евгеньевне было много от старой провинциальной (в хорошем смысле слова) интеллигенции, от поколения русских педагогов. Ведь и мать ее, которую она безгранично почитала, была простой русской учительницей.

Александр НЕМИРОВСКИЙ

К письмам Надежды Яковлевны Наталье Евгеньевне

В 1992 году увидела свет ротاپринтная брошюра, состоящая из опубликованных ранее воспоминаний Натальи Евгеньевны Штемпель об Осипе Мандельштаме, ее автобиографии и других материалов, в том числе писем к ней ее друзей и знакомых.

В то время, если я не ошибаюсь, никому из мандельштамоведов не было известно о существовании корпуса писем к ней Надежды

Впервые под заглавием «Читая письма Н.Я. Мандельштам к Н.Е. Штемпель»: «Сохрани мою речь...», Мандельштамовский сборник. Вып. 4. М.: РГГУ, 2008. С. 279–290. Название изменено составителями.

Яковлевны Манделъштам. Он стал доступен П. М. Нерлеру некоторое время назад.

Впрочем, после того, как письма были мне любезно переданы для ознакомления, в памяти у меня всплыла одна из моих бесед с Натальей Евгеньевной. Речь шла о полученном от Надежды Яковлевны письме, в котором та высказывала удивление, «почему профессор (то есть я) не купит для нее дачу». Улыбаясь, Наталья Евгеньевна добавила: «Видите, Шура, какие у Надежды Яковлевны превратные представления о наших с Вами отношениях?» — «И о моих финансовых возможностях», — добавил я. Этого документа в письмах, полученных П. М. Нерлером, не оказалось. Он был ею, по понятным причинам, изъят.

О наших отношениях в нескольких словах. Н. Е. вошла в мою жизнь как верный друг и помощник во всех моих заботах и делах. Она стала как бы членом моей семьи, а после того, как семья распалась, помогла мне начать новую жизнь. Нас связывали взаимная симпатия и уважение друг к другу, со стороны Н. Е. — готовность помочь во всем, что было возможно. Далекая от моей специальности и профессии, Н. Е. фактически стала сотрудником созданной мною кафедры древней истории. Ее знали все студенты, специализирующиеся по кафедре. Она помогала в выпуске кафедральной газеты «Гермес» и составила указатель к одной из моих монографий. Она участвовала в воспитании моих детей. Мы жили вместе на даче, совершали совместные экскурсии. Обо всем этом знала Надежда Яковлевна со слов Н. Е. и из ее писем (по-видимому, гораздо более обстоятельных, чем письма Н. Я., которыми мы располагаем).

Письма охватывают более чем двадцатилетний период послевоенных отношений Н. Я. Манделъштам и Н. Е. Штемпель. Они характеризуют изменение взглядов Н. Я. Манделъштам по ряду вопросов, прежде всего связанных с публикацией стихов ее мужа. Надежда Яковлевна видела в Наталье Евгеньевне близкого друга и доверяла ей всё самое сокровенное, не рассчитывая на то, что письма когда-нибудь увидят свет.

Как явствует из вошедшего в переписку первого моего письма к Наталье Евгеньевне, наше знакомство произошло в вагоне поезда «Москва-Воронеж». Станным образом, нордический облик незнакомки, ее хромота («стесненная свобода одушевляющего недостатка») заставили меня вспомнить любимую мною с юности Сельму Лагерлёф с ее «Сагой о Йёсте Берлинге». Впоследствии, при более близком знакомстве с Н. Е., я отыскал еще одну общую их черту: Н. Е., как и знаменитая писательница, была дочерью сельской учи-

тельницы и дворянкой. И будь у меня больше сил, я бы смог написать не просто очерк, а сагу о Н. Е.¹

В год нашего знакомства я жил в Воронеже без семьи. С переездом в Воронеж моей жены и детей наши отношения укрепились. Не было и дня, чтобы Наталья Евгеньевна не посещала нашей воронежской квартиры (ул. Фридриха Энгельса, д. 8, кв. 59, в доме напротив хорошо ей знакомого здания, где она в 1936 году впервые познакомилась с Мандельштамами). Наталья Евгеньевна трогательно относилась к моим детям, провожала дочку в школу, помогала ей готовить уроки. Летом мы снимали дачу у одной хозяйки в живописном поселке Графское под Воронежем, совершали совместные поездки в Прибалтику и на Украину. После окончательного переезда семьи в Воронеж стало не хватать места для занятий, и я ухаживал работать к Наталье Евгеньевне, на ул. Никитинскую, где в маленькой комнатке написал большую часть выходявших в те годы в Москве и Воронеже статей и книг. Естественным образом, я оказался одним из наиболее часто упоминаемых персонажей этих писем. Беды мои того времени волновали не только Н. Е., но и Надежду Яковлевну, хотя последняя недостаточно разбиралась во всех моих трудностях и проблемах.

В письмах Н. Я. Мандельштам немалое место занимают сведения о публикации созданных в Воронеже стихов Осипа Эмильевича, известных как «Воронежские тетради». Однако здесь требуются некоторые пояснения. Первоначально, в 1965 году, предполагалось издание сборника стихов в Воронежском областном издательстве, и мною осуществлялась предварительная подготовка текста. После того, как издательство от этой идеи отказалось, я, будучи членом партии, решил обратиться за содействием к секретарю Обкома КПСС по пропаганде В. П. Усачёву (этот высокообразованный человек вскоре стал в Москве министром).

Незадолго до того мне стало в общих чертах известно содержание вышедшего в Париже романа о Мандельштаме «Воронеж». В нем наш город описывался как место жизни заключенных, находящихся за колючей проволокой. Я рассказал об этом Усачёву и прочитал ему по памяти строки ныне хорошо известных стихов Осипа Эмильевича, в которых звучало восхищение Воронежем. После этого видный функционер принял решение о публикации подборки стихов Мандельштама в журнале «Подъем», и мне оставалось принести ее в журнал вместе со вступительной статьей. Сами стихи, одобренные

---

¹ Впрочем, такая сага уже написана воронежским моим учеником Владимиром Шаровым. Это первый из его многочисленных романов, носящий название «След в след». Он посвящен Воронежу. Н. Е. — одна из его героинь.

в Обкоме, не могли вызвать возражения цензуры, но к моей вступительной статье цензором было сделано замечание: «нельзя писать о Мандельштаме, как о Пушкине». И статья моя была почти наполовину сокращена.

Первый краткий отзыв на эту публикацию появился в том же 1966 году в собрании сочинений О. Мандельштама, вышедшем за рубежом под редакцией Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Зарубежные издатели укоряли меня в том, что я не сослался на издание этих стихотворений в зарубежном сборнике «Воздушные пути». Естественно, что такая ссылка сделала бы публикацию стихов в Воронеже невозможной. Издатели также посетовали на то, что в моей статье нет «ничего особенно оригинального и ценного». И это вполне объяснимо. Поскольку Наталья Евгеньевна еще преподавала литературу в авиационном техникуме, я даже не сказал об особых отношениях ее с Осипом Эмильевичем, сообщив, что «Мандельштам был частым гостем в доме ее матери» (к тому времени уже покойной).

Эта публикация получила в нашей стране достаточно широкую известность. В этой связи мне вспоминается первая встреча с С. С. Аверинцевым, тогда еще не академиком, но уже лауреатом премии Ленинского комсомола. Он, бесспорно, знал о моих статьях, монографиях и романах, но обратился ко мне не как к античнику, а как к «издателю Мандельштама».

Воронеж задолго до того, как появилось первое научное издание «Воронежских тетрадей», надолго сделался местом паломничества многочисленных поклонников творчества Мандельштама. Среди них был молодой инженер из Москвы Юрий Иванович Рассамакин. Будучи в Воронеже в 1974 году, он отыскал меня на кафедре истории древнего мира, и я сообщил ему адрес Н. Е. Штемпель. На протяжении ряда лет (с 1975 г. и до конца жизни Надежды Яковлевны) он наряду с Татьяной Птушкиной, Софьей Смоляницкой, Ириной Явчуновской, Верой Лашковой и др. входил в «группу поддержки» Надежды Яковлевны Мандельштам, координатором которой был Юрий Фрейдин.

Книга О. Лекманова о Мандельштаме завершается главой «Надежда Яковлевна»². В ней, наряду с подборкой фактов о роли Н. Я. Мандельштам в жизни и судьбе Осипа Мандельштама, дается оценка нашумевшей книги Э. Герштейн³, которая характеризуется как инвектива в адрес Надежды Яковлевны, на которую последняя

---

² Лекманов О. Осип Мандельштам. М.: Мол. гвардия. 2004. С. 200–209.

³ Герштейн Э. Мемуары. СПб., 1998. 528 с.

не смогла ответить. Письма Н. Я. Мандельштам к Н. Е. Штемпель в известной степени можно рассматривать как посмертный ответ на эту инвективу, данный уже после смерти Э. Герштейн.

В письмах к своей подруге Надежда Яковлевна совершенно искренна. Некоторые обвинения, брошенные в ее адрес, тем самым опадают. Но в то же время Надежда Яковлевна раскрывается как человек со сложным характером, подчас несправедливый по отношению к людям, стремившимся к той же цели, что и она, — сделать стихи О. Мандельштама достоянием человечества. В осуществлении главной цели своей жизни Надежда Яковлевна была бескомпромиссной, не учитывая тех сложностей, которые приходилось преодолевать первым издателям Мандельштама.

По мере углубления знакомства с Н. Е., перешедшего в чисто человеческую дружбу, я узнавал всё больше и больше подробностей, связанных с Осипом Эмильевичем и Надеждой Яковлевной. И, конечно же, мне хотелось познакомиться с ней лично. Об этом мечтала и Н. Е. И вот однажды, зимой (не припомню, какого года), и мы посетили квартиру Шкловских на Лаврушинском, часто дававшую Надежде Яковлевне приют. Незадолго до этого у меня впервые появилась возможность купить на рынке близ Лужников хорошее зимнее импортное пальто с каракулевым воротником. В Пензе, где работал после окончания аспирантуры, я еще некоторое время донашивал офицерскую шинель.

Надежда Яковлевна провела нас в предоставленную ей комнату. Мы там беседовали некоторое время. Потом она нас вывела в гостиную, я познакомился с супругой В. Шкловского и их дочерью Варварой. При расставании со мной на лестничной клетке Надежда Яковлевна отпустила несколько едких замечаний по поводу моего пальто, которое она почему-то назвала «шубой». Тогда я еще не читал рассказа Осипа Эмильевича «Шуба» и даже не слышал о нем. Мне кажется, что Н. Е. его читала и поэтому она храбро бросилась меня защищать: «Не обижайте Шуру!» — несколько раз повторила она. Вот откуда фраза из зимнего письма Надежды Яковлевны (1965 г.): «Привет Шуру... Он еще злится? Надеюсь, что понял...»⁴

В письмах Надежды Яковлевны к Н. Е. мелькают имена многих воронежцев, людей близких Н. Е., ее родственников, знакомых, соседей. В преобладающем большинстве это простые люди, не связанные с литературой, но они были дороги Н. Е., любившей людей и жившей их интересами. Для нее вообще не было плохих людей

---

⁴ Речь идет о письмах 10 мая и конца мая—начала июня 1965 г.

и она готова была поделиться с любым человеком, находящимся в нужде.

Вспоминается такой случай. К Н. Е. пришел какой-то давний ее студент, в чем-то нуждавшийся, и она отдала ему все имевшиеся в доме сбережения. Деньги не были возвращены. В другой раз, возвращаясь домой из театра, Н. Е. привлекла внимание двух воров. Отважно вступив с ними в беседу, она привела их к себе домой, показала портреты поэтов на стенах и книги. В конечном счете, один из грабителей, сокрушенно вздохнув, сказал: «А я всю жизнь воровал...» Ничего не тронув, воры покинули дом.

В письмах нередко передается привет Виктору. Виктор Евгеньевич (1915–1985), брат Н. Е., внешне на нее похожий, но по своим интересам ее антипод. Поэтому многочисленные гости Н. Е., в том числе и Надежда Яковлевна (он ее называл Мендельштамша) вызывали у него усмешку. Однажды мне Н. Е. рассказала, что он всех ее знакомых (а это были по большей части молодые поэты) называл «чокнутыми». Когда Н. Е. возразила: «А Шура?!», — Виктор сказал: «А что Шура? Он и гвоздя в стену не вобьет». — «Как не может? — с жаром возразила Н. Е., — Вот ты сидишь под полкой. Это он ее прибил». По словам Н. Е., Виктор, обычно неторопливый, вскочил и побежал за молотком.

Виктора Евгеньевича как человека, как мне кажется, лучше всего позволит понять один эпизод из его военной биографии. В 1942 г., когда он был рядовым красноармейцем, его с Кавказа, где находилась часть, вместе с сотнями других перебросили в занятый немцами восточный Крым. Оружие обещали доставить, но не успели. Вместе с сотней других пленных он оказался в школе под охраной одного немецкого солдата. Виктор и трое других, среди них была медсестра немецкого происхождения из деревни в степном Крыму, решили бежать. Все другие пленники отговаривали храбрецов, указывая на абсурдность их решения, но действию не мешали. Немец был убит. Виктор с друзьями оказались на свободе в захваченном немцами степном Крыму. Они достигли своей деревни и там остались. Виктор же решил возвратиться в свою часть. Впоследствии Виктору стало известно, что немцы схватили и повесили его друзей. Он же с невероятными трудностями добрался до плавней Кубани. Туда через некоторое время вошли наши войска. И среди других «дезертиров» он был арестован. Как мне рассказывал Виктор, следствие длилось более месяца. Кормили одной сухой кукурузой. Наконец, их, еле державшихся на ногах, вывели на свет. Первой была названа фамилия Штемпель. Виктор был уверен, что его выделили из всех как шпиона (фамилия-то немецкая).

Но это было спасение. Его одного направили в военное училище. Всех остальных в штрафбат.

Виктор постоянно навещал Н. Е. Приходила его супруга Татьяна Олимпиевна (1917–1998) и дочь Татьяна. В письмах Надежды Яковлевны они фигурируют как Таня большая и Таня маленькая. Так их называла сама Н. Е. Это хорошие люди, благожелательно настроенные к многочисленным гостям свояченицы и тети, но также как и брат, далекие от литературы. Последняя встреча с «Татьяной маленькой» (она не ниже меня ростом, 182 см) произошла в Воронеже на конференции, посвященной Осипу Эмильевичу.

Матери Н. Е., Марии Ивановны Левченко (1886–1960), которой в одном из писем передает привет Надежда Яковлевна, лично я не знал. Мы познакомились с Н. Е. спустя несколько месяцев после ее кончины, и она об этом очень жалела, пытаясь своими рассказами восстановить милый ее сердцу образ. Мария Ивановна учительствовала в начальных классах, была рано покинута мужем, создавшим новую семью в Ростове-на-Дону. Наталья Евгеньевна однажды побывала у отца, но, насколько я понимаю, помощи семье он не оказывал...

В одном из ранних писем Надежды Яковлевны передается привет Павлу Леонидовичу. Лично я его не знал, но работал вместе с его сыном Владимиром Павловичем Загоровским. Н. Е. много мне рассказывала о Павле Леонидовиче как о своем учителе и близком друге, о его трагической смерти от неизлечимой болезни. Н. Е. пишет о нем в своих мемуарах как человеке, знавшем Осипа Эмильевича и оказывавшем ему материальную поддержку в тяжелые моменты его жизни. Владимир Павлович, разумеется, знал о Н. Е., но на все мои вопросы о ней уходил от ответа.

Н. Е. училась на педагогическом факультете Воронежского университета. Так в 1921 г. стал называться историко-филологический факультет знаменитого Юрьевского университета, перебазировавшегося в Воронеж в 1918 г. Она мне рассказывала о многих старых профессорах, в том числе о знаменитом антиковеде Михаиле Николаевиче Крашенинникове, репрессированном в 1929 г. С ее «подачи» я занимался научным наследием Крашенинникова многие годы.

В письмах к Н. Е. упоминаются некоторые молодые ее друзья, поэты. Среди них — Аркадий Слуцкий. В те годы он был студентом филологического факультета. В письме говорится, что его отправляют в какую-то даль. Имеется в виду Краснодар, где он ныне, как мне сообщили, заведует кафедрой. О моем совместном со Слуцким посещении Надежды Яковлевны я не помню. Станным образом в письмах, если я не ошибаюсь, не упомянут другой молодой

воронежский поэт — Дима Заславский, много сделавший для того, чтобы сохранилась память об Н. Е. Его частое появление в квартире на Никитинской, где я написал большую часть своих воронежских трудов, меня поначалу нервировало (Дима был очень эмоциональным и шумным), но затем я в полной мере оценил его как близкого друга Н. Е. и, разумеется, как прекрасного поэта.

Н. Е. была чрезвычайно общительным человеком. Большинство соседей по лестничной клетке — ее близкие друзья, часто ее посещавшие и ставшие друзьями ее друзей. Тут и «верховая Шура», соседка с четвертого этажа, и супруги Буяновы, жившие этажом ниже. Это Николай Семёнович Буянов и его супруга Антонина Владимировна, которая была старше его на одиннадцать лет. Николай Семёнович был преподавателем Воронежского авиационного училища (кажется, физиком), в котором Н. Е. преподавала русскую литературу еще при Осипе Эмильевиче (вспомните: «Если бы проведал Бог, что Наташа педагог...»). Вместе с Буяновыми она была в эвакуации, как будто в Саратове, куда был эвакуирован их техникум.

Об этой эвакуации мы не раз говорили с Н. Е. Она покинула город за несколько часов до входа в него немцев и смогла взять с собой лишь самое необходимое. Так, ею была оставлена в Воронеже пачка личных писем, которые ей писал Мандельштам. По ее словам, там было много стихов, написанных, как она выразилась, «очень непонятным почерком». На мое удивление и возмущение она отреагировала так: «Но ведь это были письма ко мне. Писем Осипа Эмильевича к Надежде Яковлевне я не оставила».

Всё, что Н. Е. оставила в Воронеже, пропало, кроме одной книги, случайно обнаруженной ею сразу после возвращения в Воронеж в одной из библиотек. Эту книгу, монументальную хрестоматию русской поэзии серебряного века, вышедшую в 1925 г., она подарила мне. В ней имеется восемнадцать стихов О. Мандельштама. Осип Эмильевич не раз посещал квартиру Н. Е. и, надо думать, не только знал о существовании этой книги в домашней библиотеке Н. Е., но и держал ее в руках.

Надежда Яковлевна через Н. Е. часто передает мне привет. Она в курсе всех моих дел. Она была лично знакома с моим покойным отцом, Иосифом Исааковичем. Судя по симпатии в его отзыве о нем, она могла знать от Н. Е., что до революции мой отец был солдатом и, как и многие, прошел через ГУЛАГ. В одном из писем Надежда Яковлевна передает привет моей первой жене Симе. Это Сима Ивановна Хейфец, двоюродная сестра знаменитого скрипача Яши Хейфеца, преподаватель музыкального училища им. Гнесиных. Надеж-

да Яковлевна знает о трагедии в моей первой семье, и она, так же, как Н. Е., на моей стороне.

В письмах, обращенных к Н. Е., не раз упоминаются Графское и Полина Ионовна. Лично с ней она познакомилась во время своего приезда в Воронеж. Мы с Н. Е. встречали Надежду Яковлевну в аэропорту, оттуда на троллейбусе мы добрались до ул. Никитинской, где Полина Ионовна ждала нас с обедом. Из одного письма видно, что Н. Я. рассказывала о Графском своему брату и тот мечтал туда попасть. Графское — поселок к северу от Воронежа, последняя остановка скорого поезда Москва-Воронеж. На краю Графского (ул. Пионерская, д. 3), у прекрасного хвойного леса, тянувшегося на десятки километров до реки Воронеж, «был дом, принадлежавший Полине Ионовне, где я жил несколько лет с женой и детьми. Н. Е. одно время жила вместе с нами, а потом сняла дачу напротив, но мы продолжали вести одно хозяйство, совершали прогулки по лесу, иногда по однокольке добирались до реки Воронеж, где в рыбацьем поселке Ратчина был домик на сваях, в котором жил Виктор с Танями.

В Графском, как и в Воронеже, я работал в доме, снятом Н. Е. Здесь были написаны две мои монографии, которые я защитил в качестве докторской диссертации в 1965 г. Указатель, как это ясно из одной книги того времени, составлен Н. Е. На многих книгах моей домашней библиотеки написано ее ровным почерком: «Из книг А. Немировского».

В Графское к нам приезжали и друзья Н. Е., в том числе и ее университетская подруга Маруся Ярцева, в то время жившая в Киеве. На последней воронежской фотографии Осипа Эмильевича она рядом с «ясной Наташей». Во время нашей поездки по Днепру, в которой участвовала и Н. Е., мы были у Маруси в гостях в Киеве.

В одном из писем Надежда Яковлевна упоминает «Женю (вашу)». Имеется в виду самая близкая из подруг Н. Е. — Евгения Николаевна Перкон, москвичка, с которой не раз встречалась Надежда Яковлевна. Я был с ней и с ее дочерью Натальей Николаевной, редактором издательства «Советская энциклопедия», хорошо знаком и бывал у них в доме много раз, в том числе вместе с Н. Е. Особенно мне запомнилась одна из встреч, во время которой в присутствии множества гостей Н. Е. вспоминала о своих встречах с Осипом Эмильевичем. Помнится, среди гостей был ученик Евгении Николаевны Виктор Сергеевич Розов. Из воронежцев, кроме Натальи Евгеньевны и меня, была моя аспирантка Виктория Козловская, упоминаемая в одном из писем Надежды Яковлевны.

Темой наших постоянных бесед с Н. Е. была поэзия. Мы постоянно обсуждали поэтические новинки. Она любила слушать чтение

мною стихов. Однажды, когда мы вместе с нею были в гостях у Надежды Яковлевны в недавно полученной ею квартире, Н. Е. уговорила меня прочитать несколько стихотворений Мандельштама. Я начал со своего любимого «Выскачка-гордячка». Н. Е. слушала с удовольствием, что касается Надежды Яковлевны, то она сделала замечание, что это шутливое стихотворение и его следует читать без пафоса. Конечно же, в этой критике прозвучала женская ревность. Когда мы остались одни, Надежда Яковлевна, как бы оправдываясь, стала говорить о ревности Анны Андреевны, которую она испытывала к Н. Е.: «Какой-то Наташе написать такие стихи!» Тогда Надежда Яковлевна мне сказала, что она послала Н. Е. в Ленинград сообщить Ахматовой о смерти Осипа Эмильевича. Сопоставив это известие с умолчанием Анны Андреевны о том, что о происшедшей трагедии она узнала от Н. Е., я увидел в этом проявление той же ревности.

В последние годы моей жизни в Воронеже мы дачи в Графской не снимали, но Полина Ионовна некоторое время жила у Н. Е. и помогала ей по хозяйству. Это не мешало ей работать где-то еще. Она была неутомимой.

Мы должны быть благодарны тем, кто сохранил письма Н. Я. Мандельштам в Воронеж и сделал их нашим достоянием.

3 марта 2006 г.

Дора ШТЕЙНМАН

Рукописи не горят

Они действительно не горят, если их хранит такая женщина, как Наталья Евгеньевна Штемпель. Именно ей, Наташе, доверил во время воронежской ссылки не востребованный мастер свою заветную рукопись. Дважды «Воронежские тетради» были на волоске от гибели. В 1938 году после ареста Осипа Мандельштама, хранительница его стихов ожидала непрошенных ночных гостей из НКВД. Ситуация подсказывала — уничтожить опасный сверток. Но разве можно было сжечь страницы с завораживающими стихами?

«Тетради» могли погибнуть в 1942 году, после непрерывных бомбежек. Воронеж пылал, как огромный факел. Было необходимо оставить вещи — даже самые ценные и уходить из города. Она бросила дом, добро, бесконечно дорогие сердцу реликвии. Но рукопись

Написано специально для настоящего издания. Автор проживает в Магдебурге.

не бросила. Вынесла ее, уходя по Чернавскому мосту под градом осколков и бомб, среди пожарищ из гибнущего правобережья.

Вдова поэта, Надежда Яковлевна Мандельштам, сразу же после войны навестила воронежскую знакомую. Она была уверена, что «тетради» пропали, но надеялась, что Наташа, обладавшая хорошей памятью, вспомнит какие-то строчки и поможет ей, хотя бы частично, восстановить утраченную рукопись.

И как же радовалась искательница разоренных архивов, узнав: «Воронежские тетради» спасены!

Наталья Евгеньевна Штемпель прожила большую, но трудную жизнь. Как впоследствии она рассказывала, в самые опасные годы, она не меняла своих убеждений, своих литературных привязанностей. Она часто собирала у себя дома поклонников мандельштамовской поэзии, рассказывала об Осипе Эмильевиче, наизусть читала его стихи.

Бывали в гостях у Натальи Евгеньевны поэты, писатели воронежские и приезжие, профессора Воронежских вузов. Профессор Педагогического института П. Загоровский и А. Немировский, историк, читали в переводах Немировского немецких поэтов, чаще всего Р. Рильке и Г. Гессе, а также исторические повести Немировского. П. Загоровский часто приходил со своим сыном Владимиром, также впоследствии профессором Воронежского университета. Владимир был известен воронежцам как чемпион мира по шахматной переписке и историк.

В дом Натальи Евгеньевны на «интеллектуальные посиделки» приходили артисты Воронежского драматического театра, особенно частым гостем бывал заслуженный артист СССР Шкурский и другие.

На этих посиделках трудно было забыть голос Натальи Евгеньевны, ее чарующий ритм речи. Главное в этом чтении — любовь к поэзии и носителю ее — человеку, поэту. Наталья Евгеньевна кроме стихов О. Мандельштама читала стихи Н. Гумилёва, стихи Анны Ахматовой, Б. Пастернака. Ей хотелось, чтобы прозвучавшие стихи стали частью жизни, не только ее, но и всех ее гостей и, быть может, всех встреченных ею на дорогах жизни людей.

Во время чтения глаза ее блистали радостью открытия чего-то вечно ценного, хотя звучавшие стихи были читаны ею не один раз.

В ее скромной квартире по улице Никитинской, д. 38а, повсюду были книги, книги, книги — на стеллажах, в шкафах и на полках. Многие книги были с автографами или дарственными надписями. Среди книг выделялся том «Фауста» Гёте в издании прошлого века

на немецком языке, отпечатанный готическим шрифтом — подарок профессора П. Загоровского с дружеской и остроумной надписью, датированной 1950 г. Кроме книг повсюду на стенах портреты А. Грибоедова, Л. Толстого, Анны Ахматовой, А. Блока, О. Мандельштама, Б. Пастернака, А. Пушкина. У Натальи Евгеньевны был дар располагать к себе молодежь. Всю жизнь она посвятила преподаванию русского языка и литературы. Несколько лет она работала на кафедре психологии в Воронежском педагогическом институте, у профессора П. Загоровского.

Затем перешла работать учителем в Воронежский авиационный техникум. К своему труду она относилась в высшей степени добросовестности. Она просто не могла работать иначе.

От своих далеких немецких предков она унаследовала не только фамилию, но и любовь к порядку, и особенную щепетильность к труду.

Ее любили многие студенты, где она преподавала, не забывая ее и после ухода на пенсию, и по сей день они сохраняют благодарность за то, что научила их ценить прекрасное, рождала в них потребность в культурном росте, в частности, потребность в чтении как классической литературы, так и произведений современных авторов, что научила их ценить и понимать стихи.

Некоторые студенты тех лет вспоминают руководимый ею драматический кружок, где будущие учителя разыгрывали пьесы Фонвизина, Грибоедова, Островского, Мольера и других авторов.

Тем самым она прививала своим ученикам любовь к театру, к чтению произведений, написанных в драматической форме, а главное, стремилась повысить культуру речи своим учащимся.

Наталья Евгеньевна никогда не скрывала своего происхождения, хотя в связи с этим в ее жизни было немало трудностей и неприятностей. Наталья Евгеньевна была ярким представителем женщин из обедневшей дворянской среды, пополнявших ряды русской интеллигенции. Понятия чести, достоинства, долга, порядочности были в ней яркой доминантой.

Ее интересы вне литературы были разносторонними. Она любила музыку, многократно бывала на концертах в Воронеже и Москве. Более всего она любила фортепианную музыку, Моцарта, Бетховена, Шопена, Рахманинова. Она часто посещала концерты Воронежского симфонического оркестра.

Осип Мандельштам как-то заметил, что она несет в себе праздник.

В дни столетия со дня рождения Мандельштама в Воронежской филармонии проходили лекции-концерты, посвященные Осипу

Мандельштаму. Там также вели рассказ о Наташе, вдохновившей поэта на прекрасные стихи.

Тетрадь воронежских стихов Мандельштама венчало заглавие «Наташина книга». В своих воспоминаниях Наталья Евгеньевна писала: «Город не может забыть поэта, воспевшего и прославившего его имя».

Государственная Воронежская телевизионная компания сделала своим зрителям подарок — сняли «Воронежские тетради» Мандельштама. Можно ли снять поэтический сборник? Создатели нового фильма избрали невероятно трудный вариант рассказа — создать образ тоскующей души поэта, опираясь на строки его стихов. Перелистывая страницы переживаний человека, страдающего от несвободы, от несправедливости, от жестокости века волкодава.

Музыка Моцарта, Верди, Доницетти и Малера, Стравинского поддерживают эмоциональное состояние мандельштамовской поэзии. В памяти остается то, ради чего был создан фильм — мандельштамовская боль, мандельштамовская тревога, мандельштамовская мощь.

Вот дом, приютивший Осипа Мандельштама в воронежском изгнании, ул. Фридриха Энгельса, 13 — здесь установлена мемориальная доска. Авторы сборника «Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама» передали причитающийся гонорар на ее оплату.

Сюда, в этот дом, пришла учительница литературы познакомиться с автором «Камня». Наталья Штемпель, ставшая другом семьи Мандельштам. Это она познакомила их с профессором Загоровским.

Также Наталья Евгеньевна вспоминает, что однажды Осип Эмильевич шутя спросил профессора Рогинского: «Как вы думаете, а будет ли поставлен когда-нибудь памятник мне в Воронеже?..»

К сожалению, в Воронеже и по сей день нет памятника О. Мандельштаму и нет улицы его имени.

Хотя есть памятники поэтам XIX века Алексею Кольцову, Ивану Никитину и есть улицы их имени: Кольцовская и Никитинская. Центральный сквер Воронежа — любимое место отдыха его жителей — именуется Кольцовским.

Несколько лет назад был воздвигнут памятник Ивану Бунину. Имеется музейная экспозиция, посвященная писателю. Сохранен домик на центральном проспекте Воронежа, в котором он родился.

Память о нашем современнике писателе Андрее Платонове отмечена сполна. Это название одной из центральных улиц Воронежа — улица Платонова, музейная экспозиция, посвященная Платонову, и несколько мемориальных досок в местах, где Андрей Платонов ра-

ботал, в том числе и на здании редакции областной газеты «Коммуна».

В декабре 1990 года по центральному телевидению в программе «Взгляд» с экрана прозвучал краткий диалог ведущего программы с одним из «хозяев» города Воронежа. Ведущий поинтересовался, нет ли у городских властей желания присвоить улице имя опального поэта, воздвигнуть ему памятник?

Иронически и снисходительно посмеиваясь, спрашиваемый, типичный представитель советской номенклатуры, с самоуверенным лицом, пожал плечами: с чего мол? «Ну, как же! — жалко забился голос ведущего. — Такая трагическая судьба, такой большой поэт». — «Да ведь не Пушкин!» — срезал хозяин города и сам засмеялся, довольный своей «находчивостью».

К сожалению, по сей день в Воронеже нет памятника Мандельштаму и нет улицы его имени.

Но воронежцы хранят память о великом поэте, воспевшем и прославившем его имя, «поставив этот город в один ряд с такими святынями как Рим и Флоренция».

К 100-летию Мандельштама в Воронеже проходили Международные мандельштамовские чтения.

Это случай или нечто большее, что в Воронеже Осип Мандельштам и его жена встретились и подружились именно с Натальей Евгеньевной — человеком, вместившим те качества, которые требовали и мир поэта, и судьба его наследия.

Наталья Евгеньевна скончалась 28 июля 1988 года.

Я благодарна судьбе, что даровала мне знакомство и общение с Натальей Евгеньевной Штемпель.

Татьяна ГУРИНА

«Дорогая Наталья Евгеньевна!»

1

«Дорогая Наталья Евгеньевна!» — так я обращалась к ней в письмах. Меня она называла Таней и в течение 17 лет, два-три раза в неделю я посещала ее дом.

В Воронеже я, Гурина Татьяна Львовна, оказалась осенью 1968 года. До этого закончила филфак Ленинградского университе-

---

Написано специально для настоящего издания.

та, аспирантуру по кафедре зарубежной литературы Герценовского института (теперь РГПУ им А. И. Герцена), в 1963 году защитила кандидатскую диссертацию. С 1960 по 1968 гг. работала в пединституте г. Борисоглебска, откуда и перешла на работу в Воронежский университет. Здесь я девятнадцать лет преподавала зарубежную литературу, а в 1987 году вернулась в Ленинград.

Когда я приехала в Воронеж, то город мне не понравился. Народ показался грубым, жестоким, жлобским. Когда позднее я рассказала об этом Наталье Евгеньевне, та возмутилась и объяснила мне: «Таня, Вы найдете таких же жлобов в Ленинграде и в Москве — где угодно, — это категория социальная, а не локальная, это не относится к Воронежу. Коренные воронежские жители — они были подлинно интеллигентными людьми. Но в годы войны все ушли, а после войны в город пришли люди из деревень и осели в Воронеже».

И это правда. Современный Воронеж формировался после войны, при этом старые, коренные воронежцы как бы «растворились». Отступая от немцев, они, и среди них Наталья Евгеньевна и ее мать, уходили пешком. В последнюю минуту их оповестили о том, что город будет сдан, и Наталья Евгеньевна уносила стихи Мандельштама, рукописи, которые потом передала Надежде Яковлевне.

Как я познакомилась с Натальей Евгеньевной? В Воронеже хотела с ней познакомиться, но один знакомый, тогда аспирант, отказался меня представить, сказав: «Не стоит, скучная старуха». Почему такая реплика, объясню позже. В Ленинграде профессор Дмитрий Евгеньевич Максимов, знавший, что в Воронеже мне одиноко, посоветовал встречаться с Натальей Евгеньевной. И чтобы познакомиться меня, послал ей свою монографию о Брюсове с дарственной надписью. Он был знаком с ней через Надежду Яковлевну, слышал и от Ахматовой, которую Наталья Евгеньевна когда-то посещала. Я привезла в Воронеж книгу, позвонила, и меня встретили так просто, приветливо, как будто знали давно.

Она была подлинной интеллигенткой и как бы «реликтом» прошлого. В том числе и по манере себя держать, и по душевному складу. Даже внешне она казалась изящной и как будто воздушной. Походка ее была удивительной. Осип Эмильевич верно заметил — она была легкой, несмотря на хромоту...

Опишу квартиру Натальи Евгеньевны на Никитинской улице. Квартира была двухкомнатной на 3-м этаже. Выходила окнами большой комнаты во двор, но это был не двор-колодец, а светлый, с деревьями, которые смотрелись в окна.

Обстановка этой комнаты, где принимали гостей, была необычной, и не так, как у богатых, и не бедная, а «своя». В этой комнате На-

талья Евгеньевна спала, в ней же принимала гостей, постель на день убиралась. Две пальмы в кадках, письменный стол с портретами (как фотографии, небольшие) Льва Толстого и Чехова. Два окна, в простенке — шкафчик с книгами, низенький, на нем телевизор. У другой стены кушетка не советского производства, над ней подвешенная полка с томиками поэзии небольшого формата. Еще один столик с проигрывателем и над ним фотопортрет молодого Мандельштама с откинутой назад головой, в круглой раме. Шкафчик и стол делались на заказ, вероятно, были недорогие, из светлого дерева. Главное — ощущение уюта и чего-то нестандартного. Ничего напоказ, всё достойно, интеллигентно.

Вторая комната была маленькой, отдельной. Кухня — без раковины, так как там, когда она приглашала одного гостя, поили чаем. Наталья Евгеньевна считала, что раковина не подходит. Плита была. В большой комнате гостей бывало больше: иногда человек десять.

Говорят (говорили, писали в старой литературоведческой литературе) о предметной характеристике героев, так вот: обстановка дома характеризовала его хозяйку. Нарисовать ее портрет трудно. Немолодая, ей было шестьдесят три года, когда я появилась в ее доме, но ее нельзя было назвать старухой. Она была именно прекрасна, фотографии не передают этого, — то была не красота, а как бы сама одухотворенность, благородство, приветливость, и в то же время лицо выражало чувство собственного достоинства и строгость. Она одевалась с большим вкусом, любила шить новые вещи, у нее была своя портниха. Седые волосы, зачесанные назад, но не гладко — она завивала пряди на щипцах, что уже не было принято, и в парикмахерских таких почти не было. Волосы ложились волнами, длинными прядями, и нельзя было использовать бигуди. Итак, с белыми волосами, худошавая, всегда тщательно одетая, но как и в обстановке комнаты, это было что-то свое (насколько я представляю, и не по моде ее юности); платья не были модные, но с большим вкусом. Чаще всего она носила юбки и блузы с большим рукавом. Запомнилась розовая, не яркая, скорее палевая блуза, темные юбки, довольно длинные, до щиколотки. И описанная поэтом хромота, какая-то изящная, не портила ее, походка была легкой, — наверное, казалось такой, но всё сочеталось: прическа, платье, походка, выражение лица.

Не помню гнева, строгой была, помню смех, не громкий, от души. Не помню иронии, насмешки, криков не было никогда. Горе видела однажды, когда умерла Н. Я. Мандельштам и когда до нее умер ее младший брат. «Всё тихо, просто было в ней». Не было ничего напоказ, всегда естественна, легка, слова трудно подобрать, но гармония была во всем облике, в движениях, цвете платья, голосе. Всё тихое

и прекрасное, не красивое, а именно прекрасное. И голос спокойный (иначе не скажешь), внушающий людям уважение. Не было ни восторженности, ни сентиментальности — была подлинная культура, благородство и интеллигентность. Никогда никакого высокомерия, и в то же время невозможность фамильярности. Дистанция сохранялась всегда. Ей было присуще доброе отношение к людям, отзывчивость, готовность помочь в самые трудные моменты. Помню, мы разбирали со студентами «Доброго человека из Сезуана», спорили, что такое доброта. Я объясняла: накормить голодного, дать кров, то есть у Брехта доброта — в элементарном, и рассказывала о поступках Натальи Евгеньевны.

В жизни я встречала интеллигентных, рафинированных людей, но отзывчивость на чужую беду была минимальной, или ее и не было, — это было бы как бы слишком примитивно для них. У Натальи Евгеньевны (я знала этот синтез у немногих людей) всё сочеталось: огромная культура, тонкий вкус, умение держать себя в обществе и доброта, причем в самом простом смысле, но так позарез необходимом нуждающемуся. Помнится, ночью ей позвонил один из ее друзей, разбудил в три часа ночи, у него было скверно на душе. Я возмутилась: будить старую женщину из-за настроения. «Таня, как Вы не понимаете?! Раз ему плохо, можно и не выспаться». Я-то всегда берегла сон.

И еще непривычный для меня демократизм со стороны человека такого уровня. Да, я знала, что у старой русской интеллигенции демократизм был чем-то полагающимся (как у Блока, например). Но я выросла в то время, когда мои сверстники, мое окружение не знали, что это, зачем это нужно, и всё взвешивали, с кем можно, стоит дружить, а с кем не стоит. Впервые я столкнулась с этим в пятнадцать лет.

В дом Натальи Евгеньевны было не так просто попасть. Но бывать там считалось престижным. Мои воронежские знакомые, бывавшие в ее доме, меня не приняли бы, отсюда и замечание о «скучной старухе». Д. Е. Максимов потому и помог мне, свел меня с Натальей Евгеньевной. У нее были другие критерии при сближении с людьми, и «выгоды» среди этих критериев не было, не существовало. У Натальи Евгеньевны в доме бывали и ученые, и учителя, и молодежь, и ее соседи, люди довольно скромные, особенно помню украинку Шуру, добродушную и простую бабу. И со всеми был ровный доброжелательный тон, а главное она стремилась соединять людей, и всем было легко, свободно, интересно, — она ко всем умела обратиться с нужным словом, поддерживала разговор и чем-то напоминала Анну Павловну Шерер.

Именно после знакомства с Натальей Евгеньевной я стала думать, что Толстой (и не только он) напрасно обрушивался на салоны. Когда Наталья Евгеньевна слышала, что я называла (с самыми дружескими чувствами) ее «сборища» салонами, она страшно обиделась на меня. Воспитанная в духе старой русской интеллигенции, она и слово «салон» считала обидным. Приезжали и иностранные ученые. И тогда приглашались все ее ученые друзья.

Один пример, как бывало у Натальи Евгеньевны. Среди моих «светских» знакомых я котирировалась довольно низко — так, доцент, без связей и перспектив. И вот в Риге во время конференции моя знакомая, работающая в университете, Тамара, собрала у себя некоторых участников конференции. А я, ее давняя приятельница, остановилась в ее доме. Одна профессорша (называть ее не буду, ее нет в живых) вошла в переднюю, я ее встретила, у меня было поручение к ней. Она выслушала меня и сказала: «Спасибо, можете идти к себе». То есть она считала, что за общим столом (там были профессора) мне нет места. Я ответила, что я не только живу в доме Тамары, но ею, хозяйкой, приглашена на ужин. Мелочь, но вспомнила, так как у Натальи Евгеньевны всё было по-другому. Для неё не существовали ранги и звания. И если она принимала у себя, то человека, а не профессора или «знаменитость». Она всегда интересовалась именно человеческим в каждом, с кем она встречалась, и люди шли к ней, рассказывая о себе.

Я отвлеклась, а теперь «история». В этой квартире Мандельштам не был, тогда Наталья Евгеньевна с братом и матерью жили в другом месте. О своей семье, об отце она почти не рассказывала. Знаю только, что он был юристом и, очевидно, достаточно известным, но детей воспитывал не он. Когда я восхищалась ее отношением к людям, она говорила: «Это всё не то, доброй была моя мама». Ее мама, Мария Ивановна, была учительницей начальных классов. Был брат, Виктор Евгеньевич, моложе Натальи Евгеньевны лет на семь (он был участником Великой Отечественной войны, партизанил в Крыму). Семья была бедной, что, очевидно, спасло ее от репрессий в 30-е годы. Маму свою Наталья Евгеньевна очень любила, часто вспоминала.

Осип Эмильевич Мандельштам тоже относился к Марии Ивановне с уважением. Именно Мария Ивановна (об этом писала Наталья Евгеньевна), узнав о встрече дочери с опальным поэтом, сказала, что Наталья Евгеньевна должна отдавать себе отчет, насколько опасны подобные встречи, но если опасность осознана, то Наталья вправе поступать как сочтет нужным.

Наталья Евгеньевна окончила филологический факультет Воронежского университета, одно время увлекалась «наукой». Но мать

посоветовала ей иметь верный заработок на всю жизнь. Наталья Евгеньевна проработала в техникуме тридцать лет, откуда ушла примерно в то время, когда я с ней познакомилась.

Она была, очевидно, изумительной преподавательницей литературы, судя по тому, как она иногда рассуждала о писателях. И главное для нее были люди, которых она всегда видела в учениках, и они отвечали ей тем же. К ней приходили ее старые ученики и ученицы, уже не очень молодые женщины, — они ее помнили и навещали. Она привила им вкус к литературе и любовь к поэзии, в том числе мандельштамовской.

Теперь о том, как я появилась в ее доме и что помню о наших встречах. В первый раз я не застала ее дома, она была в отъезде. Я случайно встретила ее соседа Николая Семёновича Буянова (они с женой жили этажом ниже), Николай Семёнович был очень любезен, сказал, что всё передаст. Я сказала, кто я и где работаю. И через какое-то время Наталья Евгеньевна позвонила мне на работу и пригласила к себе. Первая встреча почти не запомнилась, только я удивилась: Наталья Евгеньевна не походила на тот образ Наташи Штемпель, которая явилась к Мандельштамам (прошло 36–37 лет). Это была не молодая девушка, а женщина пожилая. Приветливость, радушие, легкость в обращении — с первого же раза. А вот потом, и довольно скоро, случилось то, что нас сблизило. Я пришла — на ней лица нет. Я спросила, что с ней. Она вдруг пошатнулась. Я успела подхватить ее, и потом никогда не могла понять, откуда взялись силы, дотащила ее до дивана и положила. Она была в сознании, попросила позвонить знакомому врачу — Лёве. Он сразу определил отравление, что-то посоветовал. Ей стало легче. Я долго не уходила. Мы разговорились, и с той поры бывала у нее часто и запросто, а нередко ночевала в ее второй комнатке с кроватью, столиком и полкой с книгами.

Как-то Д. Е. Максимов сказал, что в наше время не собираются и не читают стихи. Я и сама не встречала такого, хотя мне было сорок три года. Но когда я попала к Наталье Евгеньевне, то у нее читали. Она рассказывала, что в юности у нее были друзья, они зачитывались стихами. С юности она знала не только классику, не только символистов, но и Гумилёва, и Ахматову, и Мандельштама, и Цветаеву. Были и предпочтения: Гумилёв, Мандельштам, разумеется в первую очередь Мандельштам. Ведь и к Осипу Эмильевичу, тогда в 1936 г., она пришла и прочитала ему его же стихотворение «Я потеряла нежную камею...».

В этой среде послереволюционной молодежи 20-х гг. политикой не интересовались, как сама она рассказывала, жили стихами сре-

ди весьма убогого быта. И вот в 70-е, и, конечно, и раньше, в ее доме читались стихи. Чаще всего она читала стихи Осипа Эмильевича, Наталья Евгеньевна говорила, что подражает ему, что старается передать его интонации. Слышу я их и сейчас, но передать то, что слышишь в душе, невозможно:

На доске малиновой, червонной,
На кону горы крутопоклонной...

Каждое слово чеканилось, словно звучала медь, произносилось с пафосом. Что-то напоминало звучание стихов Юго. Я уже говорила, она была чужда пафосу, а тут наслаждалась. Я вспоминаю, что она откидывала назад голову, как Осип Эмильевич на одной из фотографий, и с напряжением, чеканя слова, она произносила:

Наливаются кровью аорты...

Потом тихо:

И звучит по рядам шепотком:
— Я рожден в девяносто четвертом...
— Я рожден в девяносто втором...

И совсем другая интонация звучала в ее устах:

— Это какая улица?
— Улица Мандельштама...

В вопросе ирония, в ответе — четком, как бы представляя: «Улица Мандельштама».

История ее встречи с Осипом Эмильевичем, история их отношений широко известна по ее рассказам, и все-таки я ее повторю, но сначала преамбула. С 1936 года, года знакомства с Осипом Эмильевичем, она как бы отдала ему свою жизнь, хотя было ее замужество, кстати, одобренное поэтом, была (вероятно, да, впрочем, не знаю) связь-дружба с профессором П. Загоровским, по-моему, были и еще увлечения. Об А. О. Немировском — позже. Но Наталья Евгеньевна была почти полвека живою памятью о Мандельштаме. Это сейчас о нем знают, читают, пишут, а когда-то его имя знали немногие счастливицы. Так вот — она рассказывала о нем из года в год всё новым и новым людям. О том, каким он был, о Надежде Яков-

левне, об их пребывании в Воронеже. Рассказывала, разумеется, не всем, а тем, кто спрашивал.

Она сохранила и унесла в чемоданчике во время войны рукописи Мандельштама: боялась говорить о нем и его судьбе, а ведь имя Мандельштама было под запретом очень долго. Даже изданный потом первый сборник стихов был урезан, и даже вначале оттепели, когда в какой-то пьесе на сцене Воронежского театра повесили портрет Осип Эмильевич, по требованию обкома его сняли. Когда мои студенты в 80-е годы хотели через экскурсионное бюро провести экскурсию «По местам Мандельштама», там вычеркнули эту тему. Наталья Евгеньевна запомнила адреса Мандельштама в Воронеже и из года в год показывала друзьям, знакомым или просто интересующимся приезжим «места Мандельштама».

К ней приезжали иностранные ученые. К сожалению, я не записывала имен. Был англичанин, и не один, была австрийка, вроде бы Розмари, могу ошибиться. И, конечно, советские литературоведы, те, кто знал, хотел исследовать, не боялся. А бояться было чего, но об этом чуть позже. Помню приезжавшую Викторию Швейцер, но она потом эмигрировала. Совсем недавно в витрине новинок Публички увидела ее монографию о Цветаевой.

Вернусь к стихам. Или Наталья Евгеньевна сама читала их, или давала друзьям, но тут же, в ее доме, в отличие от самиздата это хранилось у неё годами. В ее доме читали Блока, Брюсова, акмеистов. Она сама читала так, что стихи западали в душу, как музыка, — так что не надо было ничего объяснять, она никогда этого не делала. Обстановка на таких чтениях была как на спектаклях или концертах, хороших, разумеется, и люди уходили просветленными, как бы пропитанными поэзией.

Мир поэзии появился в моей жизни очень поздно, так уж получилось, но ко времени знакомства с Натальей Евгеньевной я не была профаном, тем не менее, она открыла мне и, очевидно, не только мне, особый мир, где всё звучало непривычно, но входило в душу, затрагивало. Говорить о поэзии, анализировать она не любила. Вообще не любила философствовать.

Как-то раз, ее друг, А. О. Немировский сказал мне, что она не умна. Я возмутилась — буквально это было не так, он выразился не точно, но потом я поняла: ее ум был не аналитический, не рассудочный, у нее всё уходило в прозрение, в чувство, что ли. Были, конечно, и проблемные беседы, т. е. о политике, о том, чем жила в 70-е годы инакомыслящая интеллигенция. Наталья Евгеньевна в 70-е интересовалась уже не только поэзией, как Наташа Штемпель — в 20-е. Распространялся самиздат. Что именно, сейчас припомнить

трудно. Когда Наталья Евгеньевна бывала в Москве, она привозила оттуда кое-что. Всё это шло по рукам среди друзей. В Москве у нее была подруга Е. Н. Перкон, еще какие-то знакомые из окружения Солженицына. Она была знакома с Евгением Борисовичем Пастернаком, который подарил ей «Воздушные пути», а ведь тогда книги были почти недоступны. Она знакома была с Беллой Ахмадулиной, которая то ли при знакомстве, то ли еще когда-то встала перед ней на колени.

В свое время Осип Эмильевич водил ее по своим московским знакомым: познакомил с Яншиным, Шкловским. Е. Н. Перкон, ее университетская подруга преподавала В. Розову, и тот посещал ее дом и знал Наталью Евгеньевну. Наконец, самый дорогой для нее дом — дом Н. Я. Мандельштам в Москве, которая до конца своих дней любила Наташу и не ревновала. Наталья Евгеньевна смягчала все сердца, и даже сердце Надежда Яковлевна, которая, по моему, мягким человеком не была. Среди друзей Натальи Евгеньевны в Москве был Лёва Мнухин, как его называла Наталья Евгеньевна, создатель музея Цветаевой.

И вот вечер. В большой комнате за столом гости, ведутся интересные беседы, и все чувствуют себя свободно и непринужденно.

Вечера у Натальи Евгеньевны были всегда с чаепитием. Два очень красивых фарфоровых чайника ополаскивались кипятком, потом заварку заливали кипятком, просто бросить заварку нельзя. И постоянно гостям подавали к чаю варенье собственного приготовления и бутерброды с сыром. Я не помню, чтобы гостей угощали обедом, но меня не раз. Трудно себе представить, как она жила на пенсию 100-110 рублей с неизменным угощением для гостей. Гости без чая, сыра и варенья не уходили. А я бывала нередко и днем. Готовила она не часто, но превосходно. Она так тщательно обрабатывала продукты, что это отняло бы всё время. Гости приходили, иногда договорившись, иногда неожиданно. Радужный прием ждал людей всегда. Когда же приезжала какая-нибудь «знаменитость», то приглашение получали наиболее близкие: «Шура», Гордины, Виктор и Нелли, о которых речь пойдет впереди, Дима Заславский. Слава Свительский и его жена Нина считались близкими, но часто они не бывали, зато всегда приходили, когда приезжала «звезда». Наталья Евгеньевна — я уже писала об этом, имела самых «престижных» знаменитых, друзей и делилась ими охотно и щедро.

Еще одно воспоминание о Наталье Евгеньевне. При этом весьма характерное для нее — так помогала она очень многим. Мне же она фактически спасла жизнь.

Это было в 1973 году. Я заболела воспалением легких, попала в больницу, ухаживать за мной было некому. А желудок у меня уже тогда был больной, и от больничной пищи я бы попала еще в одно отделение. А Наталья Евгеньевна тогда лежала дома с сотрясением мозга. Что она сделала? Позвонила в университет, с кем она говорила, не знаю, но убеждать людей, вызывать в их душах лучшее умела в совершенстве. Она договорилась, студенты покупали продукты, она готовила, а они по очереди относили мне в больницу обеды: курицу, супы, фрукты. Общеизвестно, что при воспалении легких голодать нельзя, нужно усиленное питание, а я голодала. И не выжила бы без помощи Натальи Евгеньевны, которая тогда и сама нуждалась в поддержке.

Летом 1976 года Наталья Евгеньевна поехала в Ленинград. Ей давно хотелось попасть в город Мандельштама и Ахматовой, где Наталья Евгеньевна была в 1937 году. По поручению Надежды Яковлевны, она тогда должна была сообщить Анне Андреевне об аресте Осипа Эмильевича. А меня Наталья Евгеньевна попросила «поводить» ее по городу. Я к этому времени стала вроде экскурсовода по городу. Ежегодно летом приезжали на практику мои студенты-филологи четвертого курса из Воронежа, и я их водила по городу и сама, и организуя для них экскурсии. Разумеется, пообщаться с Натальей Евгеньевной в родном моем городе было великим счастьем для меня. Я не могла поселить ее в нашей с мамой квартире — с 1975 года мой отец после инсульта, перестал сознавать, кто он и где он. Домой я Наталью Евгеньевну всё же привела.

Что она сказала маме, не помню, но мама, не плакавшая почти никогда, разрыдалась, а Наталья Евгеньевна обнимала ее. С Натальей Евгеньевной я ходила по городу. Всего не помню, но главное — она меня повела на квартиру Ахматовой, вернее, подвела к дому, где Анна Андреевна жила в 1937 году и куда Наталья Евгеньевна пришла со страшной вестью об аресте Осипа Эмильевича. Наталья Евгеньевна рассказывала и о том, что Анна Андреевна встретила ее в своей шали, приняла очень ласково. Я не сумею сейчас так всё передать, но по рассказу Натальи Евгеньевны как бы увидела и услышала Анну Андреевну и как будто присутствовала там, побывала на их встрече — рассказывать Наталья Евгеньевна умела превосходно. А так она много ходила со мной по городу, не уставая там, где

улавляла я, будучи моложе ее на двадцать лет. Ела она очень мало, больше всего хотела еще и еще что-то повидать.

И еще одно «воспоминание» о Наталье Евгеньевне — смешное. Я уже писала о том, что представляла себе Наталью Евгеньевну той Наташей, которая пришла к Мандельштаму в 1936 году. Когда я увидела Наталью Евгеньевну, удивилась: «Не та», — потом привыкла, но в моем сознании Наташа и Наталья Евгеньевна жили раздельно. Наталья Евгеньевна нередко, уезжая, оставляла на меня квартиру и кошек. Она очень любила и подбирала, по словам ее брата, всех кошек подряд. Две-три жили у нее постоянно, а во дворе она кормила еще «штуку» пять.

Так вот: я в ее квартире — звонок. Мужской голос просит к телефону Наташу. Я отвечаю, такой здесь нет. Он извинился, назвал номер телефона, я говорю, да, но Наташи здесь нет. В это время вошел сосед Натальи Евгеньевны: «Что вы наделали, как это нет Наташи, а кто же тогда Наталья Евгеньевна?» Я ахнула, но трубку уже повесила. Я поняла, что изрядно напугала кого-то.

А через какое-то время я прихожу к Наталье Евгеньевне, у нее кто-то сидит. «Таня, познакомьтесь, это моему мужу вы сказали, что не знаете Наташу». От ужаса я не запомнила ни его лица, ни разговора с ним.

Несколько слов о моей последней встрече с Натальей Евгеньевной. Летом 1987 года я вернулась в Ленинград, мой родной город, где проживала мама. Для этого я поменяла квартиру и получила ленинградскую прописку. Работу в Воронежском университете потеряла, но мне предложили провести заочные сессии (зимнюю, в январе 1988 г., и летнюю — в мае и в июле практику со студентами ВГУ в Ленинграде). Я с радостью согласилась. Зимой 1988 г. я работала в ВГУ и по старой памяти бывала у Натальи Евгеньевны. Всё шло как обычно. Вернулась в Ленинград, писем от Натальи Евгеньевны не было (а раньше — всегда). Я позвонила в Воронеж к ней на квартиру, мне ответил чужой женский голос: «Она больна, подойти не может». Я спросила, в чем дело. Увы! Инсульт. Наполовину парализована. Ее друзья, а их было много, организовали дежурства, смея друг друга.

Я приехать не могла. На моем попечении была мама с большим сердцем, ровесница Натальи Евгеньевны — ей было 79 лет. Но на летнюю сессию я приехала в Воронеж, пришла к Наталье Евгеньевне. К этому времени ее друзья прописали в ее квартиру родственницу — Майю Штемпель. Я ее не знала, да и остальные — тоже. Но, как мне объяснили: без конца дежурить не могли. Мне было сказано (и справедливо): «Вы же не приедете». Дома был идеальный порядок.

Наталья Евгеньевна лежала на диване в большой комнате. Помню белоснежное постельное белье. Наталья Евгеньевна разговаривала, лицо не изменилось. Но вот что произошло.

Приехал какой-то мужчина с письмом от Ахмадулиной и книгой стихов для Натальи Евгеньевны. Белла ничего не знала о случившемся и приглашала Наталью Евгеньевну в Москву. И тут случилось то, что я никогда не видела за семнадцать лет. Наталья Евгеньевна разрыдалась. Я бросилась ее утешать, говорила всякие глупости.

Больше я ее не видела. Увезла студентов на практику в Ленинград (я годами это делала), но возвращались в Воронеж они уже одни. Я их провожала. Билеты человек на тридцать пять-сорок были у меня. В сумке — мои документы, деньги. И вдруг я почувствовала, что надо остаться в вагоне, что проводница не стала бы считать нас по головам. Меня буквально потянуло в Воронеж. Но что бы подумала мама? Ведь мобильных не было. В Воронеже делать было нечего. А тянуло. Я, разумеется, осталась, а через три дня получаю телеграмму от Димы Заславского о том, что Наталья Евгеньевна умерла. И, когда я сосчитала, поняла, что, уехав со студентами, я бы застала ее в живых. Мистика мне чужда. Но как тогда потянуло, почти физически потянуло, — помню.

3

К Наталье Евгеньевне Штемпель московские ее друзья относились не просто с почтением, а как-то восторженно. Белла Ахмадулина — сама Наталья Евгеньевна мне рассказывала — однажды упала перед ней на колени.

Но ближайшая подруга Наталья Евгеньевны в Москве — это Женя, или Евгения Николаевна Перкон. Где они учились вместе — в университете воронежском или в школе — я не знаю, не помню. Но Наталья Евгеньевна постоянно приезжала в этот дом. В этом доме бывал Виктор Розов. Дочь Евгении Николаевны, Наташа, или Наталья Николаевна Самохина, работала в издательстве «Советская энциклопедия». Ее муж работал там же. Это был очень интеллигентный, милый, приятный дом.

И, разумеется, Наталья Евгеньевна приходила к Надежде Яковлевне. У Надежды Яковлевны была маленькая однокомнатная квартира на Профсоюзной. Там всегда было очень накурено, квартира была без хозяйского глаза. Хозяйничали там какие-то девушки и молодые люди. Чувствовалось, что Надежда Яковлевна к этому времени хозяйкой уже как бы не была. Самое главное, самое интересное — это были беседы с ней — с очень умным, проницательным

человеком, и человеком очень резких суждений. Это было безумно интересно. Осип Эмильевич Мандельштам — что-то из далекого прошлого, тут вдруг это прошлое оживало, вы видели пожилую женщину, похожую на индийских старух, и совершенно не похожую на свою фотографию в молодости. А тем более, что индианки курят трубки, а она курила и курила без конца. «Наташу», как она называла Наталью Евгеньевну, нежно любила, и трудно себе было представить, что такая резкая женщина, и известно — очень ревнивая — как она, с нежностью относилась к Наталье Евгеньевне.

Наталья Евгеньевна вызывала во всех особое чувство, и все ее знакомые по Воронежу отмечали это.

Особо надо сказать об Александре Осиповиче (Иосифовиче) Немировском, профессоре-античнике и, пожалуй, лучшем друге Натальи Евгеньевны. Это был видный ученый, он заведовал кафедрой античной истории и был самым близким другом Натальи Евгеньевны. Он был на семнадцать лет ее моложе. Увлекающийся человек, общительный, оригинальный, он питал нежные чувства и, по ее словам, готов был на большее, чем на дружбу. Наталья Евгеньевна мудро отклонила ухаживание, они оставались друзьями на всю жизнь. Именно он настоял на том, чтобы Наталья Евгеньевна писала бы мемуары, понимая, что ее рассказы друзьям, знакомым забудутся, а образ Осипа Эмильевича и образ Надежды Яковлевны должны остаться. «Шура», как называла его Наталья Евгеньевна, А. О. Немировского, был достаточно известной фигурой, ученым и автором научных трудов, научно-популярных и... романов и повестей.

Впервые я увидела его у Натальи Евгеньевны, лежащим на кушетке, в носках, журналы валялись на полу. Воспитанность ему не была свойственна, но он был очень живой, непосредственный человек. Наталью Евгеньевну очень чтил, ни с кем не был так предупредителен, как с ней, хотя то, о чем я рассказала, вроде бы противоречит моему высказыванию. Просто этот человек не знал, что такое сдержанность. Наталья Евгеньевна относилась к нему с нежностью, заботой. Он был превосходным переводчиком не только классических текстов, но и Рильке. У Натальи Евгеньевны хранился текст его переводов Рильке, которые она давала читать только у нее. Мне однажды дала на лекцию Рильке почитать студентам, но с тем, чтобы я не переписала.

Именно Немировский настоял на том, чтобы Наталья Евгеньевна написала воспоминания о Мандельштаме. Она не хотела, по свойственной ей скромности она боялась, что в «Воспоминаниях» будут «присутствовать» не только Осип Эмильевич и Надежда Яковлевна, но и она. Не хотела примазываться к их славе. Алек-

сандр Осипович уговорил ее, ведь со временем людей, знавших лично Мандельштамов не будет, а память важна. Вероятно, в Немировском говорил профессионализм историка.

Среди тех, кто помогал Наталье Евгеньевне сохранить память о прошлом, была чета Гординых — Виктор и Неля, было им тогда в 70-е годы лет тридцать-сорок. Они часто бывали у Натальи Евгеньевны. Он был химик, кандидат наук, она — социолог. Люди по-настоящему интеллигентные, интересующиеся поэзией, театром, живописью.

Виктор помогал Наталье Евгеньевне создать альбом «Мандельштам в Воронеже». Кому принадлежала идея создания, не помню. Наталья Евгеньевна годами рассказывала и показывала, где жили Мандельштамы. И вот появляется альбом. Не помню, кто писал тексты, но фотографии делал Виктор Гордин. Его фотографии — это было искусство.

Он же ездил в Москву, общаясь с теми, кто еще помнил Мандельштамов. Тогда еще была жива и Надежда Яковлевна. Он общался с ней, с Юдиной, с друзьями Натальи Евгеньевны в Москве. По существу, он был соавтором в деле создания альбома. Работал он много, и всё, разумеется, из чистого энтузиазма (Гордины в 90-е годы уехали в Израиль, и Виктор погиб в аварии).

У «Воспоминаний» Натальи Евгеньевны своя история и своя судьба. За ними приехал из Ленинграда Валерий Николаевич Сажин, тогда еще молодой человек, отличавшийся большим интересом к культурному прошлому. Он очень понравился Наталье Евгеньевне. Если не ошибаюсь, В. Н. Сажин пристроил их в ГПБ, в Отдел рукописей¹. А так спрашивали: «Зачем?» и «Кому это интересно?» Это потом всё стало легко и доступно...

Санкт-Петербург, 2005, 2008

Алла БОТНИКОВА

Единственный в Воронеже дом

О Наталье Евгеньевне написано много. Ни для кого нет сомнений в исключительном значении ее для истории русской поэзии.

Написано специально для настоящего издания.

¹ В отделе рукописей Российской Национальной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (РНБ, ранее ГПБ — Государственная публичная библиотека) в Санкт-Петербурге, действительно, имеется личный фонд Н.Е. Штемпель (ф. 1314). В нем, помимо варианта воспоминаний, содержится часть переписки Н.Е. Штемпель, а также воспоминания и переписка М.В. Яревой (сообщено В.Н.Сажиним.).

Друг Мандельштама в годы его воронежской ссылки, она пронесла верность поэту через всю жизнь. По мере возможности способствовала распространению его стихов. Больше того: она сохранила эти стихи, несмотря на все жизненные перипетии. Увезла их с собой, эвакуируясь из Воронежа. Причем, лишенная всяческого тщеславия, она оставила в обстреливаемом и горящем городе письма к ней Осипа Эмильевича, но забрала его стихи. Когда я силюсь представить себе сцену эвакуации, я каждый раз поражаюсь этому подвигу хрупкой женщины. Если к тому же еще прибавить ее физическое состояние, то, как бы мы вслед за поэтом ни именовали это «одушевляющим недостатком», полагаю все-таки, что хромота была всегда сильным препятствием и, конечно, требовала не только выносливости, но элементарно и большого напряжения.

Она была именно такой — самоотверженной и очень скромной. При этом простой до наивности. Ее доброжелательность не знала пределов. Она привечала всех. И любила всех: людей, животных, цветы. Мы нещадно пользовались ее гостеприимством, приводя к ней московских гостей. Всех принимала, охотно и простодушно отвечала на вопросы об Осипе Эмильевиче. Когда ее воспоминания уже были написаны, она охотно читала их гостям. Читала сама, вслух, с интонацией школьной учительницы, желающей, чтобы слушатели хорошо и точно усвоили прочитанное. В достоверности воспоминаний сомневаться не приходится. Не знаю, что испытывали другие, слушая их в чтении автора, мне всё время чудился в них некий скрытый драматизм. Он был запрятан глубоко. В своем настоящем чувстве к поэту она никогда не призналась бы даже самой себе. В моих глазах именно этот, нигде не выходящий на поверхность подтекст, придает ее запискам особую притягательность.

Не знаю, насколько Наталья Евгеньевна понимала поэтический язык Мандельштама. На мои просьбы что-то разъяснить обычно затруднялась с ответом. Она просто любила его и его стихи. Наверное, за их музыку. Как и вообще стихи. Не случайно у нее находили приют многие молодые воронежские стихотворцы. Среди них попадались разные. Достоинства некоторых она явно преувеличивала, но всех по-матерински пестовала. Единственно за то, что они были поэты.

У нее был удивительно гостеприимный дом. Небольшая квартира из двух комнат. Большая из комнат представляла собой одновременно гостиную и кабинет. Книг было сравнительно немного, два старых шкафа, книги стояли в них в два ряда. И в основном — поэтические сборники. Гостей обязательно поили чаем. Угощение было скудным, но почему-то необыкновенно вкусным: свежий бе-

лый хлеб, сыр, домашнее варенье и хорошо заваренный чай. Мне это напоминало мое детство. Чаепитие у нас всегда было именно таким, только вместо хлеба подавались баранки, видимо, так было в заводе в небогатых интеллигентных домах. Дом Натальи Евгеньевны был уголком старого, утраченного, но овейного поэзией быта. В Воронеже, по-моему, такой дом был единственным.

Могу представить себе, чем оказалось для бесприютного ссыльного Мандельштама и его жены знакомство с этим домом. Во многом через него, через его обитателей поэту открылась поэзия черномоземного города. Наталья Евгеньевна вспоминала о совместных прогулках. Стихотворение «Клейкой клятвой липнут почки...» своим появлением обязано такой прогулке в районе СХИ. И чтобы поэт, взглянув на панораму города, мог вдруг воскликнуть: «Как он хорош, как весел, как скуласт!» — надо было, чтобы он, хоть на миг, мог почувствовать себя хорошо в чужом городе, городе-враге. Наталье Евгеньевне мы обязаны и едва ли не самыми проникновенными лирическими шедеврами поэта — «К сырой земле неволью припадая...» и «Есть женщины, сырой земле родные...».

Даниил ЗАСЛАВСКИЙ

Гений Дружбы

Когда я вспоминаю о Наталье Евгеньевне Штемпель, то первое, что я всегда вижу перед своими глазами, — это поздний и теплый вечер в октябре шестьдесят третьего года и себя, студента математико-механического факультета Воронежского университета, идущего медленно под руку со слегка прихрамывающей женщиной.

Мы идем медленно, разговаривая о только что прослушанной музыке и стихах. Тени деревьев легли на тротуары улиц Карла Маркса и Никитинской. Так мы доходим до калитки ворот, за которыми в глубине стоит ее дом.

«Так Вы любите стихи! — то ли про себя, то ли переспрашивая меня, говорит, глядя мне в глаза, моя спутница. — Может быть, зайдете? Попьем чаю и почитаем стихи. Вы — свои любимые, а я — свои».

И вот я поднимаюсь на третий этаж дома под номером 38а по улице Никитинской, так хорошо знакомого всем, бывавшим у На-

---

Впервые: Н. Штемпель. Мандельштам в Воронеже. Москва, 1992. С. 3–14, под заглавием «Гений дружбы». В переработанном виде: Альманах «Кольцовский сквер» (Воронеж), 2002. №2. С. 103–109, под заглавием «В доме Натальи Евгеньевны Штемпель». Дается по последней публикации с сохранением первоначального названия.

талы Евгеньевны. (Только двор дома выглядит сегодня по-иному. В те годы за закрытыми воротами и скрипучей старой металлической калиткой следовал плохо освещенный двор с длинным флигелем по правую сторону двора и большой клумбой слева от дорожки, за которой виднелась деревянная квадратная беседка. За аркой во внутреннем дворе деревьев было значительно больше. Позднее перемены были связаны с постройкой служебного здания какого-то НИИ и гаражей.)

Так я впервые попал в гости к Наталье Евгеньевне, пил чай в «большой комнате» ее квартиры, еще и не предполагая, сколь многое в моей жизни будет связано с этим домом. Мы читали стихи и разговаривали о литературе часа три, здесь же я впервые узнал о судьбе Осипа Мандельштама, услышал стихи из «Воронежских тетрадей» (о ранних его стихах какое-то представление я к этому времени уже имел). Наверное, это было очень смешно и удивительно, что студент и женщина пятидесяти пяти лет делятся поэтическими и жизненными впечатлениями. Да, это было бы смешно, если бы моей спутницей была не Наталья Евгеньевна. Но не только стихи способствовали зарождению в тот вечер дружеских отношений между нами. Незадолго до моего знакомства с Натальей Евгеньевной умерла ее горячо любимая мать, потерю которой она тяжело переживала. Я же учился вне дома и нелегко переносил разлуку с семьей, особенно со своей матерью, которой был очень предан. Очевидно, эти обстоятельства способствовали тому, что Наталья Евгеньевна проявила интерес и внимание ко мне. К тому же ее ближайший друг профессор А. И. Немировский, с которым она познакомилась раньше и который поддерживал ее в это трудное для нее время, был в это время в длительной творческой командировке в Москве.

Так зародилась моя дружба с Натальей Евгеньевной Штемпель, начавшаяся со знакомства на концерте симфонического оркестра Воронежской филармонии (исполняли «Реквием» Дж. Верди, пел хор Тульской филармонии), где меня представил ей сотрудник художественного музея Борис Окунев.

По жанру воспоминаний сейчас должны следовать портрет хозяйки и описание ее дома. Хотелось бы описать подробно эту замечательную квартиру, где вроде бы ничего особенного и не было, где всё было по-интеллигентному скромно, но исполнено особой одухотворенности.

Необычность большой комнаты состояла в присутствии двух кадок с огромными финиковыми пальмами, которые доросли до потолка, и, казалось, занимают не менее половины огромной комнаты. Посредине комнаты стоял большой раздвижной стол квадратной

формы. У стен располагались диван и старая лежанка — оттоманка. И повсюду — книги, книги, книги: на стеллажах, в шкафах и на полках. На стенах портреты Грибоедова, Л. Толстого, Ахматовой, Блока, Мандельштама. Позднее к ним добавился серовский рисованный А. Пушкин и фотокопия с рисованного портрета молодого Б. Пастернака работы его отца, художника Л. О. Пастернака.

В небольшой спальне размещались тройной шкаф (хозяйка неизменно называла его шифоньером), узенькая кровать, небольшой столик, используемый как туалетный, и старый сундук, в котором хранилась постель и запасные постельные принадлежности. Этот сундук был покрыт Елань-Коленовским небольшим ковром, на котором стояла ручная швейная машинка в футляре. Над кроватью неизменно висела репродукция портрета А. С. Пушкина работы художника Тропинина в багетной рамке, а на противоположной стене — небольшая висячая полка с книгами.

Многие книги на этой полке были с автографами или с дарственными надписями. Среди книг этой полки выделялся том «Фауста» И. Гёте в издании прошлого века на немецком языке, отпечатанный готическим шрифтом, — подарок профессора П. Загоровского с дружеской и остроумной надписью, датированной, кажется, 1950 или 1951 годом. В этой маленькой комнате Наталья Евгеньевна занималась своими хозяйственными делами (шитье, починка и подшивка столовых и постельных принадлежностей), в этой комнате останавливались ее иногородние гости.

Кухня в квартире Натальи Евгеньевны была продолговатой формы. Слева от входа располагался кухонный стол, всегда покрытый клеенчатой скатертью, рисунок которой выбирался всегда с тщательностью, свойственной хозяйке этой квартиры: у той же стены стоял небольшой буфет, в верхней части которого находилась посуда, у противоположной стены стояла газовая четырехконфорочная плита и старого образца холодильник «Саратов». Кухонную дверь Наталья Евгеньевна сняла, чтобы было светлее в прихожей, не имевшей окон. В кухне к столу были придвинуты два старых стула, обтянутых коричневым ледерином. На стене над кухонным столом где-то в середине 70-х годов появилась гравюра, изображавшая какой-то живописный уголок старого Пскова с характерной толстой стеной несколько приземистой церквушкой. Гравюра была подарена автором, московским художником-гравёром Ройтером.

В небольшой прихожей, куда выходило пять дверей, места хватило лишь для настенной вешалки, прибитой на стене за входной дверью, и небольшого трюмо ручной работы, представлявшего столик на ножках, на двух полочках которого хранились косметические

средства и лекарства, не исключая и санитарно-гигиенические принадлежности. На столике всегда лежала палехская шкатулка с подписной росписью на тему «Сказки о царе Салтане» А. С. Пушкина, подарок Н. Я. Мандельштам в ее первый послевоенный приезд в Воронеж в 1947 году. В этой шкатулке Наталья Евгеньевна хранила носовые платки (почти все белые батистовые и крепдешиновые, отделанные ручным кружевом и украшенные вышивкой гладью или филейной работой). Здесь же стояли два-три флакона духов. Любимыми духами Натальи Евгеньевны были в торжественных случаях духи «Вечер», в остальных случаях предпочитала духи «Манон» или «Белая сирень». Здесь же, на столике в прихожей, стояла маленькая палехская шкатулочка, в которой лежали две броши, которыми Наталья Евгеньевна любила закалывать как блузки, так и платья. Одна из этих брошей была еще дореволюционной работы и представляла рамку, в которую было с большим вкусом вделано множество мелких гранатов. Вторая брошь была подарена Наталье Евгеньевне после войны и была выполнена в виде заколки, украшенной довольно большим кристаллом горного хрусталя.

Такова была квартира, в которую я попал благодаря случайному и для меня сверхсчастливому стечению обстоятельств в октябре 1963 года.

Очень скоро я ощутил, что совсем перестал замечать хромоту Натальи Евгеньевны. Более того, мне показалось, что такой приятной походки я никогда раньше и не видел. Ее руки, такие пластичные в своем движении, голос, удивительно подходящий для чтения стихов, красивая и правильная речь, свойственная старой воронежской интеллигенции, — всё это не могло не увлечь.

Да, это была не просто квартира. Это был дом со своим устойчивым и своеобразным бытом, постоянно поддерживаемым порядком, друзьями и знакомыми, большими и небольшими традициями и привычками, уходившими сутью в старый Воронеж, еще дореволюционный мир и быт, с которым Наталья Евгеньевна была связана не только интеллектуальными и культурными интересами, но и узами происхождения и родства.

Наталья Евгеньевна никогда не скрывала своего дворянского происхождения, хотя в связи с этим в ее жизни было немало трудностей и неприятностей. В своих воспоминаниях она пишет о происхождении из интеллигентной семьи: и верно — Наталья Евгеньевна была ярким представителем женщин из обедневшей дворянской среды, пополнявших ряды русской интеллигенции и каких было немало в русской провинции. Понятия чести, достоинства, долга, порядочности были в ней яркой доминантой. И при этом — никакой

выспренности, морализаторства, лицемерия. Во всем искренность, естественность и простота поведения.

«Какой необязательный человек!», «Это непорядочно с его стороны» или «Что, разве ему непонятно, как это непорядочно?» — вот обычные формы ее осуждения.

Всю жизнь Наталья Евгеньевна посвятила преподаванию русского языка и литературы в Воронежском авиационном техникуме. Никакие знакомства в мире литературы и искусства, в среде воронежских и столичных профессоров, не мешали ей относиться к своему труду с высшей степенью добросовестности. Она просто не могла работать иначе. От своих далеких немецких предков она унаследовала не только фамилию, но и любовь к порядку и особенную щепетильность в отношении к труду, своему и чужому. Но эта ее сущность преподавателя и труженика как-то естественно и незаметно была вставлена в оправу человека, у которого главное — посещение выставок, концертов, чтение и перечитывание любимых книг, общение с друзьями и знакомыми. Все ее многочисленные интересы в жизни и в искусстве не были отделены от повседневного труда, к которому она относилась по-старинному, как к служению литературе и каждому своему ученику.

Не буду повторять то, что можно узнать из воспоминаний Натальи Евгеньевны (журнал «Новый мир», № 10, 1987 г.) и ее уже полностью опубликованной автобиографии (неполное изложение содержится в книге «Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама». Издательство Воронежского университета, Воронеж, 1990 г.), но скажу, что у нее был дар располагать к себе молодежь, ее любили многие студенты авиатехникума, не забывали ее после ухода на пенсию, по сегодня сохраняют благодарность за то, что научила их ценить прекрасное, рождала в них потребность в культурном росте и, в частности, потребность в чтении как классической литературы, так и произведений современных авторов, что научила ценить и понимать стихи. Не забыты ее учащимися уроки, когда при прохождении темы борьбы с формализмом или печально знаменитого постановления, направленного на организованный остракизм против Анны Ахматовой и Михаила Зощенко, Наталья Евгеньевна кончала свои уроки, как всегда, чтением стихов А. Блока, раннего В. Маяковского, Анны Ахматовой, С. Есенина, Б. Пастернака и даже, не называя фамилий авторов, Н. Гумилёва и раннего О. Мандельштама. Много позже она несколько раз в моем присутствии задавала риторический вопрос: «И как это мне всё сходило с рук?»

Многие ее студенты сороковых — начала пятидесятых годов вспоминают руководимый ею драматический кружок, где учащи-

еся разыгрывали пьесы Фонвизина, Грибоедова, Гоголя, Островского, Мольера — в основном входящие в их учебный план по литературе. Сегодня нелишне отметить, что практика сценического воображения и воплощения драматических произведений, пришедшая из гимназических и семейных спектаклей в многочисленные школьные и классные драматические кружки, позволяла Наталье Евгеньевне не только глубже, чем обычно, изучить программные произведения, но и привить любовь к театру, к чтению произведений, написанных в драматической форме, а главное, повысить культуру речи своих учащихся.

Интересным представляется случай, недавно происшедший со мной. Я ехал в троллейбусе, где впереди меня расположился мужчина с мальчиком, которого мужчина, видимо, его отец, всюю бранил за плохую грамотность и неуспеваемость по литературе. «Я, — громко внушал пареньку мужчина, — окончил лишь техникум, а писал сочинения хоть куда и к тому же без грамматических ошибок». И когда я полюбопытствовал, где он учился, то услышал в ответ, что учился он в авиационном техникуме, в группе, в которой русский язык и литературу преподавала Наталья Евгеньевна.

В первые годы нашего знакомства я часто просил ее принять и приводил того или иного из многочисленных моих знакомых как по учебе в университете, так и по увлечениям поэзией и музыкой. С сожалением должен отметить, что не все из приведенных мной в дом Натальи Евгеньевны овладели художественным и, в частности, литературным вкусом, воспитанностью и внутренним кругозором, чтобы оценить по достоинству счастье познакомиться и хоть раз пообщаться с человеком такого эмоционального и нравственного уровня, каким была Наталья Евгеньевна. Ведь постоянное общение с Натальей Евгеньевной обязывало постоянно развивать свой культурный и поэтический кругозор, а для поэтически одаренных людей чтение своих стихов Наталье Евгеньевне, слышавшей лично Анну Ахматову, О. Мандельштама, а также в домашней обстановке и на эстраде одного из лучших исполнителей и интерпретаторов русской поэзии Владимира Яхонтова, — такое чтение не могло не ставить вопрос об оригинальности своего дарования, о его соотносимости с великими предшественниками и «золотого», и «серебряного» веков русской поэзии.

Некоторые из тех, кого я привел в дом Натальи Евгеньевны, сочли поначалу это событие рядовым фактом своей биографии и только через много лет осознали ту высоту культуры, тот нравственный уровень, на котором им довелось однажды побывать, — за что и благодарят меня сегодня с опозданием на четверть века.

Иные же, чего-то забоявшись в конце 70-х — начале 80-х годов, об этом своем знакомстве старались не помнить, а в оправдание себе придумывали различные порочащие Наталью Евгеньевну и ее друзей истории. Причем эти истории подозрительно быстро становились известны людям, которым Наталья Евгеньевна доверяла, мягко говоря, маловато.

Для Натальи Евгеньевны отношение к стихам, поэзии, литературе, художественный кружозор человека во многом определяли ее взгляд на человека, понимание его сути, ее оценку как личности. Слова «стихи», «поэзия» постоянно присутствовали в ее речи. «Как вы думаете, Дима, он понимает стихи?», «Вы считаете его способным чувствовать стихи?», «Как вы думаете, с ним можно говорить о стихах?», «А он знает поэзию?» — такие вопросы ставила Наталья Евгеньевна после ухода очередного из ее многочисленных гостей. Близость литературных вкусов, поэтических привязанностей — это для Натальи Евгеньевны было своеобразным родством.

Бывали в гостях у Натальи Евгеньевны поэты и воронежские, и приезжие. Ее суждения были почти всегда благожелательны, и у иных поэтов, или считающих себя таковыми, такая благожелательность порой вызывала неудовольствие — дескать, всем так. Часто звучащие в ее устах слова одобрения «Хорошо! Как хорошо!» могли иной раз показаться чрезмерными. Только в случае очень и очень плохих стихов Наталья Евгеньевна отмалчивалась. У присутствующих иногда на таких чтениях людей, действительно поэтически одаренных, возникали сомнения и в искренности Натальи Евгеньевны, а у иных — даже в тонкости ее литературного вкуса. Но всё становится понятным, если учесть, что для Натальи Евгеньевны поэтическое являлось не внешним, а внутренним органическим свойством человека. Человек вне поэзии — своей ли, чужой ли — был для нее немислим, пуст и неинтересен. Стоило ей услышать нечто бесцеремонное или пошлое о стихах и поэтах, как высказавший подобное становился ей чуждым, и она долго переживала такое упущение природы, эмоциональную или этическую глухоту пусть даже всего однажды встреченного человека. Литературное падение и отступничество всегда порождало в ней скорбь, так как подобные обстоятельства требовали изменения в отношении с людьми, бывшими прежде ею ценимыми и считавшимися ее близкими знакомыми, вплоть до полного разрыва отношений.

«Он пишет стихи» или «Он не пишет стихи», «Он любит поэзию» или «Он не любит поэзию», «Он понимает поэзию такого-то автора или эпохи» или же «Он не понимает поэзию такого-то автора или эпохи» — в ее устах это была не констатация факта, а определе-

ние уровня личности, ее эмоциональной глубины и эмоционального кругозора.

Между тем ее собственные литературные вкусы и привязанности были устойчивы и сориентированы на высокую классику, с уровня которой и оценивалось лучшее в современной поэзии. Бесконечное число раз и в разные годы перечитывала она любимые книги и сама, и с друзьями, и в присутствии большого числа знакомых и друзей: с Евгенией Николаевной Перкон — А. Пушкина и А. Чехова, с Раисой Соломоновной Иткиной — Библию и литературные новинки, с братом — С. Есенина. Много было прочитано и прослушано в обществе А. И. Немировского: поэты-ифлийцы (знакомые ему по учебе в ИФЛИ), немецкие поэты в его переводах, более всего Р. Рильке и Г. Гессе, его исторические повести и рассказы, переводимые им римские историки, греческая и римская классика, книги или отрывки из книг по древней истории.

За время нашего знакомства, в особенности в первые годы, пока я не был обременен семьей, мы читали вслух почти ежедневно Батюшкова, Фета, Блока, М. Кузьмина, Ахматову, Пастернака, Цветаеву, многократно кое-что из А. Пушкина и М. Лермонтова, которых она знала первоклассно (в особенности стихи и поэмы), многое наизусть.

Из довоенной личной библиотеки Натальи Евгеньевны чудом в разграбленной квартире полусожженного дома сохранилось несколько поэтических книг и сборников, которые Наталья Евгеньевна нашла после возвращения из эвакуации в Куйбышев сваленными в углу полууцелевшего дома. Но это была лишь часть сохранившихся ее довоенных книг. Другая часть, ко времени возвращения Натальи Евгеньевны в Воронеж с коллективом авиационного техникума, успела побывать в фондах библиотеки парткабинета одного из заводов, откуда Наталья Евгеньевна их извлекла по принципу: «Что найдете, то и ваше». На некоторых из этих книг была зачерчена подпись Натальи Евгеньевны, которая присутствовала на всех ее книгах, ниже она ставила довольно часто дату приобретения книги. Так что не исключено, что какие-то книги из довоенной библиотеки Н. Е. Штемпель сохранились либо в частных, либо в заводских библиотеках Воронежа.

Так, среди сохранившихся книг в библиотеке Натальи Евгеньевны имелись три тома из собрания сочинений А. Блока, изданного в Ленинграде издательством Союза писателей, довольно полный, подготовленный Н. Степановым, том стихотворений и поэм В. Хлебникова, первоиздания А. Блока («Снежная маска», «Стихи о прекрасной даме»), Анны Ахматовой («Вечер», «Четки», «Из шести

книг»), отдельные сборники М. Цветаевой, С. Парнок. Запрещенной редкостью были имевшиеся среди сохранившихся книг прижизненные издания Н. Гумилёва, М. Кузьмина («Форель разбивает лед») и, конечно, книги О. Мандельштама «Тристаня», «Шум времени», сборник статей «О поэзии». Где еще можно было прочитать посмертное издание «Кипарисового ларца» Иннокентия Анненского, первую редакцию «Улялаевщины» И. Сельвинского или прижизненное издание «Вечерних огней» А. Фета? А утолить поэтическое любопытство или расширить свои познания всего лучше было сделать, воспользовавшись одной из лучших хрестоматий «Русская поэзия XX века» под редакцией И. Ежова и Е. Шамурина издания 1925 года, переизданной только в 1991 году.

Из послевоенных поэтических изданий в библиотеке Натальи Евгеньевны были все максимально полные собрания сочинений А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Некрасова, А. Блока, С. Есенина, В. Маяковского, большинство изданий Большой и Малой серии «Библиотеки поэта», многочисленные сборники русских и зарубежных поэтов, литература о поэтах и поэзии, многочисленная мемуарная литература, справочники и словари, учебники и пособия, необходимые ей для преподавания.

«Может быть, почитаем стихи!», «Приходите, если сможете, попьем чаю и почитаем стихи», «Когда мы почитаем стихи?», «Давно мы ничего с вами не читали вслух!», «Не знаю, много ли сохранилось в России домов, где поддерживалась старая добрая традиция чтения вслух, обсуждения прочитанного, как говорится, «под абажуром» (статьи, когда-то в большой комнате действительно висел широко распространенный в послевоенные годы шелковый абажур)? Да, поэзия в доме Натальи Евгеньевны никогда не была гостьей. Просто она в этом доме жила.

Иногда Надежда Яковлевна Мандельштам давала на длительный срок книги авторов, запрещенные цензурой и опороченные нашей критикой и прессой. Так в доме Натальи Евгеньевны звучали стихи и проза Владимира Набокова, «Доктор Живаго» Б. Пастернака, стихи И. Бродского, романы А. Солженицына. У Натальи Евгеньевны были первые большие издания сочинений Осипа Мандельштама: четырехтомник под редакцией Г. Струве и Б. Филиппова, а также первое полное издание «Воронежских тетрадей», подготовленное и откомментированное бывавшей в Воронеже Викторией Швейцер.

И, конечно, без стихов не обходились дни рождения Натальи Евгеньевны, когда в доме собиралось, бывало, более тридцати человек.

За несколько дней до своего дня рождения, обычно где-то за неделю, Наталья Евгеньевна произносила следующую традиционную фразу: «Дима, вы никому не напоминайте, потому что в этом году я отмечать свой день рождения не имею возможности. Кое-как я не умею, а организовать прием как я считаю нужным нет ни сил, ни денег!» Чаще на это риторическое восклицание я ничего не отвечал, а просто спрашивал, чем смогу помочь, иногда говорил, что всё равно все ее знакомые, друзья и родственники знают дату ее дня рождения, приходят всегда без приглашения и давным-давно заготовили и подарки, и сюрпризы, — с этими моими соображениями Наталья Евгеньевна не могла не согласиться.

И действительно, гости начинали приходиться с утра — первыми приходили те, кто не мог придти в этот день вечером, или же те, кто действительно чурался шумных многолюдных сборищ. Так, часто приходил поздравлять утром Наталью Евгеньевну ее брат Виктор Евгеньевич, а ее невестка Татьяна Олимпиевна и в особенности племянница Татьяна (по-домашнему называемая «Таня маленькая») всегда приходили вечером, неизменно принося чудесный торт или пирог, а иногда и то, и другое.

Особо запомнился мне один день рождения Натальи Евгеньевны, когда, после очередного возвращения из летней поездки в Москву, она решила отменить ставшее для всех ее знакомых привычным празднование дня своего рождения, для чего обзвонила всех наиболее часто бывавших у нее гостей, которым говорила, что денег и сил «что-либо собирать нет совсем, ну, в крайнем случае, приходи-те на обычный чай с булкой». Не помню, кто был инициатором идеи, чтобы каждый приходящий по возможности дарил домашний торт или пирог, прилагая его к обычному подарку — чаще всего это были книги или альбомы репродукций, иногда — что-либо из посуды (хорошую чайную посуду Наталья Евгеньевна любила, но, особенно в последние годы жизни, она у нее часто и не всегда кстати билась). Зная неизменную любовь хозяйки дома к цветам, как и каждый год, гости приносили букеты самых лучших цветов — благо, начало сентября благодатнейшее время для цветов. Розы и гвоздики, георгины и хризантемы, астры и лилии, гладиолусы и циннии, садовые ромашки и колокольчики неизменно заполняли все комнаты квартиры Натальи Евгеньевны в день ее рождения.

Обычно ваз не хватало, хотя их было в доме немало, и цветы, не поместившиеся в вазах, стояли в трехлитровых банках в маленькой комнате или даже в ведре в ванной комнате. Так вот, говоря о ярко запомнившемся мне дне рождения, когда почти все гости явились с пирогами и тортами собственного приготовления, так

что на столе был создан случаем редкий по красоте натюрморт, когда попеременно с букетами самых изысканных цветов во всю длину разложенного стола, покрытого узорчатой льняной скатертью, теснились блюда с пятнадцатью пирогами и тортами. Боже! Каких только пирогов не было на этом удивительном чаепитии: с грибами и рыбой, с голландским сыром и творогом, с яблоками и рябиной, торты песочные, бисквитные и слоеные — и всё это было как напоминание о природе Центральной России, ее красоте и плодородии. Как всегда, в конце своего дня рождения Наталья Евгеньевна читала стихи, чаще всего — стихи Н. Гумилёва, Анны Ахматовой, Б. Пастернака и, конечно, Осипа Мандельштама, многие из которых знала наизусть. Я любил в ее исполнении более всего «Шестое чувство», «Заблудившийся трамвай», «У меня не растут цветы...» Н. Гумилёва, стихи ранней Анны Ахматовой, стихи О. Мандельштама из «Воронежских тетрадей». Трудно забыть ее голос, трудно было не поддаваться чарующему ритму речи, связывающей слова самых сложных стихов в изящное мелодическое целое. Мне всегда казалось ее чтение образцовым, потому что главное в этом чтении было не любование собой, а любовь к поэзии и носителю ее — человеку-поэту.

Однажды, в тот вечер, когда Наталья Евгеньевна читала стихи, я вышел на ее небольшой балкон, дверь которого была открыта. Была ясная теплая ночь. В замкнутом пространстве внутреннего двора, куда выходила квартира Натальи Евгеньевны, была разлита густая теплая темнота. Таинственными казались заросли дикого винограда, доходявшего, цепляясь за балконы, до последнего этажа. Где-то вдалеке виднелись огни фонарей, стоявших вдоль Кольцовской улицы, слышались редкие звонки ночных трамваев. Вокруг роились стаи мошек и бабочки, привлеченные светом, исходящим из ярко освещенной комнаты.

Постояв на балконе несколько минут, я обернулся лицом к балконной двери, и на всю жизнь врезался мне облик сидящей среди толпящихся на столе ваз с цветами Натальи Евгеньевны, ее лицо, исполненное юным энтузиазмом и неподдельной радостью и в такие моменты прекрасное. Ей хотелось, чтобы прозвучавшие стихи стали частью жизни, насколько это возможно, всех ее гостей и, быть может, всех встреченных ею на дорогах жизни людей. Глаза ее блистали радостью открытия чего-то неизведанного и вечно ценного, хотя звучавшие стихи были читаны ею не один раз. Окончив чтение стихов, она немного помолчала и, обращаясь то ли к гостям, то ли к себе, сказала: «На сегодня — всё!»

Спасибо тебе, далекий, ушедший в мир воспоминаний, вечер, за счастьем овеванную душу, за живую поэзию бытия!

Главное, что привлекает сегодня многих к личности Натальи Евгеньевны, — ее знакомство и дружба с О. Мандельштамом, его женой и друзьями: Анной Ахматовой, Шкловскими, Яхонтовым и другими. И это естественно. Ведь жизнь распорядилась так, что неизвестно, как сложилась бы судьба архива поэта, будь его другом человек других нравственных принципов и свойств.

Мне же хочется обратить внимание на другое: Наталья Евгеньевна сохранила архив поэта в тяжелейших обстоятельствах войны и эвакуации не только потому, что это был архив Осипа Мандельштама, но и потому, что всегда и во всем была верна слову и долгу. Если она дала слово, то только чрезвычайные обстоятельства могли помешать ей сдержать его. Да и помогла она Осипу Эмильевичу и Надежде Яковлевне в трудное время не в предчувствии будущей славы, а потому, что помогала в своей жизни очень многим, знакомым и незнакомым. Ведь в Воронеже в это время было множество высланных из крупных городов. Наталья Евгеньевна рассказывала, что на ее улице Калаяева говорили людям, ходившим в поисках квартиры, чтобы шли в конец улицы, показывая в сторону дома Натальи Евгеньевны и говоря, что там «все помогают». И в течение всей своей жизни Наталья Евгеньевна являла живой интерес к людям — не только к любителям поэзии и исследователям и поклонникам творчества Осипа Мандельштама, собирателям архивов. Многие из ее знакомых приходили делиться своими горестями, невзгодами и повседневными заботами. Для всех у нее находилось время выслушать человека, утешить своего знакомого, друга или родственника и по возможности помочь. Для Натальи Евгеньевны в невзгодах и страданиях люди не делились на лучших и худших, достойных ее сострадания и не достойных такового. Ее сострадание вовсе не всегда приносило ей одну лишь радость — в таких случаях Виктор Евгеньевич говаривал не единожды своей сестре: «А тебе, Наташа, всё в чужом пиру похмелье». Но это не мешало Наталье Евгеньевне отбивать соседку от пьяного мужа, урезонивать хамку-невестку, осадить бесцеремонного сынка. Хамство и невоспитанность претили ей во всем. И не только по отношению к людям, но и по отношению к животным и даже растениям. Сколько раз она защищала больных собак, бездомных кошек, деревья, которые вырубали в ее дворе под гаражи и сараи.

Быть может, долгая болезнь в детстве углубила в ней высокое чувство сострадания ко всем страждущим. Мне самому приходилось подолгу болеть, и я знаю, как целительно и благотворно было для меня каждое посещение Натальи Евгеньевны.

Прожив нелегкую трудовую жизнь, Наталья Евгеньевна всегда и во всем была и до последних месяцев оставалась очаровательной женщиной. Всегда со вкусом одета, всегда аккуратно причесана, всегда, как она любила говорить, в форме или «комильфо», давно устаревшее, но ею употребляемое слово. Я часто заходил за ней перед очередным посещением выставок, театральных представлений, симфонических концертов и гостевых визитов, если Наталья Евгеньевна приглашала меня ее сопровождать. Она встречала меня чаще всего словами: «Вы сегодня, Дима, комильфо. Подождите, я соберусь мгновенно». Однако мгновенные сборы получались плохо. Наталья Евгеньевна одевалась тщательно, стараясь (как понимаю я это сегодня), чтобы характер и цвет одежды соответствовали одежде ее сопровождающего. Долго выбирались чулки, платочек, который помещался в женскую сумочку. После таких «быстрых» сборов мы обычно приходили в театр, в кино или на концерт в филармонию с последним звонком, а иной раз и опаздывали.

В быту Наталье Евгеньевне были присущи такие черты, которые можно охарактеризовать как традиционализм. В течение многих лет (кажется, с 1928 года) Наталья Евгеньевна пользовалась услугами одной портнихи и одного парикмахера. Любила привычную еду, совсем не признавала новомодных блюд, в еде была скромна, продукты любила только свежие. В случае их отсутствия довольствовалась чаем с булкой и одним яйцом, сваренным всмятку. Когда Наталья Евгеньевна принимала гостей, то традиционное угощение состояло из чая, к которому подавалась булка, чаще всего, городская, сыр, варенье. В одиночестве Наталья Евгеньевна пребывать не любила, даже занимаясь бытовыми домашними делами. Чаще всего она общалась с соседями по подъезду — Николаем Семёновичем и Антониной Владимировной Буяновыми и Александрой Сергеевной Масаковой. С ними обсуждались вопросы продуктовых и хозяйственных покупок, вопросы кройки и шитья, другие каждодневные мелочи. Следует отметить, что многолетний сослуживец Натальи Евгеньевны по авиационному техникуму Николай Семёнович Буянов был широко образованным человеком, интеллигентом старой закваски: в его литературных и социальных взглядах было много общего с привязанностями Натальи Евгеньевны, их взаимная дружба была неизменна, хотя в последние годы Николай Семёнович был чрезвычайно обидчив.

Наталья Евгеньевна более других праздников любила Новый год: елку всегда ставила до потолка, тщательно наряжала (пока был жив брат Виктор Евгеньевич, покупал и устанавливал елку он), любила встречать Новый год дома с друзьями, хотя семья брата всегда при-

глашала ее к себе; к брату ходила Наталья Евгеньевна чаще на Рождество, в особенности, когда тот жил поближе к ее дому. На Пасху пекла куличи. В обществе А. В. Буяновой всегда по старому (родительскому) рецепту, при этом обязательно вспоминались куличи и домашний хлеб, испеченные в русской печи еще бабушкой в дореволюционном доме. Верующей в привычном смысле этого слова Наталья Евгеньевна не была, хотя с тем, что называется «чудо», встречалась в жизни не один раз: самое удивительное случилось с ней в годы Гражданской войны, когда после посещения Митрофаньевского монастыря у нее прошла начавшаяся гангрена большой ноги, к удивлению врачей, остановился гнойный туберкулезный процесс. Интересно, что ни суеверие, ни мистицизм Наталье Евгеньевне не свойственны были вовсе, впрочем, как вообще замкнутость на себе. Здравый смысл, жизнелюбие, оптимизм, умение быть центром любого общества, презрение к сплетне и сплетникам, казалось, никогда не покидали ее. Всегда очаровательно непредсказуема, склонна к экспромту, к шутке, способна привести любой современный диалог в норму культурного разговора. Да, Наталья Евгеньевна умела очаровывать, и это очарование не могло не побеждать. Осип Манделштам очень точно заметил, что она несет в себе праздник.

Ее интересы вне литературы были разносторонними. Она любила музыку, многократно мы бывали на концертах и в Воронеже, и в Москве. Более всего любила фортепианную музыку Моцарта, Бетховена, Шопена, Рахманинова. Не чужды были ей Дебюсси и Прокофьев. Не единожды слушал я в обществе Натальи Евгеньевны С. Рихтера, Э. Гилельса, Р. Керера, Б. Давидович, В. Спивакова, Л. Когана. Обычно в течение года мы несколько раз посещали концерты Воронежского симфонического оркестра, если программу находили интересной.

В первые годы моего знакомства с Натальей Евгеньевной мы посещали драматический театр чаще, чем в последние годы. Тогда еще играл старый знакомый Натальи Евгеньевны и соученик ее двоюродного брата по кадетскому корпусу Владимир Иванович Шкурский, который приглашал ее на спектакли классического репертуара, в особенности с участием актеров старшего поколения.

Нельзя сказать, что Наталья Евгеньевна была вовсе несведуща в сценических новациях, так как видела в молодости многие нашу-мевские спектакли, в том числе и спектакли Вс. Мейерхольда во время его гастролей в Воронеже. Однако к театральным экспериментам она относилась настороженно и прохладно, что не мешало ей посещать при случае спектакли современного репертуара, включая

и так называемую «новую волну», чаще всего по личным приглашениям режиссеров.

В живописи Наталья Евгеньевна любила более всего пейзажи и натюрморты, в особенности художников-импрессионистов, которые мы с ней не раз ходили смотреть в Пушкинском музее. Посещали нередко и художественный музей Воронежа, в особенности, когда бывали передвижные выставки. В каждое посещение Воронежского художественного музея мы обязательно навещали те экспонаты, которые в свое время привлекали внимание О. Мандельштама и становились для поэта источником вдохновения.

Наталья Евгеньевна горячо любила природу, в особенности природу центральной полосы России. Не один раз бывала она на станции Графская в окрестностях Воронежа, где снимал регулярно дачу А. И. Немировский, иногда снимала дачу и сама Наталья Евгеньевна. Позднее она приезжала погулять в Графском лесу и останавливалась у меня, когда мы снимали дачу после рождения сына. В обществе Натальи Евгеньевны я бывал на Хреновском конезаводе, где Наталья Евгеньевна бывала еще до войны, в Рамони, где сохранились остатки старинного великокняжеского парка и здание дворца, в городе Острогожске, где осмотрели удивительную для районного центра коллекцию русской живописи, подаренную городу сыном художника И. Крамского в память об отце, который был уроженцем Острогожска. Помню кто-то, кажется, В. А. Иванов, показывал слайды, сделанные во время поездки в Индию. Наталья Евгеньевна долго смотрела на экзотические купола и минареты, рассветы и закаты над Гангом, помолчала и сказала по-домашнему тихо: «А плесы на Усманке лучше».

В летние месяцы Наталья Евгеньевна проводила дней десять-пятнадцать со своей любимой подругой Евгенией Николаевной Перкон, с которой она бывала в Крыму, в Прибалтике, где города сохранили не только архитектуру, но и западное благоустройство и налаженный быт. Летом шестьдесят пятого года я провел в ее обществе две недели, когда по моей инициативе и приглашению она посетила Львов, Яремчу, Черновцы, восхищалась природой Карпат. Она любила бывать в Москве, любила общение с Надеждой Яковлевной Мандельштам, с подругами юности и знакомыми. Но каждый раз с облегчением и удовольствием возвращалась в город, с которым у нее была связана вся жизнь. Часто от нее можно было услышать: «Я бы нигде в другом месте жить не могла».

Наталья Евгеньевна любила Воронеж, гордилась им, какие бы «любопытные», по ее выражению, места она ни посещала. Раза два-три за год, чаще весной или осенью, Наталья Евгеньевна люби-

ла прогуляться по Помяловскому спуску, улицам Суконовке, пока та не была уничтожена, и Поднабережной, где прошли ее детские и юношеские годы и где она знала многих довоенных обитателей. Я много раз сопровождал ее в этих прогулках. Заходили мы на улицу Каляева, где Наталья Евгеньевна жила до войны в доме бабушки, где после национализации им была оставлена небольшая квартира; именно в этом доме бывал в гостях у Натальи Евгеньевны О. Э. Мандельштам и его жена. Навещали мы и дом, располагавшийся в Купянском переулке, где Наталья Евгеньевна жила с матерью в послевоенные годы и где жила ее приятельница по работе Анна Фёдоровна Бессонова. Очень интересно было гулять по Воронежу, слушать рассказы о довоенном городе, времени пребывания в нем Осипа Мандельштама, которые и легли в основу ее воспоминаний. Мне очень жаль, что ни я, ни другие ее посетители не вели, насколько мне известно, систематически дневник, где бы записывали свои беседы с Натальей Евгеньевной.

Она верила, что и природа, и города отвечают взаимной любовью человеку на его любовь. Оттого она всегда была уверена в том, что поэзия Осипа Мандельштама обретет себя в Воронеже, ибо, как она написала в своих воспоминаниях, «город не может забыть поэта, воспевшего его».

Наталье Евгеньевне мы обязаны тремя шедеврами лирической поэзии Осипа Мандельштама. Наверное, исследователи свяжут с ее обликом и другие образы и мотивы «Воронежских тетрадей»: ведь тетрадь воронежских стихов О. Мандельштама венчало заглавие «Наташина книга».

Я же попробовал дать портрет Натальи Евгеньевны, какой я ее знал на протяжении двадцати пяти лет нашей дружбы. И если это поможет кому-то из не знавших ее при жизни очароваться женщиной, вдохновившей поэта и помогавшей ему в трудные годы его жизни, то я буду счастлив. Если же мои слова знавшим Наталью Евгеньевну покажутся неубедительными, то я прошу извинения прежде всего у Натальи Евгеньевны, чей облик плохо поддастся фиксации: даже фотографии мало что передают в ее облике, а некоторые просто смешны своим несоответствием с оригиналом. Я же сам часто думаю о Наталье Евгеньевне и не только оттого, что привык делить с ней свои открытия в мире поэзии, в мире искусства и помогать при необходимости в повседневных мелочах, но прежде всего из-за незабываемой и неуловимой прелести ее облика, поэтом выраженной словами «ясная Наташа».

Я безмерно благодарен ей за внимание не только ко мне, но и ко всем в нашей семье: к своим родителям, жене, сыновьям,

к которым она относилась с дружеским расположением и повседневным вниманием.

Кстати, о дружбе. В мире высоких ценностей, которые исповедовала Наталья Евгеньевна, дружбе, наряду с поэзией, отводилась особая роль. Ее же саму я бы назвал гением дружбы. Она владела редким искусством не только откликаться на дружеское расположение, но сохранять дружбу в течение долгого времени, с большим тактом оберегая ее от «коррозии». «Знакомьтесь, мой юный друг, студент, пишет стихи», — именно так представляла меня Наталья Евгеньевна своим друзьям и знакомым в первые годы нашего знакомства.

Наталье Евгеньевне я обязан знакомству с Надеждой Яковлевной Мандельштам, ее братом Евгением Яковлевичем, подругами юности Л. И. Мордашевой, Е. Я. Перкон, М. В. Ярцевой, Р. С. Иткиной, братом Виктором Евгеньевичем Штемпель и всей его семьей, двоюродной сестрой Ириной Владимировной Бганцевой, двоюродным братом Сергеем Николаевичем Лукьянчиковым и их семьями. В доме Натальи Евгеньевны я неоднократно общался с артистом драмтеатра В. И. Шкурским, профессором мединститута В. А. Ивановым, писателем В. А. Кораблиновым, скрипачкой симфонического оркестра И. И. Медведевой. Регулярно я общался у Натальи Евгеньевны с ее ближайшим другом, профессором древней истории и писателем Александром Иосифовичем Немировским, с его бывшими и настоящими студентами и аспирантами. Из воронежских поэтов бывали Аркадий Слуцкий, Лев Коськов, позднее Галина Умывакина и Валерий Исаянц (я упоминаю тех, с кем общался в доме Натальи Евгеньевны, в основном, начиная с 60-х годов).

К середине 70-х годов известность Осипа Мандельштама начала расти, его творчество начали собирать, изучать и, при возможности, публиковать, но в основном — за границей. С этого времени в доме Натальи Евгеньевны всё чаще стали бывать литературоведы, критики, ученые и просто любители поэзии. После 1985 года поток желающих познакомиться с Натальей Евгеньевной приобрел массовый характер как среди воронежцев, так и среди иногородних любителей изящных искусств. Большим счастьем для Натальи Евгеньевны в последние годы жизни стало начало широкой публикации творчества Осипа Мандельштама и воспоминаний Надежды Мандельштам в России, опубликование ее собственных воспоминаний журналом «Новый мир», проведение первых мандельштамовских вечеров в Москве и Воронеже, первые передачи о поэте и его творчестве по воронежскому и Центральному радио и телевидению.

Всё это породило в ней необыкновенный энтузиазм, но переживать подобные эмоциональные подъемы подолгу Наталья Евгеньевна уже была не в силах. Двадцать восьмого июля 1988 года ее не стало. Я думаю, что лучшим памятником в сердцах людей, и знавших Наталью Евгеньевну, и не знавших, но почитающих ее память, было бы возрождение, а где это сохранилось, — упрочение традиции общественного и семейного чтения стихов: ведь это одна из немногих традиций городского населения, которая существовала, пусть и меняя формы, от начала XX века до наших дней!

Когда вспоминаешь Наталью Евгеньевну, пытаешься передать всё очарование ее натуры, характера и поведения, невольно напрашивается вопрос: «Это случай или нечто большее, что в Воронеже Осип Манделштам и его жена встретили и подружились именно с Натальей Евгеньевной, — человеком, максимально вместившим те качества, которые требовали и внутренний мир поэта, и судьба его наследия?» Более гармоничного человека, человека, одаренного эмоционально, совершенного в отзывчивости и в чувстве долга, чем Наталья Евгеньевна, я не встречал. Казалось, что она существовала как бы не для себя, а для того, чтобы нести гармонию в мир и в человеческие сердца. Пока Наталья Евгеньевна была жива, все знавшие ее были друг к другу ближе и добрее. Быть может, оттого, что в ней присутствовал тот глубокий внутренний свет, который кроме как божественным и назвать нельзя никак.

Я испытываю чувство глубокой радости, что жизнь подарила мне многолетнюю дружбу с ней, и чувство глубокой горечи и печали, что ее нет.

Я уверен, что имя Натальи Евгеньевны, поэтом воспетой Наташи, не будет стерто со страниц русской поэзии, как не может оно быть стертым в сердцах всех, кто ее знал.

Мне же всегда будет не хватать ее легкой летящей походки, веселой и доброй улыбки и рук, протянутых навстречу дружескому пожатию.

Нелли ГОРДИНА

Воспоминания.

К столетию со дня рождения Н. Е. Штемпель

Вот и подходит уже столетний юбилей Натальи Евгеньевны Штемпель. Впечатление такое, что мы, друзья Натальи Евгеньевны,

---

Написано специально для настоящего издания.

ежегодно праздновавшие ее день рождения на протяжении примерно двадцати лет и уже двадцать лет не встречающиеся за ее столом, по-прежнему любим ее и находимся под впечатлением ее присутствия в нашей жизни. «Часто думаю о Воронеже, вспоминаю Наташу... наши встречи в ее доме, ее всегдашнюю доброту, ласковость, нежность» — писала мне в 1996 г. ее ближайшая подруга Р. С. Иткина.

С Натальей Евгеньевной мы познакомились в конце 60-х на одном из концертов в филармонии, когда в антракте нас представил Лев Коськов: милая дама, пришедшая на концерт с Димой Заславским, очень обрадовалась встрече со Львом, потом уже я узнала о ее любви к его стихам. Был аншлаги, и Дима, очевидно, заботясь о том, как Наталье Евгеньевне придется пробираться в зал, хотел поскорее занять места. После концерта она пригласила нас на чай.

Так впервые я попала в этот необыкновенный мир, а потом с годами (в 70-80-е это был уже образ жизни) мы с моим мужем Виктором, а потом и со старшим сыном Аликом, бывали у Натальи Евгеньевны едва ли не каждую неделю. Встречались, пили чай с сыром, булкой и вареньем, которое она замечательно варила, читали стихи. Наталья Евгеньевна замечательно читала стихи Мандельштама, от нее я их и узнала (Виктор знал «Камень»). Часто мы бывали вместе со Славой Свительским и Ниной Митраковой, с Галей Умывакиной, с Т. Л. Гуриной, А. Б. Ботниковой и З. Я. Анчиполовским. Наталья Евгеньевна любила Воронеж, с удовольствием рассказывала о городе ее детства и юности, о довоенной жизни, о дружбе с Мандельштамами. Позднее по просьбе Н. Я. Мандельштам и А. И. Немировского Наталья Евгеньевна написала воспоминания, впервые опубликованные в «Новом мире» (№ 10, 1987). Но это было много позднее, а в начале она читала стихи из «Наташиной книги», и никто, я думаю, не мог и представить себе, что воспоминания, а позднее огромное количество фотографий, слайдов, увидит кто-то, кроме «своих». По крайней мере, я была уверена, что этот видеоряд только для внутреннего круга, для друзей. С годами появилось много людей, интересовавшихся творчеством Мандельштама профессионально, амбициозно. Наталья Евгеньевна очень дружелюбно принимала всех, она была замечательным, открытым, необыкновенным человеком.

Она была человеком нерелигиозным, но говорила, что имеет твердые убеждения, моральные принципы. Сегодня, по прошествии двух десятилетий, я могу с уверенностью сказать, что Наталья Евгеньевна — святой человек. Она излучала обаяние, женственность, мягкость, доброту. Речь ее была очень приятна, она говорила тихо и всегда как-то душевно. Тем не менее, Наталья Евгеньевна была очень справедливым, сильным и волевым человеком. Я помню

очень хорошо, как в конце 70-х зашел какой-то неприятный разговор об Эмме Григорьевне Герштейн, некоторые были задеты ее словами о том, что сегодня и неучи берут на себя смелость заниматься творчеством Мандельштама и Ахматовой. Наталья Евгеньевна пресекла все злословия почти криком. Она очень громко, что ей не свойственно, и с жаром сказала: «Эмма в людоедские годы приехала в Воронеж поддержать, приободрить и повидать сосланного опального поэта». Все сразу замолчали. Неловкую паузу загладила Нина Митракова, сказав: «А давайте почитаем стихи». И Наталья Евгеньевна без перехода стала читать любимые стихи. Я всегда думала, что она читает как бы вспоминая, подражая чтению О. Э. Мандельштама, сохраняя неповторимую манеру чтения стихов.

До сих пор помню, как она читала «Скрипачку»! Буква «ч» просто необыкновенно играла, переливаясь. Мне кажется, что Наталья Евгеньевна любовалась кроме прочего и самим звучанием стихов. Так, она просила Виктора читать стихи французских поэтов: хотя языка она не знала, ей нравилось слушать, как он читает.

Шла работа над альбомом. Виктор был очень занят в университете, на «Электронике», с дипломниками, хоздоговорами, поездками «на картошку», но всё свободное время фотографировал, печатал, искал адресатов и материалы. По воскресеньям, если позволяла погода, они с Ниной Митраковой часто отправлялись на «фотоохоту», иногда присоединялась и я. Очень были обрадованы, когда в поисках фотографии Г. Бариновой Виктор нашел ее адрес и она подарила свою фотографию 30-х годов. О стихотворении «Скрипачка» Галина Всеволодова сказала, что кто-то говорил ей о стихотворении, посвященном ей, а она лишь смеялась, письма с этим стихотворением она тогда (1935 г.) не получила. Наталья Евгеньевна была очень удивлена, что Г. Баринова нашлась и была в живых, а Виктор сказал, что она 1910 года рождения, т. е. не старая (на два года моложе Натальи Евгеньевны).

Торжественно отмечались дни рождения Натальи Евгеньевны. Всегда бывали соседи Шура (Александра Сергеевна), А. В. и Н. С. Буяновы, брат Виктор Евгеньевич с женой Татьяной Олимпиаевной, ближайшая и любимейшая подруга Натальи Евгеньевны еще по студенческой юности Раиса Соломоновна Иткина, Дима Заславский с женой Олей, Владислав Свительский и Нина Митракова, часто Лев Косыков, Саша Крюков, приезжал Юра Фрейдин, Алик Мец, Павел Нерлер, Валерий Сажин, Серёжа Василенко, Вася Гьдов, многие другие.

Наталья Евгеньевна рассказывала всем пришедшим и приехавшим о знакомстве и дружбе с Мандельштамом, показывала мандельштамовские места. А. И. Немировский буквально заставлял ее записывать на бумаге, да и Надежда Яковлевна просила ее об этом

неоднократно. Наталья Евгеньевна говорила, что это нескромно, придется писать о себе. В конце концов Александр Иосифович написал мемуары по рассказам Натальи Евгеньевны. Написанное Немировским Наталье Евгеньевне не понравилось, она сказала, что он сделал из нее провинциальную дурочку. Вскоре она стала писать сама. Я хорошо помню, когда впервые услышала ее чтение, она читала первый вариант Р. С. Иткиной и спрашивала ее совета, просила делать замечания и сомневалась, давать ли этот вариант на прочтение Немировскому; помню, что решили дать исправленный и дополненный вариант.

Воспоминания в Воронеже и в Москве читали ее друзья и знакомые, всем они очень нравились. Не помню, чтобы у кого-нибудь были содержательные замечания, кроме Э. Г. Герштейн, заметившей несколько неточностей: анахронизм в описании Варвары Шкловской, неверное определение адресата одного стихотворения Мандельштама (на деле посвященного Е. Е. Поповой), неточность в описании халата Ахматовой. Наталья Евгеньевна была признательна Эмме Григорьевне, она писала:

С Варей, безусловно, Вы правы. И ведь не пришло никому в голову, а главное мне! Спасибо.

Замечание вскользь: бывают ли мемуары беспристрастными?! Я стремилась к этому всеми силами, стремилась и себя «убрать»...

Стихотворение «Твоим узким плечам...» знаю не из печати... Если сочтете возможным, пожалуйста, напишите, что Вы знаете по этому поводу. Свидетельствую, Н. Я. не говорила мне, что оно обращено к ней. Так решила я, к кому же, мне казалось, такое стихотворение могло быть обращено!

Фактические ошибки возникли при перепечатке, сделаны не по моей вине. Я не проверила. В моем тексте халат атласный, год — 1936, это общеизвестно.

Наталья Евгеньевна с детства очень любила природу, животных. У нее постоянно жили «кисики», а в последние годы она подбрала большую старую несчастную болонку, которую назвала Белкой. Обычно мы с Ниной Митраковой стригли и почти каждый месяц купали Белку, а Наталья Евгеньевна присутствовала и успокаивала собачку. Поскольку у нас постоянно были собаки, мы с Витей были в глазах Натальи Евгеньевны большими по ним специалистами. В июне 1987 г. я со студентами ВГУ ездила на педпрактику в Анапу. Наталья Евгеньевна писала письма, в которых больше было волнения о здоровье Белки, а не о своем:

Новостей никаких нет. Разве одна, для меня очень горькая, очевидно, умирает моя Белка: ничего не ест, совсем ослепла и на животе огромная опухоль. Это последний родной мой человек...

Стоматологические мои дела, наверное, очень хорошие. Но меня очень смущает, как поблагодарить людей. Плата за протез символическая (11 руб.). А главное, нет Вас, работа же подходит к концу...

17. VI. 87

Получила Вашу открытку. Я очень хочу Вас видеть. Сегодня последний раз была в поликлинике. Врач сказала, что привыкают к протезу в течение месяца, врач очень милая. Я бесконечно благодарна Вам, Нелли. Там делают протезы по полгода, а мне и месяца не делали. Мне казалось, это не осуществимо...

Белка моя еще существует, кисик до крови расчесывает себе уши, вот не везет мне с животными...

30. VI. 87

В январе 1988 г. в гололед я сломала ногу. К сожалению, был сложный, тяжелый перелом. Когда я в гипсе после больницы лежала дома, совершенно неожиданно меня провела Наталья Евгеньевна. Как оказалось, этот визит был за неделю до поразившего ее инсульта, вплоть до снятия гипса в марте я «работала» координатором дежурств у Натальи Евгеньевны: дежурили все друзья и друзья друзей, это продолжалось до конца ее жизни. А в тот раз Наталья Евгеньевна принесла нам вместе с книгой Беллы Ахмадулиной рукописные странички воспоминаний о примечательном событии своего детства. Этот текст, ранее не публиковавшийся, я и хочу здесь представить:

Н. Е. Штемпель

Это было зимой 1918 года (или 1919). Представители советской власти антирелигиозную пропаганду начали в Воронеже с того, что мощи Митрофанья угодника перенесли из монастыря в краеведческий музей.

Мне было тогда десять лет, и в течение нескольких лет я тяжело болела. Семья, в которой я родилась, с высокими нравственными устоями, о чем я могла судить значительно позднее, в лучшем смысле этого слова интеллигентная, не была религиозной. Но какие-то отголоски событий доходили до меня. Очевидно, среди населения города начался ропот и возмущение, так что властям пришлось через несколько дней водрузить мощи обратно в монастырь.

Круглые сутки монастырь был открыт, там непрерывно шла служба.

У меня было сильное обострение, уже несколько недель я лежала в постели. Был открыт свищ (в результате туберкулеза тазобедренного сустава).

ва), каждый день приходил фельдшер делать перевязку, кроме того, неизвестно почему, появился огромный нарыв на большом пальце больной ноги, напоминавший начало гангрены, даже прикосновение простыни вызывало боль, несколько ночей подряд не спала.

Меня проведать пришла моя кузина, она решила чем-то развлечь больного ребенка и начала рассказывать, что в Митрофаньевском монастыре совершаются чудеса: люди, приходящие туда приложиться к глашанице, получают исцеление.

Вера ушла (так звали мою кузину), уже был вечер.

Я сказала маме, что хочу ехать в монастырь. Она очень взволновалась и начала мне доказывать, что это невозможно.

Вот ее доводы: во-первых, чудес не бывает, во-вторых, на дворе мороз, а надо встать, опустить ноги, обуться, тогда как боль возникает от прикосновения простыни. Но главное, что так беспокоило маму, — нервная травма. Ведь чуда не может быть, и всё это еще больше осложнит и так тяжелое состояние.

Я настаивала на своем. В это время пришел мой дядя, брат матери. Он пользовался огромным авторитетом. «Леонид, ради бога образумь ее» — обратилась к нему мама. К великому удивлению всех он спокойно и твердо сказал: «Пусть едет, если, конечно, сможет одеться. Я запрягу лошадь (он был страстным охотником и имел лошадь) и попрошу поехать с вами Леонида Павловича» (это его друг, который жил у него в доме).

Я спустила с постели ноги, надела чулки, ботинки. Я не чувствовала никакой боли.

Л. П. вынес меня, и мы поехали. Помню огромный полуосвященный монастырь, горят свечи, в алтаре негромко священник читает молитвы, кое-где стоят люди.

Меня поднесли к глашанице, я приложилась и сказала, что хочу постоять, конечно, на костылях. Мама уже не протестовала. О чем я думала, как молилась — не знаю. Знаю только, что было мне бесконечно хорошо, ничего не болит, покой и умиротворение.

На обратном пути единственным желанием было, чтобы меня оставили в покое, мне не хотелось говорить, отвечать на вопросы.

Когда меня раздели и положили в постель, я притворилась спящей, предаваясь блаженному состоянию, которое никогда ранее не испытывала.

Больше боль не возвращалась, быстро закрылся свищ, прошел нарыв, правда, палец долго имел синий цвет.

Врачей удивлял столь необычный процесс, я даже не состою на учете в тубдиспансере.

...Сегодня, рассматривая многочисленные фотографии тех лет, всматриваясь в лица Натальи Евгеньевны и ее многочисленных гос-

тей, я вспоминаю фразу Осипа Мандельштама о том, что «Наташа владеет искусством дружбы». Общение с Натальей Евгеньевной осветило нашу жизнь, дружба, сплотившая нас вокруг нее, жива и сегодня.

Анн ФЭВР-ДЮПЭГР

Встреча в 1984 г.

Весной 1984 года я встретила в Воронеже с Натальей Евгеньевной Штемпель. Мне было тогда 26 лет, я преподавала французский язык в МГУ и намеревалась писать диссертацию об Осипе Мандельштаме. Встречу устроил Виктор Гордин, с которым дружил тогдашний преподаватель французского в Воронежском университете Шарль Кола (Charles Colas), по приглашению которого я и получила визу. (Кажется, именно по поводу этой визы не обошлось без жертвования нескольких крошечных рекламных бутылочек французских духов в паспортный стол МГУ, где так тянули резину с этой визой, что пришлось накануне запланированного отъезда перейти к более убедительному способу подавать просьбу; и — подействовало, «дама» из паспортного стола сумела позвонить куда надо было и потом отвезла меня на автобусе прямо в ОВИР, где мне сразу вручили паспорт с желаемой визой.) За год до этого я уже намеревалась из Ташкента навестить своего коллегу и заодно Наталью Евгеньевну, но у нее шел ремонт, и она попросила отложить встречу. В Воронеж добралась ночным поездом и провела там у коллеги всего два-три дня. Шарль показал мне несколько памятных мандельштамовских мест, в том числе и большой дом, где одно время жили Мандельштамы, и где на лестничной площадке рядом с входной дверью бывшей их квартиры кто-то нацарапал на штукатурке стихи Ахматовой «А в комнате опального поэта Дежурят страх и мука в свой черед. И ночь идет, Которая не ведает рассвета». Надпись, говорили, тщательно восстанавливалась каждый раз, когда ЖЭК принимался ее стирать. Сделала снимок этих строк, но видно там плохо — разве что тому, кто знает, в чем дело. В магазине спорттоваров, расположенном на первом этаже этого же дома, я купила на память черный рюкзак в виде матерчатого мешка с веревкой, который оказался очень удобным и прочным: пользуюсь им и по сей день как большой сумкой для вещей, помещающейся в багажнике.

Наталья Евгеньевна пригласила к себе на чай, мы пошли

Написано специально для настоящего издания.

с Шарлем и Витей Гординым. У нее было неважно со здоровьем, так что были мы там не очень долго. Она все-таки успела рассказать о резвости Мадельштама в домашней обстановке, о том, что он был довольно высокого роста, и о его осанке, которая заставляла детишек кричать о нём: «Генерал идёт!», о том, что при диктовке стихов он не обращал внимания на знаки препинания, зато под каждым стихотворением тщательно ставил дату. И я остаюсь ей благодарна за то, что для незнакомой французки она сумела найти время и силы на чаепитие с рассказом. Она в то время составляла альбом о Мадельштаме (Гордин работал тут над снимками) и сомневалась, будет ли он когда-нибудь опубликован, — все равно считала, что нужно его составить и передать в Государственный Архив. А это было время, когда у Юрия Фрейдина (которого я тогда не знала, мы с ним познакомились лишь в начале 1990 г. в Медоне) изъяли архив, а у Пастернаков уже года три отнимали дачу в Переделкине.

Во время перестройки Виктор Гордин уехал в Израиль и погиб там в начале 90-х в дорожной аварии. Это произошло вскоре после Лондонской Мадельштамовской конференции, на которой он присутствовал. Шарль Кола стал дипломатом и отцом семейства, мы с ним некоторое время поддерживали связь.

Фотография, сделанная Гординым в квартире у Натальи Евгеньевны, хранится у меня на память о той встрече.

Розмари БОРОДИН-ГЕРЦОГ

«Улица Мадельштама»: воспоминания о Наталье Евгеньевне Штемпель

В 1978 году я впервые приехала в Воронеж по обмену преподавать немецкий в местном университете. Прием мне был оказан не совсем любезный, меня попросили уехать, но я считала, что на моей стороне справедливость (ведь меня послали по линии культурного обмена через московское министерство), и полагая, что при социализме, как нас учили, нет безработицы, я дожидалась разрешения ситуации. Два зимних месяца в студенческом общежитии без работы и без денег, но с сердечной поддержкой студентов я продержалась до летнего семестра и, наконец, приступила к работе.

Воронеж вошел в мой мир серыми красками и сильными морозами, до минус 44 в ту зиму. Советский быт предстал не лакированным

Написано специально для настоящего издания.

столичным глянецом, без «Березок» и посольского представительства, а со всеми «приключениями» незнакомой жизни, иногда — буквально по Крылову: «...бог послал кусочек сыру». Но было весело, молодо, пришла весна, стали выезжать на природу с кострами и песнями, и всё наладилось. Год закончился удачно, опыт работы в России лег в копилку биографии, и, уезжая, я и не думала, что когда-то вернусь в этот город.

Осенний звонок из австрийского министерства по образованию всё расставил на свои места: никто из моих соотечественников не решался поехать в провинциальный город, в глубинку, а у меня как-никак уже был опыт жизни и работы в Воронеже, и последние месяцы, проведенные там, были радостными и свежими. Я решила!

Проездом в Вене, откуда поезд уносил меня в Россию, я зашла к подруге и познакомилась у нее с девушкой. Она только что приехала из Москвы как эмигрантка. Услышав, что вечером я еду в Москву, она попросила передать другу письмо и тут же села его писать. Разыскав в Москве адрес, я вошла в квартиру, где в прихожей первое, что бросилось в глаза, был уличный указатель «ул. Мандельштама». Меня радушно поблагодарили за письмо, сердечно приняли и, услышав, что путь мой лежит дальше в Воронеж, дали мне телефон Натальи Евгеньевны Штемпель. Эти люди дали мне почувствовать, что Воронеж, в котором я провела более полугода, — совсем другое место, что город этот связан с русской культурой, с поэзией, с Мандельштамом.

Так я познакомилась с Наталией Евгеньевной — принеся в ее дом привет от ее московских друзей, я очень скоро почувствовала себя у нее уютно и по-домашнему. Благодаря ей, я открыла для себя другой Воронеж и другой мир русской культуры. То, что судьба сведет меня так близко с людьми, знавшими поэта и его жену, что я реально смогу ощутить боль и печаль российской истории, было началом моего истинного погружения в русский мир. А Наталья Евгеньевна явилась для меня проводником в этом путешествии: великолепный знаток русской литературы и педагог, традиционные поэтические вечера в ее доме, общество ее друзей — всё это было для меня великим даром.

Между нами родилась большая человеческая симпатия, мы часами сидели на кухне или за чаем и беседовали обо всем на свете. Я прекрасно понимала, что не могла быть ей достойным собеседником в литературных темах, но сама училась у нее любить литературу, была внимательным пассивным участником поэтических чтений и с благодарностью вспоминаю, как щедро она и круг ее друзей относились ко мне.

Летом 1980 года я переехала в Москву, где мне предложили работу в посольстве. В этот раз я уже охотно шла на длительное пребывание в России. Мы поддерживали связь с Натальей Евгеньевной, перезванивались, обменивались короткими письмами, передавали приветы через друзей. В то время еще была жива вдова поэта. Вероятно, Наталья Евгеньевна решила еще раз с ней повидаться и приехала в Москву. Для меня было большой честью и настоящим событием, что она предложила мне сопровождать ее к Надежде Яковлевне.

Позднее, получив в подарок от Натальи Евгеньевны кольцо Надежды Яковлевны, я приняла его как эстафету сопричастности к великому таинству слова. Тексты Мандельштама продолжают влиять на людей, раскрывают в их душах и мыслях просторы самосовершенствования. Удивительно мужественные и светлые люди — повесив дома уличный указатель, собираясь в тесном кругу единомышленников и влюбленных в его творчество, они мечтали, что когда-нибудь настанет время признания поэта на родине. И оно настало. Я счастлива, что это признание наступило, радуюсь за людей, чья деятельность способствовала открытию памятника.

Наталья Евгеньевна запомнилась мне милейшим теплым человеком. Я сохранила контакт с ее близкими друзьями, семьей Гординых, и всегда с любовью вспоминаю о ней с Нелли Гординой. Мне так и слышится ласковый голос Натальи Евгеньевны, особенно, когда она звала своих питомцев: «Кисик!» А кольцо я храню как сокровище, в нем для меня заключена линия жизни этих удивительных людей.

Зальцбург, 11 июля 2008 г.

НИНА МИТРАКОВА

Наталья Евгеньевна Штемпель

О том, что живет в нашем городе женщина, которую судьба призвала к участию в жизни поэта Осипа Мандельштама, я знала со времен студенчества. Знали в нашем небольшом семействе: Слава Свительский, мой муж, его сестра Таня и я. Знали, вероятнее всего, от нашего преподавателя, Владислава Петровича Скобелева. Представить, что жизнь каким-то образом приведет меня к этой женщине, я не могла...

Год 1968. Я работаю в университетской библиотеке, в отделе периодики. Уже установились теплые дни. И один из наших постов

Написано специально для настоящего издания.

янных читателей Саша Марьяновский рассказывает нам о том, что у его знакомой собрались в доме комплекты журналов, и она в затруднении — что с ними делать. Библиотека университетская в то время занималась собирательством, и с благословения заведующей нашим отделом Ольги Васильевны Молодцовой я отправилась посмотреть, что за журналы так беспокоили явно симпатичную, по рассказу Саши, женщину. Уже по дороге услышала ее имя: Наталья Евгеньевна Штемпель. Тревожно стало, немного боязно, казалось, что к такой встрече нужно готовиться заранее...

В квартире на третьем этаже дома по Никитинской улице (№ 38а) дверь нам открыла удивительная женщина: с первого взгляда было понятно, что есть у нее какая-то физическая погрешность. Она широко открыла дверь, сделала шаг назад, внутрь коридора, и как-то качнулась нам навстречу. Стало понятно, что одна нога у Натальи Евгеньевны значительно короче другой. Никакой угловатости от этого у Натальи Евгеньевны не было, наоборот, ее походка выглядела плавной, двигалась Наталья Евгеньевна быстро, порывисто.

Роста небольшого, худенькая, с аккуратно причесанной головкой. Седые волосы сзади собраны в валик, а на висках и поверх головы — плавные волны. С самого первого взгляда — классическая учительница: выдержанная, цельная, настоящая...

Начался разговор с тех самых журналов, которые мы пришли посмотреть и забрать, если они нам подойдут. Это были годовые комплекты «Нового мира», по-моему, лет за пять. Подошли, конечно. Н. Е. стала спрашивать, где работаю, где живу. Говорить было легко. Выяснилось, что район пединститута, где мы тогда жили, Н. Е. хорошо знает, жила на Купянском переулке. Помнит и наш дом на углу улиц Ленина и Республиканской, часто ходила мимо. Назвала фамилию Славы, Н. Е. ее знала.

Выяснилось, что и мы — книжники, что любим поэзию, Пастернака, Ахматову, Мандельштама. Тут же последовало приглашение: «А вы заходите вечером, поговорим, стихи читаем».

На следующий день вечером нашли работающий телефон, позвонили и договорились о встрече. Теперь уже волновался Слава.

Присматривалась к нам Н. Е. Аккуратная ее головка то и дело склонялась к плечу... Говорили обо всем, даже о странностях и непостоянстве погоды, и был наш разговор естественным, ненапряжным, интересным для всех участников.

Очень трогательно, со смущением, призналась Н. Е., что стихи Б. Пастернака любит больше, чем стихи Осипа Эмильевича. (Это она заметила, как Слава внимательно посмотрел на портрет Бориса Леонидовича, стоявший на стеллаже).

И был чай... Раздвинули стол, помогли из кухоньки (очень маленькой) принести посуду, немногочисленную еду... С первого раза отнеслись к чаепитию как к ритуалу, прелюдии к тому, что должно было последовать.

И так было всегда. Чай устраивался, чтобы собравшиеся отогрелись, освободились от тех дел, которые остались там, за окном. Чтобы почувствовали, как им здесь рады. Бывали случаи, когда гости приходили голодные. Их просто кормили на кухне нормальной едой. А здесь — всегда белая скатерть, белая посуда. Булка, масло, сыр, сахар. Украшение стола — варенье. О нем разговор особый. Всегда за этим столом было вкусно и красиво, ничего лишнего.

Запомнилось, что первый нафн разговор после чая был не об Осипе Эмильевиче, а о самой Наталье Евгеньевне. О том, обдуманном ли были тогда ее действия, ее приход к Манделъштамам. Ответ Натальи Евгеньевны заключался в следующем. Сама она понимала ситуацию не до конца, понимала ее мама. И мама, Мария Ивановна, серьезно ее предупреждала. Но Наталья Евгеньевна решилась...

Много читали стихи. Так удивил меня тогда Слава! Я не слышала от него столько стихов. И Наталье Евгеньевне было приятно. Появился не только слушатель, появился помощник... Слава и стал ее помощником...

Вскоре, после нескольких таких чаепитий, Н. Е. допустила меня к участию в приготовлении чая. Правда, заваривать чай Н. Е. больше доверяла мужчинам, а уж если присутствовал Витя Гордин — то только ему.

Стала я принимать участие и в делах хозяйственных. И быстро поняла, что главным достоинством Натальи Евгеньевны в ведении хозяйства было следование одному правилу: всё делалось из продуктов самого хорошего качества и способами, которые были выверены её мамой. И поэтому всё и всегда отлично получалось.

Если готовились котлеты, то мясо выбиралось самой Н. Е. Оно очень тщательно очищалось от жилочек, жиринок и прочего. И само их приготовление было делом не рядовым.

Если наступало время варки варенья — священнодействие настоящее! Шли на рынок почти всегда с нижним соседом, Николаем Семёновичем, бывшим коллегой Н. Е. Клубника выбиралась долго, серьезно. Она не должна была быть крупной, но обязательно ароматной. Тщательно перебиралась, мылась осторожно, чтобы ягодки не повредить. С вечера засыпалась сахаром, варили варенье на следующий день. Ровно сорок минут. Хранилось варенье в стеклянных банках, безукоризненно чистых, прикрывали банки белой бумагой, перевязывали суровой ниткой и обязательно на бумаге писали год

изготовления. И всё приготовление — тоже как праздник: чисто, красиво, без спешки...

Наступало время яблок. Это должен был быть только воргуль. Выбирали его долго, как-то всерьез принюхивались, и варенье получалось сказочно ароматным. Да, предпочитала Н. Е. покупать у хозяек чистеньких и аккуратных, с которыми обязательно беседовала.

И зимой, уже усевшись за чайный стол, говорила: «А посмотрите-ка, Ниночка, не осталось ли на нижней полке баночки клубничного варенья?» Знала уже, что Слава — сластена, и что клубничное — его любимое. Шла я к книжному шкафу, там на нижней полке обязательно баночка стояла. Думалось иногда: что ли, они там, эти баночки, сами собой произрастают?..

У Н.Е. звучала и музыка, не только стихи. Музыка в их доме, еще в довоенное время, полноправно жила. Брат Н.Е., Виктор Евгеньевич, был бы, по ее мнению, скрипачом, но в войну был ранен в руку. Это — из рассказов Натальи Евгеньевны.

На концерты в филармонии Н. Е. собиралась всегда как на праздник. Не пропускала концерты гастролеров, знакома была со многими музыкантами нашего оркестра. Сопровождать Н. Е. было почетно, но не всегда, к сожалению, удавалось со временем. Но для нее всегда находились спутники.

Ее брат, Виктор, был моложе ее. И удивительно трогательно было, как он пытался Н. Е. воспитывать. Я несколько раз попадала к ним в дни подготовки к Новому году, участвовала в украшении елки. И однажды уже убранная елка, большое довольно дерево, рухнуло. Прямо во весь свой рост! Момент тишины... И успокаивающий голос Н. Е.: «Да я давно уже хотела заменить игрушки. Пирлянда цела?» Это Виктор Евгеньевич не успел как следует укрепить дерево...

Двоюродный брат Н. Е., Сергей Николаевич Лукьянчиков, вологжанин, в то время тоже пробовал ее воспитывать, называя Н. Е. в такие моменты Наташкой. Призывал ее не хулиганить. И еще уговаривал уменьшить количество кошек и собак, которых Н. Е. кормила.

Так получалось, что наши походы к Н. Е. становились со временем довольно частыми. И уже не были они посиделками с разговорами ни о чем. Почти всегда находилось дело. Нужно было Н. Е. о чем-то спросить Славу, появилась новая книга, появился новый человек. А людей в ее дом притягивало необычайно. Было много молодежи: начинающие поэты, просто любители литературы. Встретить у нее можно было и историков, и математиков,

и геологов, людей интересных. Шли к ней, как бабочки на свет летят. Всех принимала Н. Е. Любила она людей. Почти у каждого находила привлекательное, любопытное. Всех приглашала приходить.

Нас со Славой Наталья Евгеньевна часто призывала зайти к ней, не называя причину. Понимали, что кто-то приехал. Подарила нам Наталья Евгеньевна таким образом знакомство с Надеждой Яковлевной. По телефону позвонила на работу, таинственно сообщила о приезде знакомой, которая жила в яме и которая согласилась на встречу с нами. Поняли мы, что речь о Надежде Яковлевне. Как раз тогда шли у нас разговоры о «яме Мандельштама».

Утром собрала у леса букет, отправились часов в пять, раньше, чем всегда приходили к Наталье Евгеньевне. Она нас провела в большую комнату, цветы у меня не взяла, всё таинственно показывала головой на маленькую комнату. Оттуда густой такой голос: «Ну что, Наташа, показывай, кто там к нам пришел». У стены на маленькой кровати фигурка полусидящей женщины. Спинай она опирается на высокую подушку. Курит. В комнатке уже стойкий запах сигарет.

«Знакомь нас, Наташа». Голос Надежды Яковлевны, такой мужской, не контрастирует с ее миниатюрностью, он просто помогает ей быть внушительнее, сохранить ее серьезность и значимость.

Цветы мои долго нюхала, положила на стоящий рядом стул. Дальше говорила Надежда Яковлевна. Мы — как примерные ученики — отвечали на ее вопросы. Их было много, и были они не по мелочам. Слава таких покушений на свою независимость не любил, а тут так охотно и спокойно отвечал, потихоньку серьезность разговора снижая. Стала посмеиваться и Надежда Яковлевна. А Наталья Евгеньевна всё порывалась нас защитить, объяснить, на что последовал ответ, что защищать нас нечего, сами справимся. И что симпатии Натальи Евгеньевны она разделяет. И доверять нам можно.

С постели Надежда Яковлевна так и не вставала, объяснила, что очень устала. Много курила, сочувственно поглядывая на Наталью Евгеньевну. Обе они худенькие, хрупкие даже — на вид. Потому что чувствовался в Надежде Яковлевне характер основательный, целенаправленный. Наталья Евгеньевна — мягче, и встречей взволнована. Ее настрой располагал на понимание друг друга. Так заговорились мы в тот вечер, что даже чаепития не было.

Как-то не сблизила нас дальше судьба. Был Слава пару раз у Надежды Яковлевны в Москве, что-то отвозил по поручению Натальи Евгеньевны. Не смогли мы сопроводить Наталью Евгеньевну в Москву и тогда, когда Надежда Яковлевна скончалась. Поездка для На-

талы Евгеньевны была сложной, а не поехать она просто не могла. Вернулась похудевшая, уставшая. Обо всем, что происходило в те дни в Москве, Наталья Евгеньевна рассказывала как о событии, достойном памяти Надежды Яковлевны. Привезла Наталья Евгеньевна из Москвы стихотворение Беллы Ахмадулиной, посвященное Мандельштаму. Где оно сейчас?

А у Славы появилась такая традиция. Знакомством с Натальей Евгеньевной он награждал своих лучших студентов, выпускников. Договаривались о встрече с Натальей Евгеньевной, шли всегда с цветами. У Натальи Евгеньевны всегда были цветы, иногда для них ваз не хватало. Больше всего нравились ей полевые цветы, радовалась ромашкам, василькам и первым фиалкам, подолгу их из рук не выпускала.

И всегда Наталья Евгеньевна читала стихи... Она в такие моменты выпрямлялась, становилась чуть повыше, головка ее приподнималась... И чуть склонялась к плечу. И правая рука Н. Е. часто поправляла скользящим движением волосы на висках или брошку, которая всегда украшала белую ее кофточку. Брошка у самого горла, казалось, что она ей помогает.

Иногда казалось, что устает Наталья Евгеньевна от множества посещавших ее людей. Нужно еще сказать, что дружила она со многими соседями. Помогала многим — и не только советами. Знаю, что приходили к ней и местные сильно пьющие мужички, которых она сначала серьезно воспитывала, потом выдавала займы деньги, оговаривая обязательно сроки возврата. Говорила, что не подводят ее эти бедолаги.

Бывали дни, когда посетителей не было. И Наталья Евгеньевна тут же начинала хандрить, так она сама называла это свое состояние. И тогда мы шли в кино, или в театр, или слушать живую музыку — в филармонию. И появлялись новые люди, и нужно было пополнить запасы масла и сыра (в то время почти все предпочитали «Российский» и его не так просто было приобрести). И вечерами, когда все уже расходилось, Наталья Евгеньевна слабеньким голосом говорила: «Я так сегодня устала! Буду утром долго спать...» Не всегда ей это удавалось, потому что и утром приходили люди. И утром нужно было кормить своих собственных животных, кошку, иногда двух, собачку. А еще были дворовые, подшефные.

О животных. В квартире Натальи Евгеньевны они были всегда. И всегда у них были повадки и привычки, как у самой хозяйки. Они не были навязчивыми, истеричными. Были спокойными и воспитанными.

Я не часто попадала к Наталье Евгеньевне днем, я работала. Как-то удалось попасть в то время, когда она собиралась кормить дворовых кошек. Была зима, снежная, с сугробами. И кормить нужно было двадцать три кошки! Почему запомнилось? Мне было поручено изготовить двадцать три бумажные салфетки. Это была черная плотная бумага, из такой делали конверты для фотографий. Отправились во двор, а нужно было пройти в пространство между домом и котельной, только там жители дома разрешили устроить такую столовую.

Я шла впереди, протаптывала тропинку. Несла две кастрюльки. Наталья Евгеньевна пробиралась за мной, длинные полы ее пальто загребали снег, видно было, что прогулка такая ей трудна... Разложила я наши салфеточки, придавила их снегом, чтобы ветер не сдувал. А Наталья Евгеньевна раскладывала на каждую бумажку вареную рыбу и вермишель. По ее зову явились подопечные, тихо, как привидения. Все одной дворовой породы, черно-белые. Почти все потерялись о ноги Натальи Евгеньевны и принялись за еду. И ели как-то воспитанно, степенно.

Даже поблагодарили, что-то промурлыкали, большинство опять потолкались у ног Натальи Евгеньевны — и исчезли... Салфеточки все я собрала, они уже стали ледышками... Не всегда, наверное, были помощники. Приходилось Наталье Евгеньевне и самой проделывать эту процедуру.

И представить, как Наталья Евгеньевна варит рыбу... Она так не любила плохие запахи... А рыбу еще нужно было купить...

Случались замечательные вечера. С утра просила Наталья Евгеньевна своего соседа купить хороший творог. Яйца и мука были всегда. И звала Наталья Евгеньевна вечером зайти к ней меня и Неллу Гордину. Конечно, приходили с нами и Витя, и Слава. Они с Натальей Евгеньевной в большой комнате вели разговоры о будущем диафильме (так это поначалу задумывалось), посвященном Осипу Эмильевичу, а мы с Неллой брались за вареники: их нужно было налепить много... Нас четверо, Наталья Евгеньевна, приглашались и соседи: с четвертого этажа Шура, со второго Николай Семёнович с женой. Видеть, как эта компания расправляется с варениками, было приятно. Вареники ели на кухне, за маленьким столиком. Всегда это поедание проходило весело, обязательно кто-то измазывает сметаной...

Была у Натальи Евгеньевны замечательная способность очень коротко определять человека. Вот о Неллочке она выразилась так: «Она такая распахнутая!» Лучше не скажешь...

...Поездка в Вологду обсуждалась довольно длительное время. Но Сергей Николаевич настаивал, и мы отправились. Мы — это Наталья Евгеньевна и я.

Тихо добрались до Москвы, спокойно пересели в поезд на Вологду и сразу почувствовали, что люди вокруг нас — иные. И внешне: они не суетятся. И в разговоре не торопятся. И как-то меньше обращают внимания на людей незнакомых... Сидели у окошка, удивлялись пространствам нашим немереным.

Наталья Евгеньевна как заправский путешественник лихо расправлялась с курицей. И чай железнодорожный ей понравился...

Встретил нас на вокзале Сергей Николаевич. Видеть, как они друг другу обрадовались, было так приятно! Так они гладили друг друга по голове, по щекам... Так держались за руки...

Вез нас Сергей Николаевич на своей машине. «Москвич», кажется. И ехать было совсем недалеко. Но... Увиделось! Много бревенчатых построек. И дом Сергея Николаевича на улице Калинина — в два этажа, и из мощных таких бревен. И цвет бревен — коричневатозолотистый, теплый.

Первое впечатление от города: приземистый, невысокий, но удивительно основательный, крепкий. Улицы просторные, много зелени. И те здания, которые было можно покрасить, выкрашены в зеленые и голубые цвета, даже купола церквей в таком же уборе, примешивается еще цвет золота.

Удивило, что крылечки многих старых домов не вверх входящего поднимали, а спускали вниз. Время поднимало землю вокруг домов или дома постепенно вниз уходили?

Ходили мы много, и повидали много. Сергей Николаевич гидом был отличным, много знал об истории города. Потихоньку от Натальи Евгеньевны с Сергеем Николаевичем договорились, что будем больше передвигаться по городу на машине, не хотелось, чтобы она уставала. Сергей Николаевич стал жаловаться на свои уставшие ноги, Наталья Евгеньевна, жалея его, предложила больше ездить. Заговор наш удался.

Поехали как-то с Натальей Евгеньевной на рынок. Ехали на трамвае. И стали свидетелями такой сцены. Входит в трамвай пьяненький парень, пошатывается. И мы видим, как сидящие в вагончике пожилые женщины заботливо его усаживают, поправляют кепку на его голове, приговаривают: «Что ж ты, милый, перестарался. Не рассчитал?» Выясняют, где ему выходить. И на остановке помогают этому верзиле сойти, не упасть... Наталье Евгеньевне это всё так понравилось, она всё повторяла: «Хороший народ в Вологде. Хороший».

...Река у нас по плану была намечена на последние дни. Старались поймать погоду, наметили дальнюю поездку по монастырям. Всерьез беспокоились теперь уже за Сергея Николаевича: ему уже было за семьдесят, а состояние дорог в Вологодской области было поистине российским. Готовились тщательно. И отправились...

Вологодские серьезные дороги приподняты над землей, часто проходят через лес, есть и степные вокруг места. Но выйти из машины, сойти на обочину — нельзя. Вокруг — вода... А когда с большой дороги съезжали на проселочную, грунтовую — начиналось состояние, которое лучше всего передать словами «по морям, по волнам». Бедная наша машина переваливалась с боку на бок, то проваливалась в яму, то взбиралась на пригорки, охала и стонала, как существо вполне одушевленное... А Сергей Николаевич начал посвистывать и попросил Наталью Евгеньевну не давать советов... Нашли полянку, остановились перекусить... Лежал Сергей Николаевич, смотрел в небо, Наталья Евгеньевна гладила его по волосам, что-то рассказывала — медленно и тихо. Так не хотелось их поднимать!

Особенность лесных дорог: много мощных корневищ, они как жилы переплелись... Выехали из лесочка, увидели озеро, скорее озерцо, под названием Бородавское... Утки плавали, гаддели гуси. Невдалеке — домишки, приземистые, бревенчатые.

Совсем скоро показались строения Ферапонтова монастыря. Здание Богородицкого собора в лесах. Видно было, что работы здесь ведутся уже давно, и что работа идет очень неспешно.

Чтобы собрать для экскурсии группу, нужно было ждать. Поэтому отправились сами, и правильно сделали, потому что Наталья Евгеньевна и Сергей Николаевич так умели расположить к себе людей, что узнали мы от музейных работников и реставраторов больше, чем рассказал бы нам экскурсовод.

К внутренним работам в соборе еще только приступали. Никаких путеводителей, никакой печатной информации о соборе в Ферапонтово не было. Показали нам реставраторы небольшую, изданную в Италии книжечку о фресках Дионисия... Реставраторы, молодые ребята, энтузиасты, работали совсем как старые мастера: в широких одеждах, в фартуках, длинноволосые, с повязками вокруг голов. Работали тихо, сосредоточенно. Спустились с высоких лесов отдохнуть, кто-то растирал краски из местных минералов. Такими, говорили ребята, работал Дионисий и два его сына.

Побродили по двору. Наталья Евгеньевна всюду старалась прикоснуться к постройкам, погладить их. Свидетельств того, что зда-

ниями этим сотни лет, было множество. Стены выщерблены, кирпич рассыпается... От этого всё вокруг слегка розоватого цвета...

Здесь, в Феррапонтово, мы как-то обратили внимание на особенности вологодского неба: от высокого воронежского оно отличалось тем, что было ближе, ниже, казалось, что облачка пролетают совсем над нашими головами, особенно близкой земля и небо были вдали, там уж облака совсем лежали на земле.

Из Феррапонтово к Кирилло-Белозерскому монастырю ехали уже по нормальной дороге, спокойно. Сиверское озеро посерьезнее Бородавского. Всё здесь было крупнее и значительнее. Стены вокруг территории монастыря, видно, к нашему приезду, были обновлены, сверкали белизной и казались от этого неприступнее. Обновлены были и все крупные здания. Внутри Софийского собора во многих местах шли еще работы. Не все экспонаты можно было посмотреть: место для них еще только готовили.

Больше всего привлекли Наталью Евгеньевну свезенные на территорию монастыря со всего Севера древние деревянные церквушки, ей так хотелось каждую потрогать! Седоволосые мои спутники удивительно соответствовали этим церквушкам: под солнышком их цвет стал таким светло-серебристым, как и цвет волос у Натальи Евгеньевны и Сергея Николаевича. Да еще ветер с озера их прически растрепал...

Приумолкли оба на обратном пути. И многочисленных уже прирученных кошек дома пришлось кормить мне.

Устроили на следующий день «разгрузочный» день, никуда не поехали. Решили сходить в кино. Кинотеатр совсем рядом. Отправились на дневной сеанс. Шел фильм американский «Оклахома, любовь моя». Там один несимпатичный герой всё время обижает маленькую собачонку. Я почувствовала, как Наталья Евгеньевна напряглась, взяла ее за руку. Но... В момент, когда этот верзила отшвырнул ногой от себя собачонку, Наталья Евгеньевна вырвала свою руку, резко встала и своим учительским четким и громким голосом требовательно так сказала: «Прекратите мучить животное! Немедленно прекратите!»... Людей в зале не так уж и много, но смешки прозвучали. Многие повернулись к нам. Мы с Сергеем Николаевичем пытаемся Наталью Евгеньевну успокоить, он держит ее за руки, я пытаюсь объяснить, что это — кино, что при съемках животные не страдают... Усадили Наталью Евгеньевну. Спрашиваю, не уйти ли нам. Отказывается... После фильма, как ни в чем не бывало, шагаем по улице. Наталья Евгеньевна останавливается и с гордостью говорит: «А как я им задала! А?» Смеется. Смеемся и мы с Сергеем Николаевичем...

Самым серьезным стал наш поход-поклонение Константину Николаевичу Батюшкову. Он похоронен у стен Спасо-Прилуцкого монастыря. День был какой-то сумрачный, как-то похолодало, пришлось потеплее одеваться. Солнце совсем не показывалось. Могила Батюшкова на загороженной площадке, заросла шиповником, всё вокруг тихо и пусто. Было воскресенье, и никаких экскурсий не намечалось. А уходить не хотелось... Решили обойти вокруг монастырских стен, мощных, из красного кирпича, а местами стены были выложены валунами. Монастырь возвышается, он на холме. Внизу — речка. Вся картина перед нами — такая бесконечная... И речка издала — неподвижная...

Смотрим... и понимаем, что происходит на реке что-то неправильное. С широких мостков в воду плюхается фигура. Суетятся стоящие на мостках, машут руками. И мы все трое бежим по направлению к этим мосткам. Вижу, как подобрался Сергей Николаевич, как он стремительно летит, только полы пальто его догоняют. Как устремлена вперед Наталья Евгеньевна... И понимаю, что сделать-то мы ничего не сможем. Краем глаза вижу в стороне группу парней, играющих в волейбол. Они в низинке, и берег им не виден. Меняю направление, изо всех сил бегу к ним и кричу: «Тонет! Тонет!»

Быстро парни поняли ситуацию, помчались к реке. А человека в реке вода тащит, но он еще держится, хотя шея уже напряженно вытягивается, а руки уже почти не двигаются. Двое ребят на бегу сбрасывают свои куртки и прыгают в речку. Догнали, подхватили, видно, как им тяжело буксировать большую фигуру к мосткам. И они выходят на берег чуть ниже мостков. Там остальные парни подхватывают и тащат уже на мостки большую женщину. В одной руке у нее зажата, как потом оказалось, тяжеленная домотканая дорожка. Воды она наглоталась, говорить не может. Показалось даже, что она немая. Но глаза открыты, и попытки заговорить мы явно видим. Лежит она на мостках, вода с нее течет. И она, наконец, говорит: «Надо же! Поймала!» — и показывает зажатую в руке тряпку. И только потом начинает плакать и приговаривать: «Сыночка мой, сыночка! Что ж твоя мати наделала! Чуть не утопла...»

Еще не отдышавшийся Сергей Николаевич нашел у себя нитроглицерин, дали тетушке. И Сергею Николаевичу заодно. Тетушка стала нормально дышать, рассказала, сказала. Ждет из армии сына. Решила всё перестирать. На речку пришла полоскать выстиранное. А дорожка такая тяжелая, выскользнула из рук, хотела ее поймать, да и свалилась, а помнила дальше только о сыне: как же ему будет, если она утонет... Наталья Евгеньевна тут же тетушку взялась воспитывать: не о каких-то там дорожках думать надо, а о людях, о сыне своем...

Тетушка пришла в себя, и мы потащили мокрые ее постирушки к ней домой. Тяжеловато было. И спасенную нашу, и Наталью Евгеньевну нужно было поддерживать, дом был на высоком берегу. Парни, спасители, ее вытащили и побежали доигрывать прерванную игру. Другие женщины на мостках продолжили свое занятие, полоскали с мостков белье в реке...

Домик тетушки, заборчик невысокий — выкрашены в одинаковый зеленый цвет, домишко небольшой, но чистенький. Спросила, не хохлушка ли хозяйка. Да, с Украины. Но и Вологду полюбила. Старалась тетушка завести нас в дом, угостить. Обращалась всё больше к Сергею Николаевичу. Расхваливала свою самогонку: уж так она удалась, для сына готовила. Говорила, что муж ее не одобрит: люди такое для нее сделали, а она даже не угостила... Пообещали заехать...

На следующий день мы с Натальей Евгеньевной улетали в Москву. На летном поле еще раз удивились особенностям вологодского неба. Здесь, на свободе, без построек и деревьев небо прямо-таки придавливало землю — и людей к земле. Устроились в салоне «Яка». Ждали. Сказали, что задерживаемся.

И Наталья Евгеньевна как-то устало поковыляла на выход, еще раз прощаться с Сергеем Николаевичем. И я слышала, как она объясняла ему, чем и где нужно кормить кошек, которых она успела приручить...

2008

Валерий САЖИН

Третья плакальщица

В уникальных в своем роде книгах о Мандельштаме Надежда Яковлевна не раз возвращается к мысли о предощущении поэтом своей судьбы. Подтверждением тому многое, сказавшееся в стихах поэта. Предсказан даже предсмертный костер, возле которого, по воспоминаниям солагерников, поэт читал свои стихи:

У костра мы греемся от скуки.
Может быть, века пройдут,
И блаженных жен родные руки
Легкий пепел соберут.

Впервые: Сажин В. Слово о третьей плакальщице: [Памяти Н. Штемпель] // Русская мысль: Лит. прил. Париж, 1991. 28 июня. № 12. С. XVI. Название изменено составителями

История не повторяется буквально. Не две Марии, но Анна и Надежда, две самые верные и любящие спутницы, сопровождали Мандельштама до заветного порога. В Воронеже к ним присоединилась третья — Наталья. Я говорю о Наталии Евгеньевне Штемпель (1908–1988). К 1978 году, когда я познакомился с ней, ничто, казалось, не было утрачено ею из того, что расположило поэта и его воронежскую музу друг к другу в 1936–37 годах. Светлый взгляд, преданность поэту, радушие и непосредственность, и всё та же походка, которая еще в 1914 году была предугадана в «Автопортрете»:

Так вот кому летать и петь
И слова пламенная ковкость —
Чтоб прирожденную неловкость
Врожденным ритмом одолеть!

В 1937 году это воплотившееся в предсказанном облике Наталии Евгеньевны будет названо иными словами —

...стесненная свобода
Одушевляющего недостатка.

Сейчас наука пытается объяснить своими средствами то, что тысячелетия до того было ведомо и свойственно (правда, немногим) избранным. — обретение такого ритма, который позволяет человеку свободно парить в пространстве, отрываясь от земли. Поэзия, в сущности, и есть один из невидимых глазу способов такого парения и проникновения в надземный мир. Видимые глазом свойства Наталии Евгеньевны были поняты Мандельштамом как именно такая внутренняя способность к свободному перемещению в пространстве.

И еще. Мандельштам не ошибся еще в одном ее свойстве:

Сопровождать воскресших и впервые
Приветствовать умерших — их призванье.

Наталия Евгеньевна, удостоившаяся любви Мандельштама и удостоившая его своим душевным теплом, бережно сохранила в своих тетрадях написанное Мандельштамом в конце жизни и подобно двум другим истинным друзьям поэта — Надежде Мандельштам и Анне Ахматовой — смела уверенно повторить:

Он с нами во все дни до скончания века. Аминь.

Ленинград

Виктор СИЛИН

«Ангел мой»

Продавцы магазина антикварной книги, что располагался в проезде МХАТа, смотрели на меня сначала, как на необходимое зло. После, по привыкнув, — снисходительно-высокомерно позволяли даже обронить в мой адрес фразу-другую.

Я приходил сюда часов в десять утра, к самому открытию. У прилавков — безлюдно, можно спокойно листать старые фолианты и изящные томики. Глазам не верилось: Цветаева, Пастернак, Саша Чёрный, Бальмонт, Сологуб, Мандельштам. И всё — прижизненные издания.

Мандельштам стоил тридцать пять рублей. Это был его первый сборник «Камень», тринадцатого года издания, выпущенный собственным иждивением в издательстве «Акмэ». Обложка оторвана, страницы изрядно истерлись. Я открыл книгу и уже не мог оторваться.

Быть может, я тебе не нужен,
Ночь: из пучины мировой.
Как раковина без жемчужин,
Я выброшен на берег твой.

Ты равнодушно волны пенишь
И несговорчиво поешь:
Но ты полюбишь, ты оценишь
Ненужной раковины ложь.

— Чем без дела стоять, давно бы уже переписал книгу, — бросила однажды продавщица. Видно, ее чаша терпения переполнилась.

— А можно?

— Не ты первый...

Сейчас я понимаю: она хотела побыстрее отделаться от меня, наверное, очень надоела ей моя морда. А тогда я жутко обрадовался такой милости. За полдня стал обладателем «Камня». Правда, в списках, но от этого стихи не стали хуже.

— Не магазин, а какая-то народная изба-читальня, — сказала вслед продавщица. И по-моему, с чувством облегчения.

Силин В. В. «Ангел мой» // Летописцы из «Коммуны». Воронеж: Коммуна. 2007. С. 192–204. Фрагмент с изложением воспоминаний М. В. Ярцевой, публикуемых и в настоящем сборнике, опущен составителями.

Запрет с имени Мандельштама постепенно начали снимать. В ту пору мой приятель, учившийся в ГИТИСе, писал курсовую сначала о творчестве Бальмонта, а потом и о Мандельштаме.

— Кстати, — рассказывал он мне, — встречался с Надеждой Яковлевной, женой поэта. Она очень лестно отзывалась о твоей землячке. Штемпель ее фамилия. Зовут Наталья Евгеньевна. Это она «Воронежские тетради» сохранила. Я об этом пишу. Хочешь, почитай...

— Постой-постой, как фамилия, говоришь?

— Штемпель.

— А у меня геологию преподавал в институте Виктор Евгеньевич Штемпель. Не родственник ли?

— Всё может быть.

Радостное ощущение оттого, что это именно так, и что я приобщусь к какой-то большой тайне, не покидало меня всю обратную дорогу из Москвы.

Но никогда не надо радоваться заранее. Праздник может не состояться, чудо не сбыться, жар-птица улететь.

— Зачем вам всё это, молодой человек? — спросил меня В. Е. Штемпель. — Знал — не знал... Что оттого, что знал?

Я растерялся от такой реакции учителя. (Через много-много лет узнаю, что «Голос Америки» передал информацию о Мандельштаме, — это был период застоя, — где фигурировала и фамилия Натальи Евгеньевны Штемпель. «Не ваша ли сестра спасала стихи этого декадента?» — недоверчиво спрашивали коллеги у Виктора Евгеньевича.)

— Мне нравятся стихи Мандельштама.

— Ну и любите себе на здоровье...

А потом словно смилостивился и обронил:

— Он всегда ходил с высоко поднятой головой. И это многих раздражало. Нищий поэт. А он славил воронежскую весну. Да читайте, молодой человек, Мандельштама. Он весь — в своих стихах.

Резко повернулся и вышел из аудитории.

У него были манеры и замашки человека из общества — ему ничего не прощалось. «Дяденька, ты поп или генерал?» — спрашивали воронежские ребята, пораженные его длинной, «не по чинубарственной шубой» и вскинутой головой. «Немножко и то, и другое», — посмеивался Мандельштам.

Ему не положено было задирать нос. Этому неказистому, почти заморышу, маломерку (хотя в действительности Осип Эмильевич был не таким уж маленьким. Рост — чуть ниже среднего). Всю жизнь его давил плугавый быт. И однажды — перед самым приездом в Воронеж, в Чердыни — он, кажется, не выдержал этой безысходности и попытался покончить жизнь самоубийством. Н. Я. Мандельштам

вспоминала: «Паспорт отобрали при аресте. Когда мы приехали в Воронеж, единственным документом О. М. оказалась сопроводительная бумажка Чердынского ГПУ. Воронеж 34-го года оказался мрачным бесхлебным городом».

Пусти меня, отдай меня, Воронеж:
Уронишь ты меня или проторонишь,
Ты выронишь меня или вернешь,
Воронеж — блажь, Воронеж — ворон, нож!

В статье «Воронежские писатели за 20 лет» (альманах «Литературный Воронеж», № 1, 1937 год) М. Булавин и Н. Романовский писали: «Пользовавшиеся поддержкой врагов народа прибывшие в 1931 году в Воронеж троцкисты Стефан, Айч, Мандельштам, Калецкий пытались создать сильное оцепление писательского коллектива, внося дух маразма и аполитичности. Попытка эта была разбита. Эта группа разоблачена и отсечена, несмотря на явно либеральное отношение к ней работников обкома, которые предложили “перевоспитать” эту банду». Тогда же, во время одного из выступлений поэта, ему задали провокационный вопрос: «А что такое акмеизм?» Мандельштам ответил: «Тоска по мировой культуре».

Тот же самый М. Булавин, но уже через пятьдесят два года, в письме в «Подъем» заявил: «Будучи ответсекретарем Воронежской организации, я впервые в 1937 году встретил приехавшего в Воронеж, в ссылку, Осипа Мандельштама. До этого я не знал его, ни как поэта, ни как человека. Я не видел, чтобы приходила молодежь, группировалась вокруг него и встречалась с ним. Это тоже неправда. Вся поэтическая молодежь находилась у нас на учете».

Что верно, то верно — всех держали на учете, «под колпаком», на крючке.

В одном М. Булавин прав — Мандельштам мало с кем общался. Об этом, кстати, говорит Н. Е. Штемпель в своих воспоминаниях: «К посетителям Мандельштамы не привыкли».

— С семьей Штемпель моя дружба началась в тридцать четвертом, — вспоминала Татьяна Олимпиаевна Штемпель, жена Виктора Евгеньевича. — Тогда же Виктор — мой будущий муж — познакомил меня со своей сестрой Натальей. Это была очень образованная, начитанная, я бы сказала, даровитая девушка. Радужным и гостеприимным человеком оказалась и их мать — Мария Ивановна. В те голодные годы она часто подкармливала опального поэта. Мария Ивановна сушила сухарики из черного хлеба — «солдатики» — и сыпала их солью. Вечерами пили чай с сухарями.

Это не значит, что Мария Ивановна и Виктор Евгеньевич с радостью встретили то, что Наталья Евгеньевна почти ежедневно стала общаться с Мандельштамом и его женой. Иногда мать говорила: «Наташа, подумай, что ты делаешь. Он же ведь — ссыльный! Ты по лезвию ножа ходишь». — «...Я очень любила мать, она всегда была для меня другом, нет, она была для меня всем, а главное — мысль о брате, не подведу ли его?! Но не бывать у Мандельштамов я не могла. мне даже стыдно было об этом подумать. Испугаться!?» — вспоминала Н. Е. Штемпель. И эту дружбу, не расплескав, она пронесла через всю жизнь.

Никто не доходил до подобного обнажения боли, являющегося одновременно и ее преодолением, как Мандельштам. И это потребовало иного языка, какого не было на слуху людей. Им надо овладеть, чтобы читать «в подлиннике» воронежского Мандельштама.

...Это был удивительный дом. Такое чувство, что попадал в «серебряный век». Здесь каким-то чудом хранился и быт и дух русской интеллигенции конца девятнадцатого века.

Вуглу стояло то самое кресло, в котором сживал поэт. Настоящее, венское, из бука. Оно куплено Марией Ивановной Штемпель еще до революции. На обратной стороне кресла написано: «Сидение не боится воды и сырости». И фирменный знак. Я не удержался и тоже посидел в кресле. Сколько лет, а не скрипит. Что значит мастера делали!

— По семейному преданию род Штемпель в России идет со времен царствования Анны Ивановны, — рассказывала Татьяна Олимпиевна. — Именно императрица выписала из Германии лекаря с такой фамилией. Так это или не так, сейчас уже вряд ли проверишь, а только и осталось, что немецкая фамилия. Когда мы зарегистрировались с Виктором Евгеньевичем, то он меня уговаривал не брать его фамилию. «Почему?» — удивилась я. — «А разве ты не понимаешь? Дворянское происхождение нынче не в почете». Он всячески старался меня оградить от возможных неприятностей. Наверное, потому и долго не говорил о том, что его старшая сестра Наташа в дружбе с Мандельштамом.

Но чему быть — того не миновать. И Татьяна Олимпиевна встретила с поэтом.

— Первое впечатление — передо мной старик. Худой, изможденный, с серым землистым лицом, он часто хватался за ворот рубашки, словно невидимый враг пытался его душисть. Еще осталось в памяти: Мандельштам ходил вокруг стола с чашкой чая и читал свои стихи. Вообще он часто жестикулировал, размахивал руками. И от этого казался мне еще более не от мира сего.

О манере поэта читать свои стихи писали многие мемуаристы. Она у него сохранялась неизменной во все периоды жизни. Его учи-

тель древнегреческого К. В. Мочульский еще в те годы подметил: «Он взмахивал руками, бегал по комнате и декламировал нараспев склонения и спряжения».

— А вы помните такие строчки? — неожиданно спросила меня Татьяна Олимпиавна:

Оттого все неудачи,
Что я вижу пред собой
Ростовщичий глаз кошачий —
Внук он зелени стоячей
И купец воды морской.

Я была «знакома» с героем стихотворения, котом, любимцем Натальи Евгеньевны. Кот имел обыкновение сидеть на тумбочке, которая стояла рядом с огромным письменным столом, покрытым сукном. Кот был злющий, дикий, а глаза у него — точь-в-точь как цвет сукна — зеленовато-изумрудные. О. Э. Мандельштама повадки кота занимали, и однажды он принес такое веселое, чуть-чуть с «дьяволинкой» стихотворение.

Он записывал стихи на чем попало, на каких-то обрывках бумаги, на конвертах. Почерк страшно неразборчивый. Наталья Евгеньевна всегда с огромным усилием пробиралась через эти «закорючки», но быстро запомнив стихотворение, никогда его уже не забывала.

Мне запомнился Мандельштам человеком нервным, издерганным, рассеянным. Он мог бросить недокуренную папиросу прямо на ватное одеяло. И в то же время он был человеком очень ранимым, даже в чем-то сентиментальным. Рассказывали (это произошло до нашего с ним знакомства), что однажды Осип Эмильевич подобрал больного котенка, ухаживал за ним, но котенок не выжил. Мандельштам очень переживал его смерть.

Жизнь в Воронеже их была убогой, нищенской. В квартире царил беспорядок, запустение. Мандельштам ходил небритым, в помятом костюме. Всё это в какой-то мере говорило о душевном смятении Осипа Эмильевича и Надежды Яковлевны: вырванные из привычной среды, бездомные, постоянно находящиеся «под колпаком» НКВД — они уже не в состоянии были сопротивляться жизненным обстоятельствам. Но именно здесь, в Воронеже, «от соприкосновения с простой и вечной материей чернозема он стал человечески глубже и мудрее».

К пустой земле невольно припадая,
Неравномерной сладкою походкой
Она идет, чуть-чуть опережая
Подругу быструю и юношу-погодка.

Эти строки поэт посвятил Наташе Штемпель. На нее надо молиться.

Не будь Натальи Евгеньевны Штемпель, вряд ли бы мы сейчас смогли читать стихи такой огромной поэтической мощи и самовыражения. «Воронежские тетради» Мандельштама спасены ею. Вот как о ней вспоминала друг семьи Штемпель, доцент агроуниверситета Тамара Осиповна Щербатых:

— Наталья Евгеньевна была человеком, обладающим завораживающим аристократизмом, своей образованностью, знанием литературы, с врожденным остроумием. Она привлекала к себе таких же умных образованных людей. У нее было много друзей среди писателей. Не случайно и то, что в ее библиотеке хранились книги с автографами многих известных литераторов.

О. Э. Мандельштам тоже не обошел вниманием своего «ангела хранителя». В тридцать седьмом он подарил ей свой один из ранних сборников с автографом. Удостоилась она такого же внимания и от Анны Ахматовой. Но, наверное, два стихотворения для «Наташи», написанные в мае тридцать седьмого, — лучше всего говорят о той большой привязанности и благодарности, которую испытывал Осип Эмильевич к своей воронежской почитательнице.

Писать воспоминания о Мандельштаме она начала в 60–70-е годы, когда даже имя поэта в печати почти не упоминалось. Ее родственники не верили, что когда-то всё будет опубликовано. А она верила. Говорила: «Я просто обязана написать. Мандельштам — великий Поэт, у которого не было удачных и неудачных стихотворений. Всё без исключения написанное им — истинная поэзия». Двери ее дома всегда были открыты для почитателей таланта поэта. Люди ехали со всей страны. И она никому не отказывала, вспоминала, показывала фотографии, где запечатлен Мандельштам. Последнее время ее стали одолевать болячки. И многочисленные визитеры (а среди них находились и люди не совсем порядочные), конечно, утомляли пожилого человека. Родные просили: «Пожалей себя, не растрачивай так силы». Но какое там! Она и слушать не хотела. «Как же я не расскажу людям то, что они нигде не прочитают?!» А когда «Новый мир» напечатал воспоминания Н. Е. Штемпель, тут началось настоящее паломничество. Все хотели слышать Наталью Евгеньевну.

В Киеве, на Оболони, жила Мария Викторовна Ярцева, самая близкая подруга Натальи Евгеньевны Штемпель. Я узнал об этом случайно и попросился у тогдашнего редактора Алексея Михайло-

вича Наквасина в дальнюю командировку. Он безо всяких-яких дал мне «добро».

<...>

И еще один факт. Мало кому известно, что в 1948 году Н. Е. Штемпель передала пакет своей подруге М. В. Ярцевой и попросила хранить его:

— У тебя в Киеве надежней будет. Здесь письма Мандельштама.

— Пакет я вернула Наташе через три года, — говорит Мария Викторовна. — Ни разу не развернула, не взглянула, что там было. Не позволила деликатность. Все-таки письма...

Война разъединила Марию Ярцеву с подругой. Брат ее Виктор был на фронте, а Мария Ивановна с Наташей эвакуировались с техникумом на восток. После войны Ярцева изредка бывала летом в Воронеже, гостила у своих однокурсников или у Наташи.

Постепенно у Н. Е. Штемпель в Воронеже создался новый круг друзей, в основном из молодежи, поклонников поэзии О. Э. Мандельштама и любителей литературы. Собирались дома у Натальи Евгеньевны, делились литературными новостями, читали стихи, слушали пластинки с голосами Ахматовой, Пастернака, помогали ей в составлении альбома «Мандельштам в Воронеже». Помогали печатать на машинке, клеить, осуществлять связь с библиотекой Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и ЦГАЛИ в Москве.

Н. Е. Штемпель была гостеприимна, участлива, равнодушна к деньгам. В квартире ее всегда было уютно, отсутствовала власть вещей и царили книги.

— В семидесятых годах Наташа читала мне рукопись своих воспоминаний об О. Э. Мандельштаме, — продолжала свой рассказ Мария Викторовна. — Говорила, что передаст ее в библиотеку Салтыкова-Щедрина. В восьмидесятых показывала составлявшийся ею тогда альбом на эту же тему. Мы обсуждали распределение в альбоме фотографий, текста и отрывков стихотворений поэта. Последний раз мы виделись вместе по несколько дней летом 1985 и 1986 годов, когда я жила у Наташи. 1985 год, год смерти брата Виктора, последний удар судьбы. Она говорила, что ее мучает беспрестанная головная боль.

Она умирала очень тяжело. Случился инсульт. Почти полгода лежала, прикованная к постели. Часто забывалась и в забытии читала стихи. Перед тем как умереть, закрыв глаза, она шептала строчки Анны Ахматовой.

Олег ЛАСУНСКИЙ

Осип и Наташа

Мой давний приятель Яков Исаакович Бердичевский часто звонит мне из своего берлинского далека, и мы обсуждаем с ним всякого рода общественные новости. Еще в Киеве он снискал себе славу первоклассного музейного работника и искусствоведа. В библиофильском мире его уважают как страстного собирателя раритетов, непревзойденного знатока старых русских и украинских изданий. Любитель литературы Серебряного века, Яков Исаакович глубоко неравнодушен к наследию Осипа Мандельштама. Однажды, при очередном нашем диалоге, прозвучало имя Натальи Евгеньевны Штемпель. Мой собеседник поведал об одном любопытном эпизоде из своей биографии.

В конце 1957 года Яков Исаакович жил в Пскове и нередко бывал в хорошо ему знакомом Ленинграде, где встречался по творческим делам со студентом-медиком Илюшей Авербахом (впоследствии Илья Александрович поменяет профессию и станет известным кинорежиссером и сценаристом). Авербах каким-то образом был связан с воронежкой Натальей Евгеньевной Штемпель, и та, по его рекомендации, отправила в Псков неведомому ей человеку почтовую бандероль с машинописными копиями мандельштамовских стихов, созданных в 1930-е годы. Яков Исаакович подчеркивает такую многозначительную деталь: на бандероли был указан обратный адрес другого лица: Наталья Евгеньевна на всякий случай прибегла к элементарным мерам предосторожности.

Бердичевский разрозненные листы собственноручно сшил, обложил в цветастый ситчик и на переднюю крышку переплета наклеил свой экслибрис с портретом Гумилёва. Теперь эта реликвия находится у меня. В экземпляре 168 страниц плотной бумаги с четко отпечатанными текстами (даты под ними, за редким исключением, отсутствуют). Нигде не упоминается фамилия автора; анонимность была, безусловно, вынужденной: зачем дразнить ищек из «компетентных органов»?!. Я. И. Бердичевский по достоинству оценил великодушный и отважный по тем временам поступок Н. Е. Штемпель. Он забрал позднее самиздатовский сборник с собой в Германию и лишь недавно решил с ним расстаться: дескать, пусть возвращается к родным донским берегам!..

Написано специально для настоящего издания.

Что вытекает из вышесказанного? Только то, что Наталья Евгеньевна бесстрашно пропагандировала сочинения своего кумира: думаю, она рассылала подобные списки по многим адресам. В самом Воронеже она, естественно, использовала любую удобную возможность, дабы хоть отчасти прервать организованный властями заговор молчания вокруг фигур Осипа и Надежды. Рядом со Штемпель постоянно обретались поклонники мандельштамовской музыки. Но публичной трибуны ей никто не осмеливался предоставить. Я попытался обмануть бдительность цензуры и местного начальства — и это у меня получилось. Будучи председателем Общественного совета краеведов (он существовал при областной универсальной научной библиотеке имени И. С. Никитина), я предложил Наталье Евгеньевне поделиться воспоминаниями о Мандельштамах в рамках традиционных краеведческих чтений. Она охотно согласилась, хотя по тону ее голоса я чувствовал: не слишком верит, что ее выступление состоится. Я и сам боялся, что дело сорвется, и слегка успокоился лишь тогда, когда изготовленные в типографии пригласительные билеты были разосланы привычному кругу лиц (на заседания приходило обычно не более ста человек).

Эти девятнадцатые по счету краеведческие чтения я не забуду никогда. Первые посетители появились в актовом зале Никитинки задолго до заявленного часа. Мне до сих пор не вполне ясно, каким образом известие о будущем выступлении Н. Е. Штемпель облетело город. Очевидно, постаралась сама Наталья Евгеньевна: информация через близких ей людей пошла дальше по живой цепочке, и вскоре почти весь интеллигентский Воронеж знал о предстоящем событии. Наплыв слушателей был таков, что кресел в зале не хватило, и посетители стояли в проходе и сбоку, обступили сцену, вплотную придвинулись к столику, за которым с бледным от волнения лицом сидел ваш покорный слуга. Я не мог и предположить, что нагрянет столько народа. Теперь, когда прошли уже 137-е краеведческие чтения (каждое из них, полагаю, было по-своему интересным), должен со всей определенностью заявить: ни одно из наших чтений не собирало столько слушателей, как в тот день, 22 мая 1979 года. Факт — весьма красноречивый: по сути произошел безмолвный, одномоментный бунт против опустылевшего идеологического гнета. То была откровенно политическая манифестация: своим личным присутствием продемонстрировать протест против официального миропорядка. Это — не нынешнее мое восприятие памятного вечера. Уже тогда публику охватило ощущение того, что в зале происходит нечто неординарное, вызывающе дерзкое. Еще долго расходились по го-

роду слухи о своего рода пощечине, которую получили партийные бонзы от мандельштамофилов.

Свое выступление Наталья Евгеньевна построила незамысловато — как рассказ о мандельштамовских адресах в Воронеже, о наиболее ярких событиях из ее общения с Мандельштамами. В необходимых случаях она вставляла в свой монолог стихотворные цитаты. Я просил Наталью Евгеньевну уложиться, согласно принятому регламенту, в полчаса. Куда там! Она проговорила более часа, так что пришлось снять выступление последнего докладчика — университетского доцента-филолога В. П. Скобелева (он не был в обиде и сам с увлечением внимал Наталье Евгеньевне).

После того вечера наши отношения с Н. Е. Штемпель переросли в дружбу. Она часто приглашала меня к себе, особенно в тех случаях, когда у нее бывали иногородние посетители. Ее квартира на третьем этаже в доме № 38а по Никитинской улице превратилась в неформальный клуб ревнителей Мандельштама. Здесь всегда можно было встретить Диму Заславского, Виктора и Нелли Гординых, Нину Митракову и Славу Свительского. Все мы были друг с другом хорошо знакомы, и беседы в процессе чаепития велись достаточно откровенные. Хозяйка по просьбе гостей обычно читала наизусть строки из Мандельштама, Ахматовой, Гумилёва.

В ту пору я собирал материалы для книги, в которой хотел поведать о наиболее примечательных мемориальных уголках Воронежа, связанных с памятью о побывавших там писателях. Наталья Евгеньевна сама вызвалась показать мне мандельштамовские места. Мы бродили по «воронежским холмам», спускались в знаменитую «яму», стояли у «дома без крыльца», любовались окрестностями с той точки на улице Каляева, откуда взору поэта открылся однажды «полугород, полуберег конный». Эта экскурсия помогла мне насытить лирический репортаж выразительными, сочными подробностями. Несколько страниц рукописи я посвятил мандельштамовским адресам. В стране уже веяло перестроечными ветрами, и я надеялся, что эти страницы не вызовут у цензоров серьезных возражений. Увы, я ошибался. Никакие доводы автора и издательского редактора не помогли: категорически было велено изъять из верстки мандельштамовские страницы. «Литературная прогулка по Воронежу» вышла в изуродованном виде (1985). Наталья Евгеньевна сильно горевала по сему поводу.

Но эпоха стремительно менялась, из небытия выплывали многие персоны, пребывавшие прежде в опале. Как-то раз меня неожиданно пригласила к себе директор издательства Воронежского государственного университета Ольга Дмитриевна Текутьева

и попросила взяться за подготовку первого в СССР сборника исследований об О. Э. Мандельштаме. Инициаторами этой идеи выступили москвичи (Ю. Л. Фрейдин, А. И. Немировский, П. М. Нерлер, М. Л. Гаспаров и др.), мне предстояло воплотить ее в жизнь. Я ответил О. Д. Текутьевой согласием, хотя понимал, что лучшим кандидатом на пост ответственного редактора был бы, пожалуй, Александр Иосифович Немировский: ведь именно он впервые гласно заговорил в Воронеже о Мандельштаме. Однако Немировский давно проживал в столице, а книга должна была делаться в провинции.

Тем не менее А. И. Немировский весьма активно участвовал во всей этой истории. Вспоминается один из его визитов в наш город. Остановился он, как обычно, у Натальи Евгеньевны, которая ласково называла его Шурой. Несколько часов мы втроем обсуждали структуру будущего сборника, круг его потенциальных авторов, вообще план действий редакционной коллегии. Александр Иосифович был натурой горячей, эмоциональной, очень быстро «заводился», с жаром отстаивал свои позиции. Некоторые его рекомендации отдавали явным прожектерством, и было довольно трудно с ним дебатировать. Мне помогала Наталья Евгеньевна: она мягко возражала Шуре, когда была совершенно очевидна невыполнимость его проектов. В конце концов взаимное согласие было достигнуто, и хозяйка стала накрывать стол: спорщики изрядно проголодались.

Наталья Евгеньевна до самой своей предсмертной болезни живо интересовалась издательским процессом. Я регулярно информировал ее о ходе работы над книгой. Она вышла — под названием «Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама» — в 1990 году, уже после кончины Н. Е. Штемпель. В раздел «Приложение» мы включили ее автобиографию, написанную в 1987 году по просьбе дирекции ЦГА-ЛИ. Сборник был тепло принят как специалистами, так и широкой читательской общественностью. Может быть, более других радовался Александр Иосифович Немировский: ведь взошли семена, брошенные им когда-то в каменистую воронежскую почву. В конце мая 1994 года он приехал в Воронеж для участия в Мандельштамовских днях. В Никитинке у меня состоялся с ним разговор, и я не без удивления узнал, что все эти годы Немировский, оказывается, копил на меня обиду за то, что я, якобы, вытеснил его с «должности» научного редактора сборника. Когда я рассказал, как было дело, он вздохнул с облегчением и тут же написал мне экземпляр своих только что изданных в Москве «Мифов и легенд Древнего Востока», отметив в инскрипте, что с прежним недоразумением покончено...

После 1985 года творческий салон «У Штемпель» приобрел еще большую популярность. Помимо одноземцев, туда стремился

попасть разный приезжий люд. Театровед Э. Я. Анчиполовский, сам бывавший у Натальи Евгеньевны (вместе с женой А. Б. Ботниковой, профессором ВГУ), поведал мне, как водил на Никитинскую целую группу сотрудников центрального аппарата Всероссийского театрального общества (Москва). Лично мне не раз приходилось просить Наталью Евгеньевну принять и «обогреть» различных литературных путешественников, которых привлекали в Воронеж имена И. Бунина, О. Мандельштама, А. Платонова...

В последний раз Наталья Евгеньевна появилась на публике 19 октября 1987 года: читала отрывки из своих воспоминаний об О. Э. Мандельштаме. Дело происходило в Доме архитектора, а не в Доме актера, как указано в примечаниях к посмертно вышедшей мемуарной книге Н. Е. Штемпель (Москва, 1992)¹.

Мы долго готовились к этому мероприятию. Оно должно было стать для Воронежа событием, как модно сейчас выражаться, знаковым. В отличие от полуплеганального выступления Н. Е. Штемпель в Никитинке (1979), открытый городской вечер в память об О. Э. Мандельштаме давал возможность его участникам безбоязненно выплеснуть свои гражданские чувства.

Чтобы придать торжеству особую весомость, мы разорились на афишу, которую расклеили в наиболее оживленных местах. На ней фамилия «Мандельштам» была оттиснута крупным шрифтом и сразу приковывала к себе внимание. Отпечатали и приглашительные билеты с перечнем выступающих. Зал в Доме архитектора не вмещал всех жаждавших туда попасть. В первом ряду сидел инструктор обкома партии и что-то нервно записывал в блокнот. Но его присутствие лишь подзадоривало ораторов: было уже ясно, что возврата к прежним карам за вольномыслие не предвидится. Вечер украсил своей пламенной речью А. И. Немировский, специально прибывший из Москвы. Да и наши земляки не подкачали — литературоведы А. С. Крюков и В. А. Свительский, поэты Г. М. Умывакина (она потом посвятит одно из лучших своих стихотворений памяти Н. Е. Штемпель) и Л. К. Коськов. Мне как ведущему приходилось сдерживать напор желающих высказаться.

Гвоздем программы стал показ большого слайд-фильма, над созданием которого в течение нескольких лет трудились совместно Н. Е. Штемпель и ее молодой друг В. Л. Гордин. В основу сюжета они положили материалы, накопленные ими в ходе работы над фотоальбомом «Осип Эмильевич Мандельштам в Воронеже». Виктор Леонидович Гордин, ученый-химик из ВГУ, увлекался художественны-

---

¹ Это справедливое замечание учтено в настоящем издании.

ми фотосъемками и, следуя советам Н. Е. Штемпель, зафиксировал на пленку все без исключения мандельштамовские уголки Воронежа. Он же разыскивал и воспроизводил старые снимки, имевшие прямое и даже косвенное отношение к избранной теме.

В 1985 году альбом был готов. Его не просто разглядывали, а изучали те, кто посещал квартиру-клуб на Никитинской. Это рукотворное издание имело заслуженный успех. Не знаю точно, в каком количестве экземпляров альбом первоначально был тиражирован (разумеется, в самом ограниченном), но впоследствии, с появлением новой репродукционной техники, его не раз повторяли в натуральную величину: сколько таких ксерокопий кочует сейчас по стране, никому не ведомо. В 1987 году Наталья Евгеньевна отправила экземпляр альбома в ЦГАЛИ. В. Л. Гордин свой экземпляр увез в Израиль. В 2008 году его вдова Н. В. Гордина переслала копию этого экземпляра мне. Теперь он будет храниться в фондах Государственного архива Воронежской области (ГАВО), наряду с другими, переданными мной туда бумагами, которые в своей совокупности раскрывают хронику возвращения мандельштамовского имени в наш край...

Мне не довелось быть на похоронах Натальи Евгеньевны. На союзовины в ее квартире собрались многие из ее окружения. Звучали скорбные слова, в которых горечь утраты незаметно переплеталась с иным настроением, едва ли не с чувством гордости за то, что в Воронеже обитала женщина, не уронившая чести российского интеллигента, носителя высоких духовно-нравственных качеств. Я обещал тогда подействовать в обстановке памятника на могиле Натальи Евгеньевны (ее прах был погребен на Юго-Западном кладбище). Позднее были переговоры с одним из московских скульпторов, поиски транспорта для перевозки памятника в Воронеж (первое время он находился в помещении Художественного училища). Фирма «Апекс» по нашей просьбе выделила необходимый строительный материал и мастеров. Открытие мемориала прошло в торжественной обстановке. На гранитной плите, помнится, высечена завершающая строчка из обращенного к Н. Е. Штемпель стихотворения Осипа Мандельштама «К пустой земле невольню припадая...».

Но, конечно, главный монумент Наталья Евгеньевна соорудила себе сама — в сердцах бесчисленных ценителей отечественной лирики, признательных ей за подвижничество во славу Мандельштама. И когда к изножию бронзового Осипа, воздвигнутого, наконец-то, в Воронеже, искушенные читатели станут возлагать благодарственные цветы, в их сознании неизменно будет витать образ мандельштамовской «Ясной Наташи».

2008

СТИХИ

Борис МОЛЧАНОВ

Планируя, спускался лист
И медлил, наклоняясь косо.
Спокойная, как обелиск,
Над лесом возвышалась осень.

Еще под солнцем ярк куст.
Но жизни край уже иззубрен,
Но по тропинкам бродит грусть
С кистями в сурике и умбре...

И клен, обряженный в парик,
Следит, насторожен и чуток.
Как день на черенке зари
Еще горит каким-то чудом.

И у раскрашенных кулис
Он каждой тонкой веткой медлит..
Планируя, спускался лист.
Чертя невидимые петли.

1936

Собрание П.М. Нерлера. Публикуется впервые

Павел ЗАГОРОВСКИЙ

ПОЭМА

I

Знаю, меня не излечит
Время и ворох книг.
Это последний вечер
И больше не будет их.

Собрание П.М. Нерлера. Публикуется впервые

Зачем же бестолково
И больно так любить...
Я не сказал ни слова.
Ах, и что говорить!
О, такой любовью
Можно любить лишь раз.
Я затенен лиловью
Вечерних милых глаз.
В душе, как пожар, умиранье,
И будет ли вспомнить пора
Осени ранней
Лепестковые вечера.
Бери меня в плен, усталость,
И твердой рукой сотри
Из памяти ясную талость
Над садом зари,
И всю остроту ожиданья,
И тленье, и цвет разлук,
И в синеве мерцанье
Милых и светлых рук.

II

Там, где мольба летела к небесам,
Где жутки темные мечты о Боге,
Проводятся по девственным лесам
Железные дороги.
Вы опустели, темные скиты, —
О, прошлого печальные могилы!
Теперь в лесу средь дикой красоты
Так гулки топоры и так скрежещут пилы.
Властитель-капитал
Швырнул сюда неумолимой дланью
Рабочих тысячи, машины и металл,
Посеял радости и черное страданье.
Несказанной печалью вечеров
У озера святого на опушке
Поет гармоника и дробным звоном слов
Текут веселые и грешные частушки.
Когда хохочет пьяный блуд
И лес июньский полон восклицаний,
Предсказывают страшный суд

Окрестностей убогие крестьяне.
Проснитесь, старцы-скитники, проснитесь и сюда
Идите поглядеть, как, дьяволом гонимы,
Промчатся весело и гулко поезда...
О звери адские в огне и ключьях дыма!
Антихрист в мир пришел,
Его печать видна повсюду, всюду он маячит.
Проснитесь, скитники! Над океаном сёл
Уж ангела труба уныло, грозно плачет.
Их было много, медленных прогулок.
Вот Вагелевский тихий переулочок.
Мы с Вами шли, беседа, вдвоем
В году тридцать четвертом иль шестом.
Стихов отрывки вслух привычно молвить,
А иногда о ком-то позлословить,
И обстоятельный я слушаю рассказ,
Кого Вы видели, что нового у Вас.
Года уходят горестной чредою,
И я всегда с привычной теплотою
Переживаю глубже и нежней
Волненья и события ваших дней,
Обзор побед и жизненных аварий,
Сергей Борисыча искусный комментарий
К державинским и пушкинским стихам,
И в лодке с ним прогулки по водам,
И средь стихов певучего обмана
Влекущий образ светлого романа,
Но жизни мощную Вы чувствуете власть,
И к вам стучится в двери страсть.
Вам выпало, грядущего не зная,
С Борисом познакомиться в трамвае —
Толкал вожатого вагона рок.
И вот прошел недолгий срок —
Никак не мог тогда забыть я:
Вы в грешных и супружеских объятьях.
Друг с другом мы беседуем о многом,
Но в близости любовной умолкаем.
Вы недовольны тишиной молчанья,
«Скажите что-нибудь», — твердите Вы упорно.
Но как песок из сжатых рук уходит,
Так испаряется и красноречье

В делах любовных. И лишь слово —
То слово «милая» промолвить
Возможно медленно и тихо
На Ваше приглашенье к красноречью.
И сами Вы не слов фонтаном ярким,
Но способом иным передаете
Возникнувшие чувства и желанья.

III

Потом настало время путешествий
На левый берег. А сперва казался
Он мне страной почти недостижимой.
Желанье видеть Вас масштабы изменило.
И левый берег стал совсем доступным.
Автобуса я вспоминаю штурмы,
Когда летели пуговицы и по*ударением
И синяками покрывалось тело.
Чернавский мост. Потом мосты поменьше.
Придача. Поворот направо. Скоро
Я буду с Вами, путь мне стал знакомым.
Я направления испробовал иные —
Любимый путь — тропинка луговая,
Трамвая остановка возле школы.
Томленье ожидания... Бывало
Проходит полчаса, и нет трамвая;
Он в парк ушел или с рельсов грузно съехал,
А то и вовсе прервалось движение.
Шестеркой резвой я спускался к дамбе.
Потом — шатучий мост, и с юга
Я к Вам являлся, путь проделав новый.
А иногда без средств передвиженья
Я проходил знакомую дорогу.
Вас вызывали из учебной части.
Спускались Вы... О, дела ворох
У Вас огромный был тогда. Извольте —
Приличное составить расписание...
Я помню Вас — Вы над столом склонились,
Чтобы поймать зеленый треугольник,
Что влезть не хочет в среду и субботу.
А это ведь грозит окном зловещим.
И бедный-бедный Виземан — в окошке

Он узником останется печальным
С такой солидной, грузною фигурой.
А Анна Фёдоровна заснет в оконце
Глубоким сном, царевною из сказки.
И я боюсь, что рыцарь храбрый,
Пробравшись в заколдованное царство
(Пешком, автобусом или трамваем),
Ее горячим не пробудит поцелуем,
А сам заснет, увы, надолго,
Жестокой сна заразой побежденный.
Но треугольники и хитрые квадраты
Становятся ручными, и по клеткам
Вы расставляете их строго и упорно.
И все довольны. Жить без окон
С свободным днем удобно и приятно.
Семён Матвеевич Вам раскрывает душу
И поверяет всяческие тайны:
Полина шелковое хочет платье,
Какой вопрос поставить на совете,
Михайлова заставить как работать,
Кому дать ордер на сукно и брюки.
Ошибки разные случаются в отчете —
Наталья Евгеньевна, исправьте.
Но вот Вы дома — в комнате, где в окна
Лядело часто небо заревом заката,
Как в песенке Верлена, сквозь решетки.
И помните — усталость проходила,
Чрез полчаса уже Вы розовели,
А иногда пылающие щеки
Никак не поддавались охлажденью.
Читали мало мы тогда и долго
Вставал туман над полем Куликовым,
В осеннем небе ясном и высоком
Журавль-вожак звенел и плакал.
Читали мы и медленную прозу —
Тургенева и Чехова и прочих,
И чтение наше прерывалось часто
Беседами, периодом молчанья —
Ведь рот был занят сменой поцелуев.
А после — чтение совсем не удавалось.
Я буду ниже говорить об этом.

Из платьев тех, которые не мнутся
Иль мало мнутся, нравится мне Ваше
Последнее — Вы в нем милей, моложе,
Для нежной близости оно удобно очень
(С застежкой пояса справлялся я неважно).
Но речь завел я об иной эпохе...
Я левый берег вспоминаю с грустью,
Оставив там кусочек сердца
(Так выражались в прошлом веке
В романсах и стихах альбомных).
Меня Вы провожали часто,
С волнением смотрели, не блеснут ли
Огни автобуса в туманной дали
Иль повезет мне в этой жизни —
Шофер недолго в чайной засидится,
И я помчусь дорогою знакомой.
А помните, как мы брели в сутробах,
Одoleвая их в метельный вечер,
И всё ж дорога не казалась долгой.
Мы шли вдвоем, покинули автобус —
Застрял бедняга с тезкою Наташей —
Мы шли вдвоем, а это много значит.
И вот уж год, как мы встречаться стали
На Ленинской... Взамен решеток мрачных
Просторы светлые к нам льются в окна.
Строитель Ваш со склонностью похвальной
К материям высоким и туманным
Сказал, что Лермонтов, имея ордер
На Ваши комнаты, вторично написал бы
И Демона с Тамарою и Мцыри.
Широкой перспективой к горизонту
Идут поля к востоку от Придачи.
Темнеют села в отдалении светлом.
Зеленый пояс луга с синей речкой
Совсем вблизи, а перед ним на склоне
Нагроможденье крыш, садов и улиц.
Умам, расположенным к наблюденью,
Возможно отмечать, сквозь окна глядя,
Движенья поездов. Но мне предпочиталось
Плядеть в окно, когда Вы здесь же, рядом,

Когда, плечом к плечу прижавшись,
Вас чувствуешь и близко и любовно.
Вот Ваши стулья, на этот вот садиться
Рискованно, на кресле часто
Сидели мы вдвоем, Вы на коленях,
Моих, конечно... Стало Вам привычно
Садиться так, когда одни мы с Вами.
Вот табуретка... Помню, как недавно
Сидел я рядом, Ваши ноги гладил
И слушал Вас печально и безмолвно.

V

Я в курсе обихода Вашей жизни,
Занятий повседневных, огорчений.
И то, что женщина мужчине-другу
С смущением невольным поверяет,
Известно мне... Ведь нечего стесняться
Вести беседы о делах интимных
С любовником и другом давним.
Когда-то формулой «Плюс 19»
Был занят я. Но примененья
Та формула у нас не получила.
Но радость та, которую даете
Вы Вашей близостью, не меньшей полнотою
Отмечена, чем если б применяли
Мы формулу «Плюс 19».
Великолепный Макс Вам завивает кудри
И долгие ведет беседы с Вами.
Как важно он в халате белом
Священнодействует, вооружен щипцами.
Пред Максом дамы никнут в кресле,
А Макс мечтает о далеких странах:
В Париже старые хранят завивок тайны,
В Марселе знойном есть щипцы другие.
Уменье завивать — великое искусство,
Воздушность нежная кудрей блондинок,
Волос шатенок медь, их разные отливы
И черных тьма волос, в которую, как в бездну,
Бодлер низвергся в страстные мгновенья, —
Различных требуют усилий пальцев,
Накала разного щипцов горячих,

Различных чувств и разного дыханья.
И горько видеть пламенному Максу
Падение великого искусства.
Когда девчонки вздорные вертят щипцами,
Болтая глупости, без трепета, без чувства.
И даже Вы, свое жалея время,
Бежали как-то завиваться к Ане.
И можно ль вынести, когда надменно
Приходит дама некая, не зная
Искусства тайн, прической недовольна,
Грозится жаловаться мужу из райкома.
И не излечит Макса сердце
Дом отдыха в Инорце дальнем —
Те ж мысли грустные всплывают роем
За сытным завтраком, в прогулке скорбной
Под струй журчанье тихого Инорца,
И Макс письмо Вам нежное напишет.
Он пригласит Вас посетить Инорец,
Чтоб сделать Вам отменную прическу
И облегчить при этом горестную душу.
Вот девичья кровать. О, очень-очень редко
На ней бывали мы вдвоем. Не так обычно
Любовники ведут себя в романах, в жизни.
Но мы близки по-своему. И радость
Даем друг другу с нежностью и страстью
Не меньшую, чем та, которой дышат
Любовники другие в прошлом и грядущем.
Читали редко мы стихи и прозу.
Когда-то в Римини Паоло и Франческо
Оставили страницы Лангелота,
Как мы, другие предпочтя занятия.
Мы месяцами книг не раскрывали.
Ворчали Вы. Но только мы встречались,
Рука искала руку, губы — губы,
Как будто мы вознаграждать хотели
Себя за много лет, ушедших без возврата.
Любви игрой чудесной занимались
Мы медленно и долго шли к сближенью.
Сперва я гладил маленькие груди,
Потом спускаться руки стали ниже —
Так говорил в Ромео и Джульетте
У Шекспира блистательный Меркуцио.

Затем у двери милое стоянье —
О, не смущаясь, я пишу об этом —
Увидеть нас могли телефонистки,
Когда бы мы стояли у окошка.
И дверь — вы помните — так плохо закрывалась,
Необходима ей была опора.
И помните — с смущеньем непритворным
Сказали Вы: надеть мне надо
Другую юбку — этак так узка мне...
О, мелочи любовных происшествий!
Подробности нескромные свиданий
При новой встрече вспоминать так мило,
И повторяешь их любовно и охотно.
В измятом платье Вам было неловко.
Казалось Вам, что о причине складок
На платье догадаются тотчас же.
Да, глаз внимательный и опытный к тому же.
Логические пользуя фигуры
(Зачет по логике и Вам сдавать придется).
Построят вывод о причине складок.
Поэтому утюг скользил по платью —
Вам выпадала лишняя работа.
А героини Франса наставленью
(О том, что при занятиях любовных
Снять платье экономно и разумно)
Вы не могли последовать. Бывало
Стучались к Вам непрошенно студенты.
Да и в других условиях Вы предпочитали
Утюг горячий наставленью Франса
(Воспоминания совсем свежи об этом).

VI

Маруся поверяет Вам секреты —
Бинокль отдать ли ей тому, кто сердце
С биноклем отдал ей. Но сердце
Вернуть пришлось, бинокль отдать так жалко!
Мы с Вами — помните — в бинокль смотрели...
О, мира приближенье так занято!
Машины движутся по дамбе,
Трамвай пошел к далекому Вогрэсу,
Идут по рельсам люди деловито...

Простые радости приятны сердцу.
И Ваш совет — бинокль давать не надо.
Пальто Марусе сшить с какой подкладкой —
Участье Ваше в этом деле нужно.
И в магазин придется Вам поехать.
С симпатией пишу я эти строки.
С воспоминанием веселым о свиданьи
В Петровском сквере вместо Вас с Марусей.
Увы, не клеются ее романы.
Поклонник новый не любовью пылкой,
А горестью охвачен, проклиная
Воров, очистивших его квартиру.
И письма из Кирсанова так редки.
Но новые сердца Маруся завоюет.
Пусть без биноклей, но с горячей страстью.
И это будет скоро. Я уверен в этом.
Хозяйственные разные советы
Ивана Яковлича Вам полезны будут.
На крышу он критически посмотрит..
Как хорошо, что Вам не страшны ливни!
И кровельным работам предаваться
Не надо Вам, как это было в прошлом.
Шульженко явится к Вам с шоколадной плиткой
И с сердцем, склонным к нежной страсти.
Но женское познает он коварство:
Хоть съеден шоколад, ответной страсти нету.
Вы без смущения идете на свиданье...
Но не спасетесь бегством от визита
Нежданного Полины... Излияний
Она обрушит в Ваши уши ведро.
Расскажет обо всем — и о своих костюмах.
О невозможности физической иметь ребенка.
А пасынок ее какой хороший.
С великосветскими манерами кладет он мясо
С своей тарелки прямо ей — Полине.
Изысканностью тонкою пленяя.
Уж полночь близится, Полина не уходит.
Печаль мелодии я вспоминаю Лизы.
Но с содержанием иным... О вечере пропащем
Вы мне расскажете со вздохами и смехом.
Нам выпала томительная участь
Идти по жизни в бури лихолетья.

Глядеть на череп и узор развалин
И в годы быстролетные затишья
Ждать нового удара страшной бури.
Не оттого ль возникла наша близость
С любовью светлою и дружбой страстной?
В любовной дрожи, в разговоре миллом,
Целуясь иль идя друг с другом рядом,
Наедине иль в обществе с другими,
Мы чувствуем, что нет совсем меж нами
Стены стеклянной, но прочней гранита,
Которая стоит между людьми обычно,
Что мы близки и мыслями, и телом.
Да ведь всегда, во всякие эпохи,
Не сознавая, люди ищут друга,
С которым вместе радостно и просто.
Уже прошли четыре долгих года
Со дня сентябрьского, когда мы повстречались.
Прозрачной ясностью был полон день осенний.
Мы шли по насыпи — дорога эта
Нам много раз потом знакомой будет.
У дерева с листвою золотую
Вновь руки наши встретились любовно,
Мы вновь охвачены волной влекущей,
И словно не было двух лет разлуки,
И не нужны были слова упрека,
И было ясно — никакого смысла
Нет в том, чтоб каждый шел дорогой жизни,
Не зная тех больших любви и дружбы,
Которые судьба не всем, увы, вручает.
Я помню встречи на лугу осеннем,
Ориентиром был мне дым Вогрэса,
В тропинках путаных нетрудно заблудиться.
И помните — как встретились мы дважды.
Идя обратно по витым тропинкам,
Надежду вовсе потеряв на встречу?
Бродили мы с рукой в руке, над нами
В вечернем небе загорались звезды:
Вот перевернутое «М» Кассиопеи,
А вот Персей со страстью наклонился,
Чтоб броситься к плененной Андромеде,
Вот там, вдали, багровый блеск Арктура,
А вот струится ровное сиянье

Сатурна древнего, столь чтимого волхвами.
И кто рожден под этим ясным светом,
Тот обречен судьбой на горести и скорби,
Но астрономии — науки древней — знанья
Усваивались Вами, к сожаленью, плохо.
Одну Венеру знали Вы отлично.
Звезда-прекрасная на Западе угасшем
Над правым берегом светила грустным светом
И тихо вниз спускалась к серой мгле развалин
Всё ниже, ниже... Надо расставаться,
Условившись о встрече новой,
Идти домой с душою, полной Вами.
По улицам Крестьянской, Пролетарской.
У сада Дурова беря крутые склоны,
Бродили мы с рукой в руке часами.
Мы останавливались. С нежностью безмерной,
Совсем одни, стояло долго рядом.
И тихие минуты, как снежинки
В безветрии, над нами пролетали.
Потом пора настала встреч у тети.
Сидели чинно мы. Ведь каждую минуту
Могли войти Тамара, Ира и смутиться,
Увидев старших странные занятия.
И целовались редко мы, читая
Волнующие, вечные страницы.
Читали мы и Тютчева, и Фета,
Кирпич² нередко нами раскрывался,
И светлые ахматовские строки
О горечи любви мы повторяли.
А Пушкина бесценные творенья
Давали нам волнующую радость.
На пире темном пела песню Мери
О том, что и на небе не разлюбит Дженни,
Покинутого милого Эдмонда,
И возглашал стихами председатель
Великий гимн чуме могучей.
Сверкал мелодией неповторимой Моцарт
Под мрачным взглядом строгого Сальери...
О, если б Моцарт заиграл и нынче,
Сальери из отдела пропаганды

---

² Речь идет об антологии «Русская поэзия XX века» под редакцией И. Ежова и Е. Шамурина издания (1925).

Укажут строго на постановление
Об опере злосчастной Мурадели.
Ведь Моцарта веселое звучанье
Строительству нисколько не созвучно.
Чеканкой чудной Каменного гостя
Мы восторгались, чтение прерывая.
Во власти страсти грешной Донна-Анна,
И Дон-Жуан, еще не зная Фрейда,
Идет наверняка к заветной цели,
Не думая о каменном пожатыи.
Но я закончу действие иначе —
Любовникам, пьянеющим от страсти,
Пригрезился и шаг тяжелый
По лестнице, и статуи явленье
Убитого болвана Командора.
То было в миг, когда с прекрасной Анны
Покровы лишние Жуаном были сняты
И к ложу влек ее любовник страстный.
— Жуан! Здесь Командор, мне страшно.
— Любимая, стоит он на кладбище,
В могиле его тело съели черви.
И тем нежней горячие объятья
Любовников в постели благовонной.
Пройдут десятки лет. И Анна,
Ханжой-старухой перебирая четки
Под заунывное звучание органа,
Вдруг вспомнит ночь, когда науке сладкой,
Ее любви учил убийца мужа.
Но часто Блока мы предпочитали
Другим поэтам. В юности далекой
Я Блока напевал в потоках улиц.
И Вы любили тихую прозрачность
Напевов Блока, легких и печальных.
Колдун весну качал в косматых лапах,
Кармен скользкой поступью скользила.

VII

В четверг и понедельник вечерами
Вы занимаетесь марксизмом-ленинизмом.
О Вашем выступлении прошлогоднем
Весь факультет хранит с восторгом память.

Вы осветили темные подвалы
Непроходимых лабиринтов диамата.
И слушатели спящие проснулись...
Как жалко было, лишь звонок раздался!..
Но у меня иные воспоминанья —
Я провожаю Вас. В морозный вечер
Катим мы вниз в шестерке, громыхая,
С рукой в руке, друг к другу близко-близко.
Я снова поднимаюсь на шестерке,
А Вы уходите во мглу ночную,
Как дама Блока, тихо и печально.
Другое воспоминанье — в раздевалку
Несутся люди, прочь, на свежий воздух.
От Лосева одно спасенье — бегство,
Не то заснешь, или, тоской охвачен.
Всё в жизни будешь видеть в черном свете.
Я жду внизу Вас. В улицах вечерних
Идем мы быстро, и на срок короткий
Я захожу к Вам. И внезапно
Влеченьем мы охвачены любовным.
Вновь отодвинута в сторонку табуретка.
И, кажется, измятым будет платье —
Заботиться об этом нету смысла.
Зато как хорошо, что Вы так близко.
Вы хорошеете, я чувствую с восторгом
Ответное желание и нежность,
И трудно оторваться друг от друга.
И снова понедельник иль четверг. И снова
Обычные, знакомые картины:
Остроты Бернадинера, и встречи
С знакомыми, которых здесь так много.
И борется Маруся рядом с Вами
С коварным сном. А где-то за шторкой
Спит Анна Фёдоровна младенца сном легчайшим.
На переменах сна как не бывало.
Вы с Щавелевым легким разговором
Захвачены или с другим знакомым
Беседу интересную ведете.
А в нынешнем году и я пред Вами
Торжественно и чинно выступаю,
Отбросив легкомыслие (советам
Я Вашим следую серьезно и упорно).

И радостно мне чувствовать, что близко
Есть женщина, с которой можно
Беседовать любовно и открыто,
С которой на всю жизнь я связан
Хорошей дружбою и крепкою любовью.

VIII

Я помню, как Вы девочкой-студенткой
С застенчивостью угловатой проходили
В университетских коридорах шумных.
Вам поверяли так охотно тайны
И большеротая Маруся Векслер
С влюбленностью большой и бестолковой
В создателя поэмы этой,
И круглолицая Филоненко, и Женя
Самохина с претензией на тайны,
Красивым фразам преданная дева.
Таинственный товарищ Красный,
Плененный ею, пролетел, как демон,
На нашем горизонте и скатился в бездну.
Уж начинал писать стихи и письма
Поль Гавердовский. Вы еще не знали,
Что минет двадцать лет, и Вам придется
Грустить за чтением многостраничных писем,
И не кокетливой направит Вере
Мильоны излияний Гавердовский,
А другу скромному, которому возможно
Всё о себе сказать и скучно и подробно.
Маруся Ярцева Вам раскрывала сердце
И грустною улыбкой улыбалась
В предчувствии грядущих бурь и бедствий.
Их было много, тех, которые охотно
Вас делали наперсницей желанной.
С тех давних пор мы связаны большою дружбой,
При встречах наших просто, откровенно
Мы говорили о вещах различных.
И полтора прошли десятилетия
В таком общении дружеском и миллом,
Пока по-новому мы близкими не стали
И не согрелись близостью телесной.
Вы уж не девочка, а женщина, и надо

Для дружбы полноты с мужчиной-другом
Ему отдать себя и взять его любовно,
И это так у нас и получилось,
Хоть путь был долог и извилист.
Вы с разными людьми встречались:
Я Вам раскрою дон-жуанский список.
Когда-то выступал пред Вами Кирик
В пенсне, с намереньем совсем серьезным,
И участь добродетельной матроны
Иль Ольги Лариной могла Вам выпасть.
Сергей Борисович так много дал Вам
Чудесных дней, наполненных стихами
И легкостью общенья, что зовется
Игрой серьезной. Бернадинер
Когда-то к Вам повадился, пытаясь
Включить Вас в свой жуанский список,
Но не имел, увы, того успеха,
К которому стремился столь упорно.
Евгений Оттович с приятнью светлой
Плядел на Вас, и томик милый
Стихов верленовских моим стал другом,
И Виктор Иванов, явившись в гости,
Вас покидал с восходом солнца.
Но образом далеким, незабвенным
Запечатлен в жуанском списке Осип
С чудесным даром поисков за словом.
В незабываемых стихах одолевал он
Косноязычье мыслей и завалы речи.
Храните строк рифмованных богатство
И, их читая, вспоминайте с грустью
Москву и Дмитров, долгие прогулки,
Влюбленность вдохновенную поэта,
Его причуды, неуменье сжиться
С действительностью жесткой и жестокой.
Через десяток леток засесть Вам надо
За медленное писанье мемуаров —
Мешать не буду этому занятию —
И Мандельштам в записках Ваших
Вновь голову поднимет дерзко.
И вот Борис в жуанском Вашем списке:
Узнали Вы любви простую радость,
То, чем заканчивал Жуан победу.

Вы как-то откровенно признавались,
Что вспоминаете с улыбкой ночи,
Проведенные в близости с Борисом,
Когда уменье и инициативу
Неплохо проявляли Вы и сами
В Овидием описанном искусстве,
Любви искусстве, столь простом и сложном.
Но то, что было сущностью в общении
С Сергеем Борисычем и с милым Манделштамом,
Того Борис Вам дать не мог, конечно,
И Ваш разрыв был так закономерен.
И, наконец, встает в воспоминаньи
Печальный образ Феденьки. Так много
Картин из прошлого встает пред Вами:
Цветы из Ботанического сада...

1947–1948

«Souvenir, souvenir, que me veux tu?»

P. Verlaine.

(«Воспоминанье, чего ты от меня хочешь?» — первая строка одного из сонетов Верлена)

Ты можешь ли угаснуть, воспоминанье —
Дня марта помню чистое сиянье,
Улыбки Вашей тихое мерцанье
И тонких рук любимые касанья.

Мы вспоминали встречи прошлых лет..
И вот уже прощанья шлем привет.
Я много раз шептал «люблю» Вам вслед,
С огромной нежностью глядел Вам вслед.

Ты можешь ли угаснуть, воспоминанье?
О, много в жизни горечи прощанья,
И счастья полного на свете вовсе нет.

Но наше скромное весеннее свиданье
Полно всё тем же светлым обаяньем
Любви и дружбы долгих-долгих лет.

Незабываем тихий трепет встреч,
Любовной близости огонь забываем.
Пускай любви так небогата речь,
Слова нам нужные уже мы твердо знаем.

Чудесный дар так радостно беречь —
И образ милый жив и осязаем.
Туманной осенью или зеленым маем
Всё так же нежен ветер наших встреч.

Минуты горечи и месяцы разлуки
Пройдут над нами временной волной.
Но знаю я: ты ждешь, любима мной,

Полнее радость после слез и муки,
И днем сияющим иль в тишине ночной
Обнимут крепче и любовней руки.

9 апреля 1949

ДВА СОНЕТА О ВАШЕМ КОТЕ

I

Ему бы выходить из тихой мглы пещер.
Бродить вкруг древнего людского стана.
Ему бы прятаться в тиши портьер
В главе старинного и страшного романа.

О чем он думает — загадочно, туманно?
Недаром он, как тихий призрак, сер.
Кошачьих тайну глаз изобразил Бодлер.
Иль вспомните страницы Мопассана.

Но если в душу поглядеть кота, —
О, я боюсь, уйдет очарованье...
Неловко будет нам — пустейшие желанья:

Поесть, поспать — главнейшая мечта
И, лишь ночная ляжет темнота,
Бежать на крышу к даме на свиданье.

II

Не наречен хозяйкой в колыбели
Он ни Мурлыкою, ни Васьюкою-котом,
Его космополитить не посмели
Зазорной кличкой — Джерри, Том.

Остался просто кот он... И о том
Ни капельки потом не пожалели.
Он серо-дымчат в тоне акварели
И плут, как все коты, притом.

Вам доставляет многие волненья —
Хитрец большой, хоть он и очень прост.
Мечась по комнате во весь кошачий рост,

Нарушит Ваши ночью сновиденья.
И полон он неодолимой ленью,
Когда уснет, уткнувшись носом в хвост.

21 апреля 1949

Даниил ЗАСЛАВСКИЙ

ПАМЯТИ Н. Е. ШТЕМПЕЛЬ

Когда-нибудь на грани двух миров
Мы встретимся, и в этом нет сомненья,
Над бездною колодезных дворов,
Под пепельною непроглядной тенью,
Откуда мы рассмотрим старый дом,
В земных туманах видимый с трудом.
Конечно, не барокко — стиль барака!
Но арка, и рябина за оградой,
И лестница, и дверь, и гость во фраке,

Впервые: Университетская муза. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1991. С. 106.

В руках цветы — ему душевно рады...
Да нет, не так! — Я нервно мял берет
И от смущенья нес невнятный бред.
Когда-нибудь на грани двух времен
Мы вспомним перемену декораций
В спектакле, где герой всегда влюблен
И трепетен, но в зале нет оваций:
Все зрители погружены во тьму,
А режиссер не виден никому.
Застыла девочка неповторимых лет,
Легко сбежав по лестнице спиральной,
И с нею брат — красавец и кадет,
И жив поэт на снимке моментальном:
В английское пальто он облачен,
Но по глазам читаю: обречен.
Когда-нибудь в скрещении дорог
Над свалкой тел, растерзанных навечно,
Увидим ход простых крестьянских дроз,
Услышим плач надсадный, бесконечный.
Сияют облака. Спят снега.
От солнца розовеют берега.
Но музыка, звучавшая в тот вечер,
Трагическим не разделила нас,
И каждый беззаботен был и весел,
Таинственной мелодии дивясь.
Жаль, этот день теряется вдали,
Но виден путь, которым Вы ушли.
Храни, судьба, осиротевший дом,
Где так печальна девочка на фото,
Чьи дни — не перелистанный альбом,
А сердца совершенная работа.
И час придет, услышать мне дано:
•В путь, Даниил, нас ждут друзья давно!•

1989 г.

Аркадий СЛУЦКИЙ

*Часто пишется — казнь, а читается правильно — песнь.
Может быть, простота — уязвимая смертью болезнь?
О. Мандельштам*

Я читал Мандельштама. Но падал на решку пятак —
Бирюзовый учитель, сверчок, попрыгунчик, дурак.
По чужим общежитьям. На старых и рваных матрацах
Я зачем-то учил свою душу летать и смеяться.

Я читал Мандельштама. И пил за Воронеж вино,
Проворонишь сегодня — а завтра вернуть не дано.
Ни Армения охрой, ни привкус, ни злой шепоток
Предварительных камер, ни синего неба плоток

Не спасут от матрацев, от запахов, от кутерьмы —
От опальной и южной, сырой, тонкогубой зимы.
Что сплошной Петербург от некрополя и до Невы? —
Ни словца в кулачек, ни хулы, ни любви, ни молвы —

Там сквозняк переводов, озноб ненаписанных строк —
Там сверчок ненароком — а может быть, просто урок,
Повторенье азов, понизовье азовских станиц —
Там кочевья поэтов, зимовье встревоженных птиц.

Я сюда не хотел. Ни строкою, ни временем вспять —
Возвращают из ссылок, чтоб снова однажды сослать.
Он туда не хотел. Там не пахнет жильем и жилым —
Мимо времени вспять. Только как возвратиться живым?

1965–2001

НАТАЛЬЕ ЕВГЕНЬЕВНЕ ШТЕМПЕЛЬ

И расставаться с ними непосильно.

О. Мандельштам

Я часто вспоминаю этот дом,
Я забываю этот дом с трудом —
Странноприимный дом моих стихов и странствий. —
Мне хочется с хозяйкой поболтать,
Прочсть стихи, но лучше помолчать.
Ведь за окном октябрь, и скоро быть ненастью.
Как нас меняет этот долгий мир,
Как вечность медленна, как быстротечен миг,
Как с каждым днем грустнее наши лета!
Но наступает ненароком час
Любви и верности. Тогда спасает нас
До боли памятный зеленый томик Фета.

1975

Галина УМЫВАКИНА

ПАМЯТИ НАТАШИ

Она идет, чуть-чуть опережая

Подругу быструю и юношу-погодка...

О. М.

Штемпель Наталья Евгеньевна,
вот и окончен Ваш путь.
Бога едва ли прогневали —
можно теперь отдохнуть.

Шли вы по хляби, как по суху,
многим из нас не чета,
подвига Вашего, послуха
вышло полвека, считай.

Шли вы сестрой милосердною
в пекло. — А как не идти?!
Каждая строчка предсмертная
Вас окликала в пути.

Там, где спасешься, схоронишься
вряд ли. — огонь по живым! —
шли. И тетрадей Воронежских
не было б, если б не Вы.

Города ль милого зарево,
век ли пожаром объят —
шли... Да неужто не знали Вы:
рукописи не горят?!

Ах, сколь не знали Вы важного:
были другие ушлы.
С Вашей великой поклажею
легкой походкою шли.

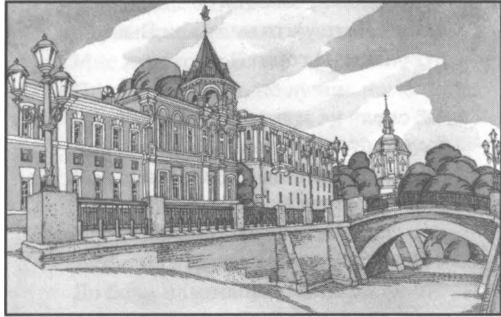
С Вашей безмерною ношею,
что не по силам иным,
шли, где давно б обезножели
умники и топтуны.

С Вашей фамилией зыбкою, —
кто у нас нынче не спец? —
с детской Вашей улыбкою
так и дошли, наконец.

Штемпель Наталья Евгеньевна,
где Вы? Должно быть, в раю.
И голосистые гении
приняли Вас как свою.

Имени можно не спрашивать:
вот оно — на корешке
книги спасенной Наташиной
в маленькой Вашей руке.

1991

ПАМЯТИ ВИКТОРА ГОРДИНА

Александр КРЮКОВ

«ОН МЕЖДУ НАМИ ЖИЛ...»

Милый Витя!

Прости, я так и не привык называть тебя по отчеству. Когда знаешь человека чуть не с детства, отчество как-то забывается.

Я так давно не писал тебе, наверное, лет пятнадцать, со времени моей тверской жизни. Да и зачем писать, когда жили в одном городе, дружили домами, встречались у общих знакомых, на службе...

И всегда нам не хватало времени, чтоб договорить, чтобы всё рассказать друг другу.

Скажу теперь, перебирая годы, встречи, разлуки...

Помню, будто вчера, как лет тридцать назад снежным солнечным январем шли мы вчетвером из Березовой рощи, смеялись и пели, радуясь собственной молодости, беспечные и веселые. Помню еще студенческие годы, как ты у меня на Фонтанке в Ленинграде весело болтаешь по-французски с моей приятельницей, а я, понимая что-то с пятого на десятое, ублажаю вас горячим чаем. Помню белые ночи, мы усталые, но счастливые возвращаемся по Невской набережной домой...

Много еще помню, многое хочется сказать.

Скажу главное, что не успел, что всегда надо говорить людям при жизни. Прости!

Ты был лучше нас. В тебе была свобода воспитанного человека. Ты привлекал людей редкой деликатностью и тактом, находчивостью и остроумием. В твоих шутках никогда не было желчи и яда. Ты был добр, как и подобает человеку.

Ты всегда был открыт людям, честен и смел. Твое мужество не было показным и ординарным. Я не помню, чтобы ты оскорбил или обидел кого-то. Я не помню ни одного дурного слова, сказанного тобой.

Твое мужество было действенным. В те давние времена, когда о поэзии Осипа Мандельштама говорили в основном полусшепотом и у него не было такого количества диссертационных поклонников, ты вместе с Наталией Евгеньевной Штемпель, сохранившей для нас рукописи поэта, отыскал все воронежские адреса Мандельштама, ты всюду прошел собственными ногами, не задумываясь о возможных неприятностях.

Помню, как мне позвонила из Москвы Эмма Григорьевна Герштейн, прекрасный литературовед, современница Ахматовой

и Манделъштама: «Саша, у меня был Гордин, он мне очень понравился, а вы что о нем думаете?» И я сказал, Витя, всё, что думаю,

Эмме Пригорьевне, но почему-то не сказал тебе.

Жизнь Осипа Манделъштама в Воронеже стала частью твоей жизни. Ты, химик по образованию, опередил тут краеведов, филологов, историков. Теперь по следам, проложенным тобой, идут другие, но ты был первым. Эта работа не была для тебя легкой, ты ошибался, учился на ходу, вовсе не думая о каком-то признании. Это была работа твоей души.

Пришло признание, но ты не изменился ни в чем. Мне рассказывали про тебя в Москве и Ленинграде, твои фотографии смотрели в Париже и Лондоне, и я гордился нашей дружбой, гордился, что ты поддерживал честь нашего города. Твои материалы и фотографии вошли во многие книги Манделъштама и о Манделъштаме.

Манделъштамовский Воронеж — это в значительной степени дело твоих рук. Мы видим его теперь твоими глазами. И изменить что-либо уже невозможно.

Я вижу тебя молодым, лохматым и веселым.

Многие вспоминают тебя, многие могут рассказать о тебе по-другому. Я пишу, как умею, как вспомнилось.

Смерть невозможно предупредить и отодвинуть, единственное, что утешает меня: ты успел оставить добрую память. Это удастся не многим!

Начало февраля 1992 года.

Э. Г. ГЕРШТЕЙН

ПИСЬМА Н. В. И А. В. ГОРДИНЫМ

Дорогие!

Потрясена гибелью Виктора. Он, всегда такой спокойный и собранный, попал в такую беду. Невозможно представить себе этот ужас.

Видимо, женское сердце всегда что-то чувствует — Вам так не хотелось, милая, бедная Нелли, уезжать. А на тебя, на твои плечи, Алик, теперь ложится тяжелая ноша. Ты теперь опора семьи. Но ты справишься с горем, ты — человек сильный, с глубокой душой.

Напишите мне подробно, как вы теперь будете жить и как здоровье вас всех.

Крепко обнимаю.

*Э. Герштейн.
27/II 92*

Милая Нелли,

Пользуюсь оказией, чтобы передать Вам привет. Хочется сказать, что помню и часто думаю: как-то Вы персонально там уравновесили свою жизнь?

Я об Алике думаю отдельно как об интеллектуальной величине и как о друге своего отца, с которым вместе появлялся у меня.

Виктора вспоминаю часто и оплакиваю.

Кстати: когда он еще из Воронежа ездил в Англию, в Брайтоне он по моей рекомендации познакомился с Татьяной Максимовной Литвиновой. Она очень тепло его вспоминает.

Пусть Алик напишет мне письмо по существу его интересов. И вообще о себе.

Целую и обнимаю Вас лично, и всех троих вместе, хотя младшего Вашего почти не знаю.

Э. Герштейн.

Владимир МИКУШЕВИЧ

БЛАГОРОДНОЕ СОБРАНИЕ

Виктору Гордину

Таинственные зеркала,
Где неуловимая птица
Клеймит бестелесные лица
Невидимым взмахом крыла:

Таинственные зеркала, —
Которыми заживо пойман
Мертвец, для которого пройма —
Окно, за которым зола;

Таинственные зеркала,
Где тешится до перекура
Бессмертная номенклатура
Расстрелами из-за угла;

Таинственные зеркала,
Где длится еще без наркоза
И судорога виртуоза,
И смех торжествующий зла;

Таинственные зеркала;
Кого только не истязала
Команда Колонного зала,
Насмешка его и хвала;

Таинственные зеркала,
Где стадо танцует баранье:
Судьба в Благородном Собрание
Мой профиль мелькать обрела.

1991

Галина УМЫВАКИНА

Речи толкали, рядом сидели,
песенки пели, взгляды ловили...
Ира — в Сиэтле, Феликс — в Сиднее,
Нелка — и кто там еще! — в Тель-Авиве.

С запада ветер или с востока,
дождик ли с юга, с севера стужа...
Милые друзья, как мне одиноко!
Боги, о боги, как мне недужно!

Глупое сердце, полно, уймися:
двери закрыли, гитары забрали
Миша с Андреем... Но Лондон, Тбилиси —
уж не такие дальние дали!

Экая новость — стороны света,
хляби земные... Только живите
и отзывайтесь! Да нетути, нету
Гордина Вити, Беляева Вити.

Что ж остается? Верь и надейся —
тут еще много родного народа:
нет никого на полях Елисейских,
всех не сокрыли Летейские воды.

2000

ИЗ ПОЭМЫ «ПЕСНЯ БЕЗ КОНЦА»

...И что-то надо мною нависало,
забвеньем и безумием маня.
Одной рукой я жизнь в огонь бросала,
другой рукой спасала из огня.

.....

Спасла обрезок нашей давней шторы,
уж тридцать лет, поди, которой...
Гляди-ка, а совсем не выцвел даже,
как будто только-только из продажи!
Да! — есть же фото: я на фоне шторы,
открыты плечи, рядом «Ундервуд».
Мне двадцать семь, а в комнате соседней
ребенок ходит шестилетний.
Смотрю на мир с улыбкой гордой...
Меня снимал так часто Витя Гордин!
Сегодня, Витя, вспомнила тебя —
тут в старом доме, где твоя проводка:
все ролики, розетки и круглые такие деревяшки —
я не сожгла их, Витя, а спасла.
Открытая проводка,
и скрученные вдвое провода, —
шел ток по ним, и в доме жизнь текла,
да вытекла неведомо куда...
И смотрит дом проводкою наружу,
как будто дому вывернули душу
иль плоть его срамно оголена.
В Святой Земле твой дом последний, вечный...
Я в память о тебе ношу колечко...

2000

Лев КОСЬКОВ

В. Г.

И снова мы в далеком воскресенье...
Уже ни школы, ни учителей.
Мы вместе с лесом делим упоенье
Свободой и легкостью своей.

Идем туда, куда ведет дорога, —
Как много неба, листьев и цветов!
И нам их блеск и шелест, слава богу,
Пока понятней формул и стихов.

Была пора надежд и ожиданья,
Та бесконечно славная пора,
Что мучила предчувствием познания
Любви и слова, мира и добра.

10 июля 1973

БИБЛИОГРАФИЯ

РАБОТЫ Н.Е. ШТЕМПЕЛЬ.

Мандельштам в Воронеже // Новый мир. 1987. № 10. С. 207–234: факс. (В составе публикации: Осип Мандельштам. Последние творческие годы).

Послесловие к публ.: Мандельштам Н. Воспоминания: (О Мандельштам в Воронеже)/Публ. А. Крюкова // Подъем. 1989. № 5. С. 117–139; № 6. С. 116–138. (Отклик см.: Лимановский А. [Письмо в редакцию] // Подъем. 1990. № 3. С. 235–237. (Нам, из другого поколения...: О Мандельштаме).

Автобиография // ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА: Воспоминания. Материалы к биограф. «Новые стихи». Коммент. Исслед. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. С. 531–538.

Воронежские адреса Мандельштама/Публ. и послесл. П. Нерлера // Литературная учеба. 1991. № 1 С. 161, 163–170, 171–181: портр.

Штемпель Н. Мандельштам в Воронеже: Воспоминания. Вступ. ст. Д. Заславского; Сост. В. Гыдова, П. Нерлера; Подгот. текста и примеч. В. Гыдова. М.: [Обновление], 1992. 146 с., 2 л. ил., факс. на 4-й с. обл.

Штемпель Н. Мандельштам в Воронеже: Воспоминания // Штемпель Н. Мандельштам в Воронеже: Воспоминания/М., 1992. 15–70.

Из писем Н.Е. Штемпель [к П.М. Нерлеру и В.Н. Гыдову] // Штемпель Н. Мандельштам в Воронеже: Воспоминания. М., 1992. С. 97–111.

Мандельштам в Воронеже. Воспоминания // Осип Мандельштам и его время/Сост., авт. коммент. Е. Нечепорук и В. Крейд; Предисл. В. Крейда; Послесл. Е. Нечепорука; М.: L'Age d'Homme – Наш дом, 1995. С. 369–390 (фрагменты).

ЛИТЕРАТУРА О Н.Е. ШТЕМПЕЛЬ.

Танклевская А. Заседание кружка [«Воронежский библиофил», посвященное О. Манделъштаму] // Воронеж. ун-т. 1987. 25 мая.

Сажин В. Слово о третьей плакальщице: [Памяти Н. Штемпель] // РМ: Лит. прил. Париж, 1991. 28 июня. № 12. С. XVI.

Стародубцева Е. Воронежские страницы: Памяти О.Э. Манделъштама // Вечерняя Одесса. 1991. 18 декабря. С. 2.

Заславский Д. Гений дружбы // Штемпель Н. Манделъштам в Воронеже: Воспоминания. М., 1992. С. 3–14.

Ярцева М. О моей дружбе с Натальей Евгеньевной Штемпель: Мои встречи с О.Э. и Н.Я. Манделъштам // Штемпель Н. Манделъштам в Воронеже: Воспоминания. М., 1992. С. 112–121.

Ласунский О. Под незакатной звездой Манделъштама // Независимый курьер. Воронеж, 1992. № 1. 9 окт. С. 4 (Рец. на кн.: Штемпель Н. Манделъштам в Воронеже: Воспоминания. М., 1992.)

Мартыненко О. «Ося у вас получился живой» // Моск. новости. 1992. 1 нояб. С. 22. (Рец. на кн.: Штемпель Н. Манделъштам в Воронеже: Воспоминания. М., 1992.)

Ласунский О. Литературные прогулки по Воронежу. Изд. 2-е. Воронеж, 1993. С. 333–338.

Заславский Д. В доме Натальи Евгеньевны Штемпель // Альманах «Кольцовский сквер». Воронеж, 2002. № 2. С. 103–109.

Ласунский О. Литературные прогулки по Воронежу. Изд. 3-е. Воронеж, 2006. С. 116–117, 261–272.

Нерлер П. Воронежская Беатриче: [О Н.Е. Штемпель] // Воронежский курьер. 2007. 12 мая. С. 7. Фото, факс, дарственной надписи О.Э. Манделъштама на книге «Стихотворения» (1928), подаренной Н.Е. Штемпель.

Нерлер П. В поисках концепции: книга Надежды Манделъштам об Анне Ахматовой на фоне переписки с современниками [ч. V. Воронежская Беатриче] // Манделъштам Н. Об Ахматовой. М.: Новое издательство, 2007. С. 7–108.

Манделъштам Н.Я. Переписка с Н.Е. Штемпель // Манделъштам Н. Об Ахматовой. М.: Новое издательство, 2007. С. 334–421.

Силин В.В. «Ангел мой» // Летописцы из «Коммуны». Воронеж: Изд. дом «Коммуна», 2007. С. 192–204.

Ботникова А.Б. Единственный в Воронеже дом // Воронежский курьер. 2008. № 46. 26 апр.

ЛИТЕРАТУРА О СТИХАХ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА,
ПОСВЯЩЕННЫХ Н. Е. ШТЕМПЕЛЬ

Буров С. К. К вопросу об интертекстуальном прочтении стихотворений О. Мандельштама, обращенных к Н. Е. Штемпель // Воронежский период в жизни и творчестве О. Мандельштама. Воронеж, 1991. С. 31–34.

Хазан В. И. «И это будет вечно начинаться» (О стихотворении О. Мандельштама «К пустой земле неволью припадая...») // О Мандельштаме: [Сб. докл.] Даугавпилс: Даугавпилс. пед. ин-т, 1991. С. 36–41.

Павлов М. С. К теме движения в поэзии Мандельштама: семантика шага в стихах к Н. Е. Штемпель // Столетие Мандельштама: Материалы симп. / Ред.-сост. Р. Айзелвуд и Д. Майерс; Обл. М. Беломлинского; Использован силуэт работы Е. Крутиковой. Тенесси: Эрмитаж, 1994. С. 173–182.

**«Ясная Наташа»
Осип Манделъштам и Наталья Штемпель**

Составители П. Нерлер и Н. Гурдина
Научный редактор С. Василенко
Предисловие П. Нерлера

Формат 60×90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная. 23.25 у.п.л.
Тираж 700 экз. Заказ № 141

Издательский дом «Кварта»
Главный редактор Ю. Полевой.
Художник О. Синякина
Верстка Д. Дубинин.
394077, Воронеж-77, а/я 90.

Отпечатано в типографии
ООО «АКО-ПРИНТ»
117218, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 25, корп. 97

Распространение: (495) 782 7054

Д

К автору...
 Писатель...
 О...
 К...
 В...
 П...
 О...
 Д...
 К...

Г

В...
 К...
 С...
 П...
 В...
 К...
 С...
 П...
 В...

4. 18

Б